

КНИГА ПЕРВАЯ

«ВНЕ ИГРЫ»

Бывшей жене моей Ксении Михайловне
(Асеньке) Великановой посвящаю свою
первую ненаучную книгу. Автор.

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

Однажды семидесятисемилетний деревенский дед, в доме которого я долгое время жил в ссылке, наслушавшись наших разговоров о лагерях, — а почти все, кто приходил к нам тогда, в отличие от меня попали в ссылку после лагеря "навечно", — не выдержал, просунул не совсем еще седую голову в дверь, соединявшую горницу, где мы жили, с кухней, где он располагался с бабкой, и сказал раздумчиво, резко и вполне уверенно:

— А я, граждане, так считаю. Это потому так много людей сидеть и потому такие большие строка дают, что строить надо, а денег нет.

Все присутствующие, люди весьма опытные, были заметно смущены подобной прямоотой суждений и начали как-то вяло возражать ему. Тем более, всем было известно, что дедов зять работает в райкоме. Но дед не унимался. По всему чувствовалось, что он очень рад своей догадливости: еще бы, такую хитрую механику раскрыл. И как было ему при этом объяснить, что раскрыл он ее не достаточно — иначе бы помалкивал. Боль-

шинство из нас находилось здесь за гораздо более мелкие провинности, чем это высказывание.

Дед был мало сведущ в политике и истории. Когда "весь народ" праздновал семидесятилетие вождя, он сказал: "Нет, тот царь щедрее был. Когда его именины были, он откупил у Абрамовича (был в этой деревне до революции такой лавочник) две сорокаведерные бочки: "Пей, народ!", а этот все боле по радио, да по радио". Но в данном случае он угадал основной принцип сталинизма, основную его черту. Касалось это, конечно, не причин террора — они были сложнее, — а отношения к человеку, который "звучал гордо". Того отношения, которое позволило утилизировать даже террор, а потом — аппетит приходит во время еды — действительно стало одной из причин его невероятного и немислимого расширения.

Гениальный вождь творил, а все остальное было объектом его творчества. Если этот вождь ошибался и идти, допустим, надо было не направо, а налево, то ошибка исправлялась просто: справа ставился пулемет, и все сами собой бросались влево. Вождь даже не утруждал себя тем, чтобы объяснять такие свои странности, молчала о них и руководимая им пропаганда, придумывали объяснения сами люди, ставшие объектом такого творчества. Много помогла им в этом диалектика.

Сергей Георгиевич Мюге ничего не придумывал. Он просто пошел на фронт защищать свою родину, просто попытался защитить профессоров, на которых начались гонения, и когда за это был арестован, то и отнесся к этому факту по себестоимости — как к вопиющему беззаконию. И отнесся к нему, как увидит читатель, вполне адекватно — дурачил эту посягнувшую на него власть как только мог, не принимая ее правил игры, которые она всем навязывала. Конечно, такая независимость от нее отчасти объясняется тем, что он происходит из той среды, на которую с самого начала обрушились все несправедливые удары революции, и от этого он был вовсе чужд революционной романтики. Но это — только отчасти. Думается, что, в основном, поведение Сергея Георгиевича было обусловлено не социальными факторами, а личным характером.

Сергей Георгиевич — биолог, серьезный ученый, специалист по гельминтологии. Страницы, посвященные его научному творчеству, интересны сами по себе и раскрывают всю глубину его увлеченности наукой, серьезность его отношения к ней. Но только разговор заходит о чем-либо другом, и мы снова видим, что автор, подобно многим другим русским людям, — стихийный пародист.

Пародирует же Сергей Георгиевич бесчеловечную тупость сталинщины и ее наследия. Ведет он себя все время так, что она при своей страшности и внушительности предстает в своем естественном облики — смешной и глупой. И он ни разу не преминет возможностью воспользоваться этим обстоятельством; когда — чтобы помочь товарищу по несчастью, когда — просто так, для удовольствия. Ибо, конечно, живет в авторе этой книги неугомонная и авантюрная жилка, которая тоже помогла ему пройти сквозь все страшные испытания с минимальным количеством физических и, тем более, нравственных потерь. Более того — помогала даже — если не понимать это выражение слишком буквально — жить в свое удовольствие. Так он, например, не мог отказать себе в удовольствии приобретать и читать самиздат, из-за чего прокуратура г.Москвы довольно неловко пыталась раздуть крупное дело, в орбиту которого — но никак не Сергеем Георгиевичем — было втянуто много людей, в том числе, как свидетель — и аз многогрешный. Это было, кстати, последним толчком, вытолкнувшим меня в Зарубежье. Как может видеть читатель, с новыми следователями Сергей Георгиевич обращался столь же уважительно, но и остроумно, как и со старыми. В этом ощущении страшного как смешного, в этом открытии смешной природы страшного, по-моему, и заключается секрет обаяния этой книги. Приятно сопереживать человеку, который не теряет внутренней свободы в обстоятельствах, специально придуманных для того, чтобы люди ее теряли. Читая ее, мы как бы освобождаемся. Впрочем, читатель почувствует это сам.

Наум Коржавин.

СТЕПЕНИ СВОБОДЫ

Заклученный мечтает о свободе. Для него все те, кто живет по ту сторону колючей проволоки — "вольняшки". И вольнонаемные служащие, и солдаты, охраняющие лагерь.

Солдат мечтает о свободе, о жизни, не регламентированной жестким распорядком дня и различными уставами.

Наконец, обычный советский человек, не находящийся ни в заключении, ни в армии, часто так же не имеет возможности поступать, как ему хочется. Иногда это связано с нехваткой времени или денег. Иногда мешают другие не зависящие от него обстоятельства — прописка, обязательная работа в государственных учреждениях и т.п. Но чаще всего человек сам создает себе различные ограничения, стараясь не выходить из установившегося ритма условностей, и тем ограничивает свою свободу.

Я испытал все три степени "свободы" — был в заключении, солдатом и обычным человеком. Во всех ситуациях я, по мере сил и возможностей, старался не обременять себя различными табу и руководствоваться в своих поступках прежде всего собственными желаниями. Ведь желания чаще всего возникают по наитию, подчиняясь какому-то внутреннему голосу. Иногда они идут вразрез со здравым смыслом, но столь непреодолимы, что приходится жертвовать здравым смыслом. — И, как ни странно, именно такие поступки в дальнейшем оказывались единственно правильными. Не в этом ли заключается указующий перст судьбы?

В результате я чувствовал себя менее связанным в заключении и в армии, но меньше других ощущал свободу на воле. Формально обусловленные степени свободы не гармонировали у меня с внутренним ее ощущением. Низкая адаптационная способность, неумение и нежелание "жить как все", конечно, не способствовали созданию стойкого благополучия в жизни, но в трагических ситуациях позволяли отделяться не слишком большими потерями.

Мое нежелание подчиняться отдельным канонам в какой-то мере создало мне репутацию человека легкомысленного, на которого трудно положиться. Пусть читатель сам составит об этом мнение.

Я записал отдельные эпизоды своей жизни так, как они мне запомнились. А запомнились они, очевидно, так, как я их воспринимал.

ТРЕВОЖНОЕ ЧУВСТВО

14 июня 1941 года я проснулся со странным чувством. Что-то снилось, но что именно, я не мог вспомнить. Но от сна осталась фатальная уверенность — будет война и голод. Поделился я этой тревогой кое с кем из сверстников, но меня подняли на смех. Оказывается, в этот день в газетях было опубликовано заявление ТАСС, где как раз категорически утверждалось, что войны с Германией не будет. Зная, что оспаривать заявления прессы рискованно, я о своем чувстве больше не распространялся.

Может быть, мое радостное возбуждение (началось!) в день объявления войны 22 июня было вызвано реализацией предчувствия: "А все-таки я был прав!", но, скорее всего, причина заключалась в другом.

Я не был "нормальным советским школьником". В те годы многие взрослые могли быть недовольны советской властью: свежи были в памяти дореволюционные "мирные" времена, перед глазами стояли недавно перенесенный голод, "красный террор" и прочие "прелести" нового времени, но от подрастающего поколения теневые стороны советского режима тщательно скрывались.

Руководствуясь популярной в те времена поговоркой "ребенок — зеркало семьи", родители изо всех сил старались привить детям то, что спускалось по каналам (школа, комсомол, пионерия, пресса) "сверху", именовалось "чертами советского человека" и представляло собой безрассудную веру в справедливость действий партии и правительства, беззаветное обожание "отца народов" и готовность во имя первого и второго жертвовать собой и другими, включая самых близких (пример Павлика Морозова). Донос считался благодетелью, поэтому даже в школе процветало ябедничество, и я замкнулся в себе, предпочитая играть в одиночестве.

Читатель вправе задать вопрос, почему я не попал под общее влияние. У меня на это два ответа. Во-первых, я почти лишен чувства стадности, потребности подражать. Во время войны, например, я оказался единственным некурящим солдатом на весь батальон. Во-вторых, отец сумел привить мне наряду с уважением к любой отдельной личности презрение к толпе, когда каждый, часто теряя здравый смысл, несется по течению.

Однажды я, повинувшись инстинкту стадности, заразившему мальчишек нашего двора, захотел пойти на митинг, который состоялся по какому-то случаю на нашей улице. Отец предложил:

А, знаешь, я ведь на них ни разу не был. (Слукавил, конечно). Если хочешь, я пойду с тобой.

Чтобы я лучше видел ораторов и все, что могло быть интересным, отец посадил меня к себе на плечи.

Ораторы в те времена, да еще в провинции, риторикой не блистали. Плебейские обороты речи, вроде "чего хотят хозяева", были даже модны. Грешили ораторы и против самой элементарной логики. Отец со свойственным ему сарказмом очень ловко выуживал противоречия в их речах и комментировал выражения, которые вызывали аплодисменты, а порой, и ликование толпы. Я тоже ликовал. Но ликовал не адекватно толпе, а ей наперекор. Мои чувства могли быть выражены словами примерно так: "Чему радуетесь? Ведь сказана-то глупость! Если бы вы были такими же наблюдательными, как папа, вы бы только посмеивались". Меня распирало от гордости за отца, который, может быть, единственный в толпе, не поддавался массовому гипнозу.

После митинга отец объяснил в доступных для меня выражениях, что такое массовый гипноз. Может быть, этот эпизод и обусловил впоследствии мой индивидуализм и повлиял на зарождение интереса к гипнозу, а позже и к другим явлениям человеческой психики, получившим название парапсихологии.

БУМАЖНЫЕ СОЛДАТИКИ

В детстве моей любимой игрой были бумажные солдатики. Лет в шесть или семь я получил от отца собственноручно сделанную им первую партию "французов" и "немцев". Он объяснил мне правила игры, которые он разработал вместе со своим братом в детстве. Сначала я играл с отцом, но потом все чаще стал обходиться один (взрослых людей не так просто вовлекать в детские игры). Я дал офицерам фамилии, имена, наделил каждого характером, способностями и внутренним миром. Солдат было много, они делались по трафарету и участвовали только в сражениях и парадах. Со временем, кроме французов, у меня появились и русские белогвардейцы. Это позволило вовлечь в игру соседских мальчишек, которые с удовольствием изготавливали "красных" противников. Теперь у меня был офицерский полк и эмоциональная связь с каждым солдатиком. Поименован был каждый, и игра в солдатики-куклы получила более конкретное выражение — ведь я хорошо представлял быт и нравы дореволюционного офицерства.

А все-таки "первая любовь" оставляет самый глубокий след. Я до сих пор помню бумажные физиономии французских офицеров Бикета, Мутона... И симпатию к Франции сохранил по сей день. Может быть, эта симпатия проскальзывала где-то в разговорах, а, может, за нерусскую фамилию, но в школе меня прозвали французом. Как-то я попытался возразить, но мне с убийственной логикой ответили:

— А разве ты не похож на француза?

Я парировал:

— А ты что, бывал во Франции, знаешь, какие французы?

— Все равно ты не из нашего гнезда, — ответил оппонент, и в этом, видимо, был прав. — Ты не советский.

ИЗ КАКОГО Я ГНЕЗДА

В раннем детстве мне больше всего уделяла внимания бабушка, мамина мама, Евлалия Николаевна Давыдова. Несмотря на пережитые революционные бури и при ее удивительно мягком характере в ней сохранилась традиция, переданная поколениями, — воспитывать детей верными слугами царю и отечеству. Она пела мне старые солдатские песни и рассказывала семейные предания о подвигах наших родственников в различных баталиях.

А рассказывать ей было что. Ее брат, Леонид Николаевич Быков, прославился в Японскую войну — был награжден георгиевским золотым оружием, а к концу Германской имел уже

более двадцати орденов, но особенно бабушка гордилась родственниками своего мужа, Давыдова. Род Давыдовых происходил от татарского хана Давыда Минчака, прямого потомка Чингисхана и Батыя. Семейными узами Давыдовы были связаны с Ермоловым, Раевскими, Сумароковым, Потемкиным. Особым вниманием бабушка наделяла деда своего мужа Дениса Васильевича Давыдова — поэта, одного из организаторов партизанской войны в 1812 году, имя которого носил Ахтырский гусарский полк. По семейным традициям все Давыдовы после Дениса служили в этом полку. В 1914 году, когда младший сын моей бабушки Николай заявил, что, несмотря на свои 16 лет, уйдет воевать, она поехала к Великому князю Константину просить о досрочном зачислении дяди Коли в этот полк.

Вернулся в этот же полк и дедушка, вышедший из него в чине штабс-ротмистра на гражданскую службу, где дослужился до статского советника. Возвращаясь в полк, он, таким образом,

снова съехал с генерала до скромного офицера. Там же в качестве полкового врача оказался и дядя Вадим. Когда весь мужской состав семьи ушел воевать, бабушка с мамой и тетей Марусей переехали в Одессу и поселились в монастыре, превращенном в военный госпиталь. На их кишиневском доме можно было бы повесить вывеску вроде тех, что в следующую войну вывешивались на дверях райкомов комсомола: "Все ушли на фронт".

Отец мой не мог похвастаться русским происхождением. Дед по отцу, Петр Генрихович, считал себя немцем, хотя в его жилах текла и французская кровь. Он закончил Александрийскую сельскохозяйственную академию и стал работать управляющим у мужа своей сестры, который имел в Сумской губернии большие сахарные заводы.

Бабушка Варвара Романовна по национальности была полька. Хотя дед последнее время с ней не жил, она, как и другая бабушка, гордилась родословной своего мужа, ссылаясь на баронский титул кого-то из предков. Но так как я общался с ней меньше, чем с маминной мамой, свою родословную со стороны отца я представляю довольно смутно. Бабушка Варя хорошо играла на пианино и давала частные уроки музыки, однако привить любовь к музыке мне она так и не сумела. Что сыграло в этом решающую роль — отсутствие музыкального слуха или пианино — я не знаю.

Отец хорошо знал языки. Немецкий и французский — с детства, английский выучил самостоятельно, но так, что даже думал на нем; итальянский, испанский и еще какие-то он знал хуже. Лет с пяти начали пичкать языками и меня. Отец — английским и немецким, бабушка Лаля — французским. Но проку было мало. Тогда, решив, что "нет пророка в своем отечестве", наняли учительницу. Я, негодуя, что вместо игр надо заниматься нудным делом, невзлюбил языки на всю жизнь, в чем теперь искренне раскаиваюсь.

После революции устроиться на работу в Одессе было довольно трудно. Отец работал то чернорабочим на соляных приисках, то секретарем сельсовета в какой-то полунемецкой деревушке под Одессой, то таможенным чиновником в порту. Наконец, он завербовался в Мурманск. Мы с мамой поехали вслед за папой, но у меня начались цинга и рахит. Пришлось вернуться в Одессу. Получив соответствующие медицинские советы, мы с мамой опять ездили в Мурманск, но уже летом, когда можно было выращивать у дома зеленый лук и салат. Мурманск мне вспоминается как малюсенький деревянный городок с оврагами посреди улиц и единственным каменным двухэтажным домом

ТПО. Как это расшифровывалось, я и сейчас не знаю. Большое впечатление на меня произвел пойманный кит (смотреть на него собрался весь город) и праздник весны — гонки на оленях и спортивные состязания. У папы появилось много друзей-иностранцев, которые иногда дарили мне безделушки или красочные каталоги торговых фирм. В Мурманске папа приобрел специальность "ответственного исполнителя по обслуживанию иностранных пароходов" и на эту должность перевелся сначала в Мариуполь, а потом в Бердянск.

В Бердянске у папы появилось хобби — он стал делать радиоприемники. Днем возился с паяльником, а вечерами сидел с наушниками и крутил ручки настройки, после чего мы узнавали, что делается в мире.

Как я уже упоминал, отец не считал себя русским, Россию скорее не любил, чем любил, и постоянно сожалел об упущенной возможности остаться за границей. Он уверял, что в бытность его работы секретарем сельсовета, ни один немец не написал доноса, а русские постоянно жаловались на соседей, что те, мол, укрывают от продразверстки хлеб и крестят детей. Но когда в начале тридцатых годов в город поползли умирающие от голода крестьяне, отец не находил себе места: "Проклятые большевики, что сделали с Россией!" Помочь голодающим он не мог — паек служащего при трех иждивенцах (мама, я и бабушка Лаля) оставлял желать лучшего.

Однажды меня и трехлетнего сына служащего из конторы "Экспорт-хлеб" пригласил с родителями капитан какого-то иностранного парохода. Он угостил нас сардинками с белым хлебом. Мальчик, разминая в руках кусок пышной булки, спросил: "Это вата?" Ребенок, никогда раньше не видавший белого хлеба, был сыном чиновника, оформлявшего экспорт пшеницы!

Я помню случай, как один из матросов американского парохода, проникшийся идеями мирового коммунизма, сошел на берег и решил не возвращаться на родину. Вместе с ним был его четырнадцатилетний сын Морис. Отца Мориса, попросившего политического убежища, встретили с восторгом. О нем писала бердянская газета "Красная заря". Но пароход ушел, и отец Мориса исчез, а сам Морис попал сначала в детский дом, а потом был учеником слесаря в порту. Какими-то правдами или неправдами мой отец помог ему уехать домой.

Месяца через три один из американских капитанов привез газету с родины Мориса, где была большая статья о его мытарствах в СССР и восторженные реплики в адрес моего отца. Думаю,

что эта статья сыграла не последнюю роль в его аресте. Впрочем, как знать?

С 1932 года отец в пересказах слышанного по радио начал упоминать имя Гитлера. Его тоталитарная и жестокая программа явно не импонировала отцу. Он сетовал: "Единственный реальный противник Сталина и столь же несимпатичный. Если Гитлер победит Россию, еще неизвестно, какое из зол окажется хуже". Теперь я могу только удивляться прозорливости отца: ведь в то время никто не слышал о газовых камерах и "новом порядке", а жертвы коллективизации валялись перед нашими глазами на тротуарах в виде распухших от голода трупов крестьян.

МАЛЕНЬКИЙ ДИССИДЕНТ

Однажды, засыпая, я услышал, как соседка шепчется с моими родителями. Прислушался. Она передавала, видимо, под большим секретом, рассказ своего мужа, только что вернувшегося из допра (так в то время назывались тюрьмы). Во время НЭПа он приобрел какое-то мелкое предприятие и теперь попал под кампанию "давай золото". Соседка рассказывала, что в камере их было так много, что не только лечь, но и сесть на полу было негде. Ночные допросы сопровождались побоями. Но били в то время аккуратно, чтобы не оставалось синяков — валенком с заложеным в него кирпичом, или четыре следователя, встав по углам комнаты, толкали заключенного друг к другу — "пятый угол". Такая "игра" вызывала у допрашиваемого внутренние кровоизлияния, не оставляя на теле никаких следов.

Когда сосед признался, что у его жены есть крестильный крестик и золотая цепочка к нему, его выпустили, но недели через две снова забрали и я его больше уже не видел.

В другой раз мне удалось услышать о том, что в тюремном дворе ждут отправки на Север раскулаченные крестьяне. Их было так много, что тюрьма не могла всех вместить, и крестьяне с детьми сидели по несколько суток на утоптанном снегу. Двор этот не оставался пустым в течение нескольких лет проводившейся коллективизации. До меня дошли слухи о "дутых" процессах инженеров-вредителей, а потом пришло сообщение о том, что расстрелян мой дедушка Л.Н.Быков вместе с другими военспецами — бывшими офицерами царской армии. Все это не вызывало у меня любви к советской власти.

И вот, в восемь лет, я решил, что "под лежащий камень вода не течет" и нужно действовать. На листке ученической тет-

ради я написал довольно безграмотное и бессмысленное воззвание, которое начиналось словами: "Долой коммунистов! Присоединяйтесь к нам!" Кто такие "мы", я не знал. Писать "ко мне" было несолидно, да и кто я такой, чтобы ко мне присоединяться. Бумажку я оставил в кармане брюк, и мама, взяв их для того, чтобы защитить очередную прореху, наткнулась на прокламацию. Она закатила истерику. Я разревелся. В это время домой пришел папа. Мама показала ему бумажку:

— Посмотри, чем твой сын занимается! Он всех нас в тюрьму упечет. Это твое воспитание!

Отец прочел и спросил спокойно:

— А почему ты реवेशь?

— Мама ругается.

— А если бы бумажку нашла не мама, а милиция или НКВД, ты бы тоже реветь начал? Нет, ты до революционера не дорос. А раз так, не лезь не в свое дело. Мама права. Кроме вреда твоя деятельность ничего принести не может. Кстати, кто это "мы", к кому следует присоединяться?

— Ну, те, кто не любит коммунистов...

— А тебя кто-нибудь уполномочил писать от их имени? В общем, обещаю, что, пока не вырастешь, политикой заниматься не будешь.

Я обещал. А что мне оставалось? На этом моя деятельность, которую через много лет начнут называть диссидентской, заглохла.

АРЕСТ ОТЦА И ПЕРЕЕЗД В МОСКВУ

С 1935 года над отцом все ниже и ниже сгущались тучи, предвещавшие грозу. Весной 36-го они с мамой развелись. Отец уехал в Днепропетровск. Там его и арестовали. К нам пришли с обыском. Мама в это время была на работе. Я ухитрился выскочить в окно и побежал к ней. Так мы узнали об аресте отца.

Последний раз я его увидел мельком в здании бердянского НКВД, куда его привезли на следствие. Я принес передачу и ждал в вестибюле. В этот вестибюль выходили двери и из тюрьмы, и из следственного корпуса. И вот часовой из одних дверей в другие провел моего отца. Я закричал: "Папа, папочка!" и бросился к нему. Отец как-то съежился, а охранник грубо толкнул его в соседнюю дверь.

Лицо охранника мне было знакомо. Это был отец моего одноклассника...

В школе меня скоро начали дразнить "троцкистом". Кто-то сочинил версию, что отца арестовали в тот момент, когда он заканчивал писать письмо самому Троцкому. Я не пытался разубеждать. Все равно мне бы никто не поверил. Да и не было у меня в то время достаточных аргументов — что Троцкий, с точки зрения моего отца, такой же большевик, как и Сталин, и если пауки, посаженные в одну банку, пожирают друг друга, то ненатуралисту до этого нет никакого дела.

Мать работала с утра до позднего вечера: утром — регистратором в поликлинике, днем — на метеостанции, а вечером преподавала на курсах "Ликбез". Я целыми днями вертелся на турнике или болтался на пляже. В холодные дни читал. Товарищей у меня не было. Дети репрессированных тогда не искали поддержки друг у друга. Большинство из них были детьми партийных или руководящих работников, которые или считали своих отцов жертвами ошибки, или отказывались от них, как от "врагов народа". Во всяком случае, со мной, не слишком сдержанным на язык, якшаться они не желали.

Суд над отцом состоялся в Днепропетровске. В качестве свидетеля туда вызвали и мою учительницу, которая на предварительном следствии показала, что я вел антисоветскую агитацию. Как-то раз в ответ на какую-то реплику по поводу моего отца, я разразился длинной тирадой по поводу Советской власти. Меня тогда на неделю исключили из школы, но потом мой грех перевели на отца, дескать, "яблоко от яблони недалеко падает". Возможно, в связи с этим маме не разрешили взять меня с собой в Днепропетровск. Я пошел на вокзал ее провожать и в последний момент купил в кассе на сэкономленные деньги детский билет. Мама увидела его у меня в кулаке и велела сдать обратно. После суда родителям дали свидание, и они оба очень сожалели, что я не поехал.

К началу следующего учебного года мы с мамой переехали в Москву к тете Марусе, маминой сестре. Я поступил в пятый класс. Новая школа, новые учителя, а, главное, заведенная тетей дисциплина: "Пока уроки не приготовлены, гулять не пойдешь" — привели к тому, что я стал отличником. Мама устроилась на курсы по подготовке заведующих детскими садами и через год, после их окончания, получила назначение под Москву, в Тучково.

Новая школа находилась от дома километрах в трех. Учителя здесь были гораздо слабее, чем в Москве, программа почему-то отставала от московской, и в первый месяц оказалось, что я знаю больше, чем нужно. И ученики, и учителя меня не-

взлюбили за зазнайство. Особенно мы не поладили с директором, который преподавал у нас физику, географию, историю, а иногда и литературу, проявляя порой удивительное невежество. Однажды я спросил:

— Почему в глубинах океана температура колеблется от минус двух до плюс двух градусов, если вода имеет максимальную плотность при температуре плюс четыре градуса?

Он ответил своей излюбленной цитатой из Ленина:

— "Один дурак может задать столько вопросов, что сто умных на них не ответят", — и добавил, — ишь, какой любопытный, на этот вопрос еще ученые ответа не дали.

Дома я получил ответ на заинтересовавший меня вопрос. А в следующий раз, когда директор на меня разозлился: "Таким ученикам не место в Советской школе!", я не очень вежливо ответил: "И таким учителям физики, которые не знают, что точка замерзания воды зависит от ее солености". За дерзость меня выгнали из класса.

Я забросил учебу и часто, прогуливая занятия, уходил со своей собакой Индусом в лес. За первое полугодие у меня оказалось восемь двоек. К концу года маму предупредили, что я останусь на второй год.

За месяц до окончания учебного года я переехал в Москву к тете и без документов поступил в ту же школу, где учился в пятом классе. Директору не приходило в голову, что бывший отличник может деградировать почти до круглого двоечника. Поднажав на занятия, шестой класс я окончил успешно.

В Тучково я зашел в свою бывшую школу. Занятия кончились. Шли экзамены. В классе несколько человек корпели над стенгазетой. Видимо, у них не хватало материала, так как один из членов редколлегии обратился ко мне:

— Чем слоняться без дела, написал бы заметку.

— А о чем писать?

— Ну, хотя бы о том, как тебя из школы выгнали.

Поскольку я перестал посещать занятия, все решили, что я бросил школу. Тут мне пришла в голову озорная мысль и я сказал:

— Ладно. Дайте бумагу, я подумаю.

Взяв листок из тетради и уйдя на последнюю парту, я стал сочинять:

В этой школе я учился весь учебный год,

Хоть и был лентяй, каких на свете мало.

И директор со мной бился. Был же и урод,

Самый негодяй, таких почти не стало.

*Подтвердить вам может сам директор это,
Все, кто занимался в школе дорогой,
Как Мюге Сережа не найти за лето,
Что за ум не брался, сволочи такой.*

Сельская школа поэтами избалована не была, члены редколлегии поэтическим вкусом не отличались. Стишок приняли. Я предложил:

— Давайте, я сам перепишу его в газету.

Мне разрешили. В класс зашла завуч, ей показали почти законченную газету, и она дала свое "добро". Сначала ее смутило слово "сволочь", но, очевидно, решив, что чем сильнее самобичевание отступника, тем выше воспитательная роль школы, махнула рукой:

— Можете вешать!

Для малодогадливых читателей я разделил широко написанное стихотворение (оно занимало место под двумя столбцами какой-то статьи) жирной вертикальной чертой на две части. Получилось два стихотворения:

*В этой школе я учился,
Хоть и был лентяй.
И директор со мной бился,
Самый негодяй.
Подтвердить вам может
Все, кто занимался
Как Мюге Сережа,
Что за ум не брался*

*Весь учебный год,
Каких на свете мало,
Был же и урод,
Таких почти не стало.
Сам директор это
В школе дорогой,
Не найти за лето
Сволочи такой.*

После переезда в Москву мы перестали получать письма от папы. Мама запрашивала лагерное начальство, но ответов не получала. Бабушка Варя сообщила из Бердянска, что тоже не имеет никаких вестей.

Только потом, году в 1956, я узнал, что отец был вторично осужден уже в лагере, получил "строгую изоляцию" и умер в Кемеровских лагерях в 1942 году от уремии. Возможно, это была простая отписка и смерть наступила гораздо раньше и совсем от другой причины.

В седьмом классе я уже учился в Кузьминках, куда перевелась мама заведовать детским садом Всесоюзного института экспериментальной ветеринарии (ВИЭВ). Жили мы в малюсенькой

комнатке — 7 квадратных метров. Когда к нам приехала еще и бабушка Лаля, комната стала напоминать корабельную каюту с максимальным использованием каждого квадратного дециметра. И только после начала войны, когда многие сотрудники эвакуировались и освободилось много жилых помещений, мы переехали в большую комнату, где зимой нещадно мерзли. Отопить ее "буржуйкой" было невозможно, а паровое отопление не работало.

В день объявления войны у меня было какое-то удивительно возбужденное настроение. Все были уверены, что она рано или поздно начнется, и вот, наконец, началась. Об исходе войны я не думал. Скорее всего, мои надпочечники просто выделяли дополнительную порцию адреналина, подобно тому, как это происходит у собаки, наблюдающей грызню незнакомых ей свор, и это вызывало возбуждение.

СОБАКИ

Их я любил с детства и часто заходил в питомник служебных собак при ВИЭВе. Вскоре после объявления войны взяли в армию вожатого караульных собак, и эту должность предложили мне. В мои обязанности входило кормить, чистить и разводить собак по постам.

16 октября в Москве и Подмосковье началась всеобщая паника. Начальство скоропостижно исчезло, корм собакам выписывать стало некому, и я выпустил их всех на волю, предоставив возможность заботиться самим о себе (в те дни так поступали не только с собаками). Утром я встретил все население питомника перед моей входной дверью. Как они узнали мой адрес, не знаю. То ли нашли по следам, то ли их привел мой любимец, пес Быстрый, которого я как-то приводил домой в гости. Такая преданность накладывала на меня определенные обязательства. Собак нужно было кормить.

Перед "драпом" в институте забили всех подопытных животных. Коров, овец и кроликов расхватали более проворные беженцы, а трупы лошадей (в те дни они еще не представляли ценности) валялись там, где их застала смерть. Я наготовил конской солонины, и собакам ближайшее будущее было обеспечено.

В день "драпа" закрылась и наша школа. Все архивы были сожжены, судьба школьников никого не интересовала. Потом, месяца через полтора, стала работать школа в поселке километрах

в трех от нас. Туда стянулись те немногие школьники, которые еще не махнули рукой на учебу и не устроились на постоянную работу. Так как документов ни у кого не было, принимали туда после небольшого экзамена по той части программы соответствующего класса, которую успели пройти с начала учебного года до 16 октября. Я рискнул и, почитав учебники, попросился в десятый класс. Опыт шестого класса подсказывал, что догнать можно год за месяц.

Зиму я учился в десятом классе. Вот тогда-то собаки и послужили мне верой и правдой. Они возили меня на санях в школу. Иногда им становилось скучно ждать хозяина на улице, и во время урока вся свора гурьбой врывается в класс на радость ученикам, вызывая возмущение учителей.

В конце зимы пришли солдаты из военного собачьего питомника и всех моих подопечных взяли в армию.

Надеюсь, что они не попали в "отряд противотанковых собак", где собак приучали бросаться под идущий навстречу танк. На спину им надевали мину, которая при соприкосновении с танком взрывалась, убивая собаку, а иногда повреждая и гусеницы.

ТЕТКА ПОМЕЩИЦА

Одна из моих теток решила эвакуироваться. Старая, больная, истощенная недоеданием (иждивенцы получали 400 граммов хлеба в день), она почувствовала, что дни ее сочтены, и захотела умереть в родных местах. Она поехала в свое бывшее имение под Саратовым.

Прием, который оказали ей крестьяне, превзошел все самые смелые ожидания. Неведомо откуда были извлечены яйца, сало, молоко. Глядя на изможденные голодом и непосильным трудом лица стариков и старух (мужчины воевали, женщины ушли работать в города, где хоть что-то давалось по карточкам), тетка не хотела принимать эти дары. Но крестьяне проявили настойчивость:

— Вы думаете, мы забыли, как в голодные годы Вы кормили всю нашу деревню?

Видимо, голод, который наступил после коллективизации и стоил жизни многим крестьянам Поволжья, вызвал в их сознании соответствующие ассоциации.

Один старик принес две серебряные ложки с теткиними монограммами, добытые им при разграблении усадьбы.

— С этих ложек и начались все наши беды, — философски пояснил он.

Особенно удивило тетку, что крестьяне с теплотой отзывались о своем бывшем губернаторе П.А.Столыпине и об его аграрной реформе. Ведь имя это ассоциировалось в СССР только со "стольпинским галстуком" и "стольпинским вагоном", а владельцы "стольпинских хуторов" были давно раскулачены и в деревне не осталось даже их потомков.

ПАТРИОТИЧЕСКИЕ НАСТРОЕНИЯ

Во время войны появилось много книг и статей о доблести русского оружия. Вышла даже брошюра о Денисе Давыдове как организаторе партизанской войны в 1812 году. Особенно же мне импонировала книга Игнатьева "50 лет в строю". Его патриотическое воспитание в раннем детстве очень напоминало мне мое собственное. То, что он адаптировался к Советской власти и может быть полезным России, затронуло во мне какие-то душевные струнки.

Я в то время не задумывался, почему Игнатьев избежал судьбы моего деда Л.Н.Быкова, который тоже принял революцию, был военспецом, но оказался, как и большинство подобных ему, расстрелянным "по делу Тухачевского". И я еще не был знаком с генералом царской и полковником Красной армии Г.Ф.Гирсом, который, сидя со мной на нарах в бараке Карагандинских лагерей, рассказал, что причиной его ареста были "упаднические высказывания", сделанные с глазу на глаз генералу Игнатьеву.

Между тем, армия преобразовывалась. В конце 1942 года заговорили, что введут погоны. Чаще говорилось о "священной войне", "священном долге". Раненым солдатам политруки рекомендовали по праздникам посещать церковные богослужения. Церковь, в свою очередь, собирала деньги на танковые колонны и прославляла "Христово воинство, защищающее православное отечество".

Все это создавало атмосферу, к которой я тянулся с детства, играя в солдатиков, но которая теперь из игрушечной превращалась в реальную. Теперь гормоны надпочечников работали только в одном направлении — меня тянуло на фронт к погонам, знаменам, славе. Не личной славе, а славе русского оружия.

35018

МА 973

ЧУТЬ БЫЛО НЕ СТАЛ ЧЕКИСТОМ

Семнадцать лет я ушел в армию. По иронии судьбы меня зачислили в войска НКВД, в дивизион радиоразведчиков. Казармы войск НКВД находились под Серпуховым, и в них, кроме нашего дивизиона, проходили выучку так называемые заградотряды. После сдачи немцам Ростова Сталин издал приказ, по которому были созданы эти отряды. Им вменялось в обязанность расстреливать советские части, если те без особого приказа вздумают отступить.

Вооружены все мы были немецкими карабинами системы "Маузер". Тогда я не придавал этому обстоятельству особого значения и лишь потом, знакомясь с материалами трагедии Катынского леса, понял мудрость нашего командования (В черепках расстрелянных чекистами поляков находили немецкие пули).

Солдатом я оказался непутевым, и с первых же дней меня невзлюбил ротный старшина — типичный хохол и службист по фамилии Бут. Солдаты его недолюбливали и норовили произнести эту фамилию после союза "и"... За какой-то мелкий проступок он заставил меня после отбоя мыть лестницу. Его любимая поговорка была: "Не умеешь — научим, не хочешь — заставим". Я попросил научить, то есть, показать мне, как надо мыть пол. Он вымыл первую, а заодно и вторую ступеньку. Я заявил, что мне не понятно, как мыть следующие, не наступив на предыдущие и не испачкав их. Он вымыл еще две.

— Ну, — сказал я, — теперь-то до пятой совсем не дотянуться.

Но Бут проворно вымыл еще несколько и с удовлетворением заметил:

— Когда захочешь, все можно.

Оставалось домыть меньше половины, и я сказал:

— Чего же мельчить, осталось немного, домойте уж всю.

Бут сообразил, что я его дурачил, и рассвирепел. Потом он на мне отыгрывался как мог.

В другой раз на меня ополчилось и более высокое начальство. Была какая-то комиссия, я стоял на посту и демонстративно читал книгу. На вопрос командира дивизиона, что это значит, я мимикой и жестом показал, что часовому на посту разговаривать не разрешается. Он вызвал караульного начальника, и меня сняли с поста. Тогда я процитировал устав, где было указано, что часовому на посту запрещается разговаривать, пить, мочиться, курить и так далее, а о чтении ничего не сказано. Вопреки логике

мне дали пять суток гауптвахты. Я заметил, что в царской армии к уставу относились с большим почтением, и напомнил старинную неприличную солдатскую песенку, в которой рассказывалось о том, как офицеры не смогли наказать пукнувшего на посту солдата, так как устав не предусматривал подобного поступка. За "пререкания" мне добавили еще пять суток.

На гауптвахте сидел постоянный ее обитатель механик Володя. Это был мастер на все руки, красивый парень с приятным баритоном. К словам песен он особого почтения не питал и проникновенно выводил: "броня огнем, блистая треском стали...". Начальство отобрало его из раннего набора, на нем держалась вся техническая часть. Девушки, солдатки и вдовы окрестных деревень сходили по нему с ума, и он вечно попадался за самогул. От него я узнал о культурной эрудиции старшины Бута. Однажды мать Володи, долго не получая от него писем, запросила начальника части о судьбе ее сына. Тот поручил Буту "проработать" Володю. Бут завел с ним воспитательную беседу:

— Ты о Чайковском Петре Ильиче слышал? Нет? Вот то-то и оно. Педерастом был, а какую музыку писал — закачаешься! А Гоголя Николая Васильевича читал? Тоже нет? Вот то-то и оно. Онанизмом занимался, а какие книги писал — зачитаешься! А ты, здоровый бугай, всех девок в округе перепорол, а родной матери написать не можешь! стыдно!

Скоро начальство разобралось, что я — сын репрессированного, и быстренько перевело меня в отправляющуюся на фронт инженерно-саперную бригаду. Я не огорчился, так как в радиодивизионе постоянно сидел на гауптвахте, где скудный рацион был сведен до минимума.

"КОМСОМЛ"

Первое время наша бригада называлась "штурмовой". Подвиг Александра Матросова, закрывшего грудью амбразуру вражеского ДОТа, вскружил голову кому-то из командования, и саперам приказали блокировать ДОТы. Нас учили подползать к вражеским ДОТам и ДЗОТам, подкладывать взрывчатку, поджигать бикфордов шнур и отходить на исходные позиции. На грудь, как наиболее уязвимую, по мнению начальства, часть тела, надевались стальные увесистые панцири. Как отходить на исходные позиции — пятиться задом или убежать, подставляя врагу незащищенную панцирем спину, — нам не объясняли. Да это было и ни к чему. Сначала прошел слухок, что ДОТы мы блокировать

не будем, потом на привалах были "забыты" стальные пятикилограммовые щитки (кстати, они не пробивались только пулями из автоматов, винтовочные и пулеметные пули их отлично простреливали) и, наконец, был зачитан приказ о том, что отныне наша бригада носит название инженерно-саперной, без приставки "штурмовая".

На фронт мы попали после взятия Чернигова и незадолго до форсирования Днепра в том месте, где он разграничивает Украину и Белоруссию. В первые дни истребляли сосновый лес в окрестностях Любеча, заготавливая древесину для будущего моста через Днепр. Работа была нехитрая, но изнурительная — махали топорами и пилами часов по четырнадцать в день. Но вот однажды ночью нас разбудили по тревоге и повели к Днепру. Здесь в прибрежных камышах лежали загодя подвезенные паромы. Откуда-то появился ротный замполит и заплетающимся не то от страха, не то от водки языком отозвал наиболее молодых "беспартийных" солдат и стал говорить, что на нас смотрит весь народ. Потом он заявил, что говорить некогда, "немец не ждет", и стал раздавать листки бумаги, предлагая их подписать. Кто-то спросил: "Что это такое?". Замполит ответил коротко: "Комсомол". Один из солдат — не помню фамилии, к нему прилипла кличка Дундук Пошехонский — спросил: "А как там кормят?". Этот нескладный деревенский парень постоянно задавал нескладные вопросы, видимо, за это его и прозвали Дундуком. Замполит злобно прошипел: "Вот, как вернешься, мы поговорим ... в особом месте". Но разговор не состоялся. Дундук не вернулся.

Будучи человеком любопытным, я в сумятице взял вторую бумажку. Одну подписал и отдал назад, другую спрятал в карман для прочтения. Ведь на виду у немцев нельзя было "присветить" даже спичкой, подписывали мы почти наощупь. Закончив эту процедуру, все, кроме замполита, вернулись к паромам. Замполит растворился во тьме так же незаметно, как и появился.

Паромы следовало спустить на воду и подвести к песчаной отмели. Ночь была безлунная и очень темная. На отмели мы с трудом смогли увидеть лежащие черные фигуры. Это были штрафники в черных телогрейках. Их человек по пятнадцать посадили на каждый паром. Нам, гребцам, шепотом дали команду, и мы поплыли на сторону реки, занятую немцами. Наш паром оказался вторым. Правый берег Днепра был обрывистый. Над обрывом находились окопы противника, а вдоль воды тянулся узенький пляж от двадцати до ста сантиметров шириной. На нем-то мы и высадили своих пассажиров, которым предстояло захватить плац-

дарм на том берегу. Когда мы уже подплывали к своему берегу, немцы ракетами осветили водную гладь. Паромы, которые только что отчалили, развернулись и во всю силу гребцов поплыли назад. Мы тоже налегли на весла и врезались в прибрежные камыши. Дальше каждый действовал по принципу "спасайся, кто может". Я попал в какой-то окопчик и, оглянувшись на Днепр, увидел, как вода бурлит от разрывов снарядов. Из двенадцати паромов уцелело пять: два — из тех, что отправились первыми и успели вернуться, и те три, что отчалили последними и тоже успели вернуться.

На следующее утро после переправы я нащупал в кармане вчерашнюю бумажку. Там было под копирку напечатано: "Идя в бой, готов умереть за Родину, за Сталина. Прошу считать меня комсомольцем". Вся нижняя часть служила для подписи, ведь впотымах трудно угадать, где кончается текст.

Когда командование поняло, что "втихаря" захватить плацдарм не удастся, в дело вступили артиллерия и авиация. После массивной обработки немецких передовых нашим войскам, наконец, удалось закрепиться на "том берегу". После на этот раз удачной переправы нас, саперов, сначала послали наводить плывучий мост, а потом разминировать минные поля, оставленные немцами.

ЖИВОЙ СОЛДАТИК

Примерно в это же время мне впервые довелось увидеть немцев на близком расстоянии. Вот как это произошло.

Попав на фронт, я очень быстро обнаружил, что некоторые атрибуты солдатского снаряжения весят много, а толку от них мало. Поэтому я провел "реорганизацию". Каску "забыл" где-то на привале, противогаз сменял на котелок картошки у какого-то белоруса-самогонщика, убедив его, что самогонка, процеженная через активированный уголь, выигрывает во вкусовом отношении, а вместо круглых тяжелых автоматных дисков завел один рожок, вмещающий не шестьдесят два, как в диске, а только тридцать патронов. Чаще всего рожок у меня был не заполнен, так как патроны весят все-таки больше, чем иголка, а "в походе, — как говорят, — и иголка тяжела". Вероятно, такая беспечность была вызвана тем, что, как большинство необстрелянной молодежи, я рвался в бой, а по закону падающего бутерброда мне это в первый месяц пребывания на фронте не удавалось. Тогда

я и решил, что моя судьба — быть "тыловой крысой" (мы минировали в пятистах-тысяче метрах от линии фронта), а если так, то незачем изнурять свою плоть лишней обузой. И когда я смирился с этой мыслью, вдруг оказался в передних окопах во время немецкой атаки.

Как обычно, немцы начали с артподготовки, а когда огонь был перенесен вглубь наших позиций, их пехота пошла в атаку. Оглушенный грохотом сражения, я не сразу заметил, что мой автомат не стреляет — кончились патроны. Случайно наткнувшись на ящик с голубенькими яичками немецких ручных гранат, я судорожно стал вставлять в них капсулы, выдергивать запальные шнуры и бросать в подбегающих немцев. Я так увлекся этой работой, что не заметил, как меня за плечо трясет старшина и говорит: "Кончай воевать, атака отбита". Тогда только я окинул взглядом поле перед окопами, довольно густо покрытое трупами немецких солдат, и утер рукавом пот со лба...

ПЕРВЫЙ АРЕСТ

В Белоруссии же мне пришлось впервые выносить "парашу" в наспех сварганенной тюрьме контрразведки — подвела близорукость (не политическая, а самая что ни на есть естественная), я заблудился, в поисках своих попал в расположение немцев, где натолкнулся на наших разведчиков, которые в качестве "языка" и доставили меня к "своим".

Стоит ли описывать реакцию командования, когда с немецкой стороны доставили советского солдата, снабженного соответствующей документацией?

В камере со мной сидели власовцы, дезертиры и полицаи. Следствие велось довольно быстро, и каждый вечер из камеры выводили по несколько человек, после чего со двора слышалась автоматная очередь...

К следователю меня вызвали только один раз. Он спросил, откуда я попал в ту часть, которая значилась в моей солдатской книжке. Я ответил. Он начал выяснять фамилии, имена, отчества и звания моих бывших "энкаведевских" начальников, и, видимо, распознал во мне своего. Во всяком случае, прямо из тюрьмы меня направили с конвоиром ни больше, ни меньше, как служить ординарцем в особый отдел какого-то полка.

По дороге через понтонный мост мы встретили старшину из моей саперной части. Он предъявил конвоиру на меня претензии. Тот, человек служивый, следовательно, бюрократ, заявил,

что он за меня отвечает, и дал адрес, где меня следует искать. В общем, только я успел помыться в бане и поужинать со своими новыми хозяевами (ординарец у чекистов должен быть человеком преданным и его подкармливают особо), как явился мой старшина с соответствующими бумагами, и снова под конвоем — "чтоб опять не убег" — повел меня в свою часть. Так бесславно закончилась моя вторичная служба в НКВД.

В части меня представили "пред грозные очи" полковника Кисилева, который сначала меня "облаял" за "дезертирство", а потом заявил, что он аннулировал ранее поданное представление меня к ордену за форсирование Днепра. Я вздохнул свободно, так как имел все основания рассчитывать на худший исход.

Поскольку я в то время был фаталистом и верил, что доживу до шестидесяти лет (теперь мне бы хотелось продлить этот срок), у меня не было оснований бояться смерти. Больше всего я боялся тяжелой работы. Функция сапера сводилась или к строительству (работа тяжелая, но менее опасная), или к минированию-разминированию (профессия, которая послужила поводом для поговорки, что сапер ошибается только один раз).

Если я имею возможность писать эти строки, не трудно догадаться, что ошибиться мне так и не довелось.

Встретившись после войны с одним однополчанином, я узнал, что ко дню Победы в нашем батальоне из тех, кто ехал с нами на фронт в начале 1943 года, осталось всего три человека (Я не в счет, так как выбыл по ранению за два месяца до окончания войны).

Разминировал я с удовольствием (возможно, сознавая, что антитезой служат земляные работы), чувство опасности приятно щекотало нервы, и меня все чаще и чаще брали разведчики для разминирования проходов в минных полях. Кончилось тем, что меня перевели в роту разведчиков.

Однажды упомянутый выше полковник Кисилев приехал вручать награды. Узнав меня, он зычно приказал командиру роты: "А этого привязать за веревочку, а то опять сослепу уползет к немцам, и ходи потом из-за него по особым отделам". Но гнева в его словах я не почувствовал...

Теперь я с удивлением думаю, как ухитрялся впотьмах со своей близорукостью находить мины и довольно тщательно обезвреживать проходы. Интуиция? Судьба? Во всяком случае, никто из разведчиков, ползших сзади меня, не подорвался на mine.

СТРАХ

Хотя я был фаталистом, но и мне довелось почувствовать, что такое страх. Я решил обследовать маленький домик метрах в пятидесяти от нашего наблюдательного пункта. Зайдя в него, я начал просматривать оставленные немцами журналы, богато иллюстрированные порнографией. В это время где-то вблизи за линией фронта четырежды проскрипел немецкий реактивный снаряд, который солдаты окрестили "скрипаком" за характерный звук, издаваемый при вылете из орудия. Будучи уверенным, что немцы обстреливают наши тылы (от линии фронта домик находился метрах в двухстах), я спокойно продолжал рассматривать "волнующие" иллюстрации до тех пор, пока взрывная волна не отбросила меня от окна в дальний угол комнаты. После второго взрыва домик развалился, кровля села на поваленный шкаф, и меня едва не придавило. Я совершенно спокойно подумал: "Второй разрыв ближе первого, следовательно, третий придется в меня... Ну, Сергей Георгиевич, не дожить тебе до 85 года". Потом где-то поблизости разорвался третий и немного подальше четвертый снаряд. И вот, когда реальная опасность миновала, я почувствовал, что нижняя челюсть у меня ходит ходуном, ноги не слушаются и колени трясутся. Когда я выбрался из-под обломков и пришел к своим, они говорили, что на мне лица не было, я был бледен, как стена (что, возможно, усугублялось пылью от штукатурки). Товарищи, видевшие, как был разрушен снарядом домик, решили, что я убит. По-моему, они тоже за меня испугались. По крайней мере, в дальнейшем никогда не подтрунивали над моим "бледным видом".

ЖИЗНЬ СОБАЧЬЯ

Однажды меня и еще одного солдата, Сафарова, вызвали в штаб бригады. Штаб находился в городе Брагине, километрах в тридцати. Когда мы пришли, нам сказали, что штаб переехал в Хвойники. Из Хвойников нас послали в какую-то деревушку, а оттуда в следующую, так как штаб разместился в разных деревнях и начальник, нас вызывавший, остановился во второй. В общем, за сутки мы прошли около ста километров и были очень рады, когда нам сообщили, что дело не спешное и можно отдохнуть в избе. Отдохнуть в избе! Трудно представить, какая это роскошь

В Мозырской области, где шла при немцах партизанская

война, почти все деревни были сожжены. Редкие уцелевшие избы занимались большим и малым начальством, а нам, солдатам, приходилось или рыть землянки, или, на одну ночевку, норы в снегу. Обычно дневальный через каждый час, ударяя спящего ногой по подошве, будил его словами: "встань, поссы". И действительно, вспомнив об этом, спящий сразу вставал, мочился, потом прыгал немного, чтобы согреться, и снова шел в нору — спать. Откуда бралось у нас столько мочи, не знаю, но на каждую побудку ее хватало.

На следующий день нам объявили, что формируется рота собак-миноискателей. Будем ловить собак, дрессировать, и с их помощью находить мины. Собак я любил с детства и назначение принял с удовольствием.

Идея заключалась в том, что собака может учуять запах тола. После соответствующей дрессировки она должна была садиться возле мины и лаять — "подавать голос". На тренировках это как-то удавалось, но при работе с минами мы очень скоро убедились, что без собак удобнее. Мы их привязывали подальше от мин, чтобы не мешали, а сами занимались разминированием. Потом затея с собаками как-то "зачахла", и было приказано их перестрелять. К счастью, в это время мы были уже в Западной Белоруссии, где люди жили позажиточней, и мне удалось пристроить своего Джека к какому-то хозяину.

Осень 1943 года у меня оставила самые неприятные воспоминания о войне. Немцы разбомбили эшелоны с теплой одеждой (телогрейками и ватными штанами), и мы без крыши над головой мерзли в шинелях. Ранние заморозки, болотистая местность и постоянные дожди, а потом и мокрый снег... Бывало, завалишься спать в мокрой шинели, а утром подняться не можешь — шинель примерзла. Вылезешь из нее и отдираешь от земли или подстилки. А тут еще вши, которые ни на какие прожарки не реагировали, да фурункулез...

Зима застала нас под Ковелем. В уличных боях меня легко ранили, и я с удовольствием отдохнул в госпитале.

После взятия Ковеля наши войска очень быстро начали продвигаться вперед, а так как мы задерживались для разминирования полей, то нам приходилось, догоняя фронт, делать большие переходы. Здесь-то я и узнал, что спать можно не только стоя, но и во время ходьбы. Идешь, бывало, споткнешься, просыпаешься и видишь, что отошел от колонны в сторону.

ОСВОБОЖДАЕМ ПОЛЬШУ

Перед Варшавой мы задержались. Наши войска сходу взяли предместье — левобережную часть Вислы — Прагу — и... остановились. В это время в Варшаве началось восстание поляков, которые проявили крайнюю невежливость. Вместо того, чтобы дать нам возможность себя освободить, они предприняли попытку освободиться сами, рассчитывая, конечно, на нашу помощь. Но не на тех нарвались. То ли обидевшись, то ли из более высоких государственных соображений, Верховный главнокомандующий велел приостановить наступление. Мы наблюдали уличные бои через Вислу, и на наши вопросы замполиты отвечали: "Там капиталисты истребляют друг друга". И только когда в Варшаве затих последний выстрел и был взорван один из последних домов, наши войска возобновили наступление.

В это время в Польше началась весна. Вскоре она вступила в свои права, и жить стало веселее.

Однажды с группой разведчиков мы вошли в только что оставленное немцами польское поместье. Помещик, как обычно, сбежал, а управляющий, встретив нас, первым делом сообщил, что под тем местом, где лежал увезенный немцами ковер, он обнаружил мину с электрическими проводами. Я предложил всем — и гражданским, и военным (разведчикам) — отойти подальше от дома, а сам пошел с управляющим смотреть мину. Он ввел меня в комнату, указал на предмет, вмонтированный в пол, и через несколько секунд я увидел в окно, как он бежит к оврагу, где спрятались все остальные.

Я же взялся вынимать эту штуку из паркета, удивляясь аккуратности, с какой немцы вмонтировали ее. Отрезав провода и не услышав взрыва (впрочем, услышать его я бы все равно не успел), я выломал это устройство и понес к оврагу.

Встретили меня очень тепло. Разведчики ушли дальше, а "цивильные" обступили плотным кольцом. С напряжением вспоминая забытые с детства французские и немецкие слова, я объяснял принцип действия этой, как мне казалось, мины. Меня ввели во флигель, угостили польской водкой — бимбером, а когда я собрался догонять своих, управляющий предложил довольно миловидной полячке лет восемнадцати проводить меня. Обладая глубокими теоретическими знаниями, но не имея практического опыта, я, дойдя с ней до ворот парка, вежливо распрощался, чем наверняка уронил престиж и славу русского солдата.

Через несколько недель мы зашли в другое имение, где в

центре гостиной была вмонтирована такая же штука. Я спросил у хозяина, что это такое, и он объяснил, что это блок предохранителей электросети. Для того, чтобы было удобнее менять пробки, поляки их ставят на полу.

СРЕДИ НЕМЦЕВ

Потом мы пошли по Германии. Почти все население уехало, оставив насиженные места — чистенькие домики с кладовыми, полными припасов, скот и все имущество. Солдаты отъелись, по вечерам заводили разговоры о женщинах, а кое-кто "тискал романы".

Немцы использовали опыт нашей партизанской войны и создали свои отряды "фольксштурм", действующие на занятой нашими войсками территории.

Однажды послали меня в штаб с донесением. Обратного можно было не спешить. Мне предложили переночевать при штабе, так как возвращаться в сумерках было опасно из-за фольксштурмовцев. Но вечером один из наших солдат должен был продолжить рассказ начатого детектива, и я все же решил вернуться. Чтобы сократить путь, я пошел не по дороге, а тропинкой мимо мельницы. По пути (уже начало темнеть) мне захотелось пить, и я зашел на мельницу. В комнате за столом сидело человек десять. У одного из них из-под пиджака явно выпирала рукоятка немецкого автомата. "Фольксштурмовцы, — быстро заработала мысль, — бежать? Наверняка пристрелят — решат, что бегу за помощью. Стрелять первым? Всех сразу не уложишь, да и патронов, кажется в рожке штук пять, а их — десять. Главное — не показать испуга".

Решение пришло интуитивно... Я поздоровался, медленно снял автомат, поставил его у двери (все равно он бы мне не помог) и прошел через комнату к книжному шкафу. Все с напряжением следили за моими действиями... На полке я увидел томик стихов Гете. Я его не спеша взял, заглянул в оглавление, как бы случайно открыл на том месте, где начиналось единственное стихотворение, которое я знал наизусть, "Эрлькениг", и стал читать. Первую строчку — по книге, а потом, не глядя в книгу, по памяти. Напряжение несколько спало. Немцы стали перебрасываться словами, из которых я понял только одно: интеллигентный. За оружие никто не хватался и к моему автомату не тянулись — это меня успокаивало. Я больше мимикой, чем словами, попросил разрешения подсесть к столу. Один из немцев заговорил на ломаном

русском языке. С вежливой улыбкой он осведомился, что я собираюсь делать. Я ответил, что, если мое присутствие неприятно, я уйду, но если они разрешат, я у них переночую. Вполне естественно, мой уход был для них нежелателен, так как я мог позвать своих. Немцы, как я и ожидал, предложили мне переночевать, указав на смежную комнату без окон. Там постелили перину, и я, взяв автомат, положил его возле себя, виновато улыбнувшись: "Так положено", – и улегся. Вскоре я действительно заснул, а когда проснулся, немцев в доме не было.

Описывая этот эпизод, я задумался, почему немцы меня не убили, ведь для них это было куда спокойнее? И как я мог заснуть в подобной ситуации? Это удалось бы далеко не каждому. Может быть, я настолько смел, что мне вообще чуждо чувство страха? Нет! Я недавно описал эпизод с разрушенным домом... Видимо, психологические мотивы следует искать в другом. Скорее всего, в том, что у меня не было кровной ненависти к немцам. Ведь в моих жилах наряду с русской кровью текла и немецкая. Я одинаково ненавидел и Гитлера, и Сталина. Сталина, пожалуй, сильнее. Я знал о его зверствах из источников более достоверных, чем советская печать и радио, в правдивости которых успел уже сильно усомниться. Поэтому сведения о жестокости Гитлера, передаваемые этими источниками, я ошибочно воспринимал как утрированные.

Если бы моя ненависть к Гитлеру распространялась на всех его солдат, то, по логике вещей, я должен был бы ненавидеть и всех солдат сталинской армии, включая самого себя.

Уж если я взялся сравнивать свое поведение с собачьим, можно сказать, что я подошел к этим немцам не ощетинившись, а слегка помахивая поднятым кверху хвостом, предлагая обнюхаться. Обнюхивание состоялось. А после этого даже самые свирепые псы редко терзают пришельца.

Война для меня закончилась одиннадцатого марта на Одере, когда меня ночью, во время минирования нейтральной полосы, ранило осколком. Дальше все "как по писаному" – госпитали, эвакуация и, наконец, Москва.

Из госпиталя я выписался в конце июля. Кто-то посоветовал мне подать документы в Тимирязевскую сельскохозяйственную академию, "год поучишься, а там видно будет". Почему-то мне в то время хотелось пойти на юридический факультет и стать адвокатом. Но туда прием заявлений был уже закончен, как и в большинство других вузов. От судьбы не уйдешь – вопросы права мне довелось изучать в другой ситуации. Там мне пришлось ус-

лышать выражение "студент прохладной жизни". Относилось оно, правда, к мелким воришкам. Но перед этим и я четыре года "прохлаждался" в студенчестве.

"СТУДЕНТ ПРОХЛАДНОЙ ЖИЗНИ"

Изголодавшись по знаниям, я сначала довольно легко осваивал читаемые дисциплины и первую сессию сдал досрочно, за два дня. Три предмета — в первый день, два — во второй, и все на "пятерки". Потом, решив, что Тимирязевка — находка для лентяев, я занимался больше посторонними вещами, чем преподаваемыми предметами.

Четыре года, проведенные на воле между армией и арестом, пролетели быстро. Как бы предчувствуя эфемерность вольного существования, я пытался охватить побольше. В стенгазете, выпускаемой драмкружком, были стихи, где про меня говорилось:

*Он повсюду успеваает
Он во всех кружках летает
Знаменитый пчеловод,
Альпинист и коневод...*

Слова "знаменитый пчеловод" были явной гиперболой. Просто я загорелся мыслью о том, что можно на Кольском полуострове, где много кипрея, но зима дольше семи месяцев, и пчелы не выживают, наладить пчеловодство. По моему разумению, на юге следовало ранней весной разводить интенсивно пчел и переправлять их самолетом в Мурманск, где к тому времени наступит весна с богатым взятком. Осенью же пчел использовать для приготовления лекарств — все равно они зиму не перенесут. Все мои хлопоты прекратились сами собой, так как в Америке вышла книга, где описывался подобный метод, применяемый на Аляске.

Что же касается альпинизма и конного спорта, то они оставили память на моем подбородке: как наиболее выступающая часть тела он чаще всего травмировался при падении. Я даже придумал теорию о том, что он у меня загнут кверху в результате механического воздействия. Так бы оно и выглядело, если бы этот подбородок много лет спустя не унаследовал мой сын. Первой обнаружила это жена. Оставалось или отстаивать теорию Ла-

марка о передаче по наследству приобретенных признаков, или отказаться от "травматической интерпретации" своего подбородка. Я выбрал второе, так как еще в 1948 году (скорее, из чувства протеста, чем по убеждению) выступал против ламаркизма, который в то время диктовался сверху.

В какой-то мере моя симпатия к менделистам-морганистам послужила поводом для моего ареста. Посадили меня и за то, что я организовал сбор денег и приподнес купленные на них цветы профессорам, выгнанным из академии за отказ безоговорочно принять лысенковскую теорию. К тому времени я окончил четыре курса, напечатал одну научную работу и был удостоен первой премии за доклад на Всесоюзной конференции сельскохозяйственных, ветеринарных и лесотехнических ВУЗов.

"Прославился" я не только этим — было много и скандальных историй. То я посоветовал ребятам провести регистрацию собак в окружающих Тимирязевку домиках, "рубь — дворняжка, трояк — породистая". То открыл в себе способности гипнотизировать и "угадывать мысли" (то, что делали Мессинг, Кастелло, Куни и другие). То заявил, что ухожу в Духовную семинарию, предварительно запасшись соответствующими документами. Слухи о моих проделках часто утрировались.

Однажды декану донесли, что якобы я, загипнотизировав студентку, заставил ее съесть кусок мыла. Он вызвал меня к себе в кабинет и, перебирая на столе какие-то бумаги, стал выговаривать. Я, по солдатской привычке, стоял и "ел глазами начальство". Когда мы встретились взглядами, он каким-то неестественным голосом пропищал:

— А Вы меня не гипнотизируйте. Я все равно не поддаюсь гипнозу. Уходите!

Как я уже упомянул, первый семестр я сдал блестяще. Но второй прошел неудачно. Из колеи меня выбила биохимия. Экзамен принимал профессор Яичников, отличавшийся исключительной строгостью. Он был совершенно слеп, и многие студенты пользовались этим: намочат книгу, чтобы не шуршала, и отвечают, "как по-писаному". Мне такой метод не нравился. Я пошел сдавать на авось — будь, что будет!

В первом вопросе билета предлагалось рассказать о биуретовой реакции, которую я не знал. Мысленно прикинув: "Большинство реакций названо по имени первооткрывателя... биохимия — наука сравнительно молодая... Кто же был по национальности Биурет? Скорее всего, скандинавец", — я с видом знатока стал отвечать:

— Биуретовая реакция была открыта известным шведским химиком Биуретом в конце девятнадцатого столетия...

— А Вы, случайно, стихи не пишете? — перебил меня профессор.

— А что? — насторожился я.

— Да очень уж складно врите. Пойдите почитайте.

В коридоре я взял у кого-то из экзаменующихся учебник и прочел: "Биуретовая реакция основана на выделении биурета, который представляет собой две молекулы мочевины, соединенные кислородным мостиком..."

После этого я сдавал биохимию шесть раз. Знал ее почти на зубок, но Яичников каждый раз к чему-то придирался и выгонял с экзамена. В последний день сессии, когда мне в случае провала грозил "хвост" и лишение стипендии, он вместо билета предложил:

— Назовите формулу воды.

Я назвал.

— Ну, теперь врать на экзаменах не будете? — спросил он и поставил тройку.

Я нахватал троек, хвастать оценками не приходилось, а произвести впечатление все же хотелось.

Однажды одна девочка, жившая на четвертом этаже, потеряла ключ от комнаты. Я решил ей помочь и перелез по карнизу из соседней комнаты. Ширина карниза не превышала двух-трех сантиметров, и о моем стенохождении заговорили. Мне это понравилось, и я стал просто так лазить по карнизам, радуясь, если какая-нибудь девчонка за меня пугалась.

Кто-то из друзей посоветовал: "Чем дурью мучиться, пошел бы в альпинистскую секцию". Оценив разумность этого совета, я последовал ему и летом 1947 года оказался в альпинистском лагере Туюк-су в горах Тянь-Шаня.

На следующий год, надеясь сочетать езду на лошадях с лазаньем в горах, я попросился на практику в Горный Алтай на конный завод. Через этот завод должна была проехать археологическая экспедиция на раскопки скифских курганов, в которой участвовал наш заведующий кафедрой коневодства профессор В.О.Витт. Он обещал прихватить и меня.

СТАНОВЛЮСЬ ИССЛЕДОВАТЕЛЕМ

Однажды я ехал на лошади на одно из отдаленных пастбищ. Лошадь шла мелкой рысью, я еще не приноровился ездить в казачь-

ем седле не облегчаясь (приподнимаясь в стременах в такт шага лошади). Солнце припекало и размаривало. Захотелось передохнуть. Спутав лошадь, я разлегся на потнике и задремал под журчание ручья. Справа от ручья была чудесная полянка, а слева склон зарос чемерицей — растением до полутора метров высотой из семейства лилейных, довольно ядовитым.

Когда я проснулся, то увидел, что мой Лось (так звали лошадь) перебрался в заросли чемерицы и мирно объедает сочные листья. Вспомнились слова профессора по зоогигиене Озерова: "По данным профессора Полянского, двести граммов сухой чемерицы вполне достаточно, чтобы убить лошадь... Чемерица содержит сильные алкалоиды, которые действуют на сердце и дыхательные пути... Признаки отравления наступают очень быстро — через час-два. При отравлении у лошадей наблюдается сильное возбуждение, судороги, расширение зрачков, колики, дыхание замедляется, пульс и температура падают..."

Сколько же времени я проспал? Много ли лошадь съела чемерицы? Успею ли я доехать до ближайшего ветеринара? Я быстро перевел Лося через ручей на "хорошую" траву и осмотрел заросли чемерицы. На участке примерно в пятьдесят квадратных метров было съедено около трети всех растений, следовательно, мой Лось съел более десяти килограммов этого ядовитого растения! Оседлав лошадь, я поспешил к ближайшему участку, где надеялся встретить ветеринара. Лось дышал ровно, а когда я останавливался, чтобы дать ему отдохнуть, флегматично помахивал хвостом, не проявляя никаких признаков возбуждения. Случайно я встретил ветеринара и зоотехника, трусивших на своих лошадях. Выслушав меня, они посмеялись над моими опасениями и сказали, что местные лошади к чемерице привыкли и едят ее не хуже другой травы.

Вскоре мне пришлось пасти косяк лошадей, и я специально подсчитывал количество съеденной чемерицы. Ел чемерицу и племенной жеребец, недавно привезенный из донских степей. Значит, дело не в привычке местных лошадей к яду.

В библиотеке я начал подбирать литературу по этому вопросу в надежде, что наткнусь на методику определения вератринов (ядовитых алкалоидов чемерицы) химическим путем. Попутно я нашел ссылку на профессора Хребтова, который также заметил, что на Алтае скот поедает чемерицу. Сделав химические анализы и не обнаружив алкалоидов, я пришел к мысли, что чемерицу можно использовать в качестве силосного растения. Вопрос был не праздным. В Горном Алтае силосные растения не растут.

Сено запасать трудно. Из-за крутых склонов и большого количества камней косилку практически не используют. Концентрированные корма завозить далеко — до железной дороги сотни километров. Поэтому скот всю зиму тибинует — добывает себе корм из-под снега. Коров доят только в летний период, так как скотных дворов там не строят.

Между тем запасы белой чемерицы на Алтае были огромны. С каждых ста квадратных метров она может дать пятьдесят-шестьдесят килограммов зеленой массы, то есть, гораздо больше, чем обычная трава, которую используют для силосования. По питательным качествам чемерица оказалась выше луговой травы и таких известных силосных растений как подсолнух и кукуруза. Я приготовил две бочки чемеричного силоса, скормил его волам и доказал рентабельность этой затеи.

У меня возникли две гипотезы для объяснения безалкалоидности алтайской чемерицы.* Первая: чемерица растет медленно и дает первые семена только на двадцатом году жизни. Безалкалоидные формы везде были съедены до того, как начали размножаться, и не выдержали конкуренции с другими видами растений. На Алтае же единственное травоядное животное — горный козел, который пасется на открытых склонах. В чемерицу он не лезет. Вот и сохранилась безалкалоидная чемерица до наших дней. Вторая: алкалоиды образуются ночью, когда в растениях преобладают процессы диссимиляции. А в горах ночью заморозки и все процессы приостанавливаются...

Вот это и послужило материалом работы, которую я доложил на конференции и "сшиб" за нее первую премию, о чем уже хвастался выше... Вскоре после конференции меня вызвали в комитет комсомола. Я несколько удивился, так как, судя по уставу, должен был считаться механически выбывшим. Сразу после армии я потерял комсомольский билет и перестал платить членские взносы. Сначала я предположил, что мне предложат восстановиться в комсомоле и, как это делалось в подобных случаях, объявят строгий выговор. Однако уже у дверей комитета эту версию пришлось оставить, так как вместе со мной были приглашены и незапятнанные своей комсомольской репутации студенты. Нас, получивших премии на конференции, ЦК ВЛКСМ награждал почетными грамотами. Подписал их первый секретарь ЦК комсомола Михайлов, а вручал какой-то босс рангом пониже. Присутствующий при церемонии комсомольский актив

*О том, как эти гипотезы пришли мне в голову, написано в книге "За пределами реального".

настаивал на том, чтобы у каждого награждаемого красовался на груди комсомольский значок. Кто-то приколот свой значок к лацкану моего пиджака. "Как в драмкружке, — подумал я, — когда нацепляешь на себя нужные по пьесе регалии".

СТУКАЧИ

В следующем 1949 году я собирался пройти практику на конном заводе в районе Северного Кавказа. Но неожиданно был вызван в деканат, где мне сообщили, что дирекция Академии направляет меня в учебное хозяйство Батрачку. Я начал выяснять, чья это инициатива. Но все те, с кем я разговаривал, ссылались друг на друга. Я понял, что толку не добьюсь, и решил не ломать зря копья, а ехать, куда посылают. Появилось ощущение какой-то обреченности. Потом я понял, что это не было результатом только предчувствия.

Еще на третьем курсе профессор Д.А.Кисловский предложил мне такую работу — выяснить с помощью серологических реакций близость родства между лошадью, ослом, зеброй и куланом. В свободные от лекций часы я часто работал на кафедре генетики и разведения сельскохозяйственных животных. Рядом со входом на кафедру была дверь спецчасти академии. Я часто видел, как оттуда выскакивали раскрасневшиеся взволнованные студенты. Однажды через кого-то из студентов пригласили туда и меня. Начальник спецчасти представил меня какому-то человеку со шрамом на щеке, назвав его Иваном Ивановичем. Иван Иванович первым делом сказал, что ему известно, что у меня в тумбочке лежит привезенный с фронта револьвер. Я заявил, что этого не скрываю, так как револьвер "Смит Вессон", во-первых, без патронов, во-вторых, декоративный, в-третьих, все равно испорчен. Он потребовал, чтобы я его принес. Когда я это сделал (вынув из него предварительно некоторые детали), он сказал, что, согласно статье 182 Уголовного кодекса РСФСР мне грозит тюрьма за незаконное хранение оружия, но он мне поможет выпутаться из этой истории, если я соглашусь помочь ему. Я спросил, в чем будет заключаться моя помощь. Он пообещал поговорить со мной в следующий раз.

Тут я допустил непростительную недогадливость. Если бы я сразу понял, что он вербует меня в стукачи, и послал бы его ко всем чертям, то разговор, возможно, на этом прекратился бы. Но он решил, что я понял и колеблюсь. На следующий раз он разговаривал со мной так, как будто бы я уже согласился, и когда

я, перебив его, заявил, что шпионить за товарищами — не моя профессия, он ужасно обозлился: "Мы что, с Вами в бирюльки играем? Вы еще пожалеете!"

Через некоторое время меня перевели в другую комнату общежития. Обычно комендант в расселение студентов старших курсов не вмещивался. Люди объединялись по четыре человека в комнате в зависимости от свободных мест и взаимных симпатий. Здесь же была проявлена поразительная настойчивость. Все стало ясно, когда в эту же комнату был поселен Коля Дзюба, о котором ходила слава стукача.

Решив, что удобнее жить с явным стукачом, чем с тайным, я не стал сопротивляться. Однако организовал с помощью своих товарищей слежку за Дзюбой. Мы выяснили, что он общается с Иваном Ивановичем в доме на Бутырском хуторе, квартира 91, что фамилия Ивана Ивановича Скоморохин, что доносы Дзюба посылает по почте, там же "до востребования" получает соответствующие инструкции и переводы на 147 рублей в месяц, что отец его работает в системе ГУЛАГа, а сам он проходил практику у отца в Карлаге.

Чтобы не вызвать у него подозрения в недоверии, я ему как-то плакался в жилетку о том, что безнадежно влюблен в Таню Покровскую — студентку с другого факультета (она заходила ко мне в общежитие по делам конно-спортивной секции и вызвала его любопытство), но она любит Павлика Волощика. Всю эту интерпретацию я потом услышал из уст следователя.

СНОВА АРЕСТ

Итак, в мае я уехал на практику, а в июне отпросился в Москву для консультации с руководителем дипломной работы. Там меня и арестовали.

На учебно-опытной конюшне содержался трижды венчанный чемпион Советского Союза жеребец Будынок, доживающий свой век в качестве экспоната. Все конники относились к нему с почтением и проехаться на нем считалось большой честью. Утром я пошел на конюшню ко времени проминок и мне повезло — более достойного наездника не оказалось и промять Будынка досталось мне. Отхаживая лошадь после легкой рыси, я заметил двух людей — одного в МГБешной форме, другого в штатском. Штатский подошел ко мне и спросил фамилию. Я назвал. Он сказал, что ему нужно со мной поговорить. Я понял, в чем дело, и спросил: "А ордер у Вас есть?". На что он невозмутимо ответил:

— Есть.

— Ну, тогда, — сказал я, — закончу проводку Будынка и к вашим услугам.

В общежитии сделали довольно поверхностный обыск и повели к коменданту, где сидели с полчаса. Оказывается, не застав меня на месте в общежитии, чекисты отпустили машину, а арестовав, заказали другую. Видимо, тогда с машинами было труднее, чем сейчас.

В машине я спросил:

— Куда вы меня везете, в Бутырку или Таганку? — я знал название только двух московских тюрем.

— Нет, — ответил один из них, — сначала к нам в гости, на Лубянку.

Дальше все происходило, как описано в романе Солженицына "В круге первом", с той только разницей, что я удивительно легко входил в новое естество. Более того, у меня, как ни странно, было какое-то приподнятое настроение. Я даже попытался запеть, но тут же был одернут. На допрос к следователю Русеву я попал еще "тепленьким", не побывавшим в общей камере, и очень голодным — наступила ночь, а меня еще не кормили.

Вошел во время допроса какой-то полковник и стали допрашивать вдвоем. Майор Русев орал: "Шпион, диверсион!" и матерился, а полковник мягким баритоном его останавливал:

— Не кричи, он мальчик хороший, он нам и так все расскажет. Ведь ты же не хочешь, — ласково обращался он ко мне, — чтобы тебе жопку набили?

Не знаю, "потек" ли бы я, если бы мне предъявили какие-то конкретные обвинения, но слишком широкий их диапазон вызвал во мне негативную реакцию. На все вопросы, кроме анкетных данных, я отвечал — нет, нет и нет.

ЛУБЯНКА

Ночью меня ввели в камеру номер 60, где стояло шесть раскладушек, на которых спали мои сокамерники. Я предполагал, что приход нового человека вызовет интерес, и что-то громко сказал, но проснувшиеся зашикали:

— Тише, спи, завтра расскажешь.

Вскоре я узнал, что сон на Лубянке ценился более всего: на него отводилось шесть с половиной часов, но систематические ночные допросы сокращали и этот срок, приводя людей к постоянному недосыпанию.

Меня поместили на место, освобожденное сыном расстрелянного по делу Тухачевского Базилевича. Его следствие было самым коротким. На допрос вызвали всего один раз, и следователь сказал:

— Следствием установлено, что Вы являетесь сыном врага народа Базилевича. Признаете себя виновным?

Он ответил: "Признаю", — и через два дня его отвезли в Бутырку, где большинство сидело в ожидании решения ОСО или суда.

Ближайшим соседом по койке был десятиклассник Боря Карташев. Собственно, он был только переведен в 10-й класс и арестован во время каникул. Его обвиняли в причастности к какой-то мифической организации "Голубой фронт". С ним нас судьба свела и в дальнейшем. Он получил семь лет, освобожден без снятия судимости в то время, когда я работал зоотехником под Тулой. Так как ему нельзя было прописаться у матери в Москве, я его сагитировал поселиться в Туле, где познакомил со своими родственниками. Вскоре он женился на моей троюродной сестре. Обладая литературными способностями и знанием истории, он написал несколько книг, но, получив первые гонорары, поехал с семьей на юг и утонул в Азовском море.

В основном, народ в камере был привилегированный. Бывший заместитель Луначарского Ходоров, начальник строительства Министерства сельского хозяйства, профессор рыбного института, кинооператор Ляховский, которого посадила его любовница — сотрудница "Вечерней Москвы" Светланова. Она заявила, что он ей сказал: "Если бы я не читал газеты, откуда бы я знал, что у нас в стране счастливая жизнь?".

Нужно сказать, что обстановка в камере обманула мои ожидания. Я думал, именно здесь, где сидят политические преступники, можно услышать больше всего разговоров на политические темы. Но эта тема оказалась запретной. Во-первых, каждого подозревали как потенциальную "наседку", во-вторых, каждый считал себя невиновным, а других виновными (ведь органы не ошибаются). Правда, вскоре люди начали понимать, что невиновны все, кроме властей. Так или иначе, разговоры, в основном, касались бытовых тем, и мы развлекались, как могли.

В камеру привели старого еврея, бывшего бундовца. Он нас поражал своей наивностью, каким-то детским простодушием. Из нашего окна выше "намордника" просматривалось окно, за которым была парикмахерская. Пользовались ею, очевидно, только чокисты, так как заключенным бороды стригли машин-

кой раз в десять дней. Старик спросил как-то:

— А нельзя ли за деньги побриться?

Так как он все принимал за чистую монету, его стали разыгрывать: записаться к парикмахеру можно у вертухая; стоит бритье с одеколоном три рубля; лучше бриться не у мужчины, а у девушки и так далее.

Утром при смене дежурства в камеру заходили вертухай и спрашивали:

— Вопросы есть?

Вопросы полагалось задавать как можно короче, но старичок превзошел все наши ожидания, попросив:

— Запишите меня за три рубля к девушке...

В другой раз мы хохотали над бывшим министром, который съел весь полученный через ларек зеленый лук и запоносил. Он слезно выпрашивал у надзирателя разрешения вне очереди посетить уборную, и когда тот сжалился и открыл дверь камеры, министр, зажав рукой задницу, стремглав ринулся вон.

Недели через две после ареста бодрое настроение у меня испарилось и началась хандра. На допросы вызывали по ночам, питания не хватало: кроме тюремного рациона нам разрешалось раз в десять дней выписывать ларек в очень ограниченных пределах. Настроение было отвратное. Я почувствовал, что необходимо как-то встряхнуться, и решил пойти на авантюру.

Обобщая опыт допросов сокамерников, я понял, что основные конфликты со следователем происходят оттого, что последний стремится наладить контакт с подследственным, а тот всячески этого избегает, чтобы не сказать лишнего.

”ПРОЕКТ ГИПОТЕНУЗЫ”

И вот я решил сделать ”вылазку из осажденной крепости” и во время утренней поверки попросился к следователю. Часов в двенадцать меня вывели (раньше, очевидно, не могли, так как следователь отсыпался после ночных допросов). Я заявил, что хочу дать чистосердечные показания. Русев очень обрадовался, вызвал звонком горничную и велел ей принести ”покушать”. Вскоре она явилась с подносом, на котором стояла бутылка лимонада и две марципановые булочки, с которыми я быстро расправился. Русев спросил, буду ли я диктовать, или хочу писать сам. Я предпочел диктовать, и он стал записывать, как я 29 февраля 1947 года кричал на перекрестке Лиственничной аллеи и Ленинградского шоссе ”Долой Советскую власть!”, как какой-то ино-

странец меня попросил достать проект гипотенузы в конструкторском бюро Тимирязевской академии и что-то еще в этом роде. Часа в три меня опять вызвали к следователю и дали расписаться в том, что я теперь обвиняюсь по статье 58, пункты 1а, 10 и 11 (измена родине и антисоветская агитация) и по статье 182 (незаконное хранение оружия).

Вечером опять вызвали и повели куда-то на седьмой этаж, где ввели в шикарный кабинет. За письменным столом сидел генерал, а на краешке стула — мой следователь. Генерал спросил:

— Зачем Вы заявили такую чушь?

Я ответил:

— Меня просил следователь. Он меня за это булочками угощает.

Русев хотел что-то возразить, но генерал, ударив кулаком по столу, начал при мне его материть, да так искусно, что я просто залюбовался.

Потом меня повели в камеру. Минут через десять вызвали снова и, не выводя из тюрьмы — здание тюрьмы было отделено от следственных помещений комнатой, где заключенный, проходя туда и обратно, расписывался в особой книге, — повезли на лифте куда-то вниз. Там зачитали, что за "провокационные показания на следствии" меня сажают на пять суток в карцер. Карцер представлял собой кабинку 70х60 см с наклонным потолком и маленькой скамеечкой. Выпрямиться было нельзя и все члены от сидения в неудобной позе затекали. Утром и вечером выводили "на оправку", причем вертухай предупреждал: "Много не пей, раньше срока не выведу".

Не знаю, как бы я перенес пять суток, но на другой день меня вывели, посадили в воронок и повезли. Я решил, что везут в Сухановку. Следователи называли ее "дачей", а официально она именовалась "спецобъект 110". Этот спецобъект пользовался у заключенных дурной славой. Я потом встречал людей, в нем побывавших, и все они выходили оттуда инвалидами.

Кстати, там побывал и упомянутый Ляховский, которого следователь еще на Лубянке заставлял несчетное число раз вставать и садиться. Ляховский в конце концов отказался, сказав:

— Ты мудака, а здесь не урок гимнастики.

За это его перевели в Сухановку и поместили в подвал, до колен заполненный водой. Там он простоял четверо суток и упал с лопнувшими на ногах венами. Из воды его тут же вытащили, откачали, перетянули эластичным бинтом ноги и потащили на допрос.

СИМУЛЯНТ

Я прислушивался к городскому шуму и чувствовал, что пока меня везут по городу. Вскоре воронок остановился и конвоир сказал: "Выходи!". Привезли меня, как потом выяснилось, в институт судебной психиатрии им. Сербского. Что я там говорил профессору Холецкому, не помню, но он решил направить меня на стационарную экспертизу. Вернули меня в камеру, а не в карцер, и через неделю (когда освободилось место) снова повезли в институт Сербского, где я пробыл целый месяц. В этот же день туда поместили только что защитившего кандидатскую диссертацию и получившего работу доцента в Черновицком университете

математика А.С.Вольпина, дружба с которым у нас возобновилась после освобождения и продолжается по сей день. Кроме прочих талантов, он обладал феноменальной дальновзоркостью. Это он в конце экспертизы, находясь в кабинете врача, через всю комнату прочитал лежавшее на столе заключение о моей вменяемости. Я тогда был расстроен, так как считал, что психушка лучше лагеря. Впрочем, для меня этот вопрос остается дискуссионным и поныне.

Был с нами в институте и общепризнанный стукач, лектор-международник Зорин. Он "тронулся" на том, что ужасно боялся, как бы какая-нибудь жертва его доносов не отомстила бы ему. Он с хвастовством рассказывал, как изнасилованная им девочка-мусульманка покончила с собой. Может быть, это было и жестоко, но мы его стали доводить анонимными записками типа: "Сегодня ночью Вас задушат полотенцем" или "Не вздумай принимать лекарств — врачи тебя хотят отравить". Это приводило его к истерикам и конфликтам с врачами, что делало жизнь не особенно приятной. Впрочем, что посеял...

Через месяц я, загоревший и окрепший (прогулки здесь были по несколько часов в отличие от получасовой в Лубянском изоляторе) вернулся в свою камеру, где меня прозвали симулянтом.

Как ни странно, но с Русевым у нас отношения стали значительно лучше. Возможно, я польстил ему тем, что заподозрил в нем что-то человеческое. Однажды он меня спросил:

— Небось, в камере меня ругают? Интересно, кто больше?

Я ответил:

— Ну, эта тема — ~~запретная~~ для разговоров.

— Почему?

— Да Вы сами, наверное, не уважаете стукачей. Представьте, что следователь Аполонин (его стол стоял в том же кабинете) донесет, что Вы мне рассказали анекдот о сталинской трубке. Вряд ли Вы его не осудили бы за это.

Он что-то промямлил, а потом, как бы невзначай, сказал:

— Вот ты парень, в общем, хороший, мне бы не хотелось, чтобы мой сын попал в такую историю. Сам сюда на карачках приполз! — Очевидно, он имел в виду мой отказ сотрудничать с районным оперативником.

Орать теперь он на меня начинал только для создания видимости работы. Спросит, бывало, какую козу завести на даче. Я рассказываю о козлиных породах. Вдруг слышим шаги по коридору. Он тут же как заорет:

— Так ты будешь... твою мать, давать показания! — шаги утихнут, и он спокойно — Так сколько молока дает волжская порода?

Менее всего Русев походил на театрала, однако, когда я спросил, знаком ли он с системой Станиславского, сказал:

— Да, а что?

— А мне показалось, что Вы, прежде чем начать материть, уходите в себя, перевоплощаетесь.

— Что же поделаешь, если иной раз на вас зла не хватает.

По инерции, оставшейся от института Сербского, я часто хохмил. Однажды Боря Карташев рассказал, что во время допроса ему захотелось по естественным надобностям. Следователь вызвал вертухая и тот повел его в служебную уборную. Борька с восторгом рассказывал о кафельных плитках, туалетном мыле, горячей воде и чистом полотенце. Я приспособился тоже проситься. Там я раздевался до пояса и, не заботясь о времени, мылся теплой водой. Следователю это, наконец, надоело и он, в ответ на очередную просьбу, отказал. Я стал настаивать, на что он бросил: "Ссы в сапог". Я не спеша стал стягивать сапог, предупредив однако, что он дырявый и все равно в нем ничего не останется. Тогда следователь сказал, — обожди. — и вызвал вертухая.

Уже в октябре Русев спросил, хватает ли мне питания. Я пожал плечами. Он сказал, что может выписать мне больничный паек, где калорий больше, чем в обычном. Я сказал, что обойдусь. Потом старые лагерники меня за это отругали: что удастся урвать у администрации — благо. Тем более, после четырех месяцев следствия больничный паек полагался. Правда, следователю давалось право лишить строптивного подследственного этой привилегии, но и милостью с его стороны это не было.

СИНЯЯ ПАПКА

В конце ноября или начале декабря меня ознакомили с синей папкой дела (на столе обычно лежала и желтая папка, в которой находились агентурные данные). Тут я узнал, что привлекали меня по статье 7/35 — социально опасный. В постановлении на арест было сказано: является сыном репрессированного, ведет подозрительную по шпионажу переписку. Поводом для последнего обвинения послужило письмо к моему армейскому товарищу Лукьяненко, который жил в Карпатах и интересовался итогами августовской сессии ВАСХНИЛ в Москве. Я ему написал свои личные наблюдения в довольно резких тонах. За Лукьяненко в это время велось наблюдение, так как некто Озерова Людмила Васильевна из Львова сообщила в МГБ о том, что он вел с ней антисоветские разговоры.

Узнал я и о том, что по моему делу вызывали трех свидетелей. Неля Шарашина, явно попав под влияние допрашивавшего, заявила, что у меня есть друг, который скрывается под фамилией Лукьяненко, и что "кроме одного сеанса гипноза" она за мной "антисоветской деятельности не замечала". Неля жила в Новосибирске, мы с ней познакомились в альплагере, и по дороге на Алтай я с ней виделся. Двое других были члены конной секции при Тимирязевке — Таня Покровская и Павлик Волощик. У моего персонального стукача Коли Дзюбы сложилось впечатление, что мы с Павликом соперники. Вот следовательно и решил обыграть подобное трио... Оба эти свидетеля не дали против меня компрометирующих показаний. Я не знал адреса Павла, так как он, окончив пятый курс, уехал, а Тане написал уже из лагеря письмо, в котором поблагодарил за ее поведение на следствии. Она мне ответила и сообщила, что вышла замуж за клоуна Московского цирка Юрия Никулина. Совсем недавно я во время антракта в цирке заходил к ним в уборную. С Павликом мы тоже встречались после моего освобождения.

К моему удивлению, протокола о гипотенузе и о 29-м февраля в деле не оказалось, зато сильно акцентировалось преподнесение цветов уволенным профессорам. Возможно, это было связано с тем, что данный эпизод — как говорил мой следователь — освещался в зарубежной печати. Я видел только газету, которой он издали помахивал.

БУТЫРСКАЯ ТЮРЬМА

Вскоре после окончания следствия меня перевезли в Бутырку. Здесь камеры были человек по сорок — сплошные нары справа и слева от прохода. Бросилось в глаза обилие солдатских шинелей. В основном, это были солдаты, солдаты стройбатов. После войны тех, кто побывал в плену или был чем-то скомпрометирован, не демобилизовывали, а переводили в стройбат. Там они всегда "под рукой", и если появлялся повод завести на кого-нибудь дело, того сажали в Бутырку. Дела эти вела военная коллегия, и на допросы их возили в воронках или следователи приезжали в тюрьму.

Возле окна разместились бывший офицер власовской армии и солдат из охраны Кремля. Солдату инкриминировали попытку террора. Дело было так. Во время чистки оружия он спросил у своего лейтенанта, в каком оружии нет ни одного винта (имелся в виду пистолет ТТ), лейтенант не ответил — не знал. Этот солдат его пристыдил — если не знаешь оружия, то и стрелять, небось, не умеешь! Лейтенант разъярился:

— Становись на сто метров раком, я тебе в задницу попаду!

— Да ты и в плакат промахнешься! — А на плакате-то, среди знамен и еще чего-то, было изображение Любимого Вождя.

Лейтенант донес, солдата арестовали, и не будь он защитник Кремля, вlepили бы сразу десятку, и будь здоров! А тут — нет. При мне четыре раза возили его на суд и четыре раза возвращали дело на доследование. Судьи явно чувствовали себя неуютно. С одной стороны, МГБ, с другой — на суд каждый раз приезжал комендант Кремля, защищавший и честь своего мундира (как же, у него под началом служил террорист, где же его бдительность!), а также и другие высокие чины. Так я и ушел из камеры, не узнав, чем это дело кончилось. Любопытна динамика мировосприятия этого солдата. Перед судом после допросов он материл Советскую власть, допускающую такие беззакония. После суда, убедившись, что эта же власть в лице коменданта Кремля за него заступает, превозносил ее до небес. Власовец явно верховодил над кремлевцем, и вскоре после очередного суда мнение последнего о совет-

ской власти безнадежно падало. Эта пара приняла меня в свою компанию. Мы сообща выписывали ларек и сообща питались.

Еще на Лубянке я выучился у одного из повторников тюремной азбуке — махаться. Во дворе работали уголовники, и я попытался завязать с ними контакт. Затея была безнадежная — они с нами, "фашистами", контактировать не хотели. На этом деле я попался и снова угодил в карцер. На этот раз меня раздели до белья, дали шинельку с отрезанными полами и ввели в камеру 3х6 шагов. К стенке была привинчена койка — три горбыля с железными перекладинами. Днем койка поднималась, и вертухай ключом припирал ее к стене, а ночью она опускалась на цементный столбик сантиметров двадцать в диаметре. На этом-то столбике можно было сидеть днем, но недолго, так как он был холодный и сырой, а шинель была обрезана выше того места, на котором следует сидеть. Вот я и бегал весь день из угла в угол. Помня совет Эптона Синклера, что лучше не есть совсем, чем есть мало, я объявил голодовку. Мое заявление на вертухаев не подействовало, триста граммов хлеба они мне оставляли в камере и я его складывал в углу. Из карцера я вернулся с полутора килограммами хлеба накануне нового 1950 года. Как ни странно, в камере еще не затухли разговоры об амнистии, которую ждали к 70-летию Сталина (21 декабря). Теперь ее ожидали к Новому году. Все время, проведенное в заключении, я слышал разговоры об амнистиях. Возможно, слухи распускало само начальство, чтобы заставить людей лучше работать и не пытаться бежать. В лагере я подобную мысль облек даже в стихотворную форму:

*Землекоп копает землю
То лопатой, то киркой,
А над ним сидит и дремлет
Полусонный часовой.*

*Каменистый грунт попался.
Ноют руки, солнце жжет...
А на воле сын остался
И жена, наверно, ждет.*

Подошло как будто время

Потихоньку подойти,

Часового стукнуть в темя,

Бросить кирку и уйти.

Оказаться на свободе,

Повидать жену, ребят...

Хорошо бы!.. Но в народе

Про амнистию твердят...

Часовой сидит, зевает,

Рядом с ним ружье лежит.

Он спокоен, ибо знает —

Землекоп не убежит.

Видимо, по иронии судьбы, я был одним из немногих, которые никогда не верили в амнистию по 58 статье, и один из немногих, осужденных по этой статье и амнистированных. Я попал под амнистию и в 1972 году, обвиняясь опять же по политической статье. Теперь я могу говорить о своей уникальности.

В начале января меня вызвали с вещами. По дороге подвели к столу, где дали расписаться на бумажке, гласившей, что за антисоветскую агитацию, за попытку организовать демонстрацию против сессии ВАСХНИЛ, одобренную ЦК ВКП/б/, я приговариваюсь к пяти годам лишения свободы в ИТЛ общего типа.

Я был удивлен, так как большинство сокамерников получало десятку. Вспомнив манеру подписываться у кого-то из царей, я написал "Прочел с удовольствием" и расписался.

Перевели меня в соседнюю камеру №106 (старая была 104). Уборная у нас была общая, я натер возле окна мылом кафель и написал на нем спичкой, где нахожусь и что получил. Этот прием мы разработали еще в предыдущей камере. Свет на кафель падал таким образом, что буквы можно было разобрать только под определенным углом зрения. Поэтому вертухай, осматривающий туалетную комнату после каждой партии заключенных, увидеть надпись не мог.

В новой камере я подружился со студентом биофака МГУ Андреем Трубецким. Он сидел, в основном, за фамилию. Раненно-

го во время отступления наших войск, его оставили на поле боя. В немецком госпитале какая-то женщина, ухаживавшая за ранеными, нашла его родственника. Тот, сумев доказать, что род Трубецких происходит от литовского князя Гедимина, забрал Андрея из госпиталя (немцы отдавали родственникам только раненых прибалтийцев). Когда Андрей поправился, он ушел в партизаны, но это не избавило его от семи лет советских лагерей.

По другую сторону от меня на нарах разместился бывший анархист В.А.Улановский. Его жена и дочь получили по двадцать пять лет, а он отделался десятью годами. В.А.Улановский был прекрасный рассказчик, очень много повидавший. Я рад, что смог продолжить знакомство с ним и его семьей после освобождения (их всех реабилитировали).

Вскоре меня опять вызвали с вещами, дали традиционную селедку с пайкой хлеба и повезли на этап.

ЭТАП

За время пути мне довелось побывать в нескольких "столыпинских вагонах". Купе там отгорожены от общего прохода решеткой, вторая и третья полки — сплошные нары. На каждой из них размещается по четыре-пять человек. Кроме того, обычно по четыре человека сидят на каждой из нижних полок. Итого, около двадцати человек в каждом купе, сто шестьдесят человек в вагоне, не считая охраны. Для охраны отводится одно или два купе, разумеется, без решеток, и одна из уборных. Вторая уборная предназначена для заключенных.

Так как "на оправку" выводят три раза в день, а выдаваемая в дорогу селедка "просит пить", то путешествие в подобных вагонах не доставляет большого удовольствия.

Однажды нас посадили в вагон, на котором была дата 1911. Это был настоящий дореволюционный "столыпин". Вместо нар там были обыкновенные полки. Видимо, в столыпинские времена вагон рассчитывался на гораздо меньшее количество заключенных. Впрочем, он был задуман для перевозок не заключенных, а семей переселенцев со всем их скарбом, включая и скот.

Кстати, о Столыпине. По рассказам бабушки, он был челове-

ком умным, пожалуй, даже мягким и безупречно преданным царю. Она видела его записку, написанную незадолго до смерти. "Прошу похоронить меня там, где меня убьют. Я рад умереть за царя".

Как ни парадоксально, но некоторые старые большевики говорили: "Если бы Столыпин повесил нашего брата раз в сто больше, то, возможно, не было бы революции и уцелели бы миллионы невинных жертв сталинских репрессий". Правда, большинство из них не разделяло этого мнения.

Первый раз я попал в "столыпин" у Рижского вокзала (своеобразная пересылка) и просидел в нем всего несколько часов. Потом, останавливаясь в Куйбышевской и Петропавловской пересыльных тюрьмах, прибыл 4 марта, в день моего рождения, на Карабас — центральную пересылку Карлага, недалеко от Караганды.

Впервые со дня ареста я смог выходить из барака не только во время прогулки. В зоне стояла запряженная лошадь, на которой что-то привезли. Я так обрадовался, что обнял ее голову и с упоением вдыхал знакомый запах.

Еще в Петропавловской пересылке я устраивал сеанс гипноза, демонстрируя наиболее эффектные штуки, и теперь на Карабасе меня опередила слава гипнотизера, как обычно, явно преувеличенная. В результате, воры то ли побаивались (они, как правило, суеверны), то ли уважали меня, но конфликтов, по крайней мере, в первое время, не было.

В это время на Карабасе гастролировала артистическая бригада, состоявшая из заключенных. У меня с ними завязалась дружба, и артисты, убедив начальство, что для спектакля необходим опытный рабочий по сцене, вывели меня в клуб, находившийся за зоной. Запах грима мне показался так же мил, как запах конского пота, он ассоциировался с волей. Спектакль носил явно агитационный характер, но закулисная суэта создала у меня праздничное настроение.

На Карабасе я подружился с Николаем Давиденковым. Биолог по образованию, он обладал множеством талантов — художника, поэта, философа. По вечерам он излагал мне свою теорию

”биокритики Маркса”, которая заключалась в следующем.

Несмотря на всю привлекательность коммунистического общества — представление о нем сильно напоминает представление о рае у самых различных народов — построение коммунизма невозможно в силу биологических особенностей человека. По мнению Давиденкова, естественный отбор в человеческом обществе видоизменился: менее приспособленные особи не вымирают (как в природе), а эксплуатируются более приспособленными. Следовательно, человек не эволюционирует как вид, и все признаки и свойства, закрепленные естественным отбором в период формирования человека как вида, сохранились до наших дней. К этим свойствам он относил и потребность в искусстве. Очень красочно он изображал преимущества неандертальца, умеющего рисовать или обладающего сценическими способностями, в передаче информации сородичам (ведь говорить он не умел). Поскольку на заре развития люди жили небольшими, враждующими между собой группами, появился инстинкт деления людей на своих и чужих. Этот инстинкт остался, но общество укрупнялось. Возникли конфликты между социальными условностями и врожденными инстинктами, что привело к отсутствию духовной монолитности общества. Симпатии стали диктоваться сверху (вчера немцы наши друзья, сегодня — враги и так далее). В результате девиз ”Человек человеку друг, товарищ и брат” — утопия. А раз так, то даже при изобилии продуктов производства не может быть равного распределения. Кроме того, потребности всегда будут расти быстрее, чем их удовлетворение — иначе наступит конец техническому прогрессу и деградация общества.

С глубоким знанием истории он рассказывал о цикличности развития искусств и наук у разных народов, проповедуя взгляды, близкие к Вико.

Судьба Николая не была обычной. Сын богатого донского казака, ставшего потом видным ленинградским профессором-психиатром, и графини, он в 1938 году был арестован. На следствии ему выбили зубы, но потом что-то в верхах изменилось, и его выпустили. Он учился в аспирантуре по генетике в институте Кольцова, в 1941 году ушел в армию. При первой же возможно-

сти перебежал к немцам, но заявил, что разговаривать будет только с офицером не ниже генерала. Его привели к генералу, и он на чистейшем немецком языке сказал, что в лагерь не пойдет, пусть его лучше тут же расстреляют. Генерал удивился:

— Так чего же Вы хотите?

Дайте мне оружие и возможность воевать с большевиками!

Причем со свойственной ему смелостью он добавил, что гитлеризм ему так же чужд, как и сталинизм, но со Сталиным у него более крупные личные счеты, и так как реальным противником Советского строя в настоящий момент являются немцы, он готов с ними сотрудничать. Генерал был, возможно, из тех, которые потом составили оппозицию против Гитлера. Он пропустил мимо ушей слова о гитлеризме и направил Николая в Берлин.

Жизнь Давиденкова в оккупированной немцами Европе была столь богата событиями, что я, боясь что-нибудь перепутать, воздержусь от их описания. С Власовым он не сошелся, очень тепло отзывался о Краснове и Бурцеве. Многие русские эмигранты его недолюбливали за явные симпатии к немцам. Но мне ли осуждать Николая, если я служил под знаменем еще большего зла? Мы своими штыками насадили "новый порядок" чуть ли не в половине Европы. В лагерях я встречал прибалтов, поляков и прочих представителей "освобожденных народов" не меньше, чем было число остарбайтеров в Германии. А умри Сталин чуть попозже, еще неизвестно, чем закончилось бы "дело врачей". По многим прогнозам, и в деле истребления евреев Сталин переплюнул бы Гитлера.

Был Давиденков и в Платовской дивизии. Красочно повествовал он о том, как занимали одну из станиц. Русские ушли, а немцы еще не приходили. Население прячется по домам и опасно выглядывает в окошки — ждут, что будет. И вот с гиком и визгом влетают конники в папахах и бурках, впереди трехцветное знамя царской России. Кавалькада останавливается на площади перед сельсоветом. Кто-то набрасывает аркан на фанерный щит с серпом и молотом и "Советской власти" — конец. Население сначала осторожно, а потом смелее выходит из домов к прискакавшим. Вдруг крик:

— Маруська, твой племяш Егор здесь! —

или:

— Зовите Андрея, его свояк приехал!

Все смешивается, солдаты расходятся по хатам, но вдруг тревога — за балкой обнаружены красные! Тогда Коля написал стихи:

Прискакали веселые всадники.

Мы таких не встречали давно.

Заиграла гармонь в палисаднике,

Распахнулось резное окно...

До рассвета плясали на площади

И костры разводили не раз...

До рассвета усталые лошади

Отдыхали в конюшне у нас.

А потом над покатыми крышами

Сигналисты ударили дробь...

И заплакали девки бесстыжие,

Провожая шальную любовь.

Зашуршала акация листьями

И пошли эскадроны опять

За какие-то новые истины

В рукопашном бою умирать.

Служил он и в Рогожинском корпусе. В то время, когда корпус стоял в Австрии, им была написана книга "Дом родной", в которой он вспоминал ленинградские "Кресты" и другие следственные тюрьмы. Книга вышла под псевдонимом Николай Анин, который Давиденков придумал в честь своих двух возлюбленных — Ани и Нины.

После войны он разъезжал в качестве корреспондента по освобожденной от немцев Германии. Демаркационных линий в то время еще не было. При русском патруле шофер назвал его "господин поручик" и Колю арестовали.

Я пишу о Николае Давиденкове потому, что он (как мне потом сообщил его отец) умер в лагере и сам о себе никогда не напишет.*

ЖИЗНЬ БАРАЧНАЯ

Во всех лагерях мужские зоны отделены от женских. Наиболее темпераментные или просто изголодавшиеся по любви зеки, иногда с риском быть подстрелянными, перебирались в запретную для них зону. Не знаю, как вели себя мужчины в женской зоне, но женщины (очевидно, чтобы оправдать риск) не теряли времени понапрасну. Участок нар, куда попадала женщина, издали напоминал клубок спарившихся змей. Как-то утром Давиденков рассказал, что его ночью разбудил один вор (воры его уважали) и спросил: "Не хочешь?", кивнув на лежащую на нарах раздетую женщину. Колю удивил не столько сам вопрос, сколько его интонация, как будто говорилось: "Докурить не хочешь?". Он смутился, но отвечать не пришлось: в барак ввалились охранники вылавливать женщин.

Найти в полутемном бараке особь противоположного пола не так-то просто — они предусмотрительно надевали мужские брюки и кепки. Обычно ночью звучала команда "Становись!", и все зеки выстраивались вдоль нар. Дальше следовало: "Спустить штаны!", и вертухай, идя вдоль строя, освещал фонариком. Если у зека не оказывалось в наличии атрибутов мужского достоинства, его (вернее, ее) волокли в карцер. То же происходило в женских зонах, только освещала надзирательница.

Но, как говорится, из каждого правила есть исключения. Поскольку в артистическую труппу входили особи различного пола и им нужно было репетировать, мужской половине группы разрешалось посещать женскую зону, где была комната, отведенная для репетиций. Я как рабочий сцены был внесен в список бригады и мог ходить с ними на репетиции. Среди женщин была уникальная ясновидящая. Под гипнозом она буквально делала чудеса. Я ей внушал, например, что она сейчас находится на роди-

* Подробнее о смерти Н. Давиденкова можно прочитать в "Архипелаге ГУЛАГ" Солженицына, том II, стр.482.

не присутствующего на сеансе лекпома. Она говорила адрес, описывала дом, комнату и даже обрисовала облик находящихся в данную минуту там людей, и повторила их разговор. После соответствующей переписки с домом лекпом подтвердил, что все, переданное этой женщиной, действительно происходило. Подобные эксперименты я проделывал часто и до, и после Карабаса. Иногда они имели успех. Но столь поразительного эффекта мне получать не приходилось. Даже запотоколированный опыт, проведенный в Пржевальске (о чем я расскажу впереди), не может сравниться по эффектности с этим феноменом.

Объяснить сущность подобного явления с физической стороны я не берусь и теперь, хотя занимался этой проблемой сравнительно внимательно. В 1967 году мною была опубликована (не на русском языке) довольно большая статья "Белое пятно в биологии", где этот вопрос рассматривается с биологической стороны. Сама природа телепатии в этой статье не рассматривалась, так как из множества гипотез, приводимых в русской и зарубежной печати, ни одна, на мой взгляд, не выглядела достаточно убедительной.

ВОЛЯ В НЕВОЛЕ

Когда потеплело — это был уже апрель или май — сформировали долгожданный этап: всем хотелось какой-то определенности. На этот раз нас везли на юг и не в "столыпинках", а в теплушках. Высадили на станции Атасу и повели в селение Бидаик — центр того отделения, куда меня направили по спецнаряду ГУЛАГа зоотехником. На станции произошел малопримечательный случай, который, однако, закрепил мою репутацию гипнотизера.

Нас усадили возле полотна железной дороги и по индивидуальным просьбам часовые разрешали пойти за насыпь по естественным надобностям. Когда очередь дошла до меня, часовой на насыпи сменился, а новый, приняв меня за "вольняшку", чуть было не прогнал:

— Стой! Сюда нельзя, здесь заключенные!

Я как-то смутился и сказал:

— Но ведь там мои вещи.

В Бидаике меня назначили зоотехником по племенному делу, сразу же расконвоировали, дали лошадь с двуколкой и отправили на дальние выпаса, куда уже перекочевал весь скот. Работа зоотехника — это работа администратора. Администратор я был плохой тогда и остался таким же теперь. Кроме того, хочет администратор или нет, но он должен олицетворять волю хозяев, в данном случае, чекистов, так как хозяйство принадлежало НКВД. Я не хотел блюсти их интересы, то бишь, работать, но и отказываться от свалившихся на мою голову привилегий было бы глупо. Я решил наслаждаться жизнью. В степи было много озер, пресных и соленых. К пресным гоняли на водопой скот и их берега были загажены и истоптаны. Зато возле соленых можно было найти чудесные пляжики с белоснежным песком и тенистые ивовые кусты. В одном из таких мест я сделал шалаш из ивовых прутьев, назвал его дачей и проводил там почти все время.

К несчастью, я заразился малярией и раз в три дня метался в жару. Озноб был такой, что топчан подо мной вибрировал в такт моей дрожи. В полусознательном состоянии я думал: "Сколько энергии пропадает даром. Вот бы уложить всех знобящих больных в силосную яму поверх травы — как бы они ее утрамбовали!". Иногда меня рвало во время приступа желчью. Кажется, с тех пор я так и не излечился от всяких "-итов" (колит, гастрит, холецистит и прочее).

Однажды приехало начальство (какая-то комиссия) и стало искать зоотехника. Кто-то сказал: "Он на даче" и показал ее место. Я в это время только что выкупался и зарылся в теплый песок, прислушиваясь к пению птиц в ивовых кустах. Если бы я был кошкой, то мурлыкал бы от удовольствия...

Когда меня стали спрашивать о делах, то оказалось, что я не только не знаю количества коров, находящихся в моем ведении, но и где они сейчас находятся. Однако я был "номенклатурной единицей", прибыл по "спецнаряду" и для того, чтобы снять меня с должности, нужно было согласие какого-то начальства. Я решил, что теперь уже вникать в производство нет никакого смысла, и продолжал наслаждаться жизнью.

УРОК ЭКОНОМИКИ

Осенью стада вернулись на зимние "квартиры", и я приехал в Бидаик. Тут меня и сняли с должности зоотехника. Сначала назначили возить сено с поля на участок. Дали волов и арбу. Я стал вникать в производство. К этому времени лагеря перевели на хозрасчет. Это означало, что заключенные работают не за "пайку", как раньше, а за деньги. В каждой работе существовала норма выработки и тарифная ставка оплаты. Из причитающейся заработной платы вычиталась не то половина, не то четверть за то, что ты заключенный. Из оставшейся суммы вычиталась стоимость питания, обмундирования, охраны, освещения зоны, амортизации бараков и рабочего инвентаря и так далее. В общем, если норма выполнялась на 100%, оставалось очень немного. Но если норма не выполнялась, то вычеты превышали начисленную плату, и заключенный ничего не получал. Какой-то небольшой процент, который выдавали, настолько не соответствовал вложенному труду, что работать было явно нерентабельно. Что же касается пайка, то он выдавался всем, кто вышел на работу. Те, кто не вышел без уважительной причины, считались "отказчиками" и получали штрафной паек.

Взвесив все доводы за и против, я решил, что целесообразнее выходить на работу. Волы тянулись вереницей к сложенным в степи стогам сена, я лежа читал книги. Потом, когда все накладывали свои арбы — самая трудоемкая часть работы — я бросал несколько охапок сена в арбу и продолжал читать, пока более "жадные до заработка" товарищи не закончат работу. Обоз поворачивал к дому, волы плелись домой чуть быстрее, чем на работу, но все равно в день удавалось сделать всего одну-две ездки. В день зарплаты мы подвели итог: я заработал двадцать две копейки (по сегодняшнему уровню цен 2,2 копейки), самый работающий из нас — двенадцать рублей (он рассчитывал, по крайней мере, на сотню) остальные — по три-пять рублей. На следующий день те работяги, которые еще вчера стыдили меня за лентяйничество, последовали моему примеру, и обоз представлял собой жалкое зрелище — почти пустые арбы двигались с поля. Начальник участка

пришел в ужас: если так будет продолжаться, скот к новому году подойдет с голода, а ему не избежать нашей участи заключенного. Меня срочно решили изолировать и перевели на центральный участок "в зону".

БЕСКОНВОЙНИКИ

В Бидаике было две "зоны". Одна для лиц с большими сроками, другая — для малосрочников — "расконвоированных". Я попал во вторую. В первой зоне были постоянно сформированные бригады; их гоняли на строительство плотины и другие работы, на которых можно было занять сразу большое количество людей (так удобнее охранять). Здесь за выработку отвечал бригадир. Он был заинтересован в показателях и не жалел кулаков, а то и лопаты, чтобы выбить из своей бригады "проценты".

В бригадиры подбирались люди с тяжелыми кулаками и эластичной совестью. Чаще всего это были бывшие полицаи. Но и среди них находились разные характеры. Одни считали, что бить работяг следует "по отечески", чтобы они не потеряли трудоспособность: иначе процент занижится. Другие не считались с этим и были по-своему правы: искалеченных доходяг списывали в инвалиды, а на их место давали более крепких из новых этапов. Так происходило естественное обновление бригады.

Но в сельскохозяйственном лагере (а Карлаг был именно таким) существовало много работ, на которых можно было использовать только малое количество людей в одном месте. Ставить туда еще и охранника было невыгодно — попробуйте к каждому пастуху приставить по вертухаю! Бесконвойные ценились. Поэтому зеков, которые были расконвоированы, очень неохотно отправляли в конвойную зону.

Утром обычно был развод. Всех, кроме лежащих больных, выстраивали у вахты, и нарядчик тут же формировал бригады. Иванов, Сидоров, Петров — будете возить навоз из конюшни в сад; Икс, Игрек, Зет — окапывать яблони и так далее. Если группа оказывалась человек в десять, назначался старший. Выполненную работу принимал заказчик — заведующий садом, фермой и тому подобное.

Казенная кормежка была неважная: пайка хлеба шестьсот граммов и три раза в день супец или каша из черного ячменя, который зеки окрестили "карими глазками". Но бесконвойных этот харч мало беспокоил, так как все что-нибудь да воровали.

Как ни пыталось начальство с этим бороться — ничего не получалось. Бывало, ставили во время дойки наблюдателей в каждом проходе. Доярки разработали тут же свою технологию. Добудут у ветеринара клистирные трубки, протянут под платьем, нижний конец из-под подола опустят в подойник, который во время дойки зажимается между колен, а другой конец через воротник в рот, и сосут молоко во время доения.

Туши забитого скота обязательно разрубались пополам. Официально — для удобства транспортировки, а неофициально — для того, чтобы из середины вырубить кусок с двумя-тремя ребрами. Никому не приходило в голову считать ребра у коровы, и их оставляли столько, сколько полагается иметь человеку — двенадцать.

Однако, чтобы воровать хорошо, надо было и "хорошо" работать. Далеко не все были приставлены к молоку и мясу. Иному бесконвойнику удастся пронести в зону пару картофелин или репу — он и тем доволен. "Хлебное" место стоило дорого.

Воровать я не умел, работать, по изложенным выше соображениям, мне не хотелось, но и не работать было неудобно, так как норма выработки распределялась на всю бригаду. Поэтому я стал подумывать о том, нельзя ли примазаться к КВЧ (культурно-воспитательная часть).

ИСКУССТВО ФОКУСА

В то время участие в самодеятельности не считалось предрасудительным, как, судя по книге А.Марченко, стало потом. При КВЧ группировалась вся лагерная интеллигенция — артисты, художники, писатели и поэты — если и не профессионалы, то склонные к искусству люди.

Кроме официальной работы по заданию начальства: писание лозунгов, выпуск стенгазеты, участие в самодеятельности — в комнате КВЧ развлекались и самостоятельно. В отсутствие начальства поэты читали свои стихи далеко не просоветского толка, разыгрывались шарады. Вносили разнообразие и в официальную работу. Например, в читальной комнате появился лозунг: "Читая газеты, вы убедитесь, что жизнь становится лучше и содержательнее". Начальник КВЧ не сидел в одной камере с Ляховским и не почувствовал в этом лозунге подвоха.

Общаясь с артистами в Карабасе, я понял, что самое выгодное — быть фокусником. Все репетируют после работы, а фокуснику требуется время для изготовления реквизита. Причем рекви-

зит секретный, а, следовательно, никто не должен вмешиваться в технологию его изготовления и учитывать время производства. Поговорив с заведующим клубом и начальником КВЧ, я предложил свои услуги. Они устроили просмотр.

Ловко сочетая свою способность угадывать мысли с обычными приемами фокусника, я, видимо, произвел впечатление. Мне предложили вступить в коллектив художественной самодеятельности при КВЧ. Я согласился, но предупредил, что для показа эффектного фокуса мне нужно сделать особый ящик. Для этого надо, чтобы меня не гоняли на работу, пока я его не сделаю. Начальник согласился.

Ящик я делал неспеша. Когда он был готов, я покрасил его в черный цвет, добавив предварительно в краску керосина. На начальника КВЧ стали давить, что я слишком долго не выхожу на работу. Он каждый день подходил к ящику, трогал его пальцем и, убедившись, что ящик не высох, давал мне освобождение для "сушки ящика". Приближалось седьмое ноября (праздник Октябрьского переворота), и больше тянуть было нельзя. Я вытер ящик бумагой, покрасил его заново не разбавленной керосином краской. На другой день доложил, что реквизит готов.

После концерта мне пришлось опять ходить на работу. Иногда я незаконно оставался в зоне. После развода и выхода бригад на работу по территории лагеря ходил начальник со свитой, в которой был и лектор со списком освобожденных по болезни. "Трулевку" они проводили квалифицированно — увильнуть было довольно трудно. Попавшихся "отказчиков" тут же сажали в карцер.

Однажды во время "трулевки" мне пришлось отступить в умывальную комнату. Начальство приближалось, а деваться было некуда. Тут я увидел ведро с водой и веник. Быстро высыпав в ведро зубной порошок, забытый кем-то на полке, и размешав его в воде, я стал белить потолок в тот момент, когда они входили в дверь. Кто-то, узнав меня, позлорадствовал:

— А, и фокусника запрягли в работу. Это тебе не фокусы показывать!

Не подозревал он, что искусство фокуса как раз и заключается в том, чтобы направить внимание зрителя по ложному пути. Никому не пришло в голову, что зек работает по собственному почину. Решили — по наряду.

А ОВЦА НЕ КУСАЕТСЯ?

Ближе к зиме увиливать от работы стало еще труднее. Иногда устраивались производственные собрания. На одном из них выступил и я, доказывая, что отказчики — самые честные люди.

— Поскольку труд создал человека, — говорил я, — он является необходимой потребностью. Если человека не тянет трудиться, значит, это какая-то патология, болезнь. Что же остается делать больному? Выйти на работу и своим участием в трудовом процессе снижать процент выработки всей бригады? Но ведь мы боремся за проценты! Такой человек вреден для всей бригады, всего отделения, всего лагеря. Это нечестный человек. Честнее, если он сознается, поборов в себе ложный стыд, что у него отсутствует присущий всем нормальным людям трудовой энтузиазм. И если начальство ему не посочувствует (ведь больных надо жалеть), то он, в силу, очевидно, недостаточно продуманных в биологическом отношении законов, добровольно пойдет в карцер. Я лично сознаюсь, что заболел социальной болезнью, и из высоких побуждений — поднять процент выработки нашего отделения — отказываюсь выходить на работу.

Начальник режима майор Лысук написал тогда письмо моей матери с просьбой воздействовать.

Отношения с Лысуком у нас были своеобразные. Он не был кадровым чекистом. То ли за глупость, то ли просто так, его перевели к нам из армии. Первое, что решил сделать Лысук, это покончить с лагерным воровством, грабежами и бандитизмом. Если до него на уголовников смотрели как на "друзей народа", помогающих администрации терроризировать "врагов народа" — интеллигенцию и антисоветчиков, — то Лысук повел с ворами беспощадную борьбу и навел заметный порядок. Человек он был экстравагантный: то верхом на лошади въезжал не только в зону, но и в барак, то затевал соревнование с каким-нибудь блатным — кто кого перематерит.

Однажды я потерял кепку и намотал в виде чалмы на голову полотенце, а чтобы оно держалось, заколол его орлиным пером. В таком виде я пошел на развод. Лысук рывкнул на меня:

— Это что за маскарад?

Я ответил, что в лагере нет заведенной формы головных уборов, другого у меня нет, а работать с непокрытой головой в жару вредно для здоровья. Он меня слегка толкнул в спину и сказал:

— Уходи отсюда, в карцер захотел.

Я пошел к бараку, но он окликнул:

— Ишь, обрадовался не работать! Ступай в строй!

Уголовники решили его выжить и написали Долинскому начальству заявление, что Лысук избивает заключенных. Было ли это в действительности, я не знаю. Для большей убедительности они решили приписать, что он избил и не вора — меня — на виду у всех зеков. Когда мне сказали об этом, я заявил, что ложных показаний давать не буду и расскажу, если будут спрашивать, как было. Тем не менее, они об этом все равно написали, и мне пришлось давать показания комиссии, которая приехала по этому поводу из Долинки. Я, конечно, рассказал, как было, а Лысука, повидимому, ознакомили с протоколом допроса. Во всяком случае, мне казалось, что он проявлял ко мне симпатию.

Иногда он вел со мной воспитательные беседы о пользе труда. Иной раз я обещал исправно ходить на работу, но потом заявлял, что раздумал.

Однажды он зачитал мне открытку с ответом моей матери на упомянутое выше письмо, в которой говорилось: "Если Вы не в состоянии перевоспитать моего сына, верните его домой, я займусь его дальнейшим воспитанием".

После ряда обещаний выйти на работу и ответов типа "Я раздумал", мне, в конце концов, перестали верить и я стал сидеть в карцере. Поскольку карцер был нужен для более серьезных нарушителей режима, меня перевели в барак инвалидов (основанием послужило то, что у меня в формуляре значилось — инвалид войны). Харчи туда возили в последнюю очередь — что останется — зато на работу не гоняли. Здесь я познакомился с профессиональным фокусником поляком Лисковским. В общении с ним я обогатил свой арсенал фокусов. В конце концов мне надоело бездельничать, и я был рад, когда друзья устроили меня в бухгалтерию выписывать ордера. Всегда с презрением относясь к взяточничеству, я был шокирован, когда заведующий птичником предложил мне два яйца, чтобы я обслужил его вне очереди. Я, конечно, отказался. Он обиделся и стал под меня подкапываться — доказывать, что я не на месте. Вскоре его самого сняли с работы, полгода спустя мы оба были изгой и он преподавал мне правила лагерной этики.

К весне ожидалось массовые окоты овец и на фермы требовались люди. Меня как бывшего зоотехника отправили на окот, но уже, конечно, без всякого спецнаряда.

На Орумбае (участок, куда нас отправляли) была эпидемия бруцеллеза — очень неприятная болезнь, которой болеют и овцы,

и люди. Начальник участка, капитан Золотарев, мало смыслил в сельском хозяйстве, но был лихой матерщинник и самодур. Это про него ходил рассказ, как он обрушился на зека, толкавшегося возле конюшни:

– Почему волов, туды твою растуды, не запрягаешь?

– Ярма нет, гражданин начальник.

– Я тебе дам ярмо! Запрягай, тебе приказываю! Ярмо потом найдешь!

На Орумбай мне не хотелось...

Нас высадили из машины на площадке перед управлением. Здесь бродили овцы, собаки и капитан Золотарев. Ко мне подошла овца, явно прихрамывающая (признак бруцеллеза). Я попятился от нее, чтобы не заразиться при контакте. Золотарев увидел меня и заорал:

– Ты что, очкастый интеллигент, овцы не видал, чего испугался?

Я ответил ему в тон:

– А она не кусается?

Не знаю, что больше разозлило капитана, мой ответ или хохот приехавших зеков. Он велел везти меня на той же машине обратно, заявив конвойному, что начальник, формировавший этап, мудака, если посылает ему на окот горожанина, ни разу не видевшего овец. Конвоир, видимо, доложил дословно, так как, выслушав его, начальник выразился еще крепче. Он меня отправил с первым же этапом опять на Орумбай, сообщив Золотареву, что я – разжалованный зоотехник.

С досады на первоначальный ляп, Золотарев назначил меня пасти самых калек – сакман, состоящий из больных овец или овец с больными ягнятами. Я быстро сориентировался и нашел преимущества своего положения.

Пастьба каждой группы овец имеет свои особенности. Бараны, например, в жаркие часы норовят очень быстро передвигаться против ветра. Пастухам приходится буквально бежать за ними. Это связано с некоторыми физиологическими особенностями баранов. Сперматозоиды созревают при определенной температуре. В холодное время яички подтягиваются к самому брюху и обогреваются. В жару они спускаются почти до земли и за счет испарения пота охлаждаются. Так как испарение на ветру усиливается, баран стремится двигаться против ветра. Зато в обратном направлении их удастся гнать только утром или вечером, когда прохладнее.

При пастьбе сакмана (овцы с ягнятами) встречается другая

трудность. Чем быстрее овца съедает окружающую ее траву, тем быстрее она двигается. Молочные ягнята быстро устают, в траве нуждаются меньше, поэтому отстают и их приходится подгонять. Кроме того, сосут они матерей не одновременно. Кормящая мать отстает от других и ее тоже приходится подгонять. От пастуха требуется сноровка, чтобы не упустить из виду отставшую овцу и не отпустить далеко остальных. Если какая-то овца сильно отстанет, она не догоняет своих подруг, а стоит и блеет, пока ее не слопают волк или не украдут.

Мой сакман растягивался больше других. Здоровые овцы и более взрослые ягнята бежали впереди, пощипывая еще не вытопанную траву, а больные и малые тянулись длинным хвостом. Я назвал подобный строй кометой. В определенное время проголодавшиеся ягнята и отставшие матки с наполненным выменем начинали жалобно блеять. Ушедшие вперед родичи, по тем же причинам желавшие встречи, возвращались, и комета превращалась в эллипс.

Вскоре я сообразил, что овцам будет приятнее возвращаться, если их, кроме кормления, будет ждать и водопой. Поэтому я подгонял свой сакман к родничку, садился мирно читать, а голова кометы уходила в выбранном направлении. Потом, вбирая в себя хвост, голова возвращалась к водопою, овцы ложились пережевывать жвачку, и затем все повторялось сначала.

Наиболее трудоемкой работой был пересчет овец во время смены дежурства. Отару перегоняли через "раскол" — загон, в углу которого отверстие. Через него, как через воронку, проходят овцы. Обычно у раскола стояли принимающий и сдающий чабаны, бригадир, зоотехник или еще кто-нибудь из арбитров. Если количество овец у всех совпадало, прием-сдача считалась оконченной. Чаще всего счет не сходился и все начиналось сначала. Я проанализировал причины наиболее частых ошибок и пришел к выводу: 50% ошибок происходит оттого, что считающий сбился, то есть отвлекся и забыл последнюю цифру; 30% — не успел сосчитать, так как ягнята пробегают через раскол гораздо быстрее, чем овцы. Чтобы произнести (хотя бы про себя) двузначное число, надо затратить около секунды, а ягнята проскакивают штук по пять в секунду. 10% ошибок получалось от того, что забывается число десятков (или сотен). Обычно счет шел так: ...49, 50, дальше закладывался палец и опять: 1, 2, 3,...

Я сконструировал из жести и картона счетчик, наподобие того, который, как я потом узнал, применяется при счете эритроцитов в анализе крови, и дело пошло веселее.

Летом меня перевели в ночные чабаны. Ягнята подросли, отары стали голов на тысячу. Я следил, чтобы ночующих на тырле (место, где жвачные лежат пережевывают жвачку или спят) овец не растащили волки или люди... Читать было темно, я обычно смотрел на звезды, мечтал о России, а иногда от скуки даже сочинял бездарные стихи. Поскольку я знал им цену, то никогда после заключения их не читал, но уж, решив писать о себе правду, покаюсь и в этом. Вот два из них.

ВЕТЕР

*Ничего нет противней на свете,
Чем шумящий в ушах неустанно,
Вечно дующий, злой, дикий ветер
По бескрайним степям Казахстана.*

*Ляжешь спать — не дает он покоя,
По степи разгулявшись волнистой.
Сядешь есть — и опять он с тобою —
Серой пылью швыряется в миску.*

*Не дает он прохлады в июле,
Суховеем засушит потоки.
Фонари у "ночного" задует
И помчится маршрутом далеким.*

*Иногда засвистит ураганом
Разыгравшийся ветер зимою...
И исчезнет вся степь за бураном,
Белоснежную став пеленою.*

*А закончив свой ветреный танец,
Вдруг затянет унылую песню,
Что он тоже бездомный скиталец,
Что он хочет грустить со мной вместе.*

*Затоскую тогда я по воле,
По оставшейся старенькой маме...
Ну, а ветер задует, завоюет
И раздует печаль, словно пламя.*

СТЕПЬ

*Степь сухая раскинулась морем вокруг...
Лишь над озером облако пара.
Среди желтой степи выделяется круг,
То на тырле ночует отара.*

*Тускло звезды блестят в набегающей мгле
И на западе отблеск заката.*

*В этот вечер так ясно припомнилось мне,
Что случилось со мною когда-то.
Подлетела машина к ступеням крыльца,
Зашуршав по асфальту панели,
И вошли в мою комнату два молодца —
В макинтоше и в серой шинели.*

*Первый ордер на арест мне тут же поднес,
Дав команду: "Поднять кверху руки!",
А другой по привычке затеял допрос,
Монотонно, зевая от скуки:
"Где родился, что делал и сколько Вам лет?
Отвечайте правдиво и честно" —
Я, присев на кровать, улыбнулся в ответ:
"Вам и так все отлично известно".*

*Покопавшись в шкафу, заглянувши под стол,
Полистали какую-то книжку...
Старший дал мне перо под^нисать протокол
И поднялся, портфель взяв подмышку.
"Ну, пойдете!", — я понял тогда, наконец,
Что надолго лишился свободы...
И теперь стерегу в Казахстане овец
Эдельбаевско-чуйской породы.*

Если читатель помнит эпизод с описанием моего ареста, он без труда уличит меня в неточности. Но ведь не случайно профессор Яичников отождествлял вранье с писанием стихов.

Я — УДАРНИК

Осенью начался аврал по заготовке сена. Прислали на участок трактор и к нему пять конных косилок. Косилки сцепляли зигзагами одну за другой и трактор их тащил. Конная косилка представляет собой агрегат на двух колесах, впереди дышло, а сбоку вдоль земли нависает коса с гребенкой, в которой как в машинке для стрижки волос движется нож. С помощью хитроумных приспособлений нож соединен с одним из колес косилки. Чтобы коса не сломалась при наезде на большой камень или на кочку, ее можно поднимать — переводить в почти вертикальное положение или рычагом, или педалью. Косец сидит на металлическом стульчике, управляет подъемом косы и время от времени смазывает трущиеся детали. Работа не трудная, но утомительная, так как трястись приходилось с рассвета до заката солнца, а трактор сильно пылил.

Однажды у меня получилась какая-то поломка. Косилку отцепили, и тракторист посоветовал сбегать на стан за слесарем. Я напомнил, что "самовольный уход с места работы считается побегом", развесил на косилке свою куртку и в ее тени лег спать. Такая работа мне понравилась. К вечеру трактор заехал за мной, косилку прицепили к другим и повезли на стан.

Утром перед выездом я вынул из починенной машины стальную шпонку передающего механизма и вставил вместо нее деревянную палочку. Пока мы ехали к месту работы, все было в порядке. Но когда опустили гребенки и начали косить, моя косилка вскоре вышла из строя. Снова "вынужденный" отдых. И так много дней подряд.

Слесари сначала недоумевали, но потом заподозрили что-то неладное. Нужно было менять тактику.

Последние дни я работал на косилке, у которой сзади не было кронштейна для прикрепления следующей. Поэтому она всегда прицеплялась последней. Так легче было отцеплять ее во время поломок. Впереди меня сидел на косилке неплохой парень, искренне сочувствовавший моим "неудачам" с косилкой и менее других ворчавший из-за остановок. Ему я и предложил работать по очереди. Сидя на моей косилке, можно было управлять двумя косами: его косу поднимать рычагом, мою — педалью. Рычаг на его косилке мы удлиннили, надев на него кусок трубы, и с помощью веревочной петли им орудовали. Слесари и тракторист обрадовались, что поломки и остановки прекратились, а мы с Андреем (так звали напарника) по очереди спали в копешке сена.

Однажды мимо проезжала группа начальства из Долинки (центр Карлага), их сопровождал и наш Золотарев. Увидев, что не на всех косилках сидят люди, они остановили трактор и стали выяснять, что это значит. Я бодро доложил:

— Откликнувшись на призыв "Честным трудом заработать досрочное освобождение", внес рационализаторское предложение. Решил доказать возможность увеличить производительность труда на 100%. Произвожу эксперимент.

Какой-то чин спросил фамилию и откуда я. Я назвался, добавив:

— Прибыл по спецнаряду ГУЛАГа в качестве зоотехника. По недоразумению оказался на общих работах. Но и здесь стараюсь не уронить честь и достоинство советского специалиста.

Золотарев открыл было рот, чтобы что-то вставить, но его прервали: "И Вы такого специалиста не используете как следует?"

Большой чин приказал:

— Платить ему за все время работы две зарплаты!

Сказано — сделано: кроме своих "положенных" десяти-пятнадцати рублей нам с Андреем перепало еще рублей двести; ведь из второй зарплаты не вычитали "питание-обмундирование".

"ПОСИДИ ЗА МЕНЯ"

Последние несколько лет на Орумбае содержались одни "бесконвойники". Поэтому зону запирали только на ночь. Конвой состоял всего из пяти человек, а карцер — обязательную принадлежность каждой зоны — Золотарев приспособил под каптерку. Старую каптерку не раз разворовывали, и он теперь уповал на каменные стены новой. Однажды я чем-то провинился, и Золотарев, забыв об отсутствии штрафного помещения, приказал старшему по конвою:

— В карцер его!

А сам уехал.

Конвоир долго придумывал, куда же меня поместить. Мы с ним обошли весь участок и, наконец, его осенило:

— Сиди в помещении проходной на вахте!

Обычно там сидел вертухай и с помощью особого рычага отпирал и запирали входную дверь, ведущую в зону. Замка на вахте не было, и конвоир, оставляя меня, замотал на вахте дверные петли проволокой и ушел домой.

Я от нечего делать стал перед всеми выходящими из зоны запирали калитку и отпирал ее только после того, как они мне доложат, куда и зачем идут. Тут подошел Тарарыкин — оч^ень любознательный старичок. Он окончил всего четыре класса приходской школы, но много читал. Причем очень верил всему прочитанному — будь то наука, фантастика или памфлет. Он заинтересовался, что я делаю, и когда я рассказал, что введена новая должность вахтерного наблюдателя, глубоко вздохнул:

— Вот повезло тебе! А меня послали к озеру нарезать веников из осоки.

Я милостиво предложил:

— Давай поменяемся, ты посиди тут, а я схожу за вениками, заодно искупаюсь.

Он согласился и с удивлением заметил, что дверь заперта проволокой. Я объяснил, что это подшутил кто-то из зеков. Он отпер меня, и мы поменялись ролями.

Когда я, накупавшись вволю и связав из осоки два или три веника, вернулся, Тарарыкин все еще сидел на вахте. Он с

удивлением рассказал, что обед ему принесли отдельно, да еще двойную порцию каши дали (повар, очевидно, пожалел штрафника и решил подкормить впрок). К вечеру вахта понадобилась для дежурного и Тарарыкина выгнали в барак — дежурный вертухай не знал фамилии наказанного и руководствовался поголовьем. Да и приказ относительно карцера никто из дежурных всерьез не принял.

Вскоре и Тарарыкин отыгрался. Его назначили обрабатывать какой-то огород далеко в степи. Приказ гласил: "Пока не закончишь работу, в зону не возвращайся". Продуктов дали ему на неделю, но вот прошло уже дней десять, а Тарарыкин не появлялся. Я решил его навестить.

Возле шалаша горел костер, и в котелке что-то варилось, распространяя аромат свежей ухи. Тарарыкин любезно предложил разделить с ним трапезу. Уха оказалась замечательной. Оглянувшись вокруг и не увидев даже вдали подходящего водоема, я спросил:

— А где же ты рыбу ловишь?

— А ее тут много бегает, — невозмутимо ответил Тарарыкин, извлекая из котелка пятипалую лапку ящерицы.

В МИЛОСТИ У НАЧАЛЬСТВА

Зимой нас гоняли в поле на снегозадержательные работы. Из-за сильных ветров снег с полей сдувается в овраги и более низкие места. В результате на возвышенных участках его остается мало и при таянии почва плохо пропитывается водой. Мы строили из снежных кирпичей стенки поперек направления господствующих ветров. Со времен создания лагерей снег считался самой благодатной работой — он позволял туфтить. Попробуй-ка учти, сколько снега выпало и сколько переработано! Туфта — это на лагерном языке очковтирательство. Насколько она распространена, можно судить по поговорке, возникшей еще при постройке Беломорского канала — "Без туфты и аммонала не построить нам канала".

Несмотря на однообразие заснеженных полей, в них было и свое очарование. В солнечные дни кристаллики снега преломляли лучи и светились почти всеми цветами радуги — от оранжевого до фиолетового. Я говорю "почти", потому что ни разу в искрящемся снеговом насте мне не удалось увидеть красного огонька. Как будто сама природа Карлага не влюбила этот цвет — цвет крови и пламени, дурацкого колпака и пионерского галстука.

Однажды мне приснилось во сне, что я вижу свою фамилию в списке зеков, назначенных на этап. Утром после завтрака приехала из Бидайка машина, привезли список лиц, подлежащих этапу. В списке была и моя фамилия. Нас отвезли в Бидаик, а оттуда мы погнали скот на мясокомбинат в Долинку, пройдя пешком километров четыреста.

Из Долинки я попал в отделение Исень-Гильда. Здесь, кроме других животных, разводили и лошадей. Меня взяли на конюшню в качестве конюха.

Как-то зимой я вез степью начальника ветеринарной части. Он был по званию капитан, окончил военно-ветеринарную академию и попал в Карлаг по распределению. Тем не менее, он относился к классу рабовладельцев, а я к классу рабов, и в наших взаимоотношениях была соответствующая субординация. Вдруг лошади повели ушами и явно забеспокоились. В стороне от нас бежала стая волков. Капитан вскинул ружье, с которым не расставался в поездках, и выстрелил. Лошади рванулись и опрокинули сани. У конников считается позором не упасть с лошади, а выпустить из рук повод. Возможно, по этой привычке я и вцепился в вожжи. Меня поволокло по снегу. Километра через полтора лошади остановились, взмыленные и храпящие. Тащить по снегу перевернутые сани и человека, натягивающего своим телом вожжи, — работа не легкая. Я успокоил лошадей и перевернул сани. Оставленный в степи капитан вряд ли добрался бы до ближайшего аула, тем более, что начиналась пурга. Чтобы не иметь долгих объяснений с "опером", я поехал его разыскивать. След от перевернутых саней еще не запорошило, и я, наконец, увидел сидящую на снегу фигуру, позой своей выражающую отчаяние. Он знал отношение зеков к начальству и был уверен, что я не вернусь (потом мне рассказала об этом его жена). Он сел в сани, и мы, руководствуясь вешками с привязанными к ним пучками травы — дороги в степи постоянно заметает снегом — поехали рысцой домой.

Через некоторое время ушла с работы вольнонаемная заведующая ветеринарной аптекой. На эту должность начальник ветчасти устроил меня. Я стал единственным человеком в лагере, в распоряжении которого был спирт. Причем спирт я получал по весу, а в рецептах принято выписывать по объему. Сам я к спиртному был равнодушен и не пил, но за спирт можно было сделать все: перевести хорошего зека на хорошую работу, избавить от наказания и, наконец, просто угостить друзей.

”ЧЕРНУШНИК ЗАГИБАЕТСЯ”

В то время я подружился с заведующим клубом, бывшим прокурором по гражданским делам Житловским. Когда-то, еще до аптеки, он меня устроил при клубе консультантом по гриму и костюмам. Это давало мне возможность иногда отлынивать от работы.

Однажды перед каким-то праздником (кажется, это было 23 февраля) он попросил помочь ему убрать сцену. На видном месте висел портрет вождя. Житловский предложил украсить его красной лентой. Я ответил:

— Муаровой — с удовольствием. Другими не буду.

В день моего рождения четвертого марта он пришел ко мне и вместо поздравления сказал:

— Готовься выполнить свое обещание насчет муаровой ленты. Чернушник погибается.

Я не поверил, но он принес газету, где говорилось о дыхании Чейн-Стокса (предсмертное дыхание, названное именами описавших его авторов)... Такого подарка в день рождения я еще не получал. На следующий день я выполнил свое обещание. Вольняшки плакали. Зеки, привыкшие ко всему, думали: ”А что же дальше?...”

Дальше вышел указ об амнистии. Я газету не читал, чтобы не расстраиваться, так как слышавшие радио уже сообщили, что 58-я статья не освобождается. Но тот же Житловский своим прокурорским оком узрел одну деталь: ”Не применять амнистию к лицам, осужденным на срок свыше пяти лет за ...”. А у меня было пять!

Пятнадцатого мая очередную группу освобождающихся привезли на Карабас. Я пошел разыскивать лекпома, того самого, который присутствовал на упомянутых сеансах телепатии. Он за последние годы увлекся музыкой и играл на аккордеоне. Вечер прошел приятно, я довольно поздно вернулся в барак. Подложил ”сидор” (рюкзак) под голову и уснул. Снилось мне что-то, сопровождавшееся характерным звуком, напоминающим хруст снега. Я проснулся из-за неудобной позы — голова лежала слишком низко. Оказывается, мой рюкзак снизу, через щель в нарах, разрезали бритвой и вытащили из него почти все содержимое: свитер, простыни и прочие вещи.

Перед радостью предстоящего освобождения такой пустяк не мог меня даже слегка огорчить. Упомянул я о нем лишь потому, что это был первый случай, когда меня обокрали. Воры, приехав-

ние вместе со мной, как-то даже извинялись за то, что не успели предупредить своих коллег, что я — ”свой человек”, и пообещали разыскать все украденное. Но было не до того. После завтрака мы переступали порог пересылки и в ожидании оформления документов разбрелись кто куда.

”ТЫ ЧТО, ЕЕ СОЧИНИЛ?”

Какой-то доморощенный фотограф снимал стареньким ФЭДом кандидатов на волю. Несколько ”пунктов милиции” занимались оформлением паспортов и справок. Компания ”цветных” пела на заунывный мотив очень знакомую мне песню. История этой песни такова.

Как-то мой сосед по нарам, харьковчанин А.И.Погорелый, получил от родителей письмо, где сообщалось, что его жена заочно оформила с ним развод и сошлась с соседом. Погорелый был доцентом, специалистом по эктопаразитарным заболеваниям. В лагере он продолжал интересоваться своей наукой и иногда экспериментировал на себе (благо, в эктопаразитах недостатка не ощущалось). Он получил десять лет за то, что ”разрешил” пользоваться своей библиотекой немцам во время оккупации Украины (попробуй, не разреши!). После того, как он пожаловался на приговор в Верховный суд, добавили еще пятнадцать.

Его жену никто всерьез не осуждал.: ”декабристские жены” встречались очень редко. И не ее вина, что на сроки Советская власть не скупилась. Однако Погорелый зачах и мы, как умели, старались его развлечь. Я посвятил ему стихотворение. Блатным оно почему-то понравилось. Они подобрали довольно примитивный — под стать словам — мотив. Вот это стихотворение:

*На лице появились морщины,
Голова начинает седеть.
Это горький удел для мужчины —
Осужденного срок отсидеть.
Он лежит в полутемном бараке,
Где в углу умирает больной.
А за зоною лают собаки
И на вышке стоит часовой.
Грустно тянутся горькие годы...
Но вернется домой он опять,
Перенесши в тюрьме все невзгоды,
И обнимет родимую мать.*

*А жена, покачав голову,
Убедившись, что стар он и сед,
Скажет: "Лучше не жить нам с тобою.
В десять раз тебя лучше сосед."*

*Прослезится бедняга от горя,
Будто мало он в жизни страдал.
Вспомнит стройку Московского моря,
Беломоро-Балтийский канал,
Колыму, Воркуту и Игарку,
Казахстанских степей лагеря...
По привычке закрутит сигарку,
У прохожего спросит огня...*

*И пойдет он усталой походкой,
Проклиная навеки судьбу,
Отравлять организм свой водкой
И рискуя сесть снова в тюрьму.*

Почему-то последнюю фразу пели "И рискуя по-новой в тюрьму". Я заметил это певцу, на что он недружелюбно ответил:

— А тебе какого ... надо? Ты что, ее сочинил, что ли?

Что я мог ответить? Все равно мне бы не поверили. Очень может быть, что стихотворение попало в одну из тетрадей, куда блатные записывают полюбившиеся им песни. После каждой корявым почерком значится "писав" и подпись вора, хозяина тетради.

В этих тетрадях, наряду с явной пошлятиной, можно разобрать и искаженные стихи Лермонтова, Есенина, Некрасова. Что ж, против такого соседства я не возражаю.

Итак, в последний день заключения я лишился ненужных тряпок, ненужных стихов и ненужного номера личного дела, который все эти годы значил больше, чем фамилия. У многих рецидивистов фамилий было несколько, а вот номер — один единственный.

РОЛЬ ТРУДА

В середине дня нас распределили по теплушкам и эшелон тронулся на запад. Позади остались лагеря. Впереди маячила свобода!...

В вагоне какая-то пожилая женщина спросила:

— Сколько Вам лет?

— Двадцать восемь.

— Вы очень молодо выглядите. Можно подумать, что и не

сидели.

— Как так?

— А разве Вы не замечали, что в заключении стареют быстрее, чем на воле. Оглянитесь вокруг, разве этим людям можно дать их годы? Вспомните лица своих солагерников.

Я задумался: в чем дело? Питание? Психика? На лицах лагерников часто проступала печать какого-то отупения. Неужели ее поставил тот самый подневольный труд, который на многочисленных лозунгах преподносился как дело чести, дело славы, дело доблести и геройства? Труд, который, по словам Энгельса, превратил обезьяну в человека. Если верить соседке по вагону, что я состарился в лагере меньше других, то я ведь отличался от других лагерников только своим отношением к подневольному труду. Я сачковал, они вкалывали, хотя многие из них могли бы тоже сачковать. Я старался смотреть на вещи легко, они все принимали близко к сердцу, даже труд. Понадобился наглядный пример с сеном, чтобы люди поняли нерентабельность лагерной работы.

Нам, заключенным, много вдалбливалась и словами, и лозунгами, и карцером необходимость честного отношения к труду. Где не убеждает логика, применяется магия слова. Даже к самому бессмысленному сочетанию слов человек привыкает, он перестает над ними задумываться, не замечает бессмысленности. Допустим, свободный труд необходим человеку как воздух. Но почему воздух так не рекламируют, как труд? Видимо, потребность дышать понятна и без напоминаний. Ну, конечно, сообразил я, в лагере человек не свободен в выборе трудовой деятельности, вот ему и приходится напоминать, чтобы не разучился работать. На воле — дело другое.

Мы подъезжали к очередной станции. На перроне красовался громадный лозунг: "Честным трудом...", а запоздавший голос репродуктора предупреждал:

— Граждане, будьте особенно внимательны! Сейчас подойдет эшелон с бывшими заключенными. Не отходите от ваших вещей!

Честные труженики готовились к встрече с исправленными честным трудом согражданами...

ТИМИРЯЗЕВКА ПРИНИМАЕТ БЛУДНОГО СЫНА

Переночевав в маленькой комнатке, куда переселили после моего ареста маму и ее приемную дочь, я надел почему-то тоже "севший" за время моего сидения "гражданский" костюм и воехал устраивать свою "вольную жизнь".

Переступив порог главного корпуса Тимирязевской академии, я вошел в кабинет тогдашнего директора Г.М.Лозы. Встретил он меня очень радушно.

— А, Сережа, откуда, кончил ли аспирантуру?

С Лозой мы были знакомы по студенческому научному обществу. Он, как заместитель директора по науке, в 1948 году руководил обществом, а я, вместе с представителями других факультетов, входил в первый его совет.

— Нет, — говорю, — я из тюрьмы и приехал продолжать учебу. Он как-то скис:

— Я не знаю, таких случаев у нас в Академии не было еще. Мне надо подумать...

Я решил рискнуть:

— А я был у Паткина, — Паткин был начальником спецчасти Академии, — он направил меня к Вам и сказал, что Вы примете.

Расчет был правильный: Лоза, как и большинство ученых, не любил, но боялся Паткина. Справляться о правдивости моих слов он бы не стал, а послушаться побоялся. Лоза ответил, слегка горячась:

— А кто тут директор, я или Паткин? Что он, мне указка? Я и сам бы принял. Пишите заявление!

Я решил ковать железо, пока горячо, и тут же написал. Лоза наложил резолюцию: "Декану зоофака Дыману. Не возражаю, на Ваше усмотрение. Г.Лоза."

С этим заявлением я пришел к декану. Человек по природе медлительный и трусоватый, он решил потянуть время, дескать, сейчас ему некогда, утро вечера мудренее, нужно выяснить и так далее. Не знаю, как бы вел я себя до ареста, но теперь, наученный обращаться с начальством, я положил авоську с вещами у него на диване и улегся. На немой вопрос: "Что это значит?", я сказал:

— Мне деваться некуда. Я буду лежать здесь, пока Вы не зачислите меня с предоставлением общежития.

Широкая челюсть Дымана отвисла от удивления: "Ну и нахал!". Тем не менее, он взял брезгливо, двумя пальцами, заявление и написал на нем: "Зачислить на пятый курс с предоставлением общежития". Я посмотрел и сказал:

— Вы, кажется, забыли прибавить "С предоставлением стипендии".

Должен сказать, что поправка была не лишена смысла. Стипендии давались далеко не всем. Он сделал и эту поправку. Так я снова стал студентом.

Поскольку меня арестовали в середине лета, следовало

думать теперь о продолжении производственной практики. Устроившись в общежитии, я пошел на кафедру коневодства, так как еще до ареста решил специализироваться в этой области. Кроме того, за мной закрепилась репутация человека, интересовавшегося ядовитыми растениями на пастбищах.

Коневоды приняли меня тепло и предложили ехать на производственную практику на Северный Кавказ. Доцент кафедры А.С.Красников предупредил, что там неблагоприятно с кормовыми отравлениями лошадей.

Если, — говорит, — Вам удастся хоть чуть-чуть пролить свет на это дело, будет очень здорово. Хотя этим занималось много народу. Были специалисты и из Ростовского университета, и с зональной станции. Так что не обольщайтесь, что удастся выяснить причины отравления и, тем более, их предотвратить. Главное — соберите материал для дипломной работы.

Я и не обольщался, хотя предложение принял с радостью, так как Северный Кавказ — это зона курортов. А кто из лагерников не мечтал о курорте?

ДИПЛОМНАЯ РАБОТА

Хотя конный завод № 118 носил в то время имя Сталина, он явно начинал хиреть. Раньше большинство конзаводов поставляло лошадей армии. Как и при всех безналичных операциях в СССР, деньги особенно не считались. Стоимость лошадей была высокая, и директор завода генерал Скороход мог тратить средства по своему усмотрению. Но в 1953 году Министром обороны стал Булганин. Он не любил и даже, говорят, боялся лошадей. Во всяком случае, вопреки традиции, первомайский парад на Красной площади он принимал, не сидя на лошади, а стоя в открытом автомобиле. Так или иначе, кавалерию решили прикрыть, снабжать армию лошадьми перестали, и конные заводы были вынуждены продавать лошадей колхозам и совхозам, которые, в свою очередь, почувствовали вкус к механизации и не особенно способствовали коммерции конных заводов.

Теперь и студенты, понимая, что на лошадей, как на будущую специальность, смотреть не рентабельно, стали проводить практику в других местах. Те же, которые по инерции направлялись на конный завод, норовили остаться подольше на центральном участке, где был и клуб, и рейсовый автобус до Кисловодска. Поэтому Скороход удивился, когда я стал его торопить отправить меня на летние пастбища в горы. Мне же, как гончей собаке,

которой дали понюхать след, не терпелось посмотреть, что это за отравления. С отравлениями лошадей дело обстояло серьезно. За шесть последних лет было зарегистрировано четыреста сорок два случая. Из историй болезней было видно, что часть из них приходится на весну, по ряду признаков напоминает отравление чемерицей и часто поддается лечению. А вот осенние, кончающиеся смертью лошадей, вызываются не выявленным пока растением. Ветеринары считали, что причиной является лютик едкий. Но меня смутило то, что это растение наиболее ядовито в период цветения — конец июня — июль. А как раз в эти месяцы отравлений почти не наблюдалось.

По данным Ставропольской зональной опытной станции, на пастбищах конзавода было зарегистрировано двадцать два вида ядовитых растений. Из них, по описанным симптомам отравления, подходило около десяти. Поэтому установить причину отравления действительно было трудно. Я решил не идти по следам, оставленным моими предшественниками и ведущим в неизвестность, а подойти с противоположной стороны.

Дождавшись первого случая отравления лошади, я взял содержимое ее желудка и кишек и подверг его химическому анализу на наличие какого-либо из алкалоидов — растительного яда. В первом же опыте мне повезло — удалось обнаружить алкалоид аконитин, содержащийся в растении борец (или аконит).

Дальнейшие наблюдения подтвердили правильность химического анализа. Все отравления происходили только в балках, заросших борцом. Больше всего алкалоидов борец содержит в период цветения, которое падает на конец августа — начало сентября. Именно в это время происходят массовые отравления. Из всех встречающихся на пастбище растений он наиболее ядовит — 0,2-0,3 мг аконитина считается смертельной дозой на 1 кг веса животного.

Выявив причину отравлений, я начал думать и об их ликвидации. Задача упрощалась тем, что, в отличие от других ядовитых растений, борец растет только в сырых балках небольшими куртинами. В это время только начали применять для прополки посевов злаковых растений гербициды — вещества, убивающие разнотравье и не действующее на злаки. Агрономы собирались попробовать их на овсяном поле, но в связи с захирением всего хозяйства так и не собрались. Однако заказанный ими гербицид 2,4 ДУ прибыл, валялся на складе, и я решил им воспользоваться. На аконит 2,4 ДУ действовал отлично. Однако сам процесс обработки оставлял желать лучшего. Конные и, тем более, тракторные опрыс-

киватели в балках использовать нельзя, а таскать на себе ранцевый "автомакс" утомительно. Поэтому я из двух "автомаксов" и некоторых деталей, взятых от конных, соорудил вьючный опрыскиватель. С ним работа пошла значительно быстрее. Так удалось довольно быстро уничтожить наиболее опасные места скопления аконита, и отравлений в тот год больше не наблюдалось.

Приехав в Москву, я решил, во-первых, упростить довольно трудоемкую методику определения аконитина в трупном материале и, во-вторых, попытаться найти противоядие при отравлении этим алкалоидом.

В работе с алкалоидами мне очень помогла неудача со сдачей биохимии. Провалы на экзаменах заставили меня освоить курс гораздо лучше, чем другие предметы, которые я сдал без труда. Когда я пришел к профессору Яичникову проконсультироваться по этому вопросу, он сделал мне комплимент:

— Вы научились не только не врать, но и мыслить химическими реакциями.

Разработанная мною методика позволяла выявить аконитин в трупном материале не за семь суток, как общепринято, а за восемь - десять часов. Но самым, на мой взгляд, большим преимуществом этой методики было то, что она не требовала для анализа спирта. Какой ветеринар согласится употреблять спирт не по "внутреннему назначению", а на какую-то химию? И хотя я далеко не уверен, что описанный мною метод нашел хоть раз применение на практике, мне служит утешением, что старый метод имеет на это еще меньше шансов.

Случайно узнав от одной знакомой, что в лаборатории ее мамы расплодилось белых мышей больше, чем надо для опытов, я решил "прибрать их к рукам". С их помощью я попробовал подобрать антагониста аконитина в его действии на нервную систему. Ведь все противоядия, рекомендуемые при отравлении борцом, сводятся к очистке пищеварительного тракта и даче общеукрепляющих веществ. Здесь мне посчастливилось показать, что отравленные аконитином мыши не погибают, если им ввести под кожу стрихнин, причем в такой дозе, которая сама по себе (без предварительного отравления аконитином) является смертельной. Это вселяло надежду на то, что отравленных аконитом лошадей можно лечить и после того, как яд распространился по всему организму.

ПОСЛЕДНИЙ КУРС

Можно сказать, что дипломная работа была у меня "в кармане", но предстоял еще один семестр занятий и экзамены. Кроме того, мне нужно было сдать "хвосты" — программа за время моего сидения изменилась и некоторые предметы оказались не зачтены.

Первое время среди однокурсников я чувствовал себя инородным телом. Люди, притершиеся друг к другу за четыре года совместной учебы, не могут так же быстро притереться и к новичку. Собственно, новое поколение студентов обо мне было наслышано. Преподаватель ветеринарии И.И.Бухаров на каждом курсе и в каждой группе при каждом удобном случае рассказывал, что вот у него учился студент по фамилии Мюге, который умел одновременно, сидя на занятиях, есть, читать, разговаривать с соседями и слушать преподавателя.

— Иной раз совсем увлечется. Ну, думаю, сейчас его поймаю. Задаю вопрос: "что я сейчас рассказывал?" — и он слово в слово повторяет.

Секрет моей "феноменальной" способности был прост: И.И.Бухаров почти дословно повторял лекции профессора Озерова, прочитанные накануне практических занятий. А лекции по ветеринарии я слушал внимательно.

Тем не менее, в отношении к себе я чувствовал некоторую настороженность. В то время еще не привыкли к людям, возвращавшимся из тюрем. Сидение в тюрьме считалось унижительным, и к нам относились недоверчиво — сегодня выпустили, а завтра, может, опять посадят. Может быть, это было и не так, но я искал дружбы с людьми такими же, как я — бывшими заключенными. Кроме того, так же, как у бывших фронтовиков, бывших моряков и других "бывших", существует дух землячества.

Первым я нашел Житловского. Он жил в переулке Сивцев Вражек в коммунальной квартире. Его соседом был школьник старших классов Валерий Чалидзе. В дальнейшем он, кроме физики, посвятил себя вопросам права, и сейчас хорошо знаком русскому зарубежью по издаваемому им журналу "Хроника защиты прав в СССР". С Аликом Вольпиным мы встретились на квартире у одной из его теток — кажется, сестры его отца С.Есенина.

— Как, и тебя выпустили с таким букетом статей?

удивился он.

Мы ведь с ним расстались в институте Сербского, когда мне инкриминировали и измену родине, и шпионаж, и анти-советскую организацию.

Затем Алик познакомил меня со своими друзьями по ссылке, а также с бывшими университетскими товарищами, которые потом тоже отсидели, и у нас образовалась своя компания. Нужно сказать, особая близость продолжалась не очень долго. Все мы оказались людьми увлекающимися, каждый в своей области, у каждого появились более узкие интересы и каждый со временем адаптировался в "несидевшем" обществе. С наступлением "оттепели" о лагерях и политике говорить стало модно, а нам эти разговоры уже приелись. В общем, встречались мы от случая к случаю. И только, когда появились симптомы "закручивания гаек", когда Алика без законных на то оснований снова посадили в психушку, когда актуальным сделался вопрос "кто есть кто", бывшие лагерники снова потянулись друг к другу.

Незаметно подошла последняя сессия и выпускной экзамен по основам марксизма-ленинизма. На этом экзамене стало традицией задавать факультативные вопросы, не входящие в программу, но показывающие уровень развития будущего специалиста. Меня спросили:

— Почему голубь является символом мира?

Я тогда не знал о его роли в окончании Пелопонесской войны между Афинами и Спартой и ответил:

— По недоразумению.

— ?

— Так. С первых же страниц нашей истории голуби наряду с воробьями были поджигателями войны. Вспомните, как Ольга отомстила за Игоря. Голуби — это единственная птица, участвовавшая в войнах, и единственное животное, получившее человеческую награду — Арно, во Франции —

И что-то еще говорил...

За ответ на факультативные вопросы оценка не снижалась, и мне, как и за все экзамены в последней сессии, поставили пятерку. Защита дипломной работы прошла так же успешно, даже более, потому что Министерство сельского хозяйства РСФСР предложило издать ее отдельной брошюрой.

Мы ждали распределения.

В этот год проводилась очередная кампания — освоение целины. И кому же было туда ехать, как не выпускникам

сельскохозяйственной академии. Нам, выпускникам сельхозвузов, устроили торжественный выпускной вечер в Кремле. В то время туда свободного входа не было, и в проходной проверяли пригласительный билет и паспорт. Когда очередь дошла до меня, проверяющий предложил мне пройти в соседнюю комнату. "Ну, — подумал Я, — опять изловили". Но минут через десять инцидент был исчерпан: просто в пригласительном билете мою фамилию написали через два "г".

Распределение было суровым. Если какая-нибудь студентка просилась не в Казахстан, а, скажем, в Якутск, поскольку у нее там работает муж, ей отвечали: "Пусть муж едет к Вам в Акмолинск. Мы посодействуем переводу.". Направляли в два места — Казахстан и Киргизию.

Когда председатель комиссии по распределению Обуховский спросил, куда я хотел бы поехать, я, не задумываясь, ответил:

— Хочу остаться в Москве.

Он даже как будто удивился.

— Разве Вы не знаете, что все передовые люди сейчас едут на целину?

— Так то ж передовые... А мы с Вами и в Москве можем поработать.

С комиссии я ушел ни с чем. Часа через три за мной пришли в общежитие — опять зовут на комиссию. Обуховский сообщил, что комиссия персонально рассмотрела мое дело. Поскольку я в лагерь был направлен зоотехником, а лагерь находится в Казахстане, меня от целины освобождают. Однако ни в Москве, ни в Московской области вакантных мест нет, так как недавно произошли большие сокращения штатов в Министерстве сельского хозяйства. Самое близкое, что мне могут предложить, это Тульская область — четыре часа езды автобусом. Мне не из чего было выбирать, и я согласился.

В областном управлении сельского хозяйства меня принял начальник и предложил мне место старшего зоотехника в одном из совхозов с окладом 1500 рублей (в старом исчислении). Во время разговора в кабинет вошел какой-то человек и стал жаловаться:

— Опять зоотехник увольняется. Что делать? Четвертый за два года.

Я не собирался в Туле задерживаться, и у меня в голо-

ве промелькнуло: "А почему бы мне не сделаться пятым?".

Начальник кивнул в мою сторону и сказал:

— Вот зоотехник, но он к Вам на 700 рублей вряд ли пойдет. Впрочем, договаривайтесь.

Я, чтобы не потерять престиж, сказал, что сначала нужно посмотреть хозяйство.

Завуч сельскохозяйственного техникума (собеседником оказался он) рассказал, как доехать до их участка (это двенадцать километров от Тулы), а заодно и сообщил, что мне будут приплачивать за производственную практику со студентами и что хозяйство маленькое, работы немного.

Я — АДМИНИСТРАТОР

На следующий день я решил идти работать в учхоз. Когда я принимал дела, бросилось в глаза: всего лошадей — четырнадцать, из них рабочих — четыре.

— А что остальные, декоративные? — поинтересовался я.

— Нет, не обученные, некому обучать, конюх без ноги, а остальные не умеют.

Хозяйство, хоть и считалось учебным, показательным, было в полном запустении. Где-то на складе валялись автопоилки, на скотном дворе ржавели рельсы и вагонетки подвесной железной дороги. Силосной башни не было и в помине, хотя деньги на нее были "спущены" еще год назад. Сдающая дела зоотехник жаловалась:

— Нет рабочей силы. Люди из пригорода ездят работать в Тулу, там больше платят. Остались старики да инвалиды.

— А удои как?

— Низкие. Пришел приказ из области заменить все поголовье на костромскую породу. После работ Штеймана она теперь в фаворе. Так ведь за ней уход нужен, а у нас даже стойла для этой породы не приспособлены.

— Так у вас ярославка, судя по ведомостям, больше молока дает. Ее-то куда?

— Велено на мясокомбинат.

Через несколько дней после того, как я принял хозяйство, приехала машина студентов, а с ними завуч. Он пояснил:

— Это все люди из сельского хозяйства, бывшие бригадиры. Техникум наш готовит председателей колхозов. Вы только что из Тимирязевки, все новинки должны знать. Так что ведите практику на высоком уровне. — Сказал и уехал.

Я задумался — высокий уровень! А где его взять, если все тут допотопное — и обратился к студентам:

— Какая у вас стипендия?

— Сто восемьдесят рублей (по старому курсу, теперь — 18)

— Из дома помогают?

— Как кому. Чаще подрабатываем после занятий.

— Подработать хотите?

— Еще бы!

— Так вот что, друзья, люди вы сельские, водить вас по участку и показывать, как работает современное сооружение для добывания воды непосредственно из почвы, называемое колодезь, я не буду. Вас три группы — будет три бригады. Первая займется под руководством нашего слесаря монтажом автопоилок, вторая — подвесной железной дорогой в коровнике, третья — будет строить силосную башню. Располагайтесь в общежитии, старосты получают в счет зарплаты на складе продукты, готовьте обед, а после обеда обсудим все остальное. Любители лошадей есть?

Нашлось несколько заядлых лошадиников.

— Лошади для конной секции у нас есть, только их обучить нужно. Согласны?

Со следующего дня работа закипела. Заминка произошла с силосной башней. Все детали были налицо, а вот рабочих чертежей в хозяйстве не было. Позвонили на базу, где получали детали. Оказалось, что чертежи посылает другое ведомство. Пришлось ехать в Москву.

В общем, через две недели приехал завуч, а заодно с ним и директор техникума (раньше он был в отпуску). Выражение их лиц напоминало купцов из "Сказки о царе Салтане". Работа на этих трех объектах была закончена, а студенты, все теперь увлекшись конным спортом, по очереди рысили на "декоративных" лошадях.

К этому времени из Тулы пришла бумага с напоминанием, что хозяйство второй год не выполняет план по сдаче мяса. Ярославки — порода молочная, плана по мясу на них не натянешь, а вот у частников были, в основном, симменталы, более крупные, но с меньшим удоем. Я и предложил работникам совхоза:

— Кто хочет обменять свою корову на более удойную? Основное условие — чтобы по весу она была не меньше обмениваемой. Согласились почти все, так как учхозовских коров они хорошо знали. А хозяйство в результате обмена не только рассчиталось с долгами, но и сдало в счет следующего, 1955 года, сколько-то тонн мяса.

ПАРИ

Торопили с заменой "устаревшей" ярославской породы скота на костромскую. В специально разосланном циркуляре запрещалось крыть коров ярославским быком — предполагалось вести поглотительное скрещивание костромским, которого в хозяйстве еще не было. Участь нашего быка ускорила смерть пастуха. Все, кому доводилось теперь его пасти, никак не могли найти с ним "общий язык". Если пастух хотел спровадить быка не туда, куда тому хотелось, бык нагибал голову и начинал недвусмысленно бить ногой о землю. Охотников пасти его не находилось и Красавца решено было сдать на мясо, предварительно кастрировав и откормив "на убой".

В это время наш бухгалтер, любитель погулять, расхвастался, что во Владивостоке в "Золотом якоре" они пропивали по триста-пятьсот рублей за вечер.

— А в нашей дыре, — сетовал он, — и сотни не на что истратить.

— А хочешь, — предложил я, — угощу тебя блюдом, которое стоит три тысячи рублей?

— Ерунда. Это невозможно!

— Спорим!

Пари состоялось... Утром я кастрировал быка, а семенники приготовил, руководствуясь рубрикой "почки по-русски" в поваренной книге.

Когда бухгалтер съел их в присутствии вчерашних арбитров, я предложил:

— Ну, а теперь подсчитай, сколько стоил бык по твоим книгам? Пять тысяч рублей! А вол, даже если его откормить до хорошей упитанности? Не больше двух тысяч! Где недостающие три тысячи рублей? — В яйцах! Вот ты их и съел! Гони теперь коньяк.

Случайно я познакомился с директором Тульского треста ресторанов. Он пожаловался: "Не на чем развозить продукты по ларькам. Раньше арендовали лошадей у колхозов, а теперь им это дело запретили как нетрудовой доход. Пробовали связаться с племконюшней, но те не заинтересованы".

— А у меня стоят десять уже обученных, но не нужных хозяйству лошадей, — подумал я, — учхоз не колхоз, запрет нас не касается, а в деньгах мы ох как заинтересованы. Сделка состоялась...

”В АСПИРАНТУРУ – ТОЛЬКО ЧЕРЕЗ МОЙ ТРУП!”

Месяца через два я осторожно ”подъехал” к директору с просьбой дать характеристику в аспирантуру.

– В заочную – пожалуйста, в очную не пущу. Такого зоотехника у меня с основания учхоза не было.

– Конечно, в заочную, – поспешил заверить я, – уйти из хозяйства, в которое вложено столько энергии, может только круглый идиот. – Сам же подумал: ”Как бы оказаться этим идиотом.” Созидательный пыл начал испаряться, и меня потянуло в науку. В Институте кормов знали мою дипломную и считали, что ее за год-полтора можно дотянуть до кандидатской. Экзамены я сдал, но, так как у меня не было трехлетнего стажа работы после института, необходимо было согласие отдела кадров молодых специалистов Министерства сельского хозяйства. Обуховский, когда ему доложили обо мне, говорят, заявил: ”Этого нахала в аспирантуру? Только через мой труп!” Мужчина он был ” в соку” и ждать его смерти мне было некогда. Я стал прикидывать, какие учреждения, близкие мне по специальности, не подчиняются Министерству сельского хозяйства. Тут меня осенило – Академия Наук!

Зиму я проболтался по госпиталям – сказались и лагеря, и физические нагрузки, допущенные в ”рабочем энтузиазме”. Появились новые кровоизлияния в глазах. Здесь мне возобновили прерванную лагерем инвалидность ” в связи с ранением, полученным в бою при защите СССР.” (как сказано во ВТЭКовской справке). Это мне давало повод уйти с работы ”по состоянию здоровья”.

И вот, выписавшись из госпиталя, я пришел в отдел аспирантуры при отделении биологических наук АН СССР. За столом сидела моя приятельница по драмкружку Тимирязевки Надя Пастушенко. Она защитила диссертацию и перешла на чиновничью должность – заведывать аспирантурой.

– А ты знаешь, у нашего Парамонова вакантное место в Гельминтологической лаборатории по фитогельминтологии.

– А что такое фитогельминтология?

– Точно не знаю. По-моему, фито – это растение, а гельминт – вроде бы глист.

– Годится!

Парамонова я знал хорошо. Он читал у нас зоологию и дарвинизм и был один из тех профессоров, кого выгнали в 1948 году.

– Только спеши, зачисление у них до 15 мая, а сегодня шестое

И ВСЕ-ТАКИ АСПИРАНТУРА

А.А.Парамонов встретил меня очень любезно.

— Только, милый друг, Вам придется ориентироваться на осень, в весенний прием Вы не успеете сдать экзамены.

— А если успею?

— Я Вас возьму с удовольствием, но еще нужно, чтобы Ученый Совет провел Вас в качестве кандидата в аспиранты.

— А когда заседание Ученого совета?

— Кажется, десятого.

Десятого мне выдали экзаменационный лист. Три дня я, как проклятый, долбил не знакомую мне гельминтологию и одиннадцатого сдал ее на отлично. На другой день пошел сдавать Основы марксизма. В эти дни в Музее изобразительных искусств экспонировались картины Дрезденской галереи. Я занял очередь и пошел в соседнее здание сдавать экзамен. Основы — наука не точная, и при достаточно хорошо подвешенном языке и минимальной сообразительности не трудно получить пятерку. Времени на это ушло немного, и я еще успел постоять в очереди к кассе в музей.

Разделаться с языком мне помог Алик Вольпин — он был полиглот.

В общем, 16 мая я стал аспирантом Гельминтологической лаборатории АН СССР, а моим руководителем — А.А.Парамонов. Когда он меня поздравлял с зачислением, я спросил:

— Простите, Александр Александрович, хоть я с сегодняшнего дня и считаюсь аспирантом-гельминтологом, но, ей-богу, не представляю, что это такое. Не могли бы Вы просветить меня, так сказать, с азов?

— Конечно, милый друг. Только давайте присядем.

И он стал рисовать на листках бумаги, рассказывая при этом:

— То, что нематодами называются круглые черви, Вы знаете. И то, что гельминты — это те черви, которые ведут паразитический образ жизни — тоже. Так вот, часть круглых червей паразитирует на растениях. Именно паразитируют, а не питаются растениями, как большинство насекомых или травоядных животных. А это значит, что они заставляют растение себя кормить, изменяют его физиологию, то есть вызывают специфическое заболевание, которое носит название фитогельминтоз. Ротовая полость фитогельминта напоминает иголку, иглу шприца, так как в середине она полая и называется она стилет. Этим стилетом червь прокалы-

вает растительную клетку, выпускает через него продукты своих слюнных желез и через него же всасывает обработанный слюной сок растительной клетки. Видимо, этими выделениями они и отравляют растение. Недавно американцы подсчитали, что ущерб от этих червей исчисляется стоимости десятой части урожая всех растений, собираемого на нашей планете.

— Но почему же о них так мало известно? Ведь я как-никак окончил сельскохозяйственную академию, а об этих тварях ничего не слышал.

— И не только Вы. Недавно я узнал, что в Министерстве сельского хозяйства о них ничего не знают. Хотя зоологам они известны лет четыреста. Дело в том, что эти черви настолько мелки, что не видны простым глазом, они микронов сорока-пятидесяти в диаметре. И на искусственных средах, как, скажем, бактерии или грибы, не размножаются. Вот у них и не оказалось исследователей. Для энтомологов они слишком мелки, а для фитопатологов, бактериологов, не интересны, так как для их исследования нужны совершенно иные методы.

— И какие же?

— Ну, прежде всего надо знать, с чем мы имеем дело, то есть, описать фауну фитонематод. Для этого достаточно иметь микроскоп и научиться делать нематодные препараты. Хорошо бы выяснить, что они выделяют, как и чем отравляют растение, какие у растения могут быть защитные реакции...

И он мне предложил одно из двух направлений в работе: по фауне нематод или по их физиологии.

— По фауне, — пояснил он, — пути проторены, если Вы будете усердно работать — диссертация обеспечена. А вот физиологией фитогельминтов практически никто не занимался, тут "terra incognita". Проблема очень интересная, так как, через нее, возможно, удалось бы подойти и к лечению фитогельминтозов. Честно говоря, я Вам тут подсказать не могу, так как сам не знаю, как к ней подойти. Я ведь не физиолог. Думаю, что интереснее всего было бы заняться вопросами питания.

Надо сказать, что Александр Александрович явно скромничал. Хотя он действительно не был физиологом, но эрудиция его была столь широка, что вряд ли без его советов я бы мог сдвинуться с места. Он много думал о возможности лечения большого гельминтозного растения, был автором экологической классификации фитонематод и работ, освещающих их эволюцию. Будучи человеком увлекающимся и любителем фантазировать, он ценил эти качества и в других. В общем, работать с ним было одно удовольствие.

В главном ботаническом саду АН СССР работал друг Парамонова, специалист по иммунитету растений, профессор К.Т.Сухорук. К нему-то и направил меня Александр Александрович посоветоваться, с чего начать.

— Хмм ... — процедил Кронид Тимофеевич после того, как я изложил ему свои проблемы. — Когда мы изучаем физиологию паразита, мы его выделяем с растения, культивируем на искусственных питательных средах, получаем выделяемые ими токсины, потом обрабатываем этими токсинами растения и смотрим, как оно на них реагирует. Но Ваши-то черви вне растения не размножаются....

— А что, если их токсины вводить вместе с самими червями, другими словами, изучать физиологические процессы отдельно в здоровом и в больном организме растения, сравнить их, и тогда мы в растении, как в зеркале, получим отражение деятельности гельминта?

— Если бы это было так просто, то и мы не возились бы с культивированием паразитирующих грибов и бактерий. Во-первых, Вы не сможете определить, где первичная реакция растения на токсин паразита, а где побочные, или реакция на реакцию. Во-вторых, растение будет реагировать на любое попавшее в него инородное тело, а Вам нужна его специфическая реакция. Да и гельминты подвижны...

— Но есть и неподвижные формы гельминтов, например, галловая нематода, которая вызывает на корнях опухоли.

— А Вы попробуйте гистохимию.

— А что это такое?

— Многие вещества, вступая в реакцию, меняют свою окраску. Другие по-разному окрашиваются реактивами. Например, крахмал дает с иодом темносинюю окраску, а сахара — нет. Таким образом, по степени окраски можно определить или расщепление крахмала до сахаров, то есть, активность фермента амилазы, или, наоборот, его синтез. Так вот, гистохимик обрабатывает реактивами срез ткани и по окраске судит, какие изменения в ней происходят. Метод этот удобен тем, что можно не только установить течение самой реакции, но и ее локализацию. Ну, в Вашем случае, например, зависимость от близости неподвижной нематоды, от структуры тканей... Можете работать в моей лаборатории... вот за этим столом.

... Вскоре я почувствовал, что попал на золотоносную жилу, и к осени располагал материалом для трех-четырех статей. Разумеется, пользовался я не только гистохимией, но "лиха беда начало".

ЭВОЛЮЦИЯ

Этой же осенью мне предложили выступить с докладом на сессии Всесоюзного общества гельминтологов.

Общаясь с аспирантами, я слышал, что многие руководители считают само собой разумеющимся, чтобы их фамилия стояла рядом, вернее, впереди фамилии аспиранта в статье или программе доклада. Парамонов не только давал полезные советы по незнакомой мне специальности, но я все время ощущал его непосредственное участие в работе. Поэтому без всякого подхалимажа я заявил доклад на конференцию под двумя нашими фамилиями. Программа была напечатана и роздана в первый день конференции. Парамонов и председательствующий профессор А.Т.Тулаганов сидели в президиуме. Я увидел, что Парамонов читает программу. Вдруг он как-то изменился в лице и что-то сказал Тулаганову. В это время настал момент объявлять наш доклад. Тулаганов провозгласил:

— Некоторые физиологические закономерности галлообразования. Автор — С.Г.Мюге. Руководитель аспиранта — профессор А.А.Парамонов (Москва).

Потом А.А. мне разъяснил, что далеко не все руководители считают для себя лестным публиковаться со своими аспирантами.

— Что касается руководства темой, то давать Вам советы — это моя обязанность. Я за это деньги получаю. Но я вовсе не желаю, чтобы могло создаться впечатление, будто я гонюсь за количеством печатных работ и использую для этого аспирантов.

Из этого разговора я извлек для себя урок. В дальнейшем я не только не предлагал Парамонову стать моим соавтором, но и своим ученикам (которые появились у меня впоследствии) не разрешал ставить мою фамилию перед заглавием их работ. (Если, конечно, это не было настоящим соавторством).

В тот же день на этой конференции выступил профессор Харьковского университета А.А. Устинов с докладом "Взаимоотношения паразитических нематод и растений-хозяев". Это была близкая тема. Каждый из нас считал себя единственным человеком, занимающимся этим вопросом. Мы с ним долго в этот день после конференции ходили по улицам и обсуждали создавшееся положение. Нужно было разграничить сферы интересов, чтобы не делать одно и то же. Вся биохимическая часть, о которой докладывал А.А.Устинов, была проделана его лаборантом В.Г.Зиновьевым. Это был скрупулезный исследователь, правда, без полета фантазии, но ужасно дотошный. Для химика это очень важное

качество, а так как я им не обладаю, то и конкурировать не было смысла. Нужно было искать какие-то иные пути, искать новую "жилу". Я обратился за советом к Парамонову.

— А Вы, милый друг, попробуйте проследить их эволюцию. Как развивалась способность нематод паразитировать на растениях, начиная с их свободно живущих в почве предков.

— Эволюция нематод? Но мне помнится, что Вы еще в академии говорили, что эволюция животных изучается по сопоставлению их скелетов, найденных в различные геологические эпохи. А какие же у нематод могут быть скелеты? Да еще сохранившиеся с доисторических времен?

— Это все верно. Но вот академик И.И.Шмальгаузен написал очень интересную книгу "Пути и закономерности эволюционного процесса". Книга, пожалуй, скорее философская и написана столь трудным языком, что большинство не в состоянии осилить и первых десяти страниц. Чтобы ее понять, нужен особый склад ума. Зато поняв закономерности эволюции и умея философски смотреть на вещи, можно с большой степенью достоверности представить себе, как развивались существующие сейчас виды, которые из признаков более древние, а какие возникли потом. Попробуйте себя на этой книге.

Пересилив себя, я осилил не десять, а одиннадцать страниц, после чего в изнеможении ее отбросил. Потом, как забуксовавший грузовик, стал раскачиваться взад-вперед. Несколько раз начинал читать сначала, и каждый раз по инерции проскакивал еще несколько страниц. И вдруг вчитался! Не только стал понимать, но и получать наслаждение от прочитанного. Полезли в голову и свои мысли. Так я эволюционировал в эволюциониста. Теперь я мог не только описывать изучаемые процессы питания того или иного вида нематод, но и вскрыть закономерности развития этих процессов. Другими словами, я смог с большой степенью вероятности предсказать, как будет вести себя еще не изучавшийся мною вид. Эти прогнозы оправдались во многих работах других авторов. Лично для меня способность предвидеть результаты исследований носила и чисто практический характер. Заявки на предстоящие конференции, съезды, конгрессы полагается давать чуть ли не за год до их начала и результаты стареют. Но в отличие от статей, в тезисах докладов не требуется излагать детали получения результатов, чем я и пользовался. Как Проспер Мериме, который сначала написал книгу о славянах, а потом поехал смотреть, так ли они выглядят, я подавал тезисы докладов еще до того, как начинал само исследование. В общих чертах прогнозы всегда оправдыва-

лись. Парамонов относил эту мою способность за счет философского диалектического подхода к проблеме, а Сухоруков за счет развитой интуиции.

''НАШЕ ПАСКУДСТВО''

Часть своих экспериментов я проводил в ботаническом саду и подружился с сотрудниками возглавляемого Сухоруковым отдела мобилизации растительных ресурсов. Летом 1956 года у них намечалась экспедиция в Тянь-Шань. Мне предложили примкнуть к этой экспедиции. Я убедил А.А.Парамонова, что физиологические особенности фитонематод целесообразно изучать в различных климатических условиях. Так как в горах различные климатические условия расположены недалеко друг от друга, то там и целесообразнее всего проделать эту работу. Кроме того, мне было интересно поэкспериментировать с пшеничной нематодой, образующей галлы на колосках. Эта нематода — самая крупная из всех известных фитогельминтов, и можно было надеяться, что удастся у нее извлечь пищеварительную железу. Пшеничная нематода была распространена в Узбекистане, поэтому я сначала поехал в Ташкент к А.Т.Тулаганову, а потом должен был перелететь через горы во Фрунзе, чтобы догнать экспедицию в Пржевальске.

Нас оказалось теперь четверо — трое ботаников и я. Начальником был назначен Сергей Коровин. Сын ташкентского профессора ботаники, он с детства много путешествовал, немного понимал тюркские языки и представлял себе обычаи местного населения. Самой старшей из нас была М.Н.Талиева (она, правда, была старше меня всего на один год, но гордилась этим, и мы ее сначала называли по имени-отчеству). Третьим был аспирант Сухорукова Лева Андреев. Он отличался медлительной степенностью, рассудительностью и аккуратностью. Сухоруков, говоря о нас с ним, называл его Хорем, а меня Калинычем (персонажи повести Тургенева).

Коровин предложил произносить наши имена на тюркский манер: Талиева стала Мариам-ханум, Андреев — Арослан-бай, а вот двум Сергеям пришлось разделить Сорыч-джан и Сроч-дын. Думаю, что Сорыч-джан было имя более достойное, так как его присвоил себе начальник. Я же остался Сроч-дыном. Кроме тюркских имен, у нас были и ''внутренние'' клички. Сорыч-джан, как распорядитель кредитов, именовался ''Наша жизнь'', Арослан-бай за рассудительность — ''Наша совесть'', Мариам-ханум за возраст — ''Наш опыт'', а мне досталось ''Наше паскудство''. Этой кличкой меня наградили, очевидно, за то, что моим первым словом в экспедиции было ''паскудство''. Кроме того, Ханум и Арослан отличались

педантичной аккуратностью, а после меня оставался беспорядок.

Однажды Сорыч-джан пришел крайне озабоченный и начал баррикадировать окно. Он объяснил, что по Пржевальску ходят слухи о том, что мусульмане в ближайший свой праздник будут резать гяуров (русских). Сорок лет назад действительно в этот день была большая резня, местные жители об этом помнили. Коровин слышал это в рассказах отца и знакомых и, возможно, страх его был оправдан.

В наш дом потянулись местные русские, рассчитывая на нашу защиту — "у них ружье". Арослан с непроницаемостью сфинкса сохранял спокойствие, а нам с Ханум эти страхи показались смешными. Взяв спальные мешки, мы заявили, что будем ночевать за домом, так как при забаррикадированных окнах душно. Коровин, пользуясь вверенной ему властью, запретил нам покидать на ночь помещение, однако окна разбаррикадовал.

Сплетни в какой-то мере имели под собой основание. В этом районе жило много чеченцев, вывезенных сюда во время войны. В 1956 году их амнистировали и разрешили вернуться на родину. Однако дома переселенцев были заняты ингушами, их древними врагами, к тому же принимавшими участие в их выселении. На Кавказе началась резня, и власти приостановили выдачу чеченцам паспортов, без которых они не могли выехать. Отождествляя советскую власть с русским управленческим аппаратом, чеченцы действительно подбивали мусульманское население "справить рамазан". Но киргизы за тридцать с лишним лет достаточно осовелились и не только не поддержали чеченцев, но и выдали "зачинщиков".

В Пржевальске я проделал тот самый сеанс телепатии, о котором обещал рассказать раньше. Это один из немногих сеансов, который был запротоколирован по всей форме. Подписавшие протокол лица оказались на сегодняшний день олицетворителями советской власти. Андреев сейчас инспектор по науке в ЦК КПСС, Талиева представляет советскую власть — она депутат какого-то Совета, Коровин занимает высокую административную должность, и лишь я остался "нашим паскудством". Но это сейчас, а тогда в центре внимания находился все-таки я.

К нам на базу приходили студенты-практиканты из фрунзенских ВУЗов. Однажды я устроил сеанс гипноза. Загипнотизировав одну студентку, я ей внушал, что она находится в Москве (где она, кстати, ни разу не была), в Главном ботаническом саду, возле здания клубнехранилища (там в то время располагалась лаборатория Сухорукова). На вопрос, что она видит, она стала описывать дом.

— Двухэтажный, большой балкон, под балконом крыльцо и входная дверь.

— Количество окон?

— Сейчас подсчитаю. Раз, два, три, ... девять! — на втором этаже, восемь — на первом.

— Вы должны войти в лабораторию физиологии. Куда Вы идете? Рассказывайте, что видите!

— Я вошла в вестибюль, поднимаюсь по лестнице на второй этаж. Вот дверь передо мной.

— Что на ней написано?

— Ничего. Цифра тридцать.

— Войдите в эту дверь. Что Вы видите?

— Двое мужчин (далее следует описание комнаты). Один мужчина в очках, в сером костюме, седой. Второй высокий, темно-волосый, в черном костюме. Они говорят не по-русски.

— Как фамилия того, что в сером костюме? (по описанию, это был явно профессор Сухоруков).

— Сухо... Сухо... Сухо..., я не знаю.

— Хорошо, проснитесь.

Все это мы записали, причем время сеанса сразу, чтобы не запутаться, обозначили московское — три часа назад.

Сразу после приезда в Москву мы стали расспрашивать К.Т., что он делал в данный день и час. Вполне естественно, он не помнил, и посоветовал справиться в журнале, где записывались визиты иностранных гостей. В журнале было отмечено, что в этот день ботанический сад посетил американский физиолог, с которым у Сухорукова была двухчасовая беседа. Время беседы и сеанса гипноза полностью совпадало. По рассказам, гость был высокий, брюнет и одет в темный костюм...

Здесь уместно сделать небольшой экскурс в область моих интересов к таинственным явлениям человеческой психики.

В детстве, под впечатлением заезжего гипнотизера, я пробовал гипнотизировать сверстников и иногда удачно. Когда мне было лет пятнадцать, мы с мамой увлеклись спиритизмом. Блюдце довольно рьяно бегало по алфавиту и складывало буквы в слова и фразы. Мы начали задавать самые различные вопросы — кто когда умрет, что кого ожидает и тому подобное. Так как все предсказания выпадали на отдаленное будущее, а нам не терпелось узнать, правду ли говорит блюдце, мы спросили:

— Кто первый умрет в Кузьминках и когда?

Блюдце ответило "Дед Сосков" и назвало дату.

Дед Сосков был крепкий старик, работал он банщиком.

Общались мы с ним редко и о гадании не распространялись. В день, предсказанный блюдцем, по Кузьминкам разнесся слух, что дед Сосков перед закрытием бани решил сам попариться и умер в парилке, что называется, на трудовом посту.

”В срок” умерла и моя бабушка, ей был предсказан конец 1942 года. Вот отсюда-то у меня появилась уверенность, что раньше 1985 года я не умру, о чем я уже писал.

Иногда в критические моменты жизни я видел во сне эпизоды, почти в точности повторяющие то, что происходило на следующий день. Чтобы не утомлять читателя, я ограничусь двумя эпизодами.

В ночь перед отправлением меня из тюрьмы контрразведки в особый отдел мне приснилось, что меня ведут через понтонный мост, и я встречаю старшину нашей саперной роты. В общем, описанный уже эпизод повторился наяву в точном соответствии с приснившимся.

Перед прибытием в Карабас мне приснилось, что меня выводят из вагона, а все мои попутчики едут дальше. Утром меня одного (как потом выяснилось, я ехал по спецнаряду) оставили в Карабасе, а всех остальных повезли в Джезказган, в спецлагерь.

А.А.ПАРАМОНОВ

Но вернемся к гельминтологии.

Поздней осенью группа наших фитогельминтологов поехала на паразитологическую конференцию в Киев. Мы поселились в довольно большом номере с А.А.Парамоновым. Утром он брызгал на меня водой и досаждал до тех пор, пока я не соглашался делать вместе с ним утреннюю гимнастику. В эти дни я узнавал его все глубже и глубже и не переставал удивляться. Имея всего одну почку, пораженную туберкулезом, он, вопреки прогнозам врачей, не только жил, но жил гораздо полнее многих других. Широта его интересов была поистине необъятна. Он рисовал, сочинял стихи, увлекался детективными романами, футболом (сам он в молодости играл левым инсайдом в университетской команде). Но особенно поражала его широчайшая эрудиция в самых различных вопросах биологии.

Поэтому его книги и статьи выгодно отличались от большинства других. В последнее десятилетие начиналась узкая специализация в биологии, как и в других науках. Многие авторы старались осветить в печати только тот узкий вопрос, которым они непосредственно занимались. Парамонов, освещая даже такой узкий

вопрос, как, скажем, систематика определенной группы червей, всегда пытался дать причинный анализ явления, не боясь использовать аргументы из самых различных областей знания. Поэтому его работы с интересом читались не только коллегами по специальности. И при всех этих достоинствах у него не было и тени высокомерия. С нами, учениками, он общался, скорее, как товарищ, чем как наставник. На одном из томов своих "Основ фитогельминтологии" он так мне и написал: "От друга и товарища по работе".

Вместе с тем, он сохранил какую-то детскую непосредственность. Поскольку наш номер в гостинице был больше, чем у других фитогельминтологов, по вечерам все сходились к нам пить чай: Лена Турлыгина, Ира Судакова (первая теперь, после смерти А.А., заведует сектором в ГЕЛАНе, вторая – заведующая закрытой лабораторией в Ташкенте).

Меня попросили на банкете, которым должна была завершиться конференция, показать несколько фокусов. Я согласился и из подручного материала стал готовить реквизит. В частности, я собирался показать такой "застольный фокус": из одной и той же бутылки налить соседям по столу шампанское, красное вино и молоко. Для этого мне понадобились или соски, или презервативы. В гостиничном киоске, разумеется, проще было купить последнее. Зарядив бутылку, я остатки сунул в карман, поверх носового платка. Вечером за чаем у нас собралось особенно много народу. Наши "фиты", профессор Устинов и еще кто-то. Вдруг Лене понадобился платок, она бесцеремонно выхватила его из моего кармана и презервативы покатались по столу. Смутились, конечно, все, но больше всех зарделся Парамонов. Он даже дар речи потерял.

На этой же конференции я встретился с А.И.Погорелым. Его дело пересмотрели и его отпустили досрочно. Но особой близости мы с ним не почувствовали. То ли изголодавшись по науке (он всего месяц как освободился), то ли заботясь о трудоустройстве, он искал общения с видными паразитологами и на бывшего соседа по нарам времени у него не оставалось.

В то время гельминтологическая лаборатория занимала три комнаты, в которых работало около тридцати человек. Многие сидели в общем коридоре, отгородив рабочее помещение шкафами. Нам с Леной Турлыгиной на двоих был отведен краешек стола и одна тумбочка. Для систематика, работающего только с микроскопом, такая теснота была еще терпима, а экспериментатору буквально развернуться было негде. Поэтому большую часть зимы я проработал в ботаническом саду.

Однажды, войдя в лабораторию, я увидел А.А.Парамонова

беседующим с каким-то генералом. Тот спросил:

— Как Вы думаете, Александр Александрович, если вдруг противник забросит нам нематод, принесло бы это ущерб сельскому хозяйству?

— Думаю, что да, — ответил Парамонов, — Картофельная гетеродера, например, приносит ущерб картофелю в несколько раз больший, чем колорадский жук, а бороться мы с ней не умеем.

— А за границей умеют?

— Насколько мне известно, радикальных мер борьбы нет.

— А забросить эту нематоду противнику легко? — оживился генерал.

— Конечно. Цисты по величине меньше макового зерна, а в каждой по несколько сотен, а то и тысяч яиц.

Через некоторое время до нас дошли слухи о том, что при разных ведомствах организуются фитогельминтологические лаборатории с закрытой тематикой. Парамонов возмущался:

— Сами бороться с нематодами не умеем, а уж туда же — другим забрасывать!

Результат не заставил себя долго ждать. Под Ташкентом решили испробовать новую нематоду — как она уничтожает рисовые плантации. Заразили небольшой участок, но пошел дождь, и зараза распространилась дальше, чем следовало. Пришлось большую площадь залить нефтью и поджечь. Так как работа была засекречена, для того, чтобы объяснить пожар колхозникам, нашли "козла отпущения" — обвинили в халатности местного агронома. Парамонов резюмировал:

— Не пожелай ближнему (даже врагу) того, чего себе не желаешь.

Я ЗАБАВЛЯЮСЬ

Приближалось первое апреля — день, когда принято друг друга обманывать. Я стал придумывать, как разыграть всех знакомых "чохом". Окружающие относились ко мне в этом отношении с особой осторожностью и ожидали любых "подвохов". В памяти всех были еще свежи мои проделки. Однажды, возвращаясь с загородной прогулки, я не успел взять билет и поехал "зайцем", но нарвался на контролера. Он выписал данные из моего аспирантского удостоверения, и я забыл о случившемся.

Через несколько дней мне позвонили на работу из отдела аспирантуры. Н. Пастушенко предлагала зайти к ней. Я зашел. Она показала бумагу, в которой говорилось: "По встретившейся надоб-

ности управления (не помню, какой) железной дороги просит сообщить адрес Мюге Сергея Георгиевича". Я попросил отдать эту бумагу мне. Надя заколебалась, но потом, пометив в книге "приходящие-исходящие", что письмо выдано под расписку С.Г.Мюге, отдала.

Во всех советских учреждениях довольно строго берегут бланки с грифами или со штампами. Однако конверты с теми же грифами часто лежат кипами на столах секретарей и сотрудники берут их по мере надобности. Если обрезать уголки у конверта, получается бланк не хуже "всамделишного". На таком бланке я напечатал: "На Ваше письмо №... с прискорбием сообщая, что Мюге С.Г. скоропостижно скончался. Адреса семьи покойного сообщить не могу" и расписался — С.Мюге. Ни ответа на это письмо, ни каких-либо напоминаний о штрафе я не получал. Угрызений совести я не чувствовал, так как в студенческие годы у нас вообще считалось дурным тоном покупать железнодорожные билеты. Обычно ревизор вместо штрафа отбирал у попавшегося "зайца" студенческий билет, который тот через несколько дней получал обратно в деканате.

Все "не очень важные" бумаги в ГЕЛАНе подписывал заместитель директора. На время отсутствия Н.П.Шихобаловой назначали кого-либо из старших научных сотрудников. Самым большим педантизмом отличался А.А.Мозговой. Каждую бумажку он перед подписью тщательно прочитывал, иногда (если ему не нравился стиль) заставлял переписывать или долго и нудно выражал свое недовольство написанным. Однако и "на старуху бывает поруха". Мне нужна была его виза на получение спирта. Я заготовил две похожие по внешнему виду бумажки. В первых строчках они были настолько идентичны, что даже содержали одну и ту же ошибку. Разница заключалась в том, что на одной было написано, что спирт предназначался для того-то и того-то (что соответствовало действительности), а на другой — "для промывания оптической оси микроскопа №...". Я дал Мозговому первую бумажку, которую он тщательно прочитал, заметил ошибку и вернул для исправления. Взяв бумажку в руки, я тут же заменил ее другой. Он, обратив внимание только на то, что ошибка исправлена, завизировал: "Бухгалтерии: выдать". Когда спирт был получен, и где-то в высших инстанциях заметили абсурдность написанного, поднялся большой шум. Больше всего меня удивила реакция многих ГЕЛАНовцев. После того, как я провел Мозгового, все восхищались моей ловкостью. Когда поднялся шум, меня начали осуждать: "Вы скомпрометировали нашу лабораторию, каждой шутке должен

быть предел". А через несколько лет вспоминали этот эпизод опять благодушно. Так уж, видимо, человек устроен с самого детства: сморозит школьник что-нибудь на уроке — весь класс смеется. Получит его выходка резонанс у директора — пробирают его на собрании. И одноклассники становятся уже не просто одноклассниками, а членами коллектива, борющегося за честь класса и нетерпимого к нарушителям дисциплины.

Теперь я начал готовиться к "первому апреля". Несколько дней я следил за своей внешностью, что по контрасту с моим обычным видом не могло не броситься в глаза. Один из соседей по аспирантскому общежитию в конце марта женился. Я его упросил дать мне на один вечер паспорт, в котором красовался штамп "Брак зарегистрирован с такой-то". Вынув из своего паспорта соответствующий листок, я вставил на его место листок со штампом из чужого.

Утром первого апреля я подошел к заведующей канцелярией и попросил в моем личном деле сделать пометку, что я женат. Она заподозрила обман и потребовала показать паспорт, что я тут же и сделал. Как и следовало ожидать, она не стала сличать номер паспорта на листке со штампом о браке с номером на других страницах. Через час лаборатория гудела как потревоженный улей. Меня взяли в оборот — почему "зажал" свадьбу. Я ответил, что теща тяжело больна, у них с женой одна комната. Дома делать нельзя, на ресторан не хватает денег. Поэтому мы решили скромно отпраздновать свадьбу в моем общежитии, и я буду рад, если друзья почтут нас своим вниманием.

Вполне естественно, встал вопрос — кто она? Я не долго думая, назвал имя одной девицы, знакомой большинству сотрудников, так как она окончила Тимирязевку и работала в близкой с нами области. Зная ее характер, я почти был уверен, что она поддержит меня в аванюре, и побежал звонить ей по телефону, чтобы другие звонки не застали ее врасплох. Она, выслушав меня, даже взвизгнула от удовольствия и сказала, что сейчас же пригласит своих сослуживцев на свадьбу. Вскоре мои сотрудники начали переговариваться с ее о предстоящем торжестве. Кто-то доверительно меня спросил — что подарить? Я ответил, что из вещей ничего не надо, но раз уж они собрали деньги, пусть купят вина и закуски, "а то мы сильно поиздержались накануне, угощая родственников". Вечером комната в общежитии была набита народом. Посуду взяли "напрокат" в столовой. Сотрудники "жены" притащили огромный торт, а наши ГЕЛАНовцы вино и закуски. "Жена" вошла в роль и стала меня буквально терроризировать:

— Не смей смотреть на Иру! Не улыбайся Лене! Почему у тебя галстук сдвинулся? Почему опоздал на десять минут с работы?

Видя сочувственные взгляды коллег, я пожалел сам себя. Тут я вспомнил, что сегодня — день именин у моей тетки, и постарался незаметно улизнуть. Возвращаясь, я надеялся, что все уже разошлось, но не тут-то было. Вахтер общежития сообщила, что меня разыскивают по всем окрестностям. В вестибюле сидел дежурный милиционер. Мы его знали как любителя выпить, и я ему предложил:

— Сходи в комнату двенадцать и объяви, что Мюге арестован на пятнадцать суток за хулиганство (тогда только что ввели этот закон). Когда он это сделал, вся подгулявшая компания бросилась было выручать "молодожена". Милиционер испугался осложнений по службе и сознался в розыгрыше.

"Жена" искусно разыгрывала то обморок, то истерику — в первый же день, гад, бросил, небось, к любовнице побежал, — хотя ее успокаивали — он не такой, он хороший. Симпатии перекочевали на ее сторону, и когда я вошел, вид их не предвещал для меня ничего хорошего. Вспомнив историю с "королем" в "Геке Финне", я сообщил, что сегодня — первое апреля, что я их надул, но не только их; я отсутствовал, потому что был на другой такой же свадьбе, где было разыграно гораздо больше народу. Сознание, что они остались "в дураках" не одни, заставило гостей сменить гнев на милость. Они засыпали меня вопросами о той "другой" свадьбе и злорадствовали розыгрышу "тех" гостей. В общем, все разошлось с миром, и разговоры об этом "Первом апреле" продолжались несколько лет.

Забегая вперед, скажу, что когда я женился "взаправду", никто из сотрудников мне не поверил и на свадьбу не пришел.

ОСТЕПЕНЕНИЕ

Работа у меня продвигалась с переменным успехом. То я оказывался в тупике, не зная, как подступиться к изучаемому объекту, то в голову приходила оригинальная идея или методика, и все шло как по маслу. Так или иначе, уже через два с небольшим года после поступления в аспирантуру и Парамонов, и Сухорукков решили, что материала на диссертацию у меня достаточно, и нужно ее оформить. Сделал я это довольно быстро. На вопрос, что со мной будет после остепенения (так аспиранты называют получение ученой степени), мне ответили, что дадут одну стипендию вперед и отчислят из аспирантуры в связи с ее окончанием.

Устроиться биологу на работу в Москве было тогда (да и сейчас) не легко. Я попросил, чтобы в удостоверении об окончании аспирантуры (оно мне нужно было для представления диссертации к защите) дата окончания не указывалась. Таким образом, я оставался в аспирантуре и почти год мог жить, ничего не делая.

В это время у меня установился контакт с Московским университетом. Академик А.И.Зенкевич собирался представить мою работу к защите в МГУ и быть по ней оппонентом. Кроме того, там существовала "закрытая" тема по картофельной нематоде. Вел ее доцент Зотов. Но он почему-то хотел от этого дела отказаться и продолжать его предлагал мне. Чем Зотов занимается, я мог узнать только после получения допуска к секретной работе. Оформление его требовало длительного времени, а в моем случае еще и не начиналось.

Чтобы не придти туда с пустыми руками, я стал думать, что можно сделать по дитиленхозу картофеля полезного для практики. Выявление дитиленхоза затруднительно и в клубне, а в вегетирующем в поле растении определить наличие этого паразита вообще невозможно. Вот я и подумал, а нельзя ли с помощью простых и доступных в полевых условиях анализов определять зараженность картофеля, учитывая различия в физиологии здорового и больного растения.

Занимаясь изучением физиологии дитиленхоза, я знал, что в пораженных клубнях увеличивается количество сахаров. Так как сахара образуются в листьях и транспортируются в клубни, где превращаются в крахмал, встал вопрос: а не тормозит ли накопление сахаров в клубне их отток из листьев? Свободного времени у меня теперь было много, и я занялся этой работой.

Химический анализ ботвы картофеля показал, что в листьях здоровых растений содержание сахаров колеблется от 1,2 до 1,5%, а у больных от 1,6 до 2,2%. Конечно, делать сложные химические анализы в поле было бы нерентабельно, но они и не нужны. Как зоотехник я знал, что существует "пороговый метод" определения базисной жирности молока. Капнул в молоко реактив, если окрасилось — значит, есть 3,4% жира, можно принимать молоко. Задача и здесь сводилась к тому, чтобы придумать экспрессметод, определяющий, больше ли полутора процентов сахара в листе. Метод такой я разработал, он экспонировался на Выставке Достижений Народного Хозяйства (ВДНХ), но в последние дни моей работы в лаборатории принес и огорчения.

Наконец состоялся Ученый совет, на котором Зенкевич обещал представить к защите мою диссертацию. Человек он был

важный и не терпел фамильярности. Я же был разбалован Парамоновым, его пренебрежением к субординации, и этого не учел. В тот момент, когда Зенкевич должен был выступить, я увидел, что он, мирно посапывая носом, спит. Я его не очень вежливо разбудил и напомнил о взятом на себя обязательстве. Он ответил, что вечером будет звонить Парамонову, а представлять сегодня меня не будет. Вечером он сказал Парамонову:

— Ваш аспирант — нахал, я оппонентом у него не буду.

Время было потеряно, и мне пришлось "пристраивать" свою диссертацию заново.

Одновременно отпал вопрос о моем устройстве на работу в МГУ. Много лет спустя мне стало известно, почему Зотов решил искать преемника. Он не был фитогельминтологом, консультироваться у специалистов не имел права (тема-то закрытая), и когда ему приказали разработать способ получения большого количества цист от картофельной нематоды, стал работать не с гетеродерой, а со стеблевой нематодой картофеля, которая цист никогда не образовывала и не собиралась образовывать, как бы ни понукал ее к этому Зотов. Как говорится, хорошо то, что хорошо кончается. Я избежал большого конфуза и щекотливой тематики.

Защиту мне пришлось перенести в институт гельминтологии имени Скрыбина (ВИГИС). Отношения там были сложные. К.И. Скрыбин был председателем объединенного Ученого совета по гельминтологии. Туда входили "вигисовцы", "гелановцы", медики и ветеринары. В то время Хрущев осуществлял свои идеи о разрушении "межведомственных барьеров" и "сельское хозяйство ближе к земле". В Москве было минимум два гельминтологических учреждения — одно ВАСХНИЛа (ВИГИС), другое — Академии Наук (наш ГЕЛАН). Их следовало или слить в одно — тогда стоял вопрос, кто кого проглотит, — или хотя бы одно из них выселить из Москвы. Антагонизм был налицо, а говорят, что, когда паны дерутся, у холопов чубы трещат. Кроме того, в ВИГИСе работал младшим научным сотрудником профессор Парамонов после того, как его выгнали за менделизм из Тимирязевки. Но и там он долго не удержался. Тогдашний заместитель директора Антипин заявил на Ученом совете, что "этого генетика поганой метлой надо гнать из советских учреждений". Человек так устроен, что не любит тех, с кем когда-либо обошелся плохо. А тут представлялся случай завалить одного из первых парамоновских аспирантов. Хотя я подал диссертацию первым из парамоновского "выводка", но защищал после Турлыгиной — его первой аспирантки, которая была принята в аспирантуру еще в 1953 году.

Наконец настал день защиты. Отзывы оппонентов (докторов наук Гилярова и Цингер) превзошли все мои самые смелые ожидания. Был зачитан под одобрительный гул зала отзыв неофициального оппонента академики И.И.Шмальгаузена. Если добавить, что все это происходило при свечах (в момент моего доклада отключили свет), то выглядело все довольно необычно. Наконец, счетная комиссия удалилась подсчитывать голоса. Я прошел на пределе — семь голосов против. Секретарь Ученого совета объявила, что я не прошел вообще, и зачитала абзац из старой инструкции, где голоса "за" исчислялись не от числа присутствующих членов совета, а от всего списочного состава. Потом этот вопрос обсуждался в ВАКе, и Полякову отстранили от обязанностей секретаря. Поскольку защита оказалась необычной, работу послали уже из ВАКа на отзыв академику Белозерскому. Он дал хороший отзыв, и я, в конце концов, стал кандидатом наук.

ПЛОДЫ РЕАБИЛИТАЦИИ

В это время приближался и мой официальный срок окончания аспирантуры. Мне заявили, что оставят в лаборатории в том случае, если будет постоянная московская прописка. Мама в то время занимала комнату шесть квадратных метров и жила с приемной дочерью. В войну она взяла из детского дома сироту. Я вспомнил, что после войны, в 1945 году, встал на учет в Люберцах — центре района, к которому относились и Кузьминки, откуда я ушел в армию. На всякий случай я заехал в жилищный отдел (а вдруг очередь еще не прошла?). Там мне ответили:

— Вам ждть еще года два-три. Сейчас мы обеспечиваем площадью в первую очередь, реабилитированных.

Была кампания по реабилитации жертв сталинизма.

— Так я тоже реабилитированный. Вот справка.

— Ну, тогда другое дело. Вот Вам ордер, идите смотреть.

Кроме снятой по амнистии судимости, в 1956 году я получил еще и справку о том, что дело мое прекращено за отсутствием состава преступления.

В общем, я получил комнату с балконом, выходящим в Кусковский парк, а, следовательно, и работу в Москве, в ГЕЛАНе. Через некоторое время Москва расширилась, охватила Вешняки, и я стал настоящим москвичом.

В это время я стал интересоваться возможностью лечить больное растение путем инактивации ферментов нематоды. Для начала я освоил методику выращивания растительных клеток и

тканей в искусственных питательных средах. Корни и каллюсы заражались нематодами, а потом я собирался добавлять в среду ингибиторы (тормозители) предполагаемых ферментов нематод. Однако эту затею пришлось оставить. Во-первых, ткань отмирала раньше, чем закончится жизненный цикл неподвижной нематоды и, во-вторых, оказалось, что сама растительная ткань вырабатывает ингибиторы в ответ на введенный нематодой фермент. Причем эти ингибиторы, так же, как и ферменты, выделяются ритмично. Именно поэтому растительная клетка остается живой (иначе паразит погиб бы), а нематода способна питаться.

Эта работа послужила темой доклада на Международной конференции в Будапеште. Почти перед самым отъездом мне заявили, что я за границу не поеду, а мой доклад зачитает Лена Турлыгина. Она тоже оформляла документы для поездки, но своего доклада не заявляла. Я решил выяснить причины отказа. Был и у академика – секретаря Топчиева, и даже ходил на Лубянку: с вас, дескать, начались мои неприятности, логично, если они на вас и кончатся. Но все было безрезультатно. Забегая вперед, скажу, что на международные конференции меня приглашали довольно часто, но ни разу не пустили. Когда я оформлял документы в Западную Германию, меня вызвали в райком партии (характеристики, независимо от того, партийный отъезжающий или нет, заверяются в райкоме). Там какой-то инструктор спросил, почему я не женат. Я ответил:

– Так Вы мне характеристику не заверяете. Кто же без Вашей характеристики пойдет за меня замуж?

Характеристику мне не заверили.

Сначала, еще надеясь, что меня пустят, я принимал участие в оформлении отъездных документов. Перед отъездом бывает много всякой беготни, и функции распределяются между отъезжающими. Как-то мне досталось отнести в Президиум Академии отпечатанные справки такого содержания: "Дана гражданину такому-то, что ему разрешается перевезти через границу текст доклада такого-то на стольких-то страницах". Дальше следовало: "Начальник первого отдела Темная".

Я подумал: "неужели Темная читает все эти стереотипные бумажки?". И таким же форматом напечатал еще одну: "Дана Мюге Сергею Георгиевичу в том, что он не верблюд. Справка дана для предъявления во всех трудных случаях жизни". Забирая из Президиума заверенные справки, я получил и свою, украшенную подписями Топчиева, Темной и гербовой печатью Президиума Академии Наук СССР. Эта справка хранится у меня и поныне.

” ПОГОВОРИМ О СЕКСЕ ”

”Секс — нечто плохое, постыдное. О нем не принято говорить и, тем более, им не следует заниматься” — примерно такая информация внушалась подрастающему поколению в большинстве семей. Но если бы родителям сказали, что их отпрыски воспринимают эти слова буквально, они были бы смущены: ведь не для того они обзаводились потомством, чтобы стать слепой ветвью филогении всего через одно поколение!

В наше время социальное развитие отстает от полового созревания, и у родителей появляется естественное желание оттянуть на какое-то время сексуальную деятельность детей. Они уверены, что все придет само собой и вовремя. И это ”все” действительно приходит. У одних раньше, у других позже. Одни плюют на внушения старших и, познакомившись с сексом в конкретном смысле, убеждаются, что это вовсе не ”плохо”, а, скорее, наоборот. У других появляется мучительная раздвоенность: с одной стороны — влечение, а с другой — боязнь обидеть (ведь это ”постыдно”). Появляется формула: ”порядочная девушка не даст, а если даст — значит, не порядочная”. Отсюда и мат, и презрительное отношение к собственной любовнице, так часто встречавшееся у подростков моего поколения. Но, в конце концов, все, действительно, приходит ”само собой”. Да, о сексе не принято говорить, говорить обычным языком. Но существует особый сексуальный язык жеста, взгляда, недомолвок. Этот язык познается на практике и, действительно, в ”свое время”. Раньше этого времени его не поймешь, позже — не выучишься. Со мной случилось последнее.

Сначала, видимо, сказалось отсутствие коммуникабельности, потом — война и голод не располагали к сексуальной игре, а затем появился комплекс, что я не умею разговаривать на этом языке и легко могу быть осмеянным. Так или иначе, но если у меня и были интимные отношения с противоположным полом, то инициативу брали в свои руки они, а не я, а это сильно снижало возможность выбора для себя ”друга жизни”. Секс ради секса меня особенно не привлекал, а в особей, которые привлекали меня духовно, я быстро влюблялся и вел себя с ними настолько глупо, что о взаимности, а тем более, о взятии в их руки инициативы, не могло быть и речи.

Один мой товарищ, заметив, каким я одновременно вожденным, тоскливым, неуверенным и глупым взглядом смотрю на танцующих девиц, посоветовал: ”Плюнь на них, это не по твоей части”. Я плевал, но от желания найти близкого человека отпле-

ваться было не так-то легко. Вечно во мне боролись два чувства: боязнь запутаться в брачных узах и потерять независимость и иногда охватывающая душу жуткая тоска одиночества. И все же первое перевешивало.

И Я ЖЕНИЛСЯ

Зимой 1957 года знакомые сагитировали меня поехать в дом отдыха. В первый вечер дня заезда директор устроил собрание — говорил о поведении, распорядке дня и тому подобное. Потом выступил какой-то полковник в отставке (отдыхающий) и стал клеймить позором женщин, которые ходят в брюках. Он предложил издать приказ, запрещающий женщинам показываться в брюках в общественных местах — столовой, клубе и так далее. Мне было наплевать, в брюках или без брюк ходят женщины, но я выступил.

— Я, конечно, понимаю стремление полковника добиться унификации. Но как это сделать? Любая "брючная" женщина может заявить, что ей больше нечего надеть. Тогда администрация должна будет ее выписать, а так как форма одежды в путевке не оговорена, придется возместить ей полную стоимость путевки. Кстати, в Средней Азии в свое время третировали женщин, отказавшихся от шаровар и паранджи и надевших юбку. Теперь полковник тем же способом предлагает влиять на моду в обратном порядке.

Почему-то мое выступление вызвало симпатию у группы архитекторов и у антрополога Нестурха. У нас завязалась дружба, и мы организовали самодеятельный концерт. Нестурх играл на пианино, архитекторы (среди них были участники знаменитого в то время ансамбля "Кохинор") разыграли несколько скетчей, а я устроил сеанс гипноза и телепатии. Эти знакомства оказали на меня влияние и в дальнейшем.

Студентка архитектурного института Зоя Великанова, приехав домой, рассказала о моем сеансе. Одна из ее сестер, первокурсница биофака МГУ, живо интересовалась всем мало изученным в биологии и захотела посмотреть своими глазами на рассказанные опыты. Но Зоя не знала ни моего адреса, ни места работы. Ася (так звали сестру-биолога) загорелась желанием меня разыскать, на что Зоя, обозвав ее "дурой", вспомнила:

— В ближайшее воскресенье мы сговорились устроить лыжный поход в Абрамцево. Возможно, он там будет. Поехали с нами.

В воскресенье поход состоялся. Ася, симпатичная девушка в

больших очках и мешковатом лыжном костюме, умела получать нужную ей информацию. Подкупала она тем непосредственным интересом, который звучал в ее вопросах. Мы разговорились по дороге домой и оказались у метро "Калужская" (теперь "Октябрьская"). Дальше наши пути разошлись. Великановы жили недалеко от метро, а мне надо было ехать дальше. Ася спросила:

— А где Вы обедаете?

— У Шверника, — ответил я. Так мы называлт столовую ВЦСПС. — Впрочем, в воскресенье она, кажется, закрыта. Сварю пельмени.

— Так пойдемте к нам. У нас сегодня блинчики.

Соблазн был велик и я согласился. После обеда я показал, что умел.

В доме отдыха я начал учиться кататься на коньках. Получалось довольно неуклюже, и охотников ходить со мной на каток было не много. Зоя и Ася тоже катались плохо, жили возле парка и без особого неудовольствия составляли мне компанию. Иногда обе сразу, иногда по одной. От Великановых до парка нужно было только перейти улицу. Вот мы и приспособились. Дома разденемся, обуемся в тапочки и идем на каток. Там надевали коньки, тапки засовывали в карман и катались. В Асе я нашел также хорошую слушательницу. В то время я стал заниматься плаванием в бассейне МГУ и взял у Великановых "напрокат" резиновую шапочку (зимой они не продавались). После того, как я получил комнату в Вешняках, на каток к парку ездить стало неудобно, и надобность в попутчиках отпала.

Однажды, через несколько лет, я наткнулся на резиновую шапочку и вспомнил, что ее надо вернуть хозяевам. Я позвонил. Подошла к телефону няня, вырастившая все многочисленное семейство (семь сестер и братьев). Я назвал себя, и она засыпала меня новостями:

— А Зоинька замуж вышла. А Асенька университет кончила. Она часто о Вас вспоминала, не посадили ли опять. А то куда пропали? Вот она обрадуется. Вы ей позвоните. А Кирюшенька такой музыкант, такой музыкант, мама ему рояль купила.

В то время я увлекался походами "выходного дня". Позволив Асе в следующий раз, я предложил составить компанию. Она охотно согласилась и оказалась не только хорошим товарищем в походе, но умела тонко чувствовать состояние собеседника. Поэтому, когда после какой-то размолвки с Пармоновым у меня испортилось настроение, я попросил ее погулять со мной в парке,

напротив ее дома. Тут я впервые увидел ее не в лыжных штанах, а в юбке. И она в этот вечер покорила меня какой-то душевной теплотой и мягкостью.

Однажды, в походе на Истринское водохранилище, наблюдая, как ловко она орудует костром, я предложил:

— А выходи-ка за меня замуж.

Она удивилась, сказала, что на эту тему как-то не думала, ни вообще, ни в частности. Однако полушутя-полусерьезно сказала о моем предложении своей маме. Та категорически заявила:

— Что? За фокусника? Ты с ума сошла!

Думаю, что, если бы она знала, что я, кроме фокусов, интересуюсь еще и глистами, ее мнение обо мне осталось бы прежним.

С детства Ася была своенравной и не терпела категорических возражений. В дальнейшем я узнал, что это такое, но тогда слова матери были мне на руку, так как привели ее к негативному решению. Честно говоря, потребность в женитьбе я и сам еще не осознал, но раз уж так дело повернулось, мы быстренько "обженились". И Ася, сложив свой "мобутный" рюкзак, сразу после регистрации переехала в Кузьминки. Через неделю или две мы разъехались по командировкам, а в декабре уже вдвоем путешествовали по Сванетии, ища следы знаменитого в то время "снежного человека".

СНЕЖНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Интерес к этому существу у меня также связан с домом отдыха. Нестурх пригласил меня на заседание общества антропологов, где в тот раз обсуждалось опубликованное в "Комсомольской правде" сообщение Пронина о том, что он на Памире видел человекоподобное существо.

Дискуссия была горячая. Одни говорили, что это — чушь, происки империализма; Другие с пеной у рта доказывали возможность существования "снежного человека". Регламент для выступавших был ограничен десятью минутами. Особенно интересно выступил профессор Б.Ф.Поршнев. Он давно интересовался этой проблемой и ему было что сказать. Но регламент есть регламент, и председатель его оборвал, заявив, что пока все желающие не выступят по первому разу, больше говорить нельзя. Мне нечего было сказать, но я попросил слова.

— Десятью минутами я располагать могу? Я их отдаю профессору Поршневу для продолжения.

Это вызвало одобрительную реакцию зала, и я заручился

симпатиями многих сторонников "снежного человека".

В экспедицию, возглавляемую К.Станюковичем, я не попал. После этой экспедиции в центральных газетах были напечатаны статьи о том, что "снежного человека" нет, не было и быть не могло.

Однажды я был в командировке на юге Азербайджана, в Астаре. Вечером в клубе демонстрировался фильм "Человек ниоткуда". Перед фильмом выступил заведующий клубом и сообщил на ломаном русском языке, что в газетах написано, что снежного человека нет, а фильм только комедия. Потом попросил слово я и рассказал о тех доводах "за" и "против", которые слышал на заседании общества антропологов. Как-то получилось, что доводы "за" у меня звучали убедительней. После фильма меня задержал завклубом и сказал:

— Я, конечно, человек культурный. Я газеты читаю. Я знаю, что "снежного человека" нет. Но я его видел.

И он рассказал, как это было.

Я не очень поверил. Ну, Гималаи, Памир — места дикие, экзотические, чего там не бывает! А тут Кавказ, исхоженный вдоль и поперек. Тем не менее, я передал содержание этого рассказа Б.Ф. Поршневу.

Он извлек из архива Комиссии по "снежному человеку" кучу писем с Кавказа. Там было и письмо Главного охотоведа Дагестана Леонтьева, который описывал встречу с каптаром в Гутанском заказнике, и письмо подполковника медицинской службы Карапетяна, которого вызвали пограничники, чтобы освидетельствовать "задержанного" мохнатого дикого человека. В частности, Карапетян отмечал, что это существо было покрыто вшами не свойственного человеку вида. И много, много других

В общем, я "заболел" снежным человеком и начал подумывать, как сочетать приятное с полезным и получить длительную командировку в горы.

В свое время я изучал температуры, при которых ферменты гельминтов действуют лучше всего и сопоставлял их с температурами наибольшей интенсивности заражения растений. В средних широтах эти температуры сходились тютелька в тютельку. В теплицах растения поражались сильнее, чем в открытом грунте, где температура была обычно ниже оптимальной. А вот в Азербайджане и Грузии оказалось, что в теплицах, где температура выше той, при которой действует фермент, заражение все равно сильнее, чем в открытом грунте, где температура соответствовала

оптимальной. Тогда у меня возник вопрос: а не является ли тут причиной качество света? Ведь стекло отсекает всю ультрафиолетовую часть спектра и, возможно, влияет на окислительно-восстановительные процессы растения, от которых, в свою очередь, зависит деятельность фермента. Проверить это можно было простым экспериментом.

На сравнительно большой высоте, где больше ультрафиолета, заразить, скажем, галловой нематодой растения (по числу и размерам галлов легко анализировать степень заражения). Часть растений затенить застекленными рамами, часть — рамами с натянутой пленкой, которая пропускает ультрафиолет, а часть оставить без прикрытия. Температура, влажность и степень заражения будут одинаковы, а вот свет различный. Для опыта нужно немного: горы и отдаленность от жилых мест, чтобы не заразить нематодой огорода, то есть, те же места, где можно встретиться со "снежным человеком". Работа продолжалась несколько лет.

Из всей этой затеи с нематодами были получены интересные данные, а вот информация о "снежном человеке" пополнилась только сбором рассказов местного населения о встречах с этим существом. Собранные мной сведения вошли в книгу Поршнева "Современное состояние вопроса о реликтовых гоминидах", 1963 год, и я на них останавливаться не буду.

Однажды мне рассказали, что название балки Джаман Кул (плохая балка) связано с тем, что там жили алмасты (местное название данного существа), что там есть пещера, в которую трудно добраться, местные жители ее боятся и близко к ней не подходят, но именно возле нее видели чаще всего алмасты. В конце концов, мне удалось разыскать вход в эту пещеру. Пол был усеян разбитыми костями. В центре лежал плоский камень, на котором, видимо, и готовили. Никаких следов огня обнаружить не удалось. Среди неразбитых костей, тех, в которых не было костного мозга, можно было обнаружить и человеческие. Я взял с собой нижнюю челюсть ребенка лет восьми-девяти.. Поражала ее массивность и скошенный подбородок.

В Москве антропологи определили: неандерталец. Однако палеонтологи, убедившись, что ей не больше пятидесяти лет, сказали: не может быть — неандерталец вымер сотни тысяч лет назад. Тут я впервые услышал термин псевдонеандерталец. Его применяли в тех случаях, когда находили кости неандертальца там, где им быть не положено — в свежих слоях земли. Имелось в виду уродство или атавизм современного человека. Однако, когда я набросал на карте места находок псевдонеандертальцев, получилось

поразительное совпадение с местами, где бытуют рассказы о встречах со "снежным человеком".

В следующий раз я поехал на Кавказ с Асей. Местные жители показали вход в пещеру, где, по их словам, когда-то видели странные человеческие черепа. Пещера была промыта в довольно мягком грунте и очень быстро обваливалась. Потолок первого зала был образован карбонатной породой, содержащей гальку, которая при легком соприкосновении выпадала и, увлекая за собой вмещающую породу, образовывала осыпи. Поэтому я велел Асе остаться наверху, у входа в пещеру, и "в случае чего", бежать в ближайшее селение за помощью, а сам полез обследовать пещеру в надежде докопаться до черепов. Через узкий лаз я проник в следующий зал, потом, извиваясь на пузе ужом, еще в следующий и еще... Никаких черепов не было. Вдруг за спиной я услышал дыхание. Неужто алмасты?! Но это была Ася.

— Ты зачем здесь?

— А мне было страшно оставаться наверху. Вдруг тебя завалит.

В этом была вся Аська — переживания за других у нее всегда превалировали над собственными. Это ее свойство часто портило мне настроение. В коллективных походах она интересы нашего семейства всегда приносила в жертву интересам спутников.

Как-то мы карабкались по крутому склону. Вдруг с того места, где я только что видел Асю, сорвалось что-то большое, черное и метнулось в сторону. Оказывается, она попала в логово спящего дикого кабана. Кто из них больше испугался, я не знаю, — ни кабан, ни Ася не взвизгнули.

В этот раз мы тоже, кроме рассказов, ничего не привезли, хотя у Аси и был длительный, полный приключений вояж по следам одного письма. Но об этом она как-нибудь расскажет сама.

"НЕЛЬЗЯ КОНЧАТЬ РАБОТУ РАНЬШЕ ВРЕМЕНИ"

Однажды к нам в лабораторию позвонили из Института Народного Хозяйства имени Плеханова (МИНХ), попросили, чтобы приехал кто-нибудь из фитогельминтологов. Поехал я. Оказалось, что три четверти всего завозимого на базы Москвы лука и чеснока к весне гибнет. В каждой загнивающей луковичке товароведы находили нематод. Поэтому Министерство торговли поручило им разработать способ борьбы с нематодами в товарном луке и выделило для этого крупную сумму денег. Мне предложили включить-

ся в эту работу. Посмотрев их препараты, я убедился, что роль нематод они явно преувеличивали. В большинстве случаев видны были не фитогельминты, а сапробиотические нематоды, которые поселяются в уже загнивших луковицах, где причиной гибели были бактерии или низшие грибы. Тем не менее, примерно пятая часть лука была действительно заражена дитиленхом. Я согласился работать и обещал подумать.

По дороге домой я рассуждал примерно так: "Нужно убить животный организм и не убивать растительный. Чем отличается ткань животного от ткани растения? Наличием нервной системы. Значит, вещество должно действовать на нервную систему. Но ведь лук предназначается в пищу, а у человека нервная система развита не хуже, чем у червей. Значит, яд должен быстро или разрушаться, или покидать луковицы. Лучше всего, если он будет легко испаряться. Посмотрю-ка в справочнике, какой из ядов, действующих на нервную систему, имеет самую низкую точку кипения".

Дома я посмотрел справочник — бромистый метил кипит при четырех градусах.

На другой день я поехал в МИНХ, выписал со склада двадцать молочных бидонов с герметическими крышками, заложил туда зараженные луковицы и стал подбирать оптимальные концентрации бромистого метила. К вечеру все было закончено, и я принес отчет руководителю договорной темы доценту Еременко. Он всплеснул руками:

— Как готово? Ведь мы с министром договор заключили на год. Если Вы не возражаете, мы Вам будем в течение полугода платить зарплату, а сами станем исследовать товарные качества обработанного лука, как он хранится, как меняется его химический состав и тому подобное.

Я не возражал. Более того, предложил посадить обработанный лук, проверить его всхожесть и посмотреть, не появятся ли в нем живые нематоды месяца через полтора-два. Ведь могло оказаться, что испытанная доза не убивает яйца и из них появится новое поколение нематод. Но опасения не оправдались.

ПОДВОДНЫЕ ТЕЧЕНИЯ В НАУКЕ

В это время основная моя работа двигалась довольно успешно. Было доказано, что внекишечное пищеварение гельминтов зависит от окислительно-восстановительных процессов растения,

что эти процессы можно регулировать таким образом, что приспособленный к определенным условиям фермент паразита становится в растении не активным. Некоторые способы лечения фитогельминтозов были уже внедрены в практику сельского хозяйства.

На нематодах удалось показать, почему происходит быстрая адаптация к новым условиям обитания, то есть, как образуются новые "агрессивные" расы. Настало время оформлять докторскую диссертацию.

Для того, чтобы диссертацию приняли к защите, необходимо заключение Ученого совета того учреждения, в котором проводилась работа. Поэтому устраивается обычно предварительная защита. Кто-то из членов Ученого совета заметил:

— ВАК требует, чтобы основные положения диссертации были напечатаны в научных публикациях. У диссертанта публикаций более чем достаточно, но часть работ напечатана в виде тезисов докладов. Я предлагаю провентилировать вопрос, можно ли считать тезисы научной работой.

Не знаю, по какому бы руслу полились рассуждения, но после моего вопроса "Можно ли считать "Апрельские тезисы" Ленина научной работой?", интерес у присутствующих к решению этой проблемы увял.

Сначала я подал диссертацию опять в ВИГИС. Прежние распри между ВИГИСом и ГЕЛАНом, вроде, затихли, и особой опасности мне не угрожало. Но однажды меня пригласил к себе академик К.И.Скрябин и посоветовал:

— Почему бы Вам не перенести защиту в Молдавию? Ведь многие фрагменты работы Вы делали там. Там работают и Ваши аспиранты. Многие хозяйства Молдавии внедрили Ваши методы лечения. Там работу оценят лучше, чем Ученый совет ВИГИСа, состоящий из медиков и ветеринаров.

Зная опыт и "политический нюх" нашего академика, я не пропустил его слова без внимания. Значит, что-то назревает. А дело было не только в тех мотивах, что играли роль при защите кандидатской. К.И.Скрябин начал подумывать о смерти, а в связи с этим, и о судьбе своего дѣтища — Гельминтологической лаборатории. К тому времени она насчитывала сто пятьдесят сотрудников, то есть, по величине могла тягаться со многими институтами, но оставалась лабораторией. Лабораторией при академике.

Возбуждать ходатайство о том, чтобы ГЕЛАН стал институтом, Скрябин не мог. Два института теоретической (или общей) гельминтологии в одном городе не утвердили бы. А вот если ВИГИС предложить называть "институтом ветеринарной и агроно-

мической гельминтологии”, тогда институт теоретической гельминтологии имел бы право на существование.

Это значило, что ВИГИС как прикладной институт никогда не попадет в первую категорию, где зарплата сотрудников несколько выше, чем во второй. Но у них был аргумент против ГЕЛАНА.

— Какие вы теоретики, если у вас количество докторов наук меньше, чем у нас?

Увеличивать число докторов в ГЕЛАНе было не в интересах ВИГИСа.

Вскоре К.И.Скрябин изыскал другой путь сохранить лабораторию — добился единицы члена-корреспондента по гельминтологии для сотрудника ГЕЛАНА К.М.Рыжикова. Когда Рыжиков решил “обмыть” свое членкоррство, Скрябин сказал:

— Меня поздравляют с новым член-корром. И я принимаю эти поздравления как должное. Да, Рыжикова член-корром сделал я! В ГЕЛАНе есть люди, более достойные этой должности — Шихобалова, Парамонов и другие. Но их кандидатуры были бы не реальны. Выбрать могли, во-первых, партийного, во-вторых, молодого, хотя менее талантливое.

У меня чуть рот не раскрылся от удивления.

— Рехнулся, что ли, старик? Пьет за счет Рыжикова и его же паскудит!

А Скрябин продолжал:

— После меня без член-корра или академика лабораторию распустят. Если во главе окажется медик, ее передадут в Академию медицинских наук, если ветеринар — сельскохозяйственных, а с биологом передавать некуда. Придется оставить ее в системе Большой академии.

Дальше Скрябин рассказал, какие он делал дипломатические шаги для всего этого.

Потом я оценил ум академика: он не паскудил Рыжикова, а выгораживал. Многие ему завидовали и считали карьеристом. А Скрябин делал его всего лишь жертвой политики в деле сохранения ГЕЛАНА.

Была и другая причина, из-за которой Скрябин посоветовал мне защищаться в Молдавии. Председателем Ученого совета Академии Наук Молдавской ССР был ее вице-президент, он же гельминтолог, академик А.А.Спасский. О нем стоит сказать несколько слов.

Когда я поступал в аспирантуру, он был начальником спецчасти биологического отделения АН СССР. Год был 1955, Берию

уже расстреляли, но установок "сверху", как быть с теми, кто отсидел по политическим статьям, еще не спускалось. У меня в то время была снята судимость по амнистии, но не было реабилитаций. Можно ли такого человека принять в аспирантуру, начальство лаборатории не знало. Тогда Парамонов и посоветовал сходить к Спасскому — если он скажет "добро", никто противиться не будет. Спасский обладал чекистским нюхом, а в воздухе уже носились запахи Хрущевской "оттепели", и "добро" он дал, а после этого чувствовал себя моим благодетелем.

Когда Спасский учуял, что по гельминтологии может открыться вакантное место члена-корреспондента, он тут же сделал на него "стойку". Умный, энергичный и не обремененный излишка-

ми совести, он очень быстро растолкал бы всех гельминтологов, стоящих на его пути к заведыванию лабораторией. Скрыбин не любил чекистов и сделал "ход конем" — рекомендовал Спасского в академики Академии наук Молдавской ССР и на пост вице-президента этой академии. Так он отдалил его (по крайней мере, на время) от Москвы, а, следовательно, и от лаборатории.

Хотя прямого конфликта с властями у меня в то время еще не было, но репутация, с их точки зрения, была уже подмочена. Любой окрик со стороны КГБ или партийных органов мог бы легко испортить мою защиту. Сам же факт защиты под эгидой Спасского устранял эту опасность. Уж кого-кого, а Спасского никто бы не решился упрекнуть в политической или государственной недальновидности. Он высоко ценил мои работы, а моих выступлений на собраниях, посвященных Пастернаку или Китаю, мог из-за дальности расстояния и не знать.. Не знал он и того, что чуть ли не половина ГЕЛАНовцев читает самиздат, и кем приносится львиная доля его в лабораторию. А вот спецчасть в Москве уже нет-нет, да и вызывала сотрудников и интересовалась у них "политическим лицом Мюге".

Послушавшись совета академика, я перед самой защитой забрал диссертацию из ВИГИСа и направил ее в Молдавию. ВИГИС уже разослал автореферат, опубликовал дату защиты, и мой поступок вызвал всеобщее удивление.

Хотя в Молдавии защита прошла блестяще, но на всей этой процедуре я потерял два года.

МОТОКОЛЯСКА

Однажды мне приснился очень маленький автомобиль. Я его видел сзади, но знал, что за рулем сижу тоже я, что этот автомобиль сделал я сам, что у него двухтактный мотоциклетный двигатель. Проснувшись, я "заболел" идеей сделать подобный автомобиль. Прежде, чем покупать, доставать, воровать, находить — в общем, обзаводиться частями, я решил продумать все до мелочей, то есть, построить его сначала в своем воображении. Настало и время оборудовать место водителя — как удобнее расположить рычаги управления, педали. Тут потребовалась физическая примерка. В минуту из диванных подушек, перевернутых стульев и прочей мебели был сооружен макет, и я, сидя на полу под соответствующим углом, с удовлетворением отмечал правильность своих расчетов. В этот момент в мою комнату вошла жена и бросила красноречивый взгляд на телефон: не вызвать ли психиатра. Но, видимо, передумала и сказала:

— Я вижу по твоей сияющей физиономии, что ты доволен своим изобретением. Так стоит ли воплощать его в реальность, если и мысленный вариант тебя радует?

— Пожалуй, что нет, не стоит. Можешь подсчитать, сколько наша семья денег сэкономит, коль скоро я откажусь от физического воплощения.

— Ты лучше подсчитай, сколько я сэкономлю нервной энергии, если буду знать, что ты катаешься на диванной подушке посреди комнаты, а не по улицам Москвы на не слишком надежной самоделке.

Энтузиазм постройки у меня увял по двум причинам: творческий процесс уже был закончен и предстояла чисто слесарная работа, к которой у меня особой склонности нет, во-вторых, сталкиваясь с подобными мне конструкторами-любителями, я узнал, что в советских условиях зарегистрировать автомобиль в автоинспекции еще труднее, чем его построить. Кроме того, самоделка даже с мотоциклетным мотором считается автомобилем, следовательно, для того, чтобы на ней ездить, нужны водительские права, а по советским законам, их не дают одноглазым или, если второй глаз, как у меня, видит хуже определенной нормы.

Иное дело — мечта всех умельцев-конструкторов — инвалидная мотоколяска. Это маленький двухместный автомобиль на четырех колесах с мотоциклетным двигателем, который дается или продается только безногим инвалидам. Когда-то он имел скорость, не намного превышающую скорость пешехода, и на него не

распространялись те требования к водителю, которые предъявлялись к шоферам. Постепенно коляски совершенствовались, двигатель стал довольно сильным, но юридические требования остались прежними. И вот я решил попробовать обзавестись этой мотоколяской, а потом на ее базе строить то, что заблагорассудится.

Есть у меня свойство: за других я прошу очень легко, а для самого себя как-то не выходит. Но я знал, что лучше меня вряд ли кто изложит просьбу и сумеет убедить большое начальство. Что же касается "себя", так можно просить и в третьем лице. И я пошел к министру социального обеспечения "по поручению Гельминтологической лаборатории АН СССР".

— Есть у нас в коллективе, — начал я излагать свою просьбу, — инвалид Отечественной войны. Ноги у него есть, а вот одного глаза не хватает. По распоряжению Президиума Академии Наук, научные сотрудники, выезжающие по роду своей работы в поле, обеспечиваются казенным транспортом, но без шофера. В связи с этим запрещено оплачивать такси или иной необщественный транспорт. Получается парадокс: здоровые люди разъезжают в автомобилях или на мотоциклах, а инвалид войны, потерявший свое здоровье в боях за Родину, должен ходить пешком, так как не имеет водительских прав. Вот мы и просим выдать ему мотоколяску, для вождения которой он может иметь права.

— А нельзя его использовать без выездов в поле?

— Ну что Вы! Он один из тех специалистов, чья деятельность направлена именно на практику сельского хозяйства. Да и в свете последнего Пленума ЦК КПСС...

— Ну конечно, я понимаю. А академик Скрябин может написать ходатайственное письмо?

— Разумеется!

В тот же день я обратился к Скрябину:

— Константин Иванович, в Министерстве социального обеспечения готовится закон, по которому инвалидам войны будут давать мотоколяски для использования их в служебных целях. Не могли бы Вы написать такую бумажку? Я черновик составил.

— Конечно, если требуется.

— А может, ее лучше "пропустить" через Президиум Академии Наук?

— Это затянет дело. Впрочем, я как член Президиума АН могу написать это письмо на их бланке.

Через неделю меня вызвали в Министерство социального обеспечения. Шел я туда смущенным. Ведь я говорил о Мюге в третьем лице, а тут выяснится, что ходатай и заинтересованное

лицо — одно и то же. Но опасения были напрасны, так как принял меня заместитель министра. Он стал спрашивать, какие у меня есть дефекты, кроме глаз. Когда я сказал, что у меня отшибло в войну пятку и что врачи подозревали эндартериит, он просветлел:

— Знаете, у нас есть строгое решение давать мотоколяски только безногим или приравненным к ним, не делая никаких исключений. Ведь достаточно создать прецедент, как забросают просьбами. Нам гораздо проще изменить расписание болезней, инструкции для ВТЭКов, чем сделать исключение. Я думаю, что мы так и поступим.

Еще через неделю я получил письмо из Московской Врачебной Трудовой Экспертной комиссии (ВТЭК), где говорилось: "В связи с изменением требований для получения мотоколяски, просим Вас явиться для обследования". Инструкция была подогнана под мой случай, и коляску я получил, а вместе с ней и право на ее вождение.

К 25-летию окончания войны Верховный Совет издал указ о дополнительных льготах инвалидам войны. Там, в частности, говорилось, что инвалиды, не имеющие конечностей, имеют право бесплатного проезда на всех видах городского общественного транспорта по всей территории СССР. Билеты давались пожизненно.

Жена как-то пошутила:

— Вот получил ты как безногий коляску, теперь можешь и билет получить.

— А почему бы и не попробовать?

... Я подошел к окошечку, где выдавались такие билеты, и спросил:

— Если бы я потерял проездной билет, что бы Вы с меня потребовали для выдачи дубликата?

— Книжку инвалида Отечественной войны, паспорт и врачебную справку о том, что у Вас нет ног.

— Ну, инвалидная книжка и паспорт — вот они. А может, достаточно удостоверения, что у меня есть мотоколяска, которую выдают только безногим? Разве это не доказательство отсутствия ног?

— Годится... Заполните этот бланк.

Самое, на мой взгляд, в этой истории удивительное заключается в том, что, пока я мысленно конструировал автомобили, охладил к этой затее, предпринимал хлопоты относительно мотоколяски учился и сдавал экзамены на права вождения, была выпущена новая модель мотоколяски, по внешнему виду такая, какую я видел во сне. Ее-то я и получил.

СНОВА КОНФЛИКТ С ВЛАСТЯМИ

В 1968 году события развивались своим чередом.

В январе начался суд над Галансковым, Гинзбургом, Добровольским и Лашковой. Мы с женой находились у закрытых дверей здания суда, где филеры фотографировали собравшихся. Я подписал письмо с протестом против того, что подсудимых держали под следствием больше допускаясь законом девяти месяцев.

В феврале без законных на то оснований посадили в психиатрическую больницу моего друга А.С.Вольпина. Математики, сначала два академика, а потом еще 99 человек, написали жалобу министру здравоохранения. Второе письмо должна была передать в министерство Ира Кристи.

Поскольку она состояла на учете в психиатрическом диспансере, друзья опасались, как бы ее во время подачи письма не изолировали. Поэтому я и еще один товарищ решили ее сопровождать.

Министерство здравоохранения находится недалеко от дома на улице Горького, где жил К.И.Скрябин. К нему ехал шофер (вез почту), и я попросил подбросить и меня. Когда шикарная машина академика подкатила к подъезду министерства и я из нее вышел, в дверь входил заместитель министра. Приняв меня за важную птицу, он провел меня к себе в кабинет и стал расспрашивать, зачем я приехал. Я уклончиво начал объяснять. Он, обратив, что я от академиков, написавших первое письмо (которое они уже получили), сообщил успокаивающие вещи: создана специальная комиссия и так далее. Я не стал его разубеждать в степени своих полномочий и пошел к выходу встречать Иру. Она, как всегда, опоздала, заставив нас с товарищем поволноваться. Потом мы копии письма отнесли в Прокуратуру СССР и Главному психиатру Москвы.

Обо всем этом мне пришлось рассказать в ГЕЛАНе и вот почему. В райком собрали секретарей всех комсомольских организаций. Была беседа какого-то полковника из КГБ. Он говорил о бдительности и, в частности, о подписантах. Дескать, есть люди, которые под видом коллективных писем пишут прокламации. Письма эти по адресу не отправляются и пишутся одним человеком, который подставляет ряд фиктивных фамилий. Наш секретарь комсомола пересказал этот доклад в коллективе лаборатории. И я стал опровергать версию о том, что письма не отправляются по адресу. Мне сначала не верили, тогда я и поделился собственным опытом.

21 августа 1968 года был суд над А.Марченко. Речь прокурора вызвала возмущение в зале. Когда он сказал, что Марченко, менявший работу грузчика, на языке стахановцев 30-х годов назывался бы летуном (Марченко после освобождения из лагерей был почти полным инвалидом, ему отказались делать операцию на черепе, так как содержание гемоглобина в крови не превышало 28%), сидевший рядом со мной Дремлюга выкрикнул: "Дурак!", а у меня вырвалось: "Подлец!". В зале сидели оперативники, и меня в перерыве милиционер отвел в соседнюю комнату, где группа людей в штатском, явно распорядителей процесса, учинила мне неофициальный допрос.

— Вы вели себя во время речи прокурора вызывающе.

— Простите, я увлекся спором с соседом и не слушал прокурора.

— Но Вы выкрикнули слово "подлец", когда прокурор говорил о летунах.

— Я не слушал, о чем он говорил, так как не только увлекся разговором с соседом, но и вспылал, когда он меня назвал дураком.

— И что Вы ему ответили?

— Не помню, что-то не очень вежливое, кажется, я его назвал подлецом. Но это сгоряча.

— Отведите его на автобусную остановку, — приказал "штатский" старшине милиции. — И чтоб его больше в зале суда не было.

С остановки я вернулся в здание суда, чтобы обо мне не беспокоились. Были случаи, когда "болельщиков" возле политических процессов сажали на пятнадцать суток за "нарушение порядка". Но друзья мои настолько были поглощены разговором, что меня не заметили, а вот старшина внимание обратил. Он опять проводил меня до автобуса и проследил, чтобы я в него сел. Потом Ася с Костей Бабицким (мужем моей свояченицы Тани Великановой) ходили разыскивать меня в ближайшее отделение милиции и изрядно повоновались, а я, будучи уверен, что меня после первого задержания видели, уехал домой. Спеша на суд, Ася сильно разбила коленку, во время поисков меня она распухла и вечером ей наложили гипс.

В этот день сообщили о введении наших войск в Чехословакию. Я как менее эмоциональный и наблюдавший истребление при нашем попустительстве поляков, мог заниматься своим делом или смотреть телевизор. Другие реагировали иначе. Вечером к нам заехали Костя с Таней (Асиной сестрой). Костя спросил меня,

как я реагирую на интервенцию наших войск. Я ответил:

— Отрицательно. Задушив "Пражскую весну", большевики создадут миф о том, что социализм мог бы быть с человеческим лицом.

Костя безнадежно махнул рукой и они ушли. Мне тогда и в голову не пришло, что он "зондировал почву", собираясь пригласить меня на демонстрацию в качестве свидетеля.

В полдень 25-го Костя Бабицкий с друзьями — Литвиновым, Богораз, Горбаневской, Дремлюгой, Делоне и Файнбергом — вышли на Красную площадь, сели у Лобного места и подняли лозунги. Их избили и увезли в милицию.

Вечером 25-го я поехал к Бабицкому за лекарством для Аси, но попал на обыск и был задержан. Ася позвонила по телефону. Из ответов я понял, что звонит она, и успел крикнуть в трубку: "Здесь обыск!" — пока следователь не надавил на рычаг.

Ася, как и я, не знала о демонстрации и думала, что начались новальные обыски по изъятию самиздата. И вот они с Ирой Кристи поехали "на всякий случай" предупредить своих знакомых — "а вдруг у них что-нибудь есть". Пара эта, наверно, выглядела трагикомично: Ася в гипсовой ноге, а Ира в это время лечилась голодом, не ела больше месяца и напоминала скелет, обтянутый кожей.

В октябре был суд над демонстрантами. Ася как родственница попала на суд, а я толкался на улице. Среди "болельщиков" завязывались новые знакомства. О том, что тут происходило, уже написано в книге Н.Горбаневской "Полдень". Некоторые знакомства послужили началом дальнейших приключений.

В частности, я познакомился с Генрихом Алтуняном, который оставил мне свой харьковский адрес "на случай", а вдруг и буду в Харькове.

ОБЫСК И ДОПРОС В ХАРЬКОВЕ

В Харьков я собирался... На конференции фитонематологов в Польше, где я должен был делать доклад на пленарном заседании и руководить секцией физиологии, биохимии и генетики и куда меня опять-таки не пустили, был американский физиолог Крузберг. С ним мы обменялись оттисками. В последнее время наши данные стали расходиться. Он не обнаруживал в выделениях фитогельминтов пищеварительных ферментов и рассказал об этом моим коллегам.

Я много раздумывал над этим обстоятельством. Может быть, я делал небрежно опыты? Но Зиновьев-то славится своей дотошной аккуратностью, и у него получались аналогичные моим данные. Нужно съездить в Харьков и обсудить этот вопрос с Зиновьевым.

Итак, я поехал в Харьков. С Зиновьевым мы просмотрели все работы, в которых пищеварительные ферменты обнаружены не были, и обратили внимание на то, что они делались с особенной аккуратностью. Нематод промывали столь тщательно и долго, что из них вымывался и весь искомый фермент.

В Харькове я зашел к Алтуняну. За домом следили и, увидев появление незнакомого человека, пришли с обыском. В моей папке было два машинописных тома романа Солженицына "Раковый корпус", которые я взял для чтения в дороге. Их изъяли. Я заявил протест, и следователь Гриценко предложил прийти за ними на другой день в Прокуратуру. Я не надеялся получить роман обратно, но мне было любопытно побеседовать.

В Харькове велось дело, по которому вызывалась группа свидетелей, но не было ни одного обвиняемого. В то время для меня это было загадкой, хотя позже я и сам оказался в подобном положении.

Во время обыска у меня один раз екнуло сердце. На столе лежал рукописный сборник стихов Гриши Подъяпольского, привезенный мной вместе с другим самиздатом. Автор в то время не был еще "взят на мушку" органами, и знакомство следователя с этим сборником было бы ни к чему. Гриценко начал читать вслух первое попавшееся стихотворение:

— Простите, Друнина, я не поэт

И мы не знакомы с Вами...

Ну, думаю, сейчас он дойдет до строчки о Вьетнаме и насто-
рожится. Но этого не произошло. Гриценко проворчал:

— О це верно, який вин поэт! — и перелистнул несколько страниц. — "В древнебрежневское время жил в России некий Генрих" — А це що?

— Разве Вы не чувствуете по стилю, — спокойно заметил Алтунян, — что это стихи восемнадцатого века?

Гриценко отложил стихи в сторону — не брать.

Генрих Алтунян имел чин майора, преподавал в каком-то военно-техническом училище, по образованию инженер. Он был членом КПСС и свято верил в правильность задуманной идеи преобразования общества. Именно поэтому он очень болезненно воспринимал всякие отклонения от "ленинских принципов".

Он начал писать письма в различные партийные инстанции, видимо, этим надоел, и его исключили из партии. Потом посадили на три года (обыски предшествовали этой посадке). Через три с лишним года я с ним снова встретился, когда он возвращался через Москву из лагеря. Злые языки утверждают, что у него на аэродроме красовался на лацкане пиджака маленький значок с изображением Ленина. Я сильно подозреваю, что он и сейчас верит в непогрешимость "ленинских принципов", хотя доказать этого и не могу...

На другой день я пришел в Прокуратуру, и Гриценко учинил мне формальный допрос.

— Назовите Ваших друзей.

— Их три миллиарда. У Вас бумаги не хватит записать.

Кто они?

— Жители земного шара.

— Как так?

— А разве Вы не знакомы с Кодексом строителя коммунизма? Там сказано: "Человек человеку друг, товарищ и брат". Или Вы не всех жителей Земли считаете людьми?

Разговор сначала носил общий характер, но потом перешел к конкретным лицам. Знаю ли я Григоренко, Сахарова, Померанца, Якира, Габая и Кима. "Ага, — сообразил я, — они перечисляют авторов тех произведений, которые были изъяты у харьковчан на предыдущих обысках. Дело, выходит, заведено на самиздат, как могло бы быть заведено дело на найденный труп — обвиняемого нет, а свидетелей таскают."

С П.Г.Григоренко мы почти не разлучались во время похорон писателя Костерина. С Померанцем были соседями, а с остальными знакомство было шапочным, и я решил узнать их поближе после возвращения в Москву.

Остановился я в Харькове в гостинице обкома партии. Директор института, в котором работал Зиновьев, был председателем общества "Знание". По линии этого общества приезжали докладчики не только на научные, но и на политические темы, и общество резервировало для них комнаты в этой гостинице. Думаю, что со сталинских времен обыск в обкомовской гостинице проводился впервые. Во всяком случае, ее служители при расставании выразили мне недовольство.

А повод быть недовольным моим посещением заключался не только в обыске. В эти дни проводилась идеологическая конференция, на которой представитель ЦК КПСС говорил:

— Если раньше мы могли умалчивать в нашей советской

печати о некоторых теневых сторонах советской жизни, и о делах, происходящих в капиталистическом мире, то теперь это стало практически невозможно. Более четверти населения или сами слушают иностранные радиостанции, или знают о событиях из уст их слышавших. Теперь мы должны не замалчивать эти факты, а давать им нужную интерпретацию. Не все передачи Западного радио одинаково вредны. Сейчас, например, они часто знакомят слушателей с самиздатом. Это особенно вредно, так как самиздат отражает жизнь нашей страны и более интересен слушателям. Но мы можем влиять на их программы. Просить больше джазовой музыки, рассказов об экзотических местах... Даже религиозные передачи менее вредны, так как рассчитаны на уже верующих. Дикторы сами просят: "Пишите нам, дорогие радиослушатели". Вот и давайте им писать!

Все это обсуждалось в вестибюле гостиницы...

Провожали меня харьковчане очень тепло. Кроме так называемых демократов, сошлась значительная группа филеров, которые, не стесняясь, нас фотографировали. Четверых из моих новых друзей вскоре арестовали — сначала Алтуняна, потом Левина, Пономарева и Недобору.

ДВА ЮБИЛЕЯ

Во время суда над демонстрантами особую симпатию вызвал у меня высокий пожилой человек, организовавший сбор подписей под заявлением с требованием выгнать из зала суда заранее привезенных туда "мальчиков" и впустить нас — друзей подсудимых. Это был разжалованный генерал и видный ученый П.Г. Григоренко. До этого я видел его в доме у Павла Литвинова, где было много народу и гостей друг другу не представляли. Мне захотелось с ним познакомиться поближе. Кто-то в последний день суда поздравил его с наступающим шестидесятилетием, но он ответил:

— Поздравления я буду принимать только у себя дома в день рождения, — и, окинув с высоты своего роста окружающих, добавил, — приглашаю всех, кто захочет меня посетить.

В день его рождения я отправился на Комсомольский проспект: позвонить в дверь, поздравить, и если не проявит особого радушия, сделать вид, что я и не собирался у него задерживаться, а спешу по делам и заглянул по дороге. Но получилось совсем не так. Он очень энергично и радушно заставил меня раздеться и ввел в комнату, где за столом сидели гости. Один худощавый

человек, окинув взглядом меня в дверях, сказал:

— Вроде личность его знакомая.

Кто-то из-за стола добавил:

— И не только личность, а и сам человек. Чего стоишь, занимай свободное место.

Я протер запотевшие очки и осмотрелся. Гостей было не очень много, но среди них около половины были мне знакомы, а некоторые — очень давно. В этот же день праздновалось рождение и жены Петра Григорьевича — Зинаиды Михайловны. Обстановка была столь непринужденная, что у меня создалось впечатление, будто я в этом доме бывал испокон веков, а хозяева — мои давнишние друзья. Собственно говоря, дружба у нас действительно завязалась, а потом подкрепилась и родственными отношениями, так как одна из сестер моей жены вышла замуж за сына Петра Григорьевича Андрея. На этом запас невест из семьи Великановых иссяк. ! Старшая, Таня — за Бабицким, Ася — за мной, Катя — за Саней Даниэлем (сыном Юлия Даниэля и Ларисы Богораз) и, наконец, Маша... Кто-то окрестил мою тещу "тещей русской демократии"...

Ходить по дням рождения к незнакомым людям мне понравилось и 11 декабря я поехал в Рязань, надеясь "погулять" на пятидесятилетнем юбилее А.И.Солженицына. На этот раз я нагрузил сумку спиртным и поздно вечером позвонил в дом на улице Яблочкина. Александр Исаевич оказался почему-то трезвым. Побеседовав со мной минут двадцать, он заметил:

— Через двадцать минут уходит из Рязани последний поезд. Вы рискуете на него опоздать.

Принять дары он категорически отказался. Честно говоря, я чувствовал себя по дороге домой не в своей тарелке. Потом ночевавший в этот день у Солженицына Л.З.Копелев мне разъяснил, что, во-первых, Солженицын почти все время работает (даже в дни своих юбилеев), очень ценит время и не тратит его на разговоры даже с близкими друзьями; во-вторых, А.И. не пьет (даже в дни своих юбилеев); в-третьих, он рано ложится спать (не делая из этого правила исключения и в день юбилея), и, наконец, не принимает подарков. Если бы вдруг он изменил всем своим правилам в день юбилея и захотел бы меня оставить пить и ночевать (что в его доме опять-таки не принято), то единственное спальное гостевое место (диван) было занято им, Копелевым.

2-го мая 1969 года Григоренко позвонили из Ташкента по телефону и просили приехать на суд, где он собирался выступить в защиту крымских татар. Татары официально были реабили-

рованы, но в Крым их не пускали. Наиболее активных радетелей за свои права время от времени судили. На один из таких судов татары пригласили в качестве общественного защитника П.Г. Григоренко. На аэродром Григоренко поехал прямо от праздничного стола — был день рождения его сына. Мы с Машей Подъяпольской проводили его на аэродром и долго с ним не встречались. Звонок был провокацией. В Ташкенте Петра Григорьевича арестовали, и мы с ним в СССР смогли пообщаться только через форточку Черняховской психбольницы. Но это было перед самым моим отъездом из СССР.

Группа людей написала письмо в газеты и к общественности с возмущением против ареста Григоренко. Кроме того, возникшая в это время Инициативная группа по защите прав человека написала письмо в ООН. В Инициативную группу я не входил, но моя фамилия в этих документах стояла. Это послужило поводом для первой серьезной беседы с представителями власти.

СНОВА В ФАВОРЕ

Однако страна наша обширна, ведомств в ней много, и в тех же 67-68-ом годах происходило следующее.

Сектор написал отчет в дирекцию о проделанной работе за "юбилейный год" (В 1961 году отмечалось пятидесятилетие советской власти). Дирекция выбрала наиболее существенные, с ее точки зрения, фрагменты и включила в отчет для отделения. Отделение, опять отсеяв часть работ, дало отчет Президиуму Академии Наук. А тогдашний президент Келдыш доложил то, что считал стоящим внимания, в ЦК КПСС. По иронии судьбы, моя работа по терапии фитогельминтозов дошла до ЦК.

Дальше события развивались молниеносно.

Привезли из Успенского (где он отдыхал) академика К.И. Скрябина, подняли с постели больного А.А.Парамонова и устроили Ученый Совет. На совете решили:

— Считать лечение "гельминтозных растений" ударной темой. Привлечь к ее выполнению большую часть фитогельминтологов. Руководителем этой темы назначить ее автора С.Г.Мюге. Предложить Мюге составить план работы. План работы и теоретические ее предпосылки должны быть заслушаны через два дня на Ученом Совете. Учитывая, что в лаборатории нет специалистов в данной области, пригласить их на Ученый Совет из других учреждений.

Лаборатория загудела. Кому охота бросать свою обсосанную тему и заниматься чем-то посторонним? Часто слышались репли-

ки; ”ты выдумал, а нам отдуваться.”

Президиум требовал внедрения метода в практику. Я предложил Совету использовать для проведения производственных опытов не сотрудников лаборатории, а работников тех теплиц, в которых будет производиться проверка: и данные будут более объективными, и другая работа лаборатории не пострадает.

Такое решение всех устраивало. ”Специалиста” предложили найти тоже мне. Легко сказать ”найти”, а где его взять? Подобным направлением занимается Дропкин и Виглиерхио в США, Берд в Австралии, ну, возможно, еще несколько человек где-нибудь. Остальные титулованные особы могли служить только для проформы и по существу вряд ли что-нибудь могли сказать. А раз так — стоит ли их беспокоить?

” АРТИСТЫ КУКОЛЬНОГО ТЕАТРА”

Я обратился к своим друзьям Грише и Маше Подъяпольским: — Приходите на Ученый Совет. Что сказать, я расскажу перед началом. Думаю, что говорить вообще ничего не нужно будет.

Перед началом Ученого Совета я неопределенно поведал, что, возможно, приедут из Ленинграда член-корреспондент и профессор, специалисты по иммунитету растений. Они сейчас в Москве в командировке и обещали зайти.

Совет начался без них. Я уже говорил, когда в аудитории зашептали: ”членкоры приехали”. Меня просили остановиться. Гостям поставили стулья поближе ко мне и попросили начать доклад сначала. К удивлению, я увидел приехавшее с ними третье незнакомое лицо с черной бородой и бегающими глазами. Оказывается, Маша привела какого-то ”чокнутого”, специалиста по генезису нефти, который, независимо от его специальности, выступает на всех научных сборищах.

Доклад кончился. Начались вопросы. Крылов обратился к Подъяпольскому:

— У меня вопрос к нашему уважаемому гостю: нельзя ли экстраполировать роль ингибиторов экстраинтенстинальных ферментов мультифункциональной дорзальной железы фитогельминга (о которой говорил Сергей Георгиевич) на цикл трикарбоновых кислот (Кребса) в растении?

... Блондины краснеют особенно сильно...

Зардевшийся Гришка посмотрел на часы и пролепетал:

— Времени прошло много ... Все, наверное, устали... Я думаю, надо поблагодарить докладчика...

И всем своим видом показывал, как ему хочется уйти. Но не тут-то было! Турлыгина предложила "гостям" расписаться в тетради, где отмечалось посещение ГЕЛИАНа специалистами из других учреждений с указанием должности и места работы.

Когда гости ушли, на меня ополчились:

— Вы что, нас за дураков считаете? Это что, артисты из кукольного театра?

Идею я подхватил на лету:

— Да, из Кукольного. Они делают новую постановку "Иго-го" и им нужно было побывать на Ученом Совете, посмотреть, как это делается. А член-корр не приехал, видимо, не смог. А разве артистов нельзя пускать на Ученый Совет? Ведь тема-то не закрытая и вход был свободный.

Кто-то робко спросил:

— А нельзя ли через них достать билетки на спектакль?

— Боюсь, вы с ними не слишком вежливо обошлись. Они могли обидеться.

Работа проводилась в двух крупнейших тепличных хозяйствах Москвы — совхозах "Марфино" и "Тепличный". Обработка растений ингибитором цепных окислительных реакций увеличила урожай огурцов на 10-20%. Причем, чем участок сильнее был заражен галловой нематодой, тем сильнее оказался эффект обработки. При полном заражении всех растений урожай повысился в два с половиной раза.

СМЕРТЬ ПАРАМОНОВА

11 июня 1970 года умер А.А.Парамонов. Все мы чувствовали себя осиротевшими. После похорон Мария Игнатьевна (жена А.А.) показала тетрадь, своеобразный дневник, в котором Парамонов записывал свои планы, мысли. На последней странице было написано: "Очень боюсь за Сережу, как бы опять не наделал глупостей".

Жили Парамоновы в старом домике на Арбате, где занимали одну комнату в коммунальной квартире. Фанерными переборками ее разделили на три малюсенькие клетушки. В доме всегда жило много различных животных. Одна из работниц теплицы, расположенной на окраине Москвы, когда речь зашла об А.А., спросила:

— Это тот профессор, который собирает в портфель больных котят и щенят?

Парамонов собирал и больных голубей, да и вообще всякую

тварь, которая, по его мнению, требовала опеки.

Однажды его пес Дружок так обрадовался моему приходу (собаки меня любили), что для полного выражения своего восторга задрал заднюю ногу и окропил мне брюки.

Выпускники Тимирязевки помнили такой эпизод. Доцент кафедры дарвинизма, армянин по национальности, настолько обострил отношения с партийным начальством и администрацией, разоблачив их нечестные поступки, что от него решили отделаться, да еще так, чтобы окончательно скомпрометировать его среди студентов. Обвинили его в педерастии и передали дело в суд. Парамонов, будучи тогда завкафедрой, выступал в качестве свидетеля. Он указал на свидетелей обвинения — двух студентов, которым этот доцент якобы не поставил зачета из-за того, что они отказались вступить с ним в преступную связь.

— Посмотрите на эти образины! Разве они могут прельстить? Ведь гомосексуалы выбирают хорошеньких мальчиков!

Симпатии зала резко изменились, доцент был оправдан и ходил даже в героях, так как Парамонов там же зачитал куски из акта ревизии, подписанного обвиняемым.

— Не кажется ли Вам, что есть люди, которым хотелось бы от него избавиться? Ведь он обличил воров!

Больше всего А.А. не любил писать формальные отчеты, а их требовали довольно часто — то за квартал, то за полугодие, то планы на будущее. В один из "отчетных" дней он предложил:

— Давайте удерем. Отпишемся в теплицу, а сами поедем на лодке кататься. Все равно работать не дадут, а отчеты никуда не денутся.

Мы поехали с ним на речном трамвае в Кунцево. Там катались на лодке, стреляли в тире и резвились с радостью прогулявшихся занятия школьников.

В другой раз он предложил всей группе воспользоваться отсутствием зам.директора Н.П.Шихобаловой и уехать в издательство "Колос" договориться об издании нашей книги.

А.А.Крылов, Турлыгина, Барановская и я веселой гурьбой выскочили на улицу. Вдруг лицо у Парамонова как-то вытянулось, весь он потускнел и пролепетал:

— Идет, чертова кукла.

Навстречу шла Н.П.Шихобалова.

— Вы куда?

— Да мы хотим книгу издать, в министерство, — сказал А.А.

— Так зачем же все? Вот Петр Семенович (Крылов), человек из вас самый положительный, пусть он договорится от вашего имени.

— Петр Семенович, у Вас не найдется времени съездить в редакцию? — спросил Парамонов.

— Вот это да! Вместе со всеми у него время нашлось, а одному не найдется. А ну-ка, все возвращайтесь! Мне к вечеру отчет нужен.

... Входили мы в здание ОБН с удрученным видом...

Есть люди, для которых работа — не только средство для существования и даже не только удовлетворение духовной потребности, но и физиологическая функция организма. Отними у них эту функцию — весь организм расстроится, нарушится гармония. Как полк без знамени становится толпой небоеспособных солдат, так и организм таких людей, лишенный целенаправленности, становится конгломератом клеток и органов. А, как известно, изолированные органы долго не живут. Именно к таким людям и относился А.А.Парамонов

Однажды по Академии Наук пронеслась очередная волна сокращения штатов. Волны проходили и прежде. Требуется сэкономить на зарплате столько-то рублей — дирекция экономит. Раньше делали так: сократят уборщиц, препараторов, лаборантов на определенную сумму рублей — начальство удовлетворяется. А через некоторое время бьют тревогу — заросли грязью, непроизводительно работают ученые: получают много, а большую часть времени занимаются неквалифицированным трудом. Ну, высокое начальство постепенно спускает новые ставки, глядишь, штаты стали такими же, как перед сокращением, а то и больше.

Но со временем умнеть может и начальство. На этот раз было предложено сокращать только высоко оплачиваемых. Заведующая кадрами В.Г.Григус стала при Парамонове заводить разговоры. Вот, дескать, есть старики, которым пора на пенсию, а они не уходят, из-за них придется увольнять людей более молодых, а следовательно, более трудоспособных. Совести у них нет, и тому подобное. Совесть у Парамонова была особенно обостренная. Хотя и он сам, и все окружающие знали, что по работоспособности он намного превосходит молодежь, нервы у А.А. не выдержали, и он заявил, что хочет уйти на пенсию. Заявил, пришел домой, заплакал, слег и больше не поднялся.

ПОД НАБЛЮДЕНИЕМ

Один из друзей сообщил, что видел меня в "черном списке" Ленинградской партийной организации — в списке лиц, которых

не следует привлекать к чтению лекций.

Проще всего мне как-то сказала Шихобалова:

— Вы ведь под наблюдением.

На что я ответил:

— А Вы уверены, что за Вами не наблюдают?

— Но Вы — почти что под гласным!

Как-то раз меня пригласил зайти к себе в комнату А.Шигин. Он в то время замещал секретаря парторганизации. В комнате находился еще один член парткома, бывший гебешник Махин, работавший заместителем директора по хозяйственной части.

Я догадался, что разговор будет о подписанных мной письмах, и решил заявить, что не буду на эту тему разговаривать, пока они не покажут мне текст с моей собственной подписью. Но разговор принял неожиданный оборот:

— Ходят слухи, что Вы подписывали какие-то клеветнические письма. Мы уверены, что этого не было, что Вас с кем-то спутали, или кто-то, чтобы Вам насолить, написал Вашу фамилию. Вот мы и пригласили Вас, чтобы убедиться в том, что мы правы.

В данной ситуации не ответить на вопрос означало отказаться от своей подписи, и я сказал:

— Да, я подписывал письмо в защиту своего друга П.Г.Григоренко (мы к этому времени стали свойственниками) и поддержал письмо Инициативной группы в ООН.

— Только поддержали?

— Да, я не считал возможным ставить подпись под текстом, поскольку там сказано: "Мы неоднократно обращались в высшие советские органы власти". Я не обращался и не мог подписаться под поступками, которых не совершал.

Махин долго меня вразумлял:

— Ведь Вы не политик, Вы ничего не знаете, зачем лезете не в свое дело?

21 сентября 1971 года ко мне пришли с обыском. Мой семилетний сын ухитрился выйти из квартиры и позвонить друзьям. К вечеру об обыске стало известно моим знакомым, и к нам повалил народ. Следователи с одиннадцати часов работали "не покладая рук" и были очень недовольны, когда жена стала накрывать на стол, чтобы накормить пришедших после работы гостей. Они апеллировали ко мне, дескать, еда мешает им работать. Я, сославшись на то, что хозяйственными делами в доме ведает жена, предложил им не вмешиваться в наш внутренний распорядок. И они глотали слюни.

Был там и какой-то эксцесс у одного из обыскивающих с

Ю.Штейном. Меня опять просили навести порядок, на что я заметил, что не могу выполнять функции блюстителей законов. Вызывали наряд милиции. Около девяти часов вечера незваные гости уехали, увозя кипы самиздата.

На допрос я пришел только четвертого октября (до этого болел). Следователь Гагарский объявил мне, что я — подозреваемый по статье 190-1 и взял с меня подписку о невыезде.

Показаний, у кого я брал литературу, я давать не стал. (Сообщил только, что работы Ж.Медведева я получил от автора, поскольку на них была надпись "с просьбой не распространять". Это была просьба Жореса.) Я начал оспаривать клеветнический характер самой изъятой литературы. Чтобы не терять времени, я пообещал изложить свои соображения по этому поводу дома. Так как после шестого октября Гагарский меня не вызывал, я на десятый день после дачи подписки о невыезде (когда срок ее действия истек), послал обещанное письмо Гагарскому по почте, а сам уехал в Крым, благо у меня была неделя неиспользованного отпуска.

Вот текст письма.

**СТАРШЕМУ СЛЕДОВАТЕЛЮ ПРОКУРАТУРЫ МОСКОВСКОЙ
ОБЛАСТИ МЛАДШЕМУ СОВЕТНИКУ ЮСТИЦИИ
В.В.ГАГАРСКОМУ**

Уважаемый Владимир Васильевич!

21 сентября 1971 года у меня при обыске была изъята библиотека машинописных изданий, содержащая различные художественные произведения (стихи, проза, эссе), мемуары, философские и юридические работы.

4 октября мне было объявлено, что я подозреваюсь в хранении в целях распространения литературы, содержащей клевету на советский государственный строй, и отобрана подписка о невыезде.

Это подозрение вызвано, как я понимаю, показаниями арестованного в г.Пушино физика Р.Фина, который в зачитанном мне Вами протоколе от 14 июля с.г. показал, что брал у меня поименованные им литературные произведения. Я продолжаю настаивать, что никакой клеветнической литературы не распространял, в том числе, и через Фина.

Как я уже заявил на допросах 4 и 6 октября с.г., отобранную у меня литературу я не считаю криминальной. Назвать же имена

людей, у которых я ее брал для прочтения или покупал, я отказался. Мне не известны какие-либо законы, устанавливающие критерий уголовной криминальности для идеологически неортодоксальных по своему характеру произведений. Частные судебные оценки отдельных произведений в частных решениях судов, во-первых, мне не известны, а, во-вторых, не являются законами РСФСР или СССР. Таким образом, нет точного критерия криминальности, установленного законами. Моя и Ваша точка зрения на отобранные у меня произведения могут разойтись. Поэтому я по совести не считаю возможным подвергать людей неприятностям без достаточных к тому оснований.

Приобретать же эту литературу со стороны в машинописном исполнении мне приходилось потому, что к ней нет доступа в публичных библиотеках без специального разрешения.

Интерес к мемуарной, социальной и политической литературе связан с некоторыми особенностями моей биографии. Еще в детстве я слушал, как мой пра-прадед по материнской линии Денис Давыдов, несмотря на бесспорные заслуги перед Россией, всю жизнь находился в опале за вольнодумные стихи, направленные против самодержавия, и за родственные связи с декабристами. Отец мой в 1936 году был репрессирован, а я с 17 лет ушел на фронт.

Я воевал в составе войск Первого Белорусского фронта, имел правительственные награды и закончил для себя войну на Одере, где был вторично ранен и остался инвалидом на всю жизнь.

По возвращении с фронта я поступил в Тимирязевскую академию и увлекся исследовательской работой. В 1949 году моя студенческая научная работа была доложена на Всесоюзной конференции, удостоена первой премии и почетной грамоты ЦК ВЛКСМ. В том же 1949 году я был арестован органами безопасности, потому что не мог примириться и согласиться с тем, что профессора, привившие мне вкус к науке, были объявлены "лжеучеными". Я открыто осуждал травлю людей за их научные убеждения. В 1956 году меня реабилитировали.

В местах заключения я увидел, что большинство людей, обвиненных в антисоветской агитации, сидят на самом деле ни за что, так же, как и я, что достаточно быть несогласным с любыми взглядами властей, чтобы тебя объявили врагом народа.

Я защищал свою родину в годы опасности, я не мог не задуматься о том, почему происходило все то, что происходило. Будучи по складу ума исследователем, я не мог удовлетвориться готовыми объяснениями и пытался выработать свой собственный

взгляд на вещи. Поэтому я и собирал художественную, историческую, социальную и мемуарную литературу, как изданную в СССР, так и выполненную в машинописном исполнении. Я хранил произведения острые, дискуссионные, книги, спорящие между собой и со мной самим, для того, чтобы найти объяснение как парадоксу собственной судьбы, так и всего пережитого мною времени.

Закон предусматривает, что распространение клеветы является преступлением только тогда, когда обвиняемое лицо сознает, что распространяемые им произведения являются ложными и порочащими.

Что же за литературу Вы у меня взяли? Было ли у меня основание сознавать, что имеющиеся в ней сведения заведомо ложны? Попробуем разобраться. Вы взяли мемуары старого большевика, ныне реабилитированного, Газаряна (в протоколе обыска он значится за № 36), где он описывает сталинские лагеря и заканчивает описанием суда над своими мучителями. Как в любой мемуарной литературе, здесь могут быть некоторые субъективные трактовки событий, однако у меня нет ни малейшего сомнения в отсутствии клеветы, так как в местах заключения я слышал громадное количество подобных рассказов.

Работа Авторханова, также бывшего большевика, слушателя ИКП, "Технология власти". В первой части (№ 21) она носит, в основном, мемуарный характер. Со многими утверждениями автора можно серьезно спорить, можно не соглашаться с его трактовкой событий, но ставить под сомнения описываемые им события у меня нет оснований. Вторая часть (№ 26) посвящена анализу политического курса нашей страны во время правления Н.С. Хрущева. Она пестрит различными цитатами из постановлений КПСС и других материалов, опубликованных в советской печати. На них Авторханов строит свои заключения, с которыми, опять-таки, можно серьезно спорить. Однако подвергать сомнению в поисках клеветы цитируемый им материал — вопрос, согласитесь, довольно щекотливый и опасный.

Работа Н.Бердяева (№ 11) "Истоки и смысл русского коммунизма". К сожалению, я ее успел прочесть менее чем на половину, что, если верить популярной юридической и детективной литературе, легко устанавливается дактилоскопическим анализом. Однако из прочитанного могу заключить, что она не может содержать клеветы на наш строй, так как представляет историко-философское исследование формирования религиозных и философских воззрений еще в дореволюционный период, когда советский

строй еще не существовал. Сам Бердяев умер где-то в 40-х годах, следовательно, клеветать на наш современный общественный строй он никак не мог.

Статья И.А.Бунина "Гегель, фрак, метель" (№16) и ремарки к его сочинениям, опущенные в имеющемся у меня сборнике, — вещи, перепечатанные из полного собрания сочинений этого автора.

В папке, занесенной в протокол обыска под № 22, были изъяты: Гесин "О диктатуре пролетариата". Эту работу я, к сожалению, не читал. Пытался это сделать во время обыска, но не успел, так как Вы ее взяли из рук раньше, чем я успел прочесть первую страницу.

Копия письма П.Г.Григоренко "В редакцию журнала "Вопросы истории КПСС". "Соккрытие исторической правды — преступление перед народом". Автор полемизирует по поводу книги Некрича "21 июня 1941 г." В работе приводится ряд аргументов, как из опубликованных источников, так и личные соображения бывшего генерала и крупного ученого, указывающие на просчеты нашего командования в первые месяцы войны. Письмо написано в духе любви к своей родине, беспокойства за ее судьбу и с принципиальной уверенностью в своей правоте человека.

Письмо Яна Палаха, в честь которого нынешним чешским правительством названа площадь в Праге. Оно опубликовано в чешских газетах, имеющихся в библиотеке имени Ленина.

А.Раевский "Нравственные структуры современного социалистического общества". Статья критикует текст "Морального кодекса строителя коммунизма". Автор сначала распространяется о морали и нравственности вообще. Затем, сопоставляя различные пункты "морального кодекса", находит, что из него следует, что коммунистическая мораль сводится к повиновению, подхалимству и прочим аморальным качествам, чего явно не хотели сказать авторы текста Кодекса. Такой прием "приведения к абсурду" довольно часто применяется среди критиков. С положениями Раевского можно легко спорить, т.к. в своих жонглированиях фразами он сам допускает логические ошибки. Однако, поскольку он приходит к своим выводам из анализа текста, его можно обвинить в недопонимании и недостатке логики, но не в клевете.

Эжен Ионеско. Пьеса "Носороги" и ее автор Э.Ионеско (избранный в 1970 г. во Французскую Академию) вызывает у меня большой интерес. Поэтому я хранил текст, большая часть которого посвящена объяснению "носорогов" и позиции самого автора. Многие из положений Ионеско я считаю спорными, порой парадоксальными.

В тексте "Принадлежит России" (над гробом Аркадия Белинкова)" приводятся сведения (моменты биографии, взгляды) о литературоведе А.Белинкове (авторе исследований о Ю.Тынянове, Ю.Олеше и др.). Тон статьи, мягко говоря, нельзя назвать просоветским. Однако, если автор текста правдиво передает мнение Белинкова, то статью нельзя назвать клеветнической; если клеветает — то на Белинкова.

Работа Х.А.Кона "Право и обязанность сопротивления" освещает аспекты вопросов права; об СССР, как мне помнится, в ней не говорится ни слова, следовательно, она не может содержать клевету на наш строй.

Материалы, находящиеся в белой папке (№ 23), как я уже говорил на допросах, были принесены кем-то из моих знакомых (жена не помнит — кто, доставитель ей не знаком) в мое двухмесячное отсутствие и спрятаны на антресолях. Просмотреть я их не успел. Судя по протоколу обыска, это копии открытых писем, тексты выступлений, справочные данные, художественные произведения. Только прочтя указанные тексты, я мог бы разобраться, есть там клевета или нет.

Изъятые при обыске произведения Солженицына, О.Мандельштама, М.Цветаевой, Ганса Габе, а также других, не известных мне авторов (стихи и проза), относятся к художественным произведениям и не являются, следовательно, видом политической информации, распространяющей те или иные "измышления".

Пользуюсь случаем, чтобы еще раз выразить несогласие с некоторыми формулировками в протоколе обыска. Как Вы знаете, во время обыска я был болен, у меня была высокая температура, и я не мог вникнуть в сущность текста протокола. Поэтому я и отказался его подписать. Потом, разобравшись в тексте, я понял, что емкость за туалетной комнатой и над ее потолком, названная в протоколе "тайник", таковым никак не является. Она запланирована при строительстве, имеется во всех аналогичных квартирах и закрывается стандартной дверью с ручкой. Во многих квартирах эта емкость используется для хранения редко употребляемых вещей. Вы, не ознакомившись с типовым проектом квартиры, в поисках "тайника" разломали вентиляционное устройство, нанеся квартире неоправданный ущерб. Правда, Вы можете возразить, что одна из книг завалилась так далеко, что, не оторвав доску, ограничивающую данную емкость от антресоли, выходящей на кухню, ее трудно было достать. Верно! Но случается, что из кармана через маленькую дырку может провалиться монета и для ее извлечения приходится пропаривать подкладку. Однако

от этого карман "тайником" не становится. В претензии я и на то, что, несмотря на предложение послушать на магнитофоне пленки, их изъяли. Между тем, на этих пленках были записаны сказы, песни, стихи, к "заведомо ложным измышлениям" никакого отношения не имеющие, в чем обыскивающие убедились бы, прослушав их. Поскольку пленки изъяты без наименований, по метражу, я не уверен, что при возвращении пленок мне не вернут, по недоразумению, какие-либо иные, и будут потеряны драгоценные для меня записи.

Надеюсь, что вышеизложенное убедило Вас в том, что у меня не было поводов сознавать, что в изъятых у меня произведениях содержались заведомо ложные измышления, порочащие советский общественный и государственный строй.

Теперь обратимся ко второй части деяния, в котором я подозреваюсь — распространение клеветы. Хотя, на мой взгляд, этот вопрос отпадает сам собой, так как он вытекает из первого, все же остановимся и на нем, хотя бы в чисто теоретических аспектах.

Допустим, что в каких-то изъятых у меня произведениях все же будет усмотрена клевета на наш строй, и допустим, что Р.Фин или кто-либо другой, с моего разрешения (или без такового) взял у меня для прочтения подобную книгу. Что же понимается под словом "распространение"? Имеется целая категория людей, которая именуется "распространителями советской печати". Сюда относятся работники книжных коллекторов, книжные продавцы, библиотекари и даже почтальоны. Однако под эту рубрику никак не подходит человек, давший читать свою собственную книжку знакомым или даже продавший ее за ненадобностью букинисту или частному лицу. Следовательно, под словом "распространять" понимается участие в передаче лавины информации.

Считается ли распространителем человек, держащий свои книги в открытом шкафу, доступном для обозрения и чтения людьми, проходящими в дом в гости? По отношению к официально изданной в СССР литературе — явно нет. А если это литература, изготовленная типографским способом, то понятие "распространение" расширяется? Допустим, что да. Но тогда становится оправданным то, что часть машинописных работ находилась в недоступном для чтения гостей месте (на антресолях).

Можно ли назвать "распространителем" человека, дающего читать книги из собственной библиотеки? По отношению к официально изданной литературе такое определение возможно только

в том случае, если он дает полюбившуюся ему книгу с просьбой ознакомить с ней большое количество людей. Если же он дает книгу с условием возврата, без просьбы передать или ознакомить с содержанием книги кого-либо еще, только с целью последующего обсуждения прочитанного с данным лицом, только с ним, то какое это будет распространение?

Обоюдное знакомство собеседников с объектом спора или беседы необходимо, чтобы разговор мог состояться. Это очевидно. Но с какой же стати и почему разговор, спор двух людей, заинтересованных в поисках истины и относящихся к положениям той или иной литературной работы не как к истине, а как к предмету дискуссии, оказывается преступлением?

Само слово "распространение" по законам логики русского языка требует предлога "среди". Как же можно распространять что бы то ни было "среди одного человека"? Предположение, будто что-то можно распространять не среди многих, а "среди одного человека" — нелогично.

Почему французские и итальянские коммунисты имеют право давать своим друзьям любую книгу о Советском Союзе и их из партии за сам этот факт не исключают; а я не имею права поговорить о заинтересовавшей меня книге даже с одним единственным человеком? Только потому, что гражданин СССР?

Неужели можно создать дело даже из таких частных бесед? Неужели я, как гражданин СССР, не имею права на частный разговор неортодоксального характера? Жаль, если в моем случае это именно так и окажется.

Мюге Сергей Георгиевич, Москва, проспект
Вернадского 99, кв.45

ЖЕЛАНИЕ ЭМИГРИРОВАТЬ

Как потом выяснилось, Фина признали невменяемым и отправили в Орел в психбольницу, а мое дело передали в Московскую городскую прокуратуру.

Мой новый следователь Ю.П.Малоедов встретил меня очень радушно.

— Мне хочется разобраться в этом деле. — И предложил рассказать о себе.

Я избрал основной линией поведения защиту, а не молчание, и довольно охотно рассказывал о своих взглядах, интересах и т.д. Все это было в том ключе, в каком я писал письмо Гагарскому. Малоедов предложил мне описать это самому, посадил за свой

стол, а сам или сидел на месте допрашиваемого, или выходил из комнаты. Допрашивал он меня в качестве свидетеля. Из приоткрытого ящика стола соблазнительно выглядывали бланки с грифом прокуратуры, но я их не взял.

Следующие допросы были более официальные, а я — менее разговорчив. Из лаборатории стали вызывать свидетелей...

За время моих допросов московская прокуратура отстроила новое здание. Однажды в кабинет следователя кто-то заглянул и сказал, что все мобилизуются на погрузку бумаг для перевозки их в новое здание. Малоедов вывел меня в коридор, запер свой кабинет и пошел таскать кипы документов. Мне стоять в коридоре, как провинившемуся школьнику, было скучно, и я, зайдя в первую попавшуюся комнату, спросил: "Что брать?". Мне указали на кипы бумаг. Так мне удалось раздобыть и для себя две брошюры с грифами "Секретно, для служебного пользования": "Методика допроса обвиняемого и подозреваемого" и "оформление заключения следователя". Потом эти брошюры пошли в самиздат.

В апреле я лежал в больнице. Меня днем навестила одна сотрудница и сказала, что в лаборатории ходят слухи о том, что я получил вызов из Израиля и что дирекция не будет мне мешать с характеристикой. Вечером пришла жена и показала полученный утром вызов. Встал вопрос — почему на работе узнали о нем раньше, чем он попал по адресу. Явно через Особый отдел. Но не являются ли такие разговоры намеком на то, что власти заинтересованы в моем отъезде?

Не знаю, как они, но я в тот момент заинтересован не был. Хотя я и понимал, что доводов за отъезд много, но многими корнями я был привязан и к своей родине. Для того, чтобы они отгнили, нужно было время.

Три месяца чаши весов колебались, но все перевешивала та, где были доводы "против". И вот, когда они выровнялись, я подал заявление с просьбой дать мне характеристику.

Честно говоря, желание покинуть СССР появлялось у меня и раньше. Например, в первую же встречу после лагеря мы обсуждали с Вольпиным вопрос, как удрать за границу. Но это были абстрактные разговоры.

Замещавший директора Павлов долго что-то выяснял. Наконец, объявил, что 18 июля, в день зарплаты, когда в главное здание лаборатории собираются все сотрудники, будет собрание, на котором обсудят мое заявление.

СОБРАНИЕ В ЛАБОРАТОРИИ

Председатель А.В.Павлов: В дирекцию лаборатории поступило заявление от С.Г.Мюге, такого содержания: "В дирекцию и общественные организации ГЕЛАН (очевидно, под общественными организациями С.Г. понимает местком, партком и комсомольскую организацию). Прошу дать мне характеристику для представления в ОВИР на предмет выезда для постоянного проживания в Израиль". Поскольку такое заявление в истории как лаборатории, так и всего Отделения общей биологии поступило впервые, мы, согласовав вопрос с компетентными организациями, решили разобрать его на общем собрании работников ГЕЛАН. Будут ли вопросы к Сергею Георгиевичу?

Вопрос: Какие мотивы послужили поводом для Вашего заявления?

Ответ: Вам, наверное, известно, что с недавнего времени у меня произошел конфликт с властями. Будучи узником сталинских лагерей и сыном погибшего в этих лагерях человека, я, возможно, острее других воспринимал различные факты нарушения законности. Если когда-то существовало мнение, что "органы не ошибаются", и полное доверие к ним принималось большинством как само собой разумеющееся, то теперь, после того, как с трибун XX и XXII съездов партии было объявлено, что эти органы не только могут ошибаться, но и совершать преступления перед людьми и законом, слепое доверие к ним несколько пошатнулось. Надо отметить, что ни Конституция СССР, ни другие законы страны вообще не требуют от наших граждан слепого доверия к тем или иным государственным органам. У тех людей, чьих друзей или родственников без должных (по их мнению) оснований посадили в психиатрическую больницу или судили фактически при закрытых дверях, возникли сомнения в соблюдении законности. Эти сомнения вызвали написание целого ряда коллективных писем в различные правительственные инстанции. В этих письмах лица, озабоченные происходящим, требовали гласности и соблюдения законности (ведь без соблюдения гласности может быть и нарушение законности). К сожалению, большинство поданных писем осталось без ответа, и это привело к тому, что некоторые стали обращаться в ООН, что не запрещено ни Советской Конституцией, ни нашими законами. Боясь, что отдельные нарушения законности могут разрастись до более крупных масштабов, как это и случалось уже на моем веку, я в свое время также обратился с письмом в газеты в защиту арестованного родственника генера-

ла П.Г.Григоренко и поддержал коллективное послание по защите прав человека в СССР, адресованное в ООН, где излагались имевшие место, по мнению авторов, случаи нарушения законности в нашей стране и высказывалось опасение относительно отдельных рецидивов сталинизма. Этот мой поступок обсуждался на партбюро ГЕЛАН. Махин неоднократно повторил: "Ведь Вы же ничего не знаете, зачем же лезете в неизвестную область?". Я в душе согласился с его замечанием и решил повысить свои знания в социальных, юридических и других вопросах. Чтобы принять определенное мнение, нужно ознакомиться с точками зрения различных спорящих сторон. Поэтому, кроме изданной в СССР литературы, я приобретал и неортодоксальную в идеологическом отношении, перепечатанную на машинке. Однако во время обыска у меня была изъята вся эта литература. Я хранил ее не для того, чтобы убеждать окружающих в правоте авторов этих неортодоксальных книг, а для того, чтобы самому всесторонне, с разных позиций, разобраться в нашей истории и современности. Всем известно, что в специальных хранилищах советских библиотек хранятся такого рода книги, и по специальному разрешению, которое ученым-гуманитариям не так уж трудно получить, эти советские люди могут их читать. Так как я не гуманитарий, такого разрешения мне бы не дали. Но неужели биолог не вправе интересоваться философской и юридической наукой во всем ее объеме? Я считаю преступным не чтение подобных вещей, а преследование людей за их чтение. Поэтому я отказался на следствии давать какие бы то ни было сведения о людях, у которых я брал изъятые у меня книги. В результате конфликт между мной и властями усилился. Мне стало ясно, что читать книги, которые мне интересны, и исследовать проблемы, которые я хочу исследовать, протестовать в дозволенных законом формах там, где моя совесть требует, чтобы я это делал, я не могу без риска навлечь на себя те или иные репрессии.

Я — инвалид Отечественной войны, бывший заключенный. У меня была очень утомительная биография, и я действительно от нее устал. В марте месяце мне представилась формальная возможность выехать из СССР. Я получил вызов из Израиля от человека, который установил, что меня связывают с ним родственные узы. После трехмесячного раздумья и колебаний я решил воспользоваться этой возможностью. Я не буду останавливаться на логических доводах "за" и "против". Это вопрос для меня решенный. Остановлюсь на моральной стороне этого вопроса, по крайней мере, как я его понимаю.

Моральная сторона складывается из двух слагаемых: чувства долга к своему отечеству и тоски по своему отечеству. Относительно долга могу сказать следующее. Человек в общественном развитии проходит три стадии. В детстве общество его растит, кормит, одевает, учит, ничего не требуя взамен (кроме хорошего поведения, учения). Во взрослом состоянии у него появляются обязанности — работа на благо общества, защита его от врагов и так далее. Но под старость общество опять от него ничего не требует, но обеспечивает его пенсией, жильем и различными привилегиями. Если человек потерял свое здоровье на службе обществу (стал инвалидом войны или труда), последний период приближается и может наступить до старости. Я пролил кровь, защищая родину от врага, был дважды ранен на фронтах Отечественной войны. Юридически я имею право не работать, но иметь жилье, пенсию, пользоваться бесплатно общественным транспортом и ничего не давать взамен. Но я почти двадцать лет занимался научной работой. В годы опасности я выполнял свой нравственный и патриотический долг, а теперь считаю себя вправе отказаться от тех благ, которое дает мне советское общество, и уехать из СССР. Что же до тоски по родине, то это мое личное дело.

— Кем Вам приходится человек, приславший Вам вызов? Родственник ли он Вам?

— Я этим вопросом не занимался. Он установил, что я являюсь его родственником. У меня нет оснований ему не верить. Думаю, что вскоре узнаю о наших родственных связях подробно.

— Вы считаете себя русским?

— Да.

— Как же Вы прореагировали, когда узнали, что у Вас родственник — еврей?

— Особенно удивляться тут не приходится. Фет, например, незадолго до смерти узнал, что он наполовину еврей. А у одного из английских королей в роду оказалась негритянка. Во всяком случае, я не считаю зазорным, если в человеке течет кровь еврейского народа, давшего миру много талантливых людей — Спинозу, Маркса, Эйнштейна...

— А известно ли Вам, что большинство евреев, выехавших в Израиль, просят обратно?

— Из нескольких тысяч, выехавших из СССР, мне известно о возвращении только тридцати одного человека.

— Вы собираетесь выехать с семьей или один?

— Обсуждается вопрос о моем выезде. Если жена подаст заявление, аналогичное моему, его будут, очевидно, обсуждать у нее на работе.

— Ну а все-таки, как Вы считаете целесообразнее ехать — Вам одному или с семьей?

— Я вполне понимаю, что в новой стране, с непривычным для нас строем, встретится много трудностей. Я имею право рисковать своей судьбой, но не считаю себя вправе подвергать опасности других людей, даже самых близких. Поэтому я поставил в известность жену о том, что собираюсь подавать заявление о выезде, но разговора о ее выезде не заводил. Ее фамилия значится в вызове, и если она надумает ехать, то подаст заявление сама. Разговоры на эту тему могли бы выглядеть как уговоры.

— Как Ваш родственник мог узнать про Вас? Как он узнал Ваш адрес, если Вы с ним не общались? И почему он без Вашей просьбы прислал Вам вызов?

— Во-первых, фамилия у меня очень редкая и, услышав ее от кого-нибудь из наших общих знакомых, он мог вспомнить, что у него были родственники с такой фамилией. Во-вторых, в Израиле есть специальное учреждение, разыскивающее родственников. Кроме того, он мог узнать и о моих неприятностях, так как во время обыска ко мне на квартиру пришло много народу, в том числе, и люди, вскоре эмигрировавшие в Израиль. Я не исключаю вероятность того, что Моше Гольдфишер поспешил прислать вызов, чтобы спасти обнаруженного им в СССР родственника от неприятностей, связанных с обыском. Он ведь не мог знать, составляют ли изъятые у меня вещи криминал. Возможно, в его представлении обыски в СССР должны сопровождаться арестами, и он решил попытаться спасти меня от тюрьмы.

— Как же Вы, русский человек, будете жить в Израиле и иметь израильское подданство?

— Я знаю многих людей еврейской национальности, живущих в России и имеющих советское подданство. А вообще-то я не собираюсь просить меня о лишении советского гражданства. Я ознакомился с правилами выезда граждан СССР на постоянное жительство в капиталистические страны (они висят в приемной ОВИРа), там о лишении гражданства СССР ничего не сказано.

— Вы участвовали в Великой Отечественной войне?

— Да, участвовал.

— Имеете правительственные награды?

— Да, орден Славы III степени, медаль "За отвагу" и так далее.

— Были ли ранены?

— Да. Был легко ранен в Белоруссии и тяжело ранен и контужен на Одере.

— Контужены в голову? — язвительно спросил Махин.

— Взрывная волна не разбиралась в деталях, а я в результате потерял глаз.

— Как же Вы могли воевать с такими убеждениями?

— Я защищал свою Родину от фашизма, и вполне естественно, что моя гражданская сознательность распространяется и на область нашей внутренней политики. Мое участие в войне и мои убеждения в равной степени являются проявлением патриотических чувств. Декабристы очень хорошо проявили себя в войне с Наполеоном, но были несогласны с царским самодержавием. Я же не собирался менять строй в нашей стране, а только хотел, чтобы наши законы твердо выполнялись. Желание эмигрировать тоже не всегда является антипатриотическим. Герцен, например, и в эмиграции оставался русским патриотом.

— Не боитесь ли Вы, что Вас будут использовать в целях сионистской пропаганды?

— Нет, не боюсь. Я обычно говорю то, что думаю, и "использовать" меня в какой-либо политике (если я ее не разделяю) вряд ли удастся.

— А что Вы будете говорить там о России? Будете поливать ее грязью?

— А что, по-Вашему, Россия так плоха, что о ней, кроме плохого, и сказать нечего?

— Какие вещи у Вас взяли при обыске? Почему Вы считаете их некриминальными, если их взяли?

— Взяли много произведений Солженицына и другие произведения художественной литературы. Работу Авторханова "Технология власти", первая часть которой носит мемуарный характер, а вторая построена на использовании опубликованных в СССР материалов. С выводами автора я мог и не соглашаться, но с приводимыми им фактами считал себя вправе ознакомиться.

Сонин (секретарь партбюро): Не задавайте ему больше вопросов, он вас агитирует.

— Нас не сагитируешь! А еще что взяли?

— Философскую работу Бердяева, мемуары бывшего чекиста Гаспаряна, много мелких произведений...

Павлов: Я думаю, пора перейти к выступлениям по существу дела. Кто хочет высказаться?

Сонин: Сергей Георгиевич хотел показать себя перед вами —

вот какой я хороший, я борюсь за правду. Он даже себя с декабристами и с Герценом сравнил. Он, видите ли, бравирует тем, что он — сын репрессированного (мой отец тоже сидел). А ведь кто он есть на самом деле? Он жулик. Все мы помним, как он подделал документ, чтобы получить незаконно спирт. В его докторской диссертации все цифры оказались дутыми. Когда из Америки приезжал его дружок Виглиерхио (которого, кстати сказать, выставили из СССР в двадцать четыре часа за сионизм) и который хотел обязательно поработать с Мюге (чуть было не сказал: с товарищем Мюге — нет, он нам не товарищ), то мы были против такого сотрудничества, так как Мюге и к приборам подпускать нельзя — он их не знает. Вот он говорит, что его преследуют за чтение литературы. Все мы знаем, что он не читал, а распространял ее. Он знает, что совершил целый ряд преступлений, знает, что его ждет заслуженная расплата, и теперь, как напаскудивший заяц, мечется в поисках подворотни. И эту подворотню ему открыли наши враги на Западе. Видно, он им ко двору пришелся. Я считаю, что ему не место в Советском Союзе. Пусть убирается — и чем скорее, тем лучше. Считаю, что ему не место в нашем коллективе.

Павлов: Для всех нас заявление Мюге было неожиданностью. Мы знали Мюге как русского человека и как прямого потомка героя войны 1812 года Дениса Давыдова. Знали, что он — инвалид Отечественной войны, что он получает дополнительные блага от нашей родины. Он мне как-то говорил и о своих неприятностях. Так вот, вместо того, чтобы раскаяться в содеянном, он сам усугубляет конфликт. И теперь бежит со своей родины. Пусть бежит. Задерживать его не будем. И чем скорее, тем лучше.

Рыжиков (член-корр. АН СССР): Я к Георгию Сергеевичу всегда относился с недоверием (виноват, Сергею Георгиевичу). Он не наш человек. Пусть освободит нас от своего присутствия. И чем скорее, тем лучше.

Шихобалова (зам.директора ГЕЛАН): Вот Марк Дмитриевич Сонин охарактеризовал С.Г., может быть, несколько грубо, но в общем правильно. Меня больше всего возмутило то, что он не считает себя в долгу перед родиной. Такой человек нам не нужен. Пусть едет.

Крылов (предместкома, только что вернувшийся из отпуска, и, видимо, его не успели обработать): Мы знаем С.Г. 17 лет. Знаем его и с хорошей стороны, узнали и с плохой. Ведь он умел хорошо и интересно работать. Он успешно защитил докторскую диссертацию. Я думаю, что это заявление — результат какого-то

наваждения. Пусть он одумается, извинится перед собранием и заберет свое заявление обратно.

Сонин: Нет, мы этого не просим.

Павлов: Дадим теперь слово С.Г. для ответа выступавшим.

Сонин: Хватит. Нечего ему трепаться. Нам и так надоело его слушать!

Павлов: Тогда собрание считаем закрытым.

Так мне и не дали слова. А сказать мне было что. Во-первых, я бы задал вопросы Сонину: 1) Кто проверял данные из моей диссертации, чтобы заявить, что там цифры дутые? 2) Кто из присутствующих скажет, что я ему давал читать антисоветскую литературу? Ведь Сонин сказал, все мы знаем, что он распространял. Уверен, что никто не заявил бы, что брал у меня книги. Кому охота самому лезть в петлю?

ДЕТАНТ ПО СОВЕТСКИ

Наконец, я мог бы припомнить историю приезда в СССР Виглиерхио.

Еще в 1965 году, получив от него письмо с пожеланием встретиться, я пошел выяснять этот вопрос в иностранный отдел Президиума АН СССР. Мне сказали, что пригласить его не могут, а если ему так уж нужно пообщаться с коллегой, пусть приезжает в качестве туриста. Я ему написал, и он согласился приехать в ноябре 1965 года. Накануне его приезда меня предупредили, что, поскольку он лицо неофициальное, в институты его не водить и общаться на "нейтральной" почве — в гостинице, у меня дома или на улице.

Пробыл он в Москве несколько дней и поехал в Австралию общаться с Бердом. В то время фитогельминтологов, занимающихся вопросами физиологии, биохимии и взаимоотношениями гельминт — растение, было очень мало, считанные единицы. Поэтому понятно стремление Виглиерхио лично познакомиться с каждым.

Через пять лет Виглиерхио приехал в СССР по обмену научными кадрами на полгода. В программе его пребывания (которую он составлял сам) большая часть времени отводилась для работы со мной. Однако советская администрация решила иначе. Сразу по приезде его направили в Кишинев к моему бывшему ученику И.В.Бумбу. Потом он должен был посетить Ленинград, Прибалтику и, наконец, перед отъездом побывать в Москве. Мне на этот период предлагалось пойти в отпуск и даже за счет месткома съездить в санаторий.

Прилетел он в СССР 6 или 7 ноября — в Октябрьские празд-

ники. И тут лаборатория приняла неожиданное решение — отправить меня на праздники в командировку. Куда — не важно. Мне предложили выбрать маршрут самому. Зная, что на десять суток изолировать можно и менее гуманным путем, я согласился, выбрав турне: Ленинград — Таллин — Тарту — Вильнюс. За это время профессор Виглиерхио был встречен и переправлен в Молдавию.

Так как в общении с коллегой я был заинтересован не менее Виглиерхио, меры для проведения совместной работы принимались нами с обеих сторон. В результате администрация вынуждена была согласиться. Нам с ним оборудовали рабочие места в комнате, где помещалась зав.сектором. Накануне его приезда предупредили: личных разговоров не вести, домой не приглашать, кто над чем работает — не говорить.

Утром состоялась официальная встреча. Я сказал:

— Мне не разрешили приглашать Вас в гости. Поэтому я передаю Вам приглашение от моей жены. В общем, вечером мы Вас ждем.

На другой день меня вызвали в Иностраннный отдел АН СССР и там выговаривали:

— Вас же предупреждали...

— Да, но с каких пор Академия получила право вмешиваться в личную жизнь сотрудников в нерабочее время? Или советским гражданам вообще запрещено общение с иностранцами?

— Нет, не запрещено, но есть еще понятие — патриотизм...

— Вот исходя из этого понятия, я и действовал. Пять лет назад я имел право общаться с ним только дома. Он знаком с моей женой. Было бы невежливо с его стороны не посетить наш дом. А я что, по-вашему, должен был захлопнуть у него перед носом дверь и сказать "Не положено!"? И это, когда в газетах пишут о дружбе между народами! Разве я мог скомпрометировать советскую прессу?

— Все это так, но Вы, пожалуйста, сообщайте нам, когда и куда Вы собираетесь с ним поехать.

Работали мы с ним над изучением тормозительных гормонов роста растений, которые выделяют некоторые нематоды.

Однажды, придя в гостиницу, он нашел на столе письмо из МИДа с предложением покинуть страну. В посольстве ему объявили — за сионизм. Он был очень удивлен — католик и за сионим! Я объяснил — мода. В начале тридцатых — вредительство, в конце тридцатых — троцкизм, в пятидесятых — космополитизм. Теперь — сионизм. От этого объяснения ему легче не стало...

ПОСЛЕ СОБРАНИЯ

На следующий день я узнал от Павлова и от ученого секретаря, что характеристику мне на руки не дадут, а вышлют в ОВИР нарочным. Кроме того, протокол вчерашнего собрания будет отправлен "наверх". Хотя я и не имел представления, кто верховодит деятельностью ГЕЛАН в подобных вопросах, все же я попросил ознакомить меня с протоколом. Ученый секретарь заявил, что ему этого делать не велено. Я зашел к замдиректора Шихобаловой (директор, академик К.И.Скрябин, в это время болел, а может, просто решил отстраниться от всей этой истории), и у нас состоялся следующий разговор.

Я: Надежда Павловна, я к Вам по двум вопросам. Во-первых, я требую, чтобы меня ознакомили с протоколом вчерашнего собрания и характеристикой. Кстати, странно, что Вы не выдаете ее на руки, ведь просил ее я, а не ОВИР. Во-вторых, Сонин меня вчера оклеветал, а Вы эту клевету публично подтвердили.

Н.П.: В чем заключалась клевета?

Я: Хотя бы в двух эпизодах. Во-первых, было сказано, что у меня в диссертации дутые цифры; кто их проверял или хотя бы усомнился в их достоверности? Вы косвенно подтвердили, что я жулик от науки. Во-вторых, было сказано, что всем известно, что я распространяю антисоветскую литературу. Это не только ложь, но и ложь, из-за которой в свое время отправляли людей в лагеря. Я требую, чтобы обвинения были доказаны, или чтобы Вы и Сонин публично от них отказались. Ведь это клевета и на ВАК и на коллектив лаборатории.

Н.П. приглашает в кабинет Сонины и передает ему содержание нашего разговора.

Сонин: Ознакамливать Мюге с текстом протокола собрания и с характеристикой не будем! (Шихобалова: "Значит, решено!")

Сонин: То, что Вы распространяли антисоветскую литературу, известно из того, что в Харькове у Вас были изъяты два экземпляра "Ракового корпуса" Солженицына, которые Вы, якобы, брали для чтения в дороге. Зачем для чтения два экземпляра?

Я: Во-первых, не два экземпляра, а два тома — начало и конец романа, во-вторых, я их никому не передавал, а в-третьих, с каких это пор "Раковый корпус" стал антисоветским?

Сонин: Это не имеет значения. Можете на меня жаловаться. И вообще, я не понимаю, Надежда Павловна, зачем Вы на него тратите время? С.Г. всегда делать нечего, а Вы-то занятый человек.

Я почувствовал, что ничего не добьюсь, и покинул кабинет.

С этого дня мне неоднократно напоминали, что было бы хорошо, если бы я уволился по собственному желанию. Сначала я заявил, что считаю увольнение в связи с подачей заявления о выезде из СССР незаконным, и не хочу помогать администрации творить беззаконие. Кто-то мне доверительно сообщил, что на дирекцию давит райком и что она вынуждена меня выживать, что ей это очень трудно, так как я инвалид войны и так далее.

Тут получился конфуз с моей методикой определения дитиленхоза. Лето 1972 года выдалось на редкость жаркое и сухое. В жару, как известно, корни не обеспечивают растения водой, и концентрация сухих веществ в клеточном соке увеличивается. Увеличивается и содержание сахаров. В результате часть растений, давших положительную реакцию на дитиленхоз, после извлечения из почвы оказались незараженными.

Собрали заседание Ученого совета. О причине происшедшего знали многие, но никто не выступил в защиту меня и, главное, моего метода. Мне стало неприятно находиться в ГЕЛАНе и я написал заявление: "Прошу отчислить меня в связи с переходом на пенсию по инвалидности". Просьбу с радостью удовлетворили.

Дальше мне оставалось руководствоваться стихотворением

Галича:

Мне теперь одна дорога,
Мне другого нет пути.
Где тут, братцы, синагога?
Подскажите, как пройти.

Из евреев-"подавантов", уволенных с работы и ранее занимавшихся наукой, сколотилась довольно большая группа. В основном, это были математики и физики. По воскресеньям они собирались на квартире у А.Воронеля и, чтобы не заплесневели мозги, устраивали семинары. На одном из семинаров выступил и я, рассказав о своих интересах в науке. К сожалению, темы докладов на семинаре были от меня очень далеки и малопонятны. Я перестал их посещать. Между тем, участники семинара рекомендовали мою кандидатуру на замещение вакантной должности профессора в новом университете Израиля в Беер-Шиве.

Я не ощущал себя в среде евреев инородным телом, их идея и стремление обрести родину мне была понятна. Но я был лишен того, пронесенного через многие поколения, чувства тоски по родной земле ("Следующий год в Иерусалиме"), которое влечет евреев туда. Вряд ли я прижился бы в государстве с чуждой мне религиозной идеологией.

А.Воронель предложил мне написать статью в издаваемый им сборник "Евреи в СССР". Я написал "одним дыханием" черновик статьи, в которой проследил эволюцию отношения русских дворян к евреям от гвардейского офицера, который не подавал руки жандарму, черносотенцу, и антисемиту, но презирал евреев за отсутствие патриотизма, до выгнанного из института за космополитизм профессора с нерусской фамилией, бывшего барона, который на вопрос, почему он не заявил, что он не еврей, прокартавил: "Газве я мог совегшить амогальный поступок?"

АКАДЕМИК К.И.СКРЯБИН

Осенью 1972 года умер академик К.И.Скрябин. Я долго колебался, идти или не идти на похороны. С одной стороны, мне не хотелось встречаться с гелановцами. С другой — я искренне уважал академика. Каково было его отношение ко мне, я не знаю. В нем сосуществовали и ум и чувство порядочности с осторожностью дипломата.

В 1952 году он принял на работу А.А.Парамонова, выгнанного за менделизм из других учреждений, но в 1970 году, когда было предложено сократить штаты, удовлетворил поданное сгоряча заявление А.А. об уходе на пенсию. Однажды он рассказал, как его арестовали, но ничего не добившись, отпустили через два месяца.

На защите моей кандидатской диссертации он сказал:

— Существуют два типа диссертантов — один послушно и тщательно выполняет указания руководителя. Их защиты проходят обычно гладко, но неинтересно. Другие дерзают, поднимают "научную целину". Иногда им достается, но они ищут действительно новое. Мне такие люди приятнее. С.Г.Мюге относится к самому крайнему типу именно таких исследователей. Он взялся за тему, которой еще никто никогда не занимался...

И так далее

В 1959 году он подарил мне свою книгу "Теоретические основы советской гельминтологической школы" с такой надписью: "Выражаю дорогому Сергею Георгиевичу Мюге одно принципиальное пожелание — чтобы он, показавший себя как молодого ученого, умеющего работать, умеющего мыслить и анализировать факты в области физиолого-биохимических дисциплин, поднял бы свою научную гельминтологическую квалификацию и в разделе морфолого-систематических проблем. Гармоническое сочетание этих двух научных направлений в области фитогельминто-

логии дало бы блестящие результаты. Желая Вам больших успехов в Ваших научных дерзаниях! Академик Скрябин. 18 апреля 1959 г.”

После защиты докторской он мне прислал телеграмму: ”Сердечно поздравляю дорогого Сергея Георгиевича удачной защитой докторской диссертации желаю новых творческих успехов новых поисков и дерзаний — академик Скрябин”.

После кампании ”писем”, когда многих ”подписантов” выгоняли с работы, Скрябин, говорят, возразил против моего увольнения. А после обыска у меня с ним была беседа, продолжавшаяся больше часа. Он, в отличие от партийцев, не уговаривал меня каяться и давать показания о людях, снабжавших меня литературой. Основной его совет заключался в том, чтобы не вызвать личной неприязни у следователя:

— Решают судьбы люди ”наверху”, но материал для ”верха” подготавливают чиновники ”снизу”. От того, как они изложат материал, зависит многое...

... Вопрос о похоронах решился сам собой: я перепутал время и на них опоздал.

ИЩУ РАБОТУ

А Малоедов тем временем работал.

25 августа 1972 года вызвали меня и жену. На этот раз он обоих допрашивал в качестве ”подозреваемых”. Кто-то дал на нас свидетельские показания, что мы распространяли самиздат. Кроме того, он вызывал многих гелановцев. Некоторым из них был предъявлен протокол собрания по поводу характеристики, который я не видел и который, якобы, содержал (как мне было передано) мои ”клеветнические и антисоветские измышления”.

Потом меня вызывали в КГБ. Формально подполковник Галкин выполнял ”частное поручение” Киевского ГБ по делу Плюща. Однако в сейфе у него лежала объемистая папка с копиями моего дела, ведущегося в прокуратуре. Когда я заметил, что подполковнику не по чину выполнять частные поручения, и высказал предположение, что он воспользовался киевским предлогом для

личного знакомства со мной, он ответил:

— Да, у нас Ваша фамилия вспоминается, пожалуй, чаще, чем у Малоедова.

Тут он и показал мне папку.

В сентябре я получил открытку из ОВИРа: ”Позвоните (номер телефона) Акуловой”. Я позвонил. Она сказала, что поскольку мои взаимоотношения с прокуратурой еще не прояснились,

рассмотрение моего выездного дела будет приостановлено.

Нужно было думать об устройстве на работу. И выезд за границу, и арест что-то затягивались, а сорокарублевой пенсии хватало только для оплаты квартиры. Сначала у меня появились радужные надежды. Один из моих сокурсников по Тимирязевской академии, теперь директор большого совхоза, предложил:

— Иди ко мне в совхоз. Будешь заведывать научно-исследовательской лабораторией. У меня есть одна идея.

И он рассказал следующее:

— Теперь требуется, чтобы каждое хозяйство велось на научной основе. Мы заказываем решение тех или иных тем научно-исследовательским институтам и платим за их выполнение огромные деньги. Но институты не торопятся их выполнять, и часто мы получаем ответ на интересующий нас вопрос уже после того, как он перестает быть для нас актуальным.

— Да это и не удивительно: договорные темы являются для институтов обузой, отвлекающей сотрудников от выполнения собственных плановых тем. Заключаются они только потому, что от институтов, во-первых, требуют тесной связи с производством, и, во-вторых, они заинтересованы в наших деньгах. Я давно мечтал найти толкового исследователя, знакомого как с животноводством, так и с растениеводством и биохимией, дать ему в помощь лаборантов и создать при совхозе свою научно-исследовательскую лабораторию. И результаты будем получать сразу после завершения исследования, и хозяйству это обойдется в несколько раз дешевле. А если мы попутно будем выполнять "научные заказы" соседних хозяйств, то доход будет совхозу огромный.

Чтобы не подвести бывшего сокурсника, я поведал ему о своих перипетиях. Энтузиазм его заметно упал, но он обещал все же "проветилировать" этот вопрос в министерстве сельского хозяйства и позвонить мне по телефону. Звонка так и не последовало. В другой раз мне предложили заняться разработкой мер борьбы с галловой нематодой в теплицах курортного города Сочи. Там нематода наносит очень большой материальный ущерб, а тема была мне знакома, пожалуй, больше, чем кому бы то ни было в СССР, так как ей и посвящена моя докторская диссертация. За меня ухватились, как говорится, руками и ногами. Но... прошло какое-то время, а официального сообщения о зачислении меня на работу не последовало. Надежды стали рассеиваться.

Одна из моих знакомых предложила "полулегальную" работу и познакомила с заведующим лабораторией одного из приклад-

ных институтов. Этот человек подготовил докторскую диссертацию, набрав материал из работ, которые выполняли его сотрудники по договорным темам. За счет этих тем у лаборатории были довольно большие суммы неизрасходованных денег. Он мне предложил:

— Прочитайте мою работу и придумайте для полученных данных научную концепцию так, чтобы результаты выглядели как подтверждение этой концепции. А я за Вами запишу договорную тему, которую будут выполнять другие сотрудники. В результате Вы получите... —

и он назвал такую сумму, от которой у меня чуть не закружилась голова.

— Но ведь любая концепция должна подтверждаться экспериментами, — заметил я, — Придумать теорию — дело нехитрое. Но я не могу поручиться за то, что она окажется верной. Очень может быть, что дальнейшие опыты покажут ее несостоятельность.

— Ну и что? — Возразил собеседник. — Чтобы набрать материал для опровержения Вашей теории, потребуется несколько лет. За это время я успею защитить диссертацию. Да и кому захочется опровергать уже узаконенную теорию, наживать врагов...

Дома я передал содержание этого разговора жене.

— Так тебе предлагают явно халтурить, да? Сереженька, милый, не надо! Лучше как-нибудь протянем на мою сторублевую зарплату, — и она пояснила. — Ты хотя и авантюрист, но есть область, которая для тебя свята — это служение науке. Неужели ты продашь то, что тебе так необходимо?!

Милая Аська, как я тебе благодарен за эти слова!!!

ФАЛЬШИВАЯ СПРАВКА

Чтобы не изнывать от безделья, я решил лечь в госпиталь для инвалидов войны. Мои глаза давно требовали обследования и лечения. Обычно инвалиды ложатся в госпиталь для этих процедур раз в год, я же был только в 1955 году. Теперь я договорился о госпитализации в день моего официального увольнения, значит, кроме лечения, академией будет оплачено по больничному листу.

Разговоры среди инвалидов сводятся, в основном, к двум темам: здоровью и пенсии. Там я узнал одну удивительную вещь: в Советском Союзе при начислении пенсии с заработной платы не учитываются премии, полученные рационализаторами за внедрение их предложений в производство. Эти премии выдаются в тех случаях, когда производство в результате предложения добилось большой экономии средств. Логично было ожидать, что люди,

обогащавшие государство, могли бы рассчитывать и на получение какой-то мелочи от него после потери трудоспособности (по старости или инвалидности).

Когда меня увольняли, мне выдали для отдела социального обеспечения справку о заработной плате. Эта справка давала мне возможность сделать перерасчет пенсии и получать рубля на два-три в месяц больше, чем я получал, так как моя пенсия была начислена очень давно и с меньшей зарплаты.

Однако я ждал, что меня в скором времени или отпустят на Ближний Восток или отправят на Дальний (сошлют в лагерь). Поэтому справка валялась дома без дела. Рассмотрев ее, я обнаружил, что графа "премии" у меня не заполнена и не прочеркнута. Тут я решил проделать такой эксперимент: в этой графе я своей рукой написал, что мне выдавались премии "за внедрения", расписался и справку отнес в собес. Потом позвонил им по телефону и сказал о подделке, попросив переслать справку в Московскую прокуратуру.

По советским законам подделка документов считается криминалом только в том случае, если на основании этого документа появляется возможность что-либо незаконно получить или от чего-либо уклониться. Если "за внедрение" увеличение пенсии не предусмотрено, то подобная подделка не криминальна и так же бессмысленна, как наряд на "упаковку дыма в ящики" или выписывание спирта "для промывания оптической оси микроскопа".

Если бы мне вздумали инкриминировать эту справку, то создался бы прецедент, по которому премия "за внедрение" стала бы узаконена. Возможно, эта справка, попав в прокуратуру, сыграла не последнюю роль в моей судьбе. Малоедов ухватился за нее, вызывал кучу свидетелей, брал у меня образец почерка и затянул дело. Передай он его в КГБ до Нового Года, там, возможно, его переквалифицировали бы на статью 70, максимальный срок по которой предусматривает семь лет, а не три, как было в моем случае.

СНОВА АМНИСТИЯ

В конце декабря в связи с пятидесятилетием образования СССР был опубликован Указ об амнистии. Я его прочел, но не придавал ему никакого значения, так как там было оговорено, что политические статьи не амнистируются.

Однажды А.Вольпин сказал мне по телефону уже из Америки: "Твое дело должно быть прекращено по амнистии". Я еще раз перечитал текст, опубликованный в газетах. 5-я статья гласи-

ла, что производством должны быть прекращены все дела участников войны по преступлениям, совершенным до опубликования указа, если максимальный срок наказания за них не превышает пять лет (статья 190-1 дает до трех лет). Но статья 7-я гласила: "Не применять амнистию к лицам, осужденным за...". Далее перечислялось, за что. Там были и 190-1, , и 70, и целый ряд других статей.

Где же Алик вычитал? Стоп! "К лицам, осужденным...". А я-то еще не осужденный!

Из прокуратуры, куда я обратился с требованием прекратить дело в отношении меня, ответили, что для этого нет оснований. Тогда я написал в Юридическую комиссию при Совете Министров СССР, задав вопрос, — существуют ли какие-либо толкования указа об амнистии, дополняющие текст или противоречащие тексту, напечатанному в газетах. Письмо переправили в Отдел юстиции Мосгорисполкома. Оттуда ответили, что вопрос об амнистии решается в каждом конкретном случае органом, ведущим дело, и что лицо, заинтересованное в применении или неприменении амнистии, может жаловаться в установленном порядке. На что, спрашивается, жаловаться, если закон может трактоваться и так, и этак?

Один из знакомых, прочитав письмо, глубокомысленно заметил:

— Надо быстрее уезжать из страны, где нет законов.

Легко сказать — уезжать! Сам он подал заявление больше года назад, а не уехал. Не пускают.

СОБИРАЕМСЯ ЕХАТЬ ВСЕЙ СЕМЬЕЙ

Сначала план был такой. Я подаю заявление о выезде, если выпустят — уезжаю, устраиваюсь и потом вызываю Асю и Колю. Но к весне 73 года ситуация изменилась. Кто-то из знакомых, видимо, под давлением следователя, дал показания, что моя жена давала ему читать крамольную литературу. В самом начале следствия Ася заявила, что не будет давать никаких показаний. Как и следовало ожидать, она отказалась давать показания и на очной ставке с ним. У Малоедова в руках оказалось против нее довольно сильное оружие и актуальность ареста встала и перед ней.

Я предложил:

— А почему бы тебе не попробовать присоединиться к моему заявлению по поводу выезда. Ты рискуешь всего сорока рублями. Не надумаешь за то время, пока оно будет разбираться, не поедешь. А может быть, к тому времени тебе и самой захочется ехать.

— А чем мы будем заниматься за границей?

Ася чуть ли не с детства увлекалась народной медициной. Летом на столах и всех горизонтальных поверхностях сушились травы, львиная доля работы нашего телефона заключалась в том, что Ася давала по нему разные лечебные советы нашим многочисленным друзьям. Ее заветной мечтой было поступить в медицинский институт, чтобы иметь возможность лечить людей. Собственно, это желание было у нее и до поступления в университет. Однако, часто сталкиваясь с врачами из-за своей таинственной болезни, она убедилась в их эмпирическом подходе к заболеваниям. Желание подходить к болезням осмысленно и толкнуло ее на биологический факультет. Но ... биофак не дает права лечить, а в медицинские институты не принимают лиц, имеющих высшее образование.

Однажды Ася задумалась, почему рецепты народной медицины сходны в отдаленных друг от друга местах, между которыми нет никаких этнических связей. И только ли то или иное средство — результат эмпирического опыта. А может быть, у больного, не искушенного в медицине, появляется физиологическая потребность в том или ином отваре, плоде или процедуре? Ведь заболевшая кошка, выросшая в изолированных домашних условиях, не спрашивает медицинского совета у своих сородичей, а выбирает нужную ей травку и лечится, руководствуясь инстинктом. Я, в свою очередь, увлекаясь гипнозом, иногда пробовал лечить некоторые заболевания. Кроме того, было у меня увлечение и психоанализом.

На вопрос Аси я ответил:

— Выберем страну, где можно заниматься врачеванием и попробуем объединить наши усилия. Представь такую картину: человек болен, врачи использовали различные патентованные средства, но все бесполезно. Возможно, существует какое-то единственное лекарство, способное избавить его от недуга. Но как его найти? Если допустить, что ты права, то будь инстинктивная сфера человека не так подавлена его сознательной деятельностью, он сам бы выбрал себе это единственное лекарство. Но он не кошка. Слишком тяжело бремя его сознательной деятельности. Ну, а если его загипнотизировать и, отключив сознательную деятельность, обратиться к инстинктам... — глаза у Аси загорелись.

— Давай попробуем здесь, — предложил я и стал обзванивать знакомых, страдающих неизлечимыми недугами. А Ася села писать заявление в ОВИР...

Результатами своих наблюдений мне не терпелось поделиться с неортодоксальными врачами.

ВОЗМОЖНА ЛИ В СССР ЧАСТНАЯ НАУКА

Найти неортодоксально мыслящего врача в СССР не так-то просто. Врач, принимающий больных в амбулатории или больнице, настолько загружен, что мыслить ему вообще некогда. Он успевает только прописывать стандартные лекарства и оформлять больничные листы. Время есть у врачей остепененных, занимающихся исследовательской работой. Но, чтобы добиться получения ученой степени, нужно быть ортодоксальным.

Однако существует очень небольшая группа частных практикующих врачей. Часть времени они работают законно, в поликлинике, скорой помощи и так далее. Остальное — нелегально принимают пациентов. Если об их практике становится известно финансовым инспекторам, их облагают непомерным налогом, который был установлен в годы ликвидации НЭПа. Но этого, как правило, не происходит, так как именно у этих врачей лечится все местное начальство, а, как известно, "рука руку моет". Узнать адрес такого врача можно только по знакомству.

Один из таких врачей, живо интересующийся достижениями не только медицинских, но и биологических наук, консультировался у моих друзей по вопросам биофизики. Сам он занимался в последнее время китайским методом иглоукалывания. К нему-то я и поехал.

Шикарная (даже по европейским масштабам) дача была расположена в живописной местности под Москвой. Я представился, сославшись на друзей, сообщивших мне его адрес. От моих наблюдений разговор перешел к иглоукалыванию. Этими вопросами я тоже интересовался. Не так давно японцы обнаружили, что в точках иглоукалывания увеличена проводимость тока. На этом принципе был создан специальный прибор для определения этих точек — тобископ. Однако он не нашел применения у моего собеседника.

— Ведь проводимость кожи зависит от влажности. Появится капелька пота — тобископ показывает точку. Вообще метод иглоукалывания — эмпирический... Вот бы разработать его теоретические основания ...

Я сходу начал фантазировать.

— В ответ на любое воздействие организм реагирует гуморальными, нервными и окислительно-восстановительными реакциями. Мне больше всего знакомы последние, так как я занимался болезнями растений, у которых нет ни кровеносной, ни нервной системы. Большинство токсинов разрушается при окислении.

В организме всегда идут окислительно-восстановительные процессы, которые обуславливаются наличием донаторов или акцепторов водорода. Кстати, мне кажется, что вовлечение в окисление токсинном акцепторов водорода разобщает дыхание клеток с фосфорилированием, что проявляется в повышении температуры тела...

— Да, но какое отношение имеет сказанное к иглотерапии?

— А что такое электрический ток? Это поток электронов. В биологических средах этот поток идет от донатора к акцептору, то есть, по пути окислительной лестницы. Если японцы правы, то линии, соединяющие точки иглоукалывания, должны содержать более активные окислительно-восстановительные системы.

— А как это доказать?

— Гистохимически. Известно, что точки с повышенной электропроводимостью имеются и у низших позвоночных животных, и даже у растений. Можно окрасить объекты исследования витальной окраской, меняющей цвет при окислении. А потом раздражать точки током...

— Я Вам мысленно аплодирую. Если хотите, давайте сделаем эту работу. Я Вам буду за нее платить не меньше, чем в государственных учреждениях.

— Я для Вас плохой партнер. Мое имя тенденциозно, и работу наверняка не опубликуют. И какой Вам прок от подобной работы?

— Реклама. Ко мне приезжают лечиться "сановники", денег которые для этого не жалеют. Но они любят, чтобы их лечили "по последнему слову науки". А разве еще не напечатанная статья — не последнее слово? Достаточно показать одному-двум любознательным клиентам, что я в содружестве с ученым веду теоретические исследования, что мой метод не кустарный, а сугубо научный, и акции мои сильно подымутся...

Выходит, и в СССР возможно частное предпринимательство, даже в науке!

Вспоминается мне и другая область, где возможно применение науки частным образом. Лет десять назад я случайно встретил одного маститого вора, который сидел со мной в Карлаге. В отличие от большинства других воров, он был человеком образованным и любознательным. Незадолго до встречи он где-то раздобыл руководство по криминалистике с грифом "для служебного пользования". Его захлестнула идея: если с помощью науки можно разоблачать преступления, то с помощью той же науки можно сделать и так, чтобы преступления были неразоблачаемыми.

— Вот бы найти ученого, который взялся бы работать. Мы бы ему создали условия, как у министра, чин-чинарем..., — мечтал вор, видимо, занимающий не последнее место в воровской иерархии.

ОТКУДА БЕРУТСЯ УРКИ?

В свое время этот вор преподавал мне основы воровской жизни. А интерес к ней у меня возник вот по какому поводу.

Во время демонстрации кино в лагерном клубе на экране появилось крупным планом лицо Сталина. Большинство "политических", то есть, осужденных по 58-й статье, зааплодировали. Но из первых рядов, где сидели уголовники, в экран полетел валенок, сопровождаемый такими словечками, которые ни один редактор в книгу все равно не пропустит. Моментально зажгли свет, в зале появился какой-то офицер и грозно спросил:

— Кто это сделал?

Кто-то из политических или бытовиков указал на группу урок:

— Они.

Тогда офицер махнул рукой механику, дескать, крути, Гаврила. И вот тогда-то у меня возник вопрос — а кто же тут "политический"?

Официально в Советском Союзе нет политических заключенных, кажется, с 1932 или с 1933 года. (Тогда СССР отказался от помощи Международного Красного Креста). Значит, критерии надо искать в чем-то другом. Допустим, этим критерием является статья уголовного кодекса. Раньше это была 58-я с различными пунктами, теперь ей соответствуют другие. Но тогда любой бандит, осужденный за побег из лагеря (им давали 58-14, саботаж), должен считаться политзаключенным. А если перенестись из времен моего сидения в наши дни, мы должны бы не признавать Анатолия Марченко "политическим". Ведь из четырех судимостей трижды он был осужден по "бытовым" статьям, например, нарушение паспортного режима.

Может быть, критерием служит мнение самого заключенного? Тогда почти все мои односидельцы не попадали бы под эту категорию. Ведь все "трепачи", сидящие за "антисоветскую агитацию", считали себя жертвами наветов, "террористы", в основном связанные с "делом Кирова", были бывшие партийцы и кричали, что они готовы умереть "за Родину, за Сталина". "Власовцы" уверяли, что они пошли служить немцам или из боязни умереть с голоду в лагере военнопленных, или что видели в этом единственный путь попасть на фронт и перебежать к своим. Собственно

говоря, трактующие свое поведение по-иному не дошли до лагеря. "Религиозники"? Вот уж кто действительно возмущался, что им "шьют политику":

— Церковь отделена от государства специальным декретом, какие же мы политики?

Тогда мне пришла в голову мысль: может быть, политическими считать не лиц, пытавшихся изменить политику, а жертвы политики СССР? Но тогда все "бытовики", сидящие за "колоски" (колхозник, собравший несколько колосьев с огреха), швея, присвоившая катушку ниток — 200 метров пошивочного материала, как писалось в приговоре, — тоже политические? Допустим, что да. Но кто тогда не политические? Остаются одни урки — профессиональные воры.

И вот тут-то упомянутый вор открыл мне на многие вещи глаза, рассказав о себе.

— Мои родители имели двух коров и их раскулачили. Мне тогда было семь лет. Я сбежал с этапа. Отец мне, помню, сказал: "Беги, нас всех, наверное, уничтожат". Я попал в детскую колонию. Не верь, что все колонии были такие, как показывали в фильме "Путевка в жизнь" или в книге Макаренко. Может, где такие и были, я их не видел. Нас били кому не лень, есть давали "почти ничего". Не мудрено, что мы оттуда бежали при первом же случае. И я бежал. Добрался до своей деревни, зашел на бывший наш огород и вырвал из земли несколько морковок. Мужики меня заметили и с криком "кулацкое семя, наше имущество ворует!" начали бить кольями. Хотели сдать в милицию, но милиционера в селе не оказалось, а везти в соседнее поленились. Я добрался до города, пробовал просить милостыню. Но какими злыми глазами смотрели на меня советские граждане. Зато с каким восторгом кричали они "Ура!" на демонстрации седьмого ноября, когда кто-то на трибуне прокричал "Да здравствует товарищ Сталин!". Я почувствовал себя загнанным, в окружении врагов. Но где-то рядом были такие же изгои. Они спали в еще теплых от варившегося асфальта котлах, ходили в лохмотьях и промышляли воровством (другого пути прокормиться, если не считать колоний, о которых я говорил, не было). Они меня приняли в свою среду. В шестнадцать лет я уже "загремел" по-серьезному. И вот в лагере оказался среди, как ты говоришь, политических. Это были, в основном, бывшие начальники всех рангов. Они кричали, что сидят по ошибке, и хвастались своими заслугами. Один, дескать, воевал с бандой Антонова, другой — раскулачивал, а третий, может, и чекистом был. Нас они презирали. Это были те же враги, но

враги подбитые. Ну, мы их и шерстили.

— Но ведь среди них были не только партийные работники, а, скажем, старая интеллигенция. Их-то за что?

— Лично я их не трогал. Даже одного профессора подкармливал. Правильный был мужик. И рассказывал интересно. А романы тискал! До утра не заснешь. Ну, а другие не разбирались. А нашего брата разве всегда законно судят? Вот я как-то захотел "завязать", к честной жизни потянуло. Война, думаю, прошла, теперь все по-другому будет. Сунулся в одно место, в другое... А на меня везде волком смотрят: сидел — значит, опять сядешь.

Ну что я могу сказать по этому поводу? Много нам, фраерам, урки крови в лагере попортили. Не любим мы их огулом. И они нас врагами считают, и мы их. Но вроде бы ни в одной стране нет столько шпаны, урок, как у нас. А правят ими "воры в законе", все — бывшие беспризорники. А кто их сделал, если не советская власть? И отдавали они этой власти должное. К сожалению, часто не в пример нам, политическим. "Честный вор" не пойдет строить карцер или зону. А наш брат?

ПОСЛЕДНИЙ ДОПРОС

... Ася, подав заявление в ОВИР, решила попробовать на себе, что значит лечение полным голоданием, и легла в клинику профессора Николаева. Собственно, записалась она на очередь года два назад, но охотников до голода оказалось так много, что очередь подошла только теперь...

...Незадолго до двадцатилетия своего освобождения из лагерей я начал писать эти воспоминания. Сделал я это буквально на одном дыхании за очень короткий срок. По частям прочитал их своим друзьям. Одни похвалили, другие сказали "сыро, нужно доработать". Я возразил:

— В автобиографической работе должен чувствоваться автор. А автор по натуре небрежен. Стиль его работы — мазки, а не ювелирная обработка. Тщательно причесанная рукопись отдавала бы фальшью.

И отдал, как есть, на машинку. Заканчивалась рукопись эпизодом, как Малоедов, вызвав на допрос А.А.Галича, сообщил ему, что Мюге через два дня арестуют, и взял при этом подписку о неразглашении тайны следствия. Черновик рукописи я отвез к теще на дачу для растопки камина. Не пропадать же макулатуре!

За это время у нас сменили следователя. Теперь дело вел бывший прокурор Е.Н.Мысловский. Он-то и приехал к теще с обыском. Разумеется, изъяли и черновики еще не сожженных кусков рукописи.

Через некоторое время меня вызвали на допрос. Следователь задал три вопроса: почему я, описывая детство, представляю себя ярким антисоветчиком, откуда мне известно о содержании разговора Малоедова с Галичем, и известно ли мне, что группа москвичей написала по поводу меня письмо, в котором клеветает на Московскую городскую прокуратуру — дескать, она препятствует выезду Мюге из СССР.

— Мы, — сказал Мысловский, — никому не мешаем. Не нравится Советский Союз — пусть едет.

Тут же он намекнул, что у Великановой дела плохи. Против нее есть серьезные показания (явно намекая, что ехать следует и ей).

Потом он сделал мне дельные замечания по изъятым частям рукописи. В частности, заканчивалась она так: "Вот звонок в дверь. Может быть, пришли за мной... А может, за Асей. Мой дом — не моя крепость. Ведь я пока гражданин Советского Союза".

— Зачем так мрачно? Мы, — пояснил он, — предпочитаем арестовывать у себя в кабинете. Вызовем, как Вас, например, на допрос, а потом и предъявим ордер на арест.

И он театральным жестом открыл ящик стола, но, не заметив на моем лице испуга, явно разочаровался, что шутка не удалась.

Я послушался его "дружеской критики" и, как увидит читатель, конец переделал.

Больше всего времени заняло обсуждение второго вопроса. Я ответил, что про разговор Малоедова с Галичем узнал с помощью телепатии. Мысловский долго не соглашался записать мой ответ в протокол. Наконец, написал: "На этот вопрос допрашиваемый отвечать отказался, заявив: можете написать — с помощью телепатии". Я сделал соответствующую приписку, а вернувшись домой, написал Мысловскому открытку, в которой признал себя в споре — существует ли телепатия — побежденным, так как раз меня через два дня после допроса Галича не арестовали, то это значит, что или подобного разговора не было вообще, или Малоедов заведомо обманывал, что по советским законам исключается, ибо следователь врать не имеет права.

Как бы в подтверждение последнего довода мне с женой вскоре дали разрешение на выезд.

Как потом я узнал, за меня хлопотали не только друзья в СССР, но и коллеги на Западе. Писались петиции как советскому правительству, так и в адрес президента США Никсона, и они

были приурочены к визиту в США Брежнева. Возможно, это и сыграло решающую роль в моем "освобождении".

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ В СССР

Ася в это время еще голодала. Для того, чтобы правильно выйти из голодания, нужно было пробыть в больнице, по крайней мере, еще двадцать пять дней — срок, равный голоданию. Однако на сборы нам дали чуть больше недели. В ОВИРе заявили, что решение "спущено свыше", что им известно о том, что моя жена лечится голодом, и никаких отсрочек и продления виз не будет. Я пошел на прием к начальнику Всесоюзного ОВИРа генералу Вереину. Но и он сказал, что решение принято "наверху".

Ася была в смятении: ехать — не ехать. Внутренне она для эмиграции еще не созрела. В силу менее легкого, чем у меня, характера, ей гораздо труднее было бы сменить обстановку. Она говорила:

— Я там изноюсь. Буду портить своим нытьем жизнь и тебе, пока не осточертею. Тебе же ехать необходимо: здесь без работы ты явно прокисаешь и деградируешь. Там, возможно, найдешь себя. Я, пожалуй, останусь...

Последней каплей, повлиявшей на решение Аси не ехать, послужил арест нашего друга В.Некипелова. Он вызывался свидетелем по моему делу, но отказался давать компрометирующие меня показания. Власти, видимо, решив, что с Виктором можно расправиться без лишнего шума, вдалеке от Москвы, его арестовали, давая одновременно и нам понять, что шутить они не собираются.

На Асю это произвело негативное впечатление, аналогичное тому, которое произвела реакция ее мамы на наш брак. Она отказалась ехать. В ОВИРе заявили, что "в целях сохранения советской семьи" нам необходимо развестись. Ведь не могут же они разлучать супругов, одного отпустив, а другого оставив в СССР. В связи с оформлением развода мой отъезд задержался более чем на месяц. Мы подали заявление в суд. Судья задала традиционный вопрос:

- А не считаете ли возможным помириться?
- А мы и не ссорились.
- Так чего же вы разводитесь?
- Мужу необходимо уехать из СССР, без меня его не отпускают. Я не хочу быть ему в этом помехой, — сказала Ася.
- А почему Вы хотите уехать? — спросила судья меня.
- У меня конфликт с советской властью.
- Какой?

Я стал рассказывать. Говорил около часа. Судья и заседатели слушали, видимо, с интересом. По крайней мере, не перебивали. Им ведь не приходилось вести политических дел...

Объявив решение, судья, как бы извиняясь, добавила:

— Я вам присудила самый маленький штраф, который обязана была назначить.

В это время получил разрешение покинуть СССР и литератор Анатолий Якобсон. У нас с ним было много общих друзей, и они пришли проститься с нами одновременно. Толя очень тяжело покидал свою родину. Часто на глазах у него появлялись слезы. Его настроение передавалось окружающим. Из меня же так и перла радость предвкушения перемен. Я понимал, что, возможно, навсегда расстаюсь с матерью, сыном и женой (теперь уже бывшей), со всем, что мне было здесь дорого. Я знал, что рано или поздно начну по всему этому тосковать, но в тот вечер я был в приподнятом настроении.

Московский адвокат С.В.Калистратова, обнимая нас на прощание, сказала:

— Толю я провожаю с болью в сердце. Как будто какой-то кусочек оторвался... А Сережу легко... Он человек легкий. Его отъезд естественен. Думаю, что ему там будет хорошо.

Но такой ли уж я легкий человек?

Последние страницы я дописывал уже в Риме. Прошло два месяца после моего приезда, и настроение стало портиться по разным мелочам. Одна здешняя знакомая сказала:

— Ну и характер у Вас! Как только Вас жена терпела!

Да, бедная Ксютка. Она двенадцать лет терпела человека, слывшего "легким". Но легко ли было ей?

И я мысленно представил такой разговор с ней:

— Конечно, нет! Иначе бы я поехала за тобой на край света.

— Но почему ко мне прилипла репутация легкого человека?

— Соответственно твоему поведению. Ты все делаешь без должной серьезности. Как будто играешь.

— А может быть, это какие-то взрослые дяди играют? Играют в солдатиков, но не в бумажных, а в живых, играют в строительство рая на земле, в облагораживающую роль труда (подневольного), наконец, в науку, способную не только преобразовывать природу, но и сознание людей. И играют с самым что ни на есть умным видом. Играют и требуют, чтобы им подыгрывали. Нет уж, уволь! Лучше я буду играть сам по себе.

Москва, 2 — 16 мая, Рим — 2 декабря 1973 года.

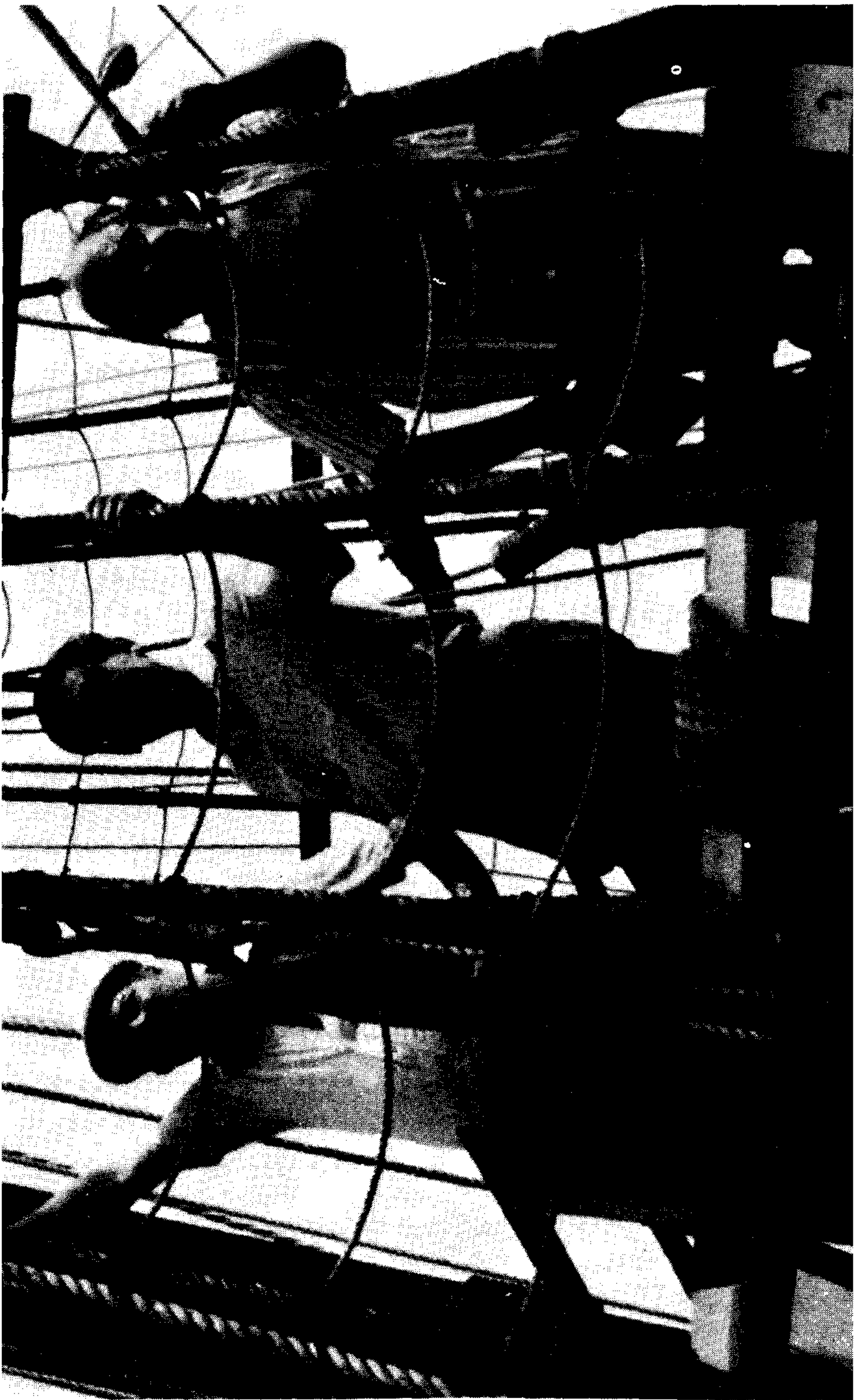
ЭПИЛОГ

Забросила судьба меня недавно в Канзас, в самый центр Соединенных Штатов, в университетский городок Манхаттан. Висят над моим письменным столом фотографии. Среди прочих и эта, увеличенная, ее подарили друзья в день двадцатипятилетия освобождения из лагеря. Вспомнили, пришли, приехали, прилетели в Бостон из разных городов Северной Америки, включая Канаду. На фотографии Наум Коржавин, я и Вольпин (он теперь Есенин-Вольпин) стоим на баке и держимся за снасти древнего парусника. Небрежно одетые, смеющиеся. Это мы на копии Мэй-флауэра, исторического корабля, привезшего в Америку первых пилигримов из Англии. Говорят, что наши общие друзья в Москве эту фотографию размножили, и висит она в разных домах под названием "Три пирата, захвативших Америку". И вот, глядя на эту фотографию, я вспомнил, что писать эти наброски начал для того, чтобы убить время в ожидании нового ареста весной 1973 года. И назвал их в первом варианте "20 лет на воле". А теперь лето 1979! Захватили ли мы Америку?

Алик вот какой уже год пишет труд по математической логике. Плетет свои умозаключения, как Пенелопа ковер. Специалисты говорят, что то, что он пишет, гениально. Но книгу не издают, слишком сложно она написана, и большинство математиков ее просто не понимает. Я не математик, не мне судить, но что выражает он свои мысли сложно, хотя и логично, это уж точно.

Вот прилетел на Запад Володя Буковский (обменяли на Корвалана), написал книгу "И возвращается ветер...". Изложил гам человеческим языком идеи Вольпина по правозащитным вопросам. И всем стало ясно, что "идея Алика была гениальной и безумной одновременно". Но живем-то мы в безумном мире, и нивелировалось в нем безумство аликиных идей, осталась одна гениальность. Может, и среди математиков найдется такой Буковский и доведет до ума простых смертных идеи Александра Сергеевича Есенина-Вольпина.

Коржавин... 4-го марта в Бостоне был его "творческий вечер" (беру в кавычки, так как "вечер" был днем). Народу собралось столько (приехали, прилетели), что яблоку упасть негде. Вечером близкие друзья собрались у меня (был как раз день моего рождения) и всем казалось, что именинник не я, а он... Но "творческие вечера" бывают не каждый день...

”Три пирата, захватившие Америку”

А я? Ради этого вопроса я и сел снова за стол. События последних лет были столь богато насыщены различными приключениями, что описать их в эпилоге просто невозможно. Да и повторяться не хочется. И друзьям в письмах описывал, и по радио много раз рассказывал. Есть у меня такой грех — больше люблю говорить, чем слушать. Поэтому и по радио люблю выступать — слушатели ответить не могут. А побывал я в Вене, изъездил вдоль и поперек Италию, посетил Мюнхен, Франкфурт, Париж, Цюрих, снова Рим, потом улетел в Штаты. На зависть многим американцам ухитрился за месяц изъездить чуть ли не все самые интересные места Штатов: форт Росса, все побережье Калифорнии, город-призрак Вирджиния-сити, игорные дома Рено и Лас Вегаса, плавал и катался на водных лыжах в пустыне Тассон, скакал на лошади по Озеру Чарли, спускался в пещеры Карлсбада, слушал джазы в Новом Орлеане, купался на пляжах Флориды, осматривал музеи и, конечно, выступал по радио в Вашингтоне, пил пиво под Ниагарским водопадом и доехал таким образом из Калифорнии, где временно работал, в Бостон на постоянную работу в Массачусетском университете, которую через несколько месяцев бросил. ... Потом пригласили в Канаду. Работал сразу в двух институтах, построил дачу — маленькую хижину, прилепленную к скале над озером в ста милях от Монреаля, но ни разу в ней не переночевал. В августе 1976 года очередной съезд общества нематологов состоялся во Флориде. Поехал я туда на своей Хонде (марка машины). Ехал не спеша, посещал по дороге друзей в различных городах и штатах. Доехал. Встретился с коллегами. Американцы — народ радушный, а тут и из Европы знакомые приехали, в общем, встретили меня приветливо. И хотя английский мой язык оставил желать много лучшего, но слушая доклады, я понял для себя самое главное: делать мне в нематологии больше нечего. Прошли те времена, когда в книге "Достижения фитопатологии" — своеобразной энциклопедии, изданной в США в 1958 году — говорилось: "русский ученый С.Г.Мюге возбудил интерес к совершенно новой и, кажется, многообещающей проблеме..." (далее следовало краткое изложение моих работ). Теперь физиологи вполне управляют без меня. Более того, мне за ними не угнаться. Работают в различных направлениях, различных уголках мира и различными методами. Стали исследовать вглубь, а я, дилетант, привык плавать по поверхности.

После съезда состоялся банкет. В зале были накрыты круглые столы на десять персон каждый. Когда я вошел, большинство мест было уже занято, и чтобы не навязываться кому-либо в ком-

панию, сел за единственный еще никем не занятый стол. Вскоре ко мне пересел с другого стола директор международного института паразитологии, потом старейшие физиологи. Вскоре наш стол напоминал что-то вроде скопища патриархов и оказался в центре внимания зала.

Хотя я считал себя человеком не слишком тщеславным, но тут испытывал чувство, близкое к блаженству. В таком же блаженном состоянии духа я возвращался в Канаду. Хонда была тогда совсем молодая, бежала выше всех дозволенных полицией скоростей. Особенно она не выносила, если впереди ехал грузовик, и всегда норовила его обогнать. (Как приятно сваливать собственные грехи на других, даже на неодушевленные предметы). В горах Северной Вирджинии уже чувствовалась осень. Опавшие листья приятно шуршали под колесами, солнце светило ярко, но не жарко. Благодать! И мысли мои крутились вокруг: осень в природе, осень в моей жизни. Урожай снят, больше такого не предвидится. Коле я теперь могу быть полезным только деньгами, об этом позаботился. Самое время умирать. Вот как эти мошки, разбивающиеся о ветровое стекло моей Хонды... Раз — и готово! А впереди ехал большой грузовик, и Хонда много раз пыталась его обогнать. Но слева тянулась двойная сплошная линия, указывающая, что обгон запрещен. Наконец, она стала прерывистой, я выехал на встречную часть дороги и тут увидел, что впереди грузовика тянется целая вереница автомашин. Я прибавил газу. Вдруг впереди показался идущий навстречу и тоже огромный грузовик. Отступить было некуда. Справа вся дорога была занята движущимися машинами, слева — обрыв. И я с каким-то остервенением, если не сказать, восторгом надавил до отказа педаль акселератора. "Как мошка", — мелькнуло в голове. Хонда развила бешеную скорость, и перед самым носом встречного грузовика мы обогнали колонну.

Следовало придумывать, чем теперь заняться. Из гельминтологии я решил уходить твердо. К этому времени срок моего контракта с университетом истек, и, по Квебекским законам, я мог целый год жить, ничего не делая, получая по безработице три четверти моей зарплаты. Пришла мысль заняться гастрольями — фокусы, телепатия, гипноз. Еще в Калифорнии меня приняли в "Братство фокусников", и я убедился, что могу делать трюки не хуже профессионалов. Устроил в Монреале что-то вроде пресс-конференции и дал один платный гастроль. В результате в одной из франкоязычных газет (правда, не без дружески-родственного участия) появилась большая хвалебная статья. Но подобные гастроли, во-

первых, нужно было организовывать; во-вторых, если превратить это увлечение в работу, то получится тяжелый труд. А к труду, как, наверное, уже заметил читатель, я отношусь прохладно. То ли "исправительно-трудовой лагерь" меня в свое время исправил, то ли лень родилась раньше меня.

После нескольких, видимо, удачных выступлений русская секция Радио Канада предложила мне стать их внештатным комментатором по науке. И решил я прокомментировать те вопросы, которыми еще совсем недавно занимался — влияние гормонов роста растения на его физиологические и биохимические процессы. Но одно дело — выступать в роли экспериментатора и искать ответы на вопросы, как действует то или иное вещество, и другое — прокомментировать вопрос, почему оно действует. И тут я столкнулся с громадным количеством "белых пятен" в современной науке. Почему, например, из одной и той же клетки образуются различные ткани, когда гены, то есть, матрица, на которой формируются белки, во всех клетках одного и того же организма одинаковые? Если часть генов не работает из-за того, что связана с особыми ген-репрессорами, то откуда берутся эти ген-репрессоры? Почему они образуются не во всех клетках? Как объяснить с позиций современной медицинской науки действие акупунктуры? Почему с помощью гипноза можно вызвать ожог, рану, или, наоборот, чем объяснить ритуальное хождение по горящим углям и многое, многое другое.

Память моя напоминает захламленный чулан. Нужную вещь иной раз там сразу и не отыщешь, а баракла полно. И вот, покопавшись в этом баракле, я вспомнил целый ряд старых и теперь совсем забытых работ. Сопоставив и проанализировав эти работы, я подумал, что зря физиологи вот уже полвека ищут химический посредник между гормонами и ферментами. Дело тут в том, что создается электрический ток, который влияет на статические заряды клеточных структур и регулирует адсорбцию или освобождение уже существующих в клетках ферментов. Но если это так, то он может тем же путем регулировать и репрессоры генов, то есть, влиять на синтез новых ферментов. Можно объяснить с этих позиций и действие акупунктуры, и влияние одного организма на другой, и многое, многое еще.

Однако, все это правомерно, если гипотеза верна. Но где ее доказать, если я в данный момент не работаю. Где взять дорогие стоящие приборы, реактивы и прочее? И тут мне пришло в голову: если теория правильная, для ее доказательства вовсе не нужно

сложной аппаратуры. Маятник Фуко не ахти какое сложное с технической стороны сооружение, а ведь доказывает вращение Земли. Собственно говоря, для доказательства этой теории нужно показать всего две вещи: во-первых, что электрический ток, равный по силе и направлению тому, который образуется в результате воздействия гормона роста, может вызывать ростовые процессы и при отсутствии гормона (тогда он действительно является посредником между гормоном и процессами роста!); во-вторых, следовало показать, что в изменяющемся слабом электрическом поле меняется адсорбция и элюция разных ферментов.

И вот в ванной комнате моего большого друга, доктора Екатерины Васильевны Бердниковой, у которой я в то время снимал комнату, был проделан такой эксперимент. От молодых проростков пшеницы отрезалась та часть первоначального листа (колеоптиль), которая не содержит гормонов, но способна расти, если в раствор, в котором она находится, добавить незначительную концентрацию гормона. От карманного фонаря с помощью солевого (другого не нашлось) реостата была подобрана оптимальная сила тока и подведена к концам колеоптилей. И колеоптили начали расти! Когда я это показал Е.В., она пришла в восторг, схватила фотоаппарат и сделала несколько снимков. Эти снимки оказали мне потом неоценимую услугу, так как помогли возбудить интерес к данной проблеме у многих специалистов. Университеты Макгилл и Квебек предложили рабочие места и лабораторное оборудование. Подтвердилась и вторая часть этой гипотезы. Директор института паразитологии, в котором я раньше работал, предложил сделать доклад на международном съезде нематологов под эгидой его института. Доклад я сделал, но ожидаемого резонанса он не получил. Большинство пожимали плечами: а какое отношение это имеет к нематодам? Другие просто ничего не поняли, так как мой английский, как я уже замечал, оставляет желать много лучшего.

Однако, так сказать, на отходах этой идеи я чуть было (по мнению некоторых) не нажил огромное состояние. Дело в том, что только одна провинция Квебек ежегодно производит на шесть миллиардов долларов овощных и фруктовых консервов. Остаются миллионы тонн неиспользованной клетчатки. И вот исследователи во всем мире ломают голову над тем, как ее приспособить в дело. Были выведены особые микроорганизмы, способные разрушать клетчатку до глюкозы, а питаясь этой глюкозой, расти, размножаться и создавать продукт питания. Но вот беда — есть такой закон в химии, закон действующих масс, или, как его теперь называют, закон обратных связей: продукт реакции тормозит

саму реакцию. Короче говоря, для того, чтобы фермент этих микроорганизмов работал, его надо все время отделять от глюкозы. Есть такой способ — диализ, основанный на том, что более мелкие молекулы глюкозы проходят через целлофан или сконструированные на его основе фильтры, а белки (в том числе и ферменты) задерживаются. Но целлофан состоит из целлюлозы и разрушается тем же ферментом, целлюлазой.

И вот я предложил вылавливать этот фермент в электрическом поле на угольном фильтре. Благо, уголь одновременно и адсорбент, и проводит электрический ток. Если пустить через него ток, противоположный заряду фермента, фермент к углю приклеится; сменил направление тока — фермент освободится. Компания, в которой я разработал этот метод, находилась при франкоязычном университете, мои объяснения сразу не поняли, сделали эксперимент не так, как надо, результат не получили и охладели к нему. А потом и я охладел к этой компании. Прибор сделал, а до патентования все руки не доходят, да и денег на юридическое оформление жалко. Для того, чтобы патент купили, нужна реклама, а это не по моей части.

В этом я особенно убедился, когда открыл (по крайней мере, юридически заявил об ее открытии) собственную лабораторию. Идея была проста: наиболее эффективно я могу работать в тех областях, в которых у меня есть знания и опыт. Наиболее полно и то, и другое можно применить в тех исследованиях, которые я сам буду планировать. Планировать исследования в больших научных учреждениях может только босс, находящийся на соответствующей высоте, забираться куда нет ни времени, ни желания. А тут брать заказы от фирм, вроде упомянутого метода отделения глюкозы от фермента, разрабатывать и продавать результаты. И тут-то я погорел на отсутствии рекламы.

Короче говоря, вернулся я к своим нематодам. Отсюда мораль: не принимай твердых решений. Что-то собираюсь повторить из старых экспериментов, правда, в новых условиях, с новыми растениями, новыми нематодами. Надо мной не капает, сажу и пишу эти строки в рабочее время, на своем рабочем месте. Никто не сует нос в то, что я делаю. А попробуй сунь — все равно ничего не поймет, по-русски читать не обучены! Да и некому совать. Нет надо мной начальства. Сделаю что-нибудь путное за свои пять месяцев, новый контракт подпишем, не сделаю или не захочется продолжать работать — распрощаемся.

И тут-то возникает вопрос, захватил ли я Америку? Скорее она меня захватила. Покорила свободой, доброжелательностью

людей, их неназойливостью и тем, что тут "с голоду не умрешь", даже если ничего не делать.

Более актуальный вопрос — выиграл ли я, приехав сюда? В общем, конечно, да! Но если говорить о "большой игре", которой заражены многие американцы, то выигрыш мой незначителен. Миллионером я не стал, Нобелевскую премию не получил, не написал и бестселлер. Но в том-то и штука, что я в эту игру не включался и ставок тут не делал. Я играю сам по себе. Если мне в голову пришла теория, которая меня удовлетворяет — я выиграл. А признают ли ее другие, меня не очень волнует. Как? — удивится читатель. — А блаженство, испытанное во Флориде? — Это после которого мне помереть захотелось — попробую я отшутиться, но серьезно добавлю, что, во-первых, умирать мне не хотелось, а просто я думал, хорошо бы умереть в хорошем настроении, во-вторых, там я испытывал чувство, близкое к блаженству, и не от честолюбия, а от того, что меня приласкали, когда я был одинок, а настоящее блаженство ощущал я в те моменты, когда мне казалось, что на меня находит какое-то прозрение. Вдруг ранее непонятная вещь становится простой и ясной. И это не обязательно связано с наукой. Можно разгадать или придумать оригинальный фокус, найти путь, как, не нарушая советских законов, незаконно получить инвалидный автомобиль, или открыть в себе способность к телепатии. Такое блаженство приходит спонтанно и, как правило, не связано с внешними факторами. В противном случае более подходящим словом будет удовольствие. Кошка с удовольствием мурлычет, когда ее щекочут за ухом, человек может получить удовольствие, близкое к блаженству, от опьянения или от действия наркотиков, расплачиваясь, однако, похмельем. Скорее всего человек может блаженствовать, когда ему щекочут честолюбие. Он, подобно кошке, щурится от удовольствия и мурлычет. Но и кошка не выносит постоянного щекотания и предпочитает "ходить сама по себе". Конечно, если "общественное признание" придет само собой, я от него прятаться не буду. Но свобода дороже. Именно тут, в США, я обрел ту степень свободы, которой мне так не хватало в СССР — свободы не включаться в чуждые мне игры.

июнь 1979 года.

КНИГА ВТОРАЯ

ЗА ПРЕДЕЛАМИ РЕАЛЬНОГО

ВВЕДЕНИЕ

Два года назад я на свой страх и риск издал автобиографическую книгу "Вне игры". Страх оказался напрасным, риск оправдался, и книга разошлась сравнительно быстро. Хотя рецензии на нее в русской печати были положительные, но все-таки червячок какого-то неудовлетворения нет-нет да и ворочался в подсознании — как раз в той области, которая в книге мне не удалась. Наблюдательный читатель мог заметить, что я ее начал с главы "Тревожное чувство", где описал свой вещий сон перед началом войны, но потом эта тема в повествовании моей жизни как-то заглохла. И это не удивительно. В то время, когда я писал "Вне игры", во мне мирно соседствовали интерес к таинственным проявлениям человеческой души и материалистическое мировоззрение современного исследователя, получившего образование в стране, где материализм возведен в ранг государственной доктрины. С одной стороны, рассказы родственников, личный опыт и вычитанные эпизоды, связанные с ясновидением, увлечение гипнозом, сбывшиеся сны; с другой стороны, неспособность объяснить эти явления, опираясь на привычные материалистические представления. В глубине души я понимал, что мое сознание испорчено материалистическим мировоззрением, и предполагал, что на Западе, где оно не является обязательной доктриной, существуют иные представления об интересующих меня проблемах.

Оказавшись на Западе, я убедился в том, что здесь смотрят на Россию как на страну, где парапсихология развита лучше, чем у них. Люди, интересующиеся этой проблемой, буквально засыпали меня вопросами: "А что у вас?".

За то время, как я покинул СССР, примерно три четверти моих публичных выступлений были посвящены парапсихологии. Пока я сотрудничал с радио "Канада" в качестве внештатного комментатора по науке, по крайней мере, две трети моих передач на

Советский Союз было посвящено этой теме. И именно на них радиослушатели откликались, просили рассказать еще и еще... Ведь для них это был голос с Запада!

А для рядового американца Россия — страна загадочная. Отчасти благодаря "железному занавесу"; относительно информации правильнее было бы назвать его селеновым, полупроводником. По отношению к опубликованным работам он даже диод. С Востока на Запад почти все задерживает, в обратном направлении пропускает. Но загадочна Россия не только поэтому. В свое время интерес к оккультизму и прочим таинственным явлениям возбудила русская женщина, поселившаяся в Нью-Йорке, Е.П. Блаватская. Сведения о ней довольно противоречивые. Одни считали ее авантюристкой и фокусницей, другие — гениальной провидицей. По одним данным, она изучала "тайны Востока", живя в Индии, по другим — в Индии никогда не бывала, а заинтересовалась оккультизмом в Египте, общаясь с коптами. В общем, особа таинственная, а чем таинственнее, тем больше интереса. И не только к ней, но и к стране, из которой она вышла.

В 60-х годах случилось чудо: русские обогнали весь мир в освоении космоса! В эти же годы в СССР вышло несколько книг и статей, которые вполне современным научным языком описывали опыты по парапсихологии. Потом вдруг русские замолчали.

Это американцев не удивило — русские всегда молчат, когда делают что-то интересное. Ведь молчали же до поры до времени о своих работах по освоению космоса.

Теперь-то мы знаем, что тайной окутывались в СССР не столько успехи, сколько отсталость космической науки. Достаточно прочесть "Советский космический блеф" В.Владимирова. И тем не менее, отрывочная информация сильно возбуждала интерес к тому, что недоговорено, о чем "русские" молчат.

Когда я учился на зоотехническом факультете, то узнал из лекции профессора-свиновода Редькина простую истину: рачительный хозяин откармливает свиней малыми порциями пойла. И аппетит у них лучше развивается, и недоеденное поило в корытах не киснет. Советское правительство нельзя назвать рачительным, но свинский закон кормежки оно усвоило крепко. Относится это и к выдаче информации.

Во время хрущевской "оттепели" (1961-1963 годы) в СССР было издано несколько книг по парапсихологии, в которых как сообщались факты ясновидения, так и делались далеко не убедительные попытки дать этим явлениям материалистическое толкование. "Ослабление гаек" в области парапсихологии можно было

связать с появлением в одном из американских журналов статьи о том, что военное ведомство США проводит опыты по передаче мыслей на расстояние. В статье говорилось, что где-то в Калифорнии индуктор внушал рисунки, изображенные на картах Зенера, а реципиент, находясь на подводной лодке, названной "Наутилус", эти карты угадывал. Советское правительство, совсем недавно выбросившее лозунг "Догнать и перегнать Америку", бросилось догонять американский "Наутилус".

Не знаю, какими соображениями руководствовался профессор Зенер, создавая рисунки своих карт, но для фокусников они оказались большим подарком.

Проделайте такой опыт. Положите перед собой кусок шуршащей бумаги и, закрыв глаза, начертите твердым карандашом следующие фигуры:

Прислушайтесь к звуку, производимому карандашом. Когда карандаш меняет направление, скрип прекращается. В круге он не прекратится, так как линия сплошная, в кресте прекратится один раз, в квадрате — трижды, в звезде вы услышите пять скрипов. Рисуя линии, вы сделаете три скрипа и паузы между ними будут длиннее.

И вот фокусники стали "угадывать" эти карты, исследователи — изучать этих "ясновидящих". Когда выяснилось, что журнальная статья о "Наутилусе" была всего лишь газетной "уткой", цензура в СССР наложила запрет на публикации каких бы то ни было парапсихологических работ. Но дело было сделано, и за рубежом появился интерес к "русской парапсихологии".

Интересно, что ни я, ни другие интересующиеся парапсихологией читатели (а, возможно, и цензоры) не обратили внимания на вышедшую в одном из специальных советских журналов статью супругов Кирлиан, о которой мы еще поговорим.

Выступая перед любознательными аудиториями и демонстрируя свои способности гипнотизировать и "читать мысли", что я мог поведать путного, если и сам толком не представлял сущности явлений, которые не случайно получили название "тайнственных". Однако шаг за шагом в моем сознании что-то стало проясняться. Процесс этот был длительный и порой нелегкий — приходилось переламявать много в своем мировоззрении. Если бы я кратко сформулировал выводы, к которым пришел со временем, то для читателей, находящихся на той же философской позиции, на которой был я несколько лет назад, они показались бы парадоксальными и нелепыми. Поэтому я и решил изложить эволюцию своего отношения к тому, что раньше находилось за пределами моего сознания.

ШАМАНСТВО

Летом 1948 года я проходил производственную практику в Алтайских горах. Более глухое место в Советском Союзе найти нелегко. Местные жители — ойроты — жили, по крайней мере, в то время, в шалашах из древесной коры (аилах), пользовались кремневыми ружьями, а то и луками со стрелами, для охоты, верили в злых и добрых духов.

”Культурная жизнь”, освещаемая электрическим движком, протекала только на центральной усадьбе конного завода, где проживал, в основном, народ пришлый: начальники, специалисты и, конечно, мы — студенты-практиканты. Было там и что-то вроде клуба — барак с возвышением в виде сцены. Там проводились торжественные заседания или собрания, а раза два в месяц показывали кино. На первые местные жители сгонялись со всей округи, на второе они съезжались сами. Я радовался этим сборищам не столько из-за кино (передвижка привозила, в основном, старые и недоброкачественные ленты), сколько возможности поприблизиться к конным соревнованиям ойротов. Чуть ли не с пеленок приученные к верховой езде, они не упускают случая похвастать друг перед другом своим искусством. Тут возникают и скачки, и джигитовка, и местные — традиционные ойротские — спортивные игры. Иногда в этих играх принимал участие и я, разумеется, всегда проигрывая.

Однажды студенты-практиканты и кое-кто из местной интеллигенции (фельдшер, учитель и ... милиционер) решили устроить вечер художественной самодеятельности. Я взялся показывать гипноз, угадывание мыслей и фокусы. Гвоздем программы был ”просветительный” фокус — вызывание духов. В столе фокусника был замаскирован небольшой автоклав, впереди сцены — сделанный из фотоувеличителя проектор, а задняя стена сцены завешена черной занавеской. В нужный момент я открыл вентиль автоклава, из него повалил густой пар, который на черном фоне задника в полутьме сцены был сначала незаметен. Потом включили проектор, и в облаке пара появился качающийся скелет. Потом скелет стал обрастать мышцами, появилось тело и, наконец, изображение недавно умершего бригадира. Дальше представление пришлось прервать: публика с воплями бросилась прочь из зала...

...Гостиница для студентов-практикантов представляла собой две маленькие комнатки в том же бараке, в котором находилась санчасть — крохотная амбулатория, обслуживаемая фельдшер-

цей, и "изолятор" для стационарных больных, он же родильное помещение. Охотников лечиться среди ойротов практически не находилось, и вот почему.

Еще недавно медицинского обслуживания в отдаленных районах Алтая не было совсем. Люди лечились у шаманов (по-ойротски, камла). Но вот власти принялись за "культурную революцию", шаманов арестовали, а в центры аймаков (районов) прислали фельдшеров. Первое их задание было — сделать всему населению противооспенные прививки. Русская фельдшерица по-ойротски тогда еще почти не говорила, ойроты понимали по-русски с трудом (и то только мужчины, успевшие отслужить в армии), так что санпросвет осуществлялся просто: местный милиционер вылавливал тех ойротов, у которых на руках не оказывалось справки о прививке (их, кстати, часто пускали на закрутку сигарок) или свежего оспенного шрама. Так и действовали милиционер и фельдшерица рука об руку, пока не поженились. А ойроты вполне резонно рассудили: если медицина (так они называли фельдшерицу) из здорового человека делает больного, то из больного может сделать только покойника.

...Проснувшись на следующее утро после упомянутого вечера самодеятельности, я был удивлен, когда увидел у амбулаторной коновязи штук десять лошадей, а на травке группу явно больных ойротов. Стукнув в дверь, за которой жили ликвидаторы оспы, я громко сказал: "Валь, вставай, к тебе больные приехали!". Но Валя была уже на ногах и в своей амбулатории. Она-то мне и сказала, что больные приехали лечиться не к ней, а к "московскому шаману", то есть, значит, ко мне. Положение выглядело весьма пикантным. По советским законам лечение людей лицом, не имеющим медицинского диплома (если нет врача, достаточно и фельдшерского), да еще выступающим под вывеской шамана, уголовно наказуемо. И кому же об этом лучше знать, как не семье, олицетворяющей одновременно и закон, и медицину, да еще с уязвленным самолюбием.

Я предложил:

— А давай сделаем вид, что ты учишься шаманить. Глядишь, ойроты в тебя поверят, да и я под твоим руководством медицинских ошибок не сделаю. Раз уж они приехали ко мне, лучше, если принимать их буду я, а ты вроде переводчика или ассистента. Между делом, заполняй на них истории болезней. Глядишь, и план по приему больных выполнишь.

Так и порешили. Результаты превзошли все мои самые смелые ожидания. То ли никогда не принимавшие лекарств ойроты

оказались к ним очень чувствительны, то ли роль сыграла психотерапия (а на внушения я не скупился), но пациенты поправлялись буквально на глазах.

Приходит, например, ойрот с острым гриппом. Из носа льет, температура 39. Я капаю ему в нос раствор эфедрина, даю выпить две таблетки аспирина и предлагаю, прежде чем ехать домой, полежать на солнышке, закутавшись в шубу (ойроты круглый год ездят в меховой одежде, так как в горах днем и ночью резкие перепады температуры) этак часок-другой. Часа через полтора мы его снова осматриваем. Температура нормальная, от насморка и следа не осталось, глаза веселые, самочувствие отличное. Разумеется, к лекарствам я добавлял таинственные пришептывания, пассы, в общем, "колдовство".

И вот однажды один из моих бывших пациентов таинственно отзывает меня в сторону и говорит, что со мной хочет познакомиться камла.

— Как, — удивился я, — а разве их не всех переарестовали, когда боролись с шаманством?

Оказалось, не всех. Кампании по арестам проводились по аймакам. Сначала в аймак приезжал уполномоченный НКВД; создавал агентурную сеть, выявлял шаманов. Потом отряды особого назначения оцепляли стойбище, прочесывали все население и арестовывали искомого камлу. Но камла, о котором шла речь, заранее почувствовав недоброе, уехал к дальним родственникам в отдаленный от дома аймак, перестал камлать и растворился среди местного населения.

Ехали мы с сопровождающим часов шесть по горным тропинкам и без тропинок. Не исключена возможность, что он нарочно запутывал следы и вез меня окольным путем. Наконец, подъехали к айлу. У входа сидел, как мне тогда казалось, старик лет пятидесяти и курил трубку. Он, не вставая, протянул мне руку и предложил сесть рядом. Сопровождающий, он же переводчик, примостился на корточках напротив.

— Так ты, говорят, камлаешь? — спросил шаман.— Это правда, умершего (он назвал имя, которое я забыл) людям показывал?

Не знаю почему, но я не смог соврать и сказал, что это был фокус. Более того, вопреки всем фокусничьим традициям и правилам, я рассказал и секрет этого фокуса. Шаман долго ничего не говорил, рассматривая какую-то точку перед собой на земле, потом спросил:

— А усыпление тоже был фокус?

— Нет, это был гипноз, — и я стал рассказывать о сущности гипноза.

— Нет, — сказал шаман, — это все не так. Тут душа отделяется от тела.

Если бы я знал, как мне крупно повезло, что я один из немногих ныне живущих европейцев, который удостоился говорить с представителем вымирающего племени шаманов! Но я был молод и самоуверен. Я стал с ним спорить. Он снисходительно кивнул: "У меня свое мнение об этом, у тебя — свое", — и попросил угадать его мысли. Я показал то, что показывал в клубе перед фокусами, и весьма удачно. Причем думал шаман по-ойротски. Потом он попросил его загнипотизировать. Я начал внушать ему сон, считать, делать пассы, но ничего не получилось.

— Нет, — сказал шаман, — твой гипноз — плохой гипноз, он не действует. Мой гипноз — хороший гипноз — он действует на всех. Я попросил показать. Он ответил:

— Я давно не камлаю, но ты мне нравишься, не стал врать, когда я спросил о духе (имярек). Я скажу твое будущее. — И он жестом пригласил нас войти в аил. — Только, — добавил он, — когда я буду "мертвый", ты меня руками не трогай, а то могу остаться мертвым.

Из какого-то сундука он достал шубу с побрякушками из клыков дикого кабана и еще чего-то, бубен и шапку из хвостов каких-то пушистых животных. Облачившись в этот наряд, он слизнул с ладони насыпанный на нее светлый сероватый порошок и начал ритмично пританцовывать под удары бубна.

Постепенно ритм становился все быстрее и быстрее и, наконец, превратился в какое-то неистовство. Вдруг камла рухнул на земляной пол и застыл в очень неудобной позе. Я бросился ему помочь, но сопровождающий вовремя меня остановил и напомнил: "руками не трогать". Я кивком согласился, но все же близко подошел к шаману и наклонился над ним. Он лежал с остекленевшими глазами и выглядел мертвым. На одном из сундуков лежал осколок зеркала. Я поднес его ко рту лежащего. Оно не запотело... Осветил лицо электрическим фонариком, который в горах всегда возил с собой, чтобы вечером, если заблужусь, послышалось. ...Зрачки не сузились. Был большой соблазн пощупать пульс и, если он отсутствует, скакать за помощью... Но куда скакать? И опять же обещание не дотрагиваться руками. Удивило меня и спокойствие переводчика. Мне ничего не оставалось, как ждать, что будет дальше.

Минут через десять (мне они показались часом) шаман зашевелился. Прежде всего ожили глаза, в них появилось осмысленное выражение. Потом он сел. Не спеша, зажег трубку, затянулся,

выпустил дым и заговорил:

— Большой успех привезешь домой из наших гор. Большим человеком себя почувствуешь. Но не надолго. В большую беду попадешь. Очень большую. Но все кончится раньше, чем думать будешь. Я кончил.

И он как будто заснул.

Если вы прочитали "Вне игры", то уже сообразили, что речь шла о премии за доклад об алтайской чемереце, радужных перспективах на научную карьеру и последовавшем вскоре после этого аресте.

В это время в аил вошла женщина с ведром парного молока. Видимо, уходила доить коров. Увидев гостей, стала готовить традиционное ойротское угощение — соленый чай с молоком и острый копченый сыр — курут. Чай пьют из пиалы и определенной температуры, именно такой, которая лучше всего утоляет жажду. А в горах, где давление воздуха довольно низкое, человек теряет много влаги и постоянно хочет пить. По этикету, хозяйка, подавая гостю пиалу с чаем, пробует его температуру пальцем. Когда женщина раздула уголья, лежащие под котлом, который висит в середине аила, вскипятила чай, разлила его по пиалам и поставила их остывать на низенький столик, шаман проснулся. Я стал его расспрашивать, что он видел во время своего транса, на что он мне очень просто ответил:

— Я умирал (в переводе звучало: помер сделал), моя душа улетала из тела. Сначала она была возле тела, и я видел, как ты бросился ко мне, но, спасибо, не тронул. Потом она улетела далеко. Видела души других людей... В том числе, и твоих близких... Они мне и сказали, что с тобой случится.

Я попытался связвить и спросил, на каком же языке он разговаривал с моими близкими. Камла невозмутимо ответил:

— Язык нужен для людей. Души понимают друг друга без слов.

Дальше он стал говорить что-то о двойной сущности человеческого существа, о бытии, о душах. Но я не вникал в его объяснения. Еще бы, я твердо знал, что это неверно. И хотя в гаданья я верил, но слишком непривычные объяснения как-то не укладывались в моем сознании. Да и переводчик был не из блестящих и, чтобы понять смысл сказанного, надо было напрягаться. А этого мне в тот момент не хотелось. Помню только, что он уверял, что, отделяясь от тела, его дух может лечить больных, калечить или убивать, находить добычу для охотников, находить пропавших коров и тому подобное.

Меня больше интересовала не "теория", а "практика", и я спросил:

— Скажи, аксакал, а что за порошок ты слизнул с ладони?

— Слезы луны, — сказал камла, — вернее, порошок из корневища "слез луны".

— А что это такое?

— О, ты не знаешь истории нашего народа, я тебе расскажу, — и шаман, медленно попивая чай, стал рассказывать:

— Наш народ родился от Луны. Луна — наша праматерь. Потом она ушла от нас на небо. А на земле появился злой людоед. Он пожирал ойротов целыми стойбищами. Луне стало жалко своих детей, и она забрала людоеда к себе на небо. Теперь он пожирает луну. Две недели ест, две недели отдыхает. За это время луна поправляется. Она звезды кушает. Когда она толстая, звезд мало на небе остается, когда худая или ее совсем нет — много. А когда людоед нашу праматерь кушает, она плачет. Слезы падают на землю, и из каждой слезинки вырастает желтый цветок — вот такой, — и он указал через открытый вход айла на растущие вблизи желтые лилии, — если этот цветок выкопать, увидишь толстый корень. Из него я и делаю порошок, который помогает летать моей душе.

"Слезы луны" попали в мой гербарий. Уже в Москве я сделал анализ его корневища и обнаружил множество различных алкалоидов. К сожалению, я забыл латинское название цветка, так же, как и ойротское имя людоеда.

Этот эпизод вспомнился в связи с тем, что недавно я наткнулся на сообщения, в которых говорилось о том, что в последние годы интерес к шаманству возобновился со стороны не только этнографов, но и медиков.

Вот как описывает В.Тростников принцип лечения больных шаманами: Задача колдуна, мага или шамана, исцеляющего пациента, состояла всегда в том, чтобы отправиться в царство мертвых, сделать или взять там что-то такое, что облегчает болезнь, и вернуться обратно в этот мир. Вся профессиональная колдовская и шаманская терминология связана с *путешествием*. Внешне действие выглядело так: шаман в сильных мучениях почти испускал дух, лежал в состоянии, неотличимом от состояния мертвеца, а затем понемногу оживал и обретал свой обычный вид. В результате этого больной поправлялся. Рассказывая о своей работе, шаманы, которых современные исследователи еще застали в Сибири и у американских индейцев, единодушно утверждали, что, когда их тело бездыханным лежит

на земле, дух уходит в иные пределы. Иногда перед сеансом шаман на глазах у всех каблуком сворачивал курице шею (так что раздавался громкий хруст ломаемого позвоночника), а потом оживлял ее и пускал бегать по помещению. Этим он демонстрировал свой контакт с силами, обеспечивающими переход из этого слоя реальности в тот и обратно. Такие врачеватели обладали разной "шаманской силой" — больше всего ее было у тех, кто мог углубиться в невидимый слой достаточно далеко. Расстояние в этом "путешествии" измерялось зачастую количеством пройденных "порогов" — использовался образ человека, плывущего по реке. В Сибири распространен рассказ о молодом, горячем шамане, которому его старый и опытный учитель наказывал "не заплывать за седьмой порог", но который рискнул сделать это и не ожил после сеанса — его душа не смогла вернуться в тело. Заметим, что если лет сто назад в шаманстве видели только проявление варварства и искореняли его всеми способами, то сейчас эффективность шаманского лечения многих болезней общепризнана, и, более того, в этой области начинаются попытки заимствования."

В других работах описываются случаи, когда колдуны или шаманы не только лечили, но и убивали людей на значительном расстоянии без какого-либо физического воздействия. Многие исследователи примитивных народов описывают, как колдуны в состоянии транса обнаруживали место нахождения дичи для охотников, распознавали воров и указывали, где спрятано уворованное имущество, или предсказывали будущее.

И колдуны, и шаманы, опрошенные этнографами в разных частях света, удивительно сходно объясняют принцип своей работы. Они считают, что мир "двуслойный", имеет два "бытия". Одно бытие связано с телесным, ощущаемым нами миром, другое — с миром, не ощущаемым нашим телом, а, следовательно, органами чувств. Душа человека при определенном навыке может переходить из одного бытия в другое и возвращаться обратно.

Итак, колдуны и шаманы, опираясь на это мировоззрение и на свой личный опыт, утверждают, что возможно:

- а) увидеть нечто, недостижимое для органов чувств;
- б) лечить или причинить вред другому человеку независимо от того, где он находится, и знает ли о том, что "над ним колдуют" (то есть, без воздействия гипноза);
- в) предсказывать будущее или узнавать прошлое.

О ЯСНОВИДЕНИИ

Все мы в большей или меньшей степени заражены снобизмом. Особенно он проявляется со стороны образованных людей к тем, кто такого образования не получил. Поэтому уверения неграмотного колдуна или шамана, что ему известно нечто, недоступное нашему пониманию, вызывает психологическое отталкивание.

Такое же отталкивание мы испытываем и по отношению к любой информации, если она противоречит нашему установившемуся мнению. Но пока мнение не установилось, наш разум более доверчив. Не зря дети верят в сказки и такие рассказы, которые у взрослого могут вызвать только улыбку. Поверил и я услышанному в детстве.

Мамина сестра тетя Маруся рассказала мне как-то в присутствии мамы и бабушки такой случай из своей молодости.

За ней ухаживал один офицер, который интересовался оккультизмом. Он уверял, что, если поймать момент, когда человек просыпается (еще продолжает видеть сон, а мысль уже начинает работать), и в этот момент задумать "Хочу быть там-то", то это желание может осуществиться. Однажды она поймала такой момент, задремав после обеда, и задумала как раз увидеть этого офицера. Тут же тетя Маруся снова погрузилась в сон и ощутила чувство быстрого полета. Ничего нельзя было разглядеть, все мелькало: "Я куда-то несусь". Вскоре это ощущение прекратилось, и она увидела себя на пляже. Хотя никаких надписей она не видела, но была уверена, что находится в болгарском городке Варна, где раньше не только не была, но и не знала о существовании такого города. Своего знакомого офицера она увидела на пляжной скамейке, читающим какой-то толстый роман в красно-коричневом переплете. Солнце заходило, было что-то около семи часов вечера... Тут тетка проснулась и рассказала об увиденном моей будущей маме и бабушке. Это было летом 1915 года.

Через несколько недель этого офицера послали в командировку в Кишинев, где находилось семейство моей мамы. Он рассказал, что на их фронте затишье, их полк стоит в Варне. Когда тетка сообщила о своем сне, он достал из полевой сумки красно-коричневый томик Дюма и спросил: "Этот? Я его обычно читал перед вечером на пляже."

Я поверил в этот случай, и у меня не было оснований отбрасывать как невозможное услышанное или прочитанное в дальнейшем. Один из эпизодов относится к М.В.Ломоносову. Возвращаясь

из Германии, он видел во сне отца, выброшенного мертвым на один из островов, который Ломоносов знал с детства. Приехав в Петербург, он узнал, что отец пропал без вести в море. Тогда ученый послал на родину письмо с указанием острова. Сон оказался вещим. Труп отца был найден на указанном острове и предан земле. Множество подобных случаев было собрано в книгах Л.Л. Васильева и других работах, успевших выйти в СССР за период "оттепели".

Что же касается западной печати, то на страницах ее газет довольно часто можно встретить сенсационные сообщения о том, как ясновидящие помогли полиции обнаружить трупы убитых, убийц или пропавших без вести. Тут и рассказы о голландце Жераре Кросье (1)*, и индианке из Чикаго Айрин Ходжес (2), и о жительнице штата Нью-Джерси Дороти Аллисон (3). Большею частью в печать попадают сообщения о том, как ясновидение применялось в криминалистике. Отчасти это связано с тем, что поиски трупов, убийц или просто преступников больше волнуют читателей, чем сцены из обыденной жизни. Такие сообщения и более достоверны, так как полицейские их протоколируют. В обыденной же жизни чаще всего бывает так, что кто-то "вспомнил" о вещем сне или видении уже после свершившегося события.

Еще один феномен — способность видеть под землей, читать запечатанные письма и тому подобное — изучается пекинским профессором Сун Хун-чаном. Оказалось, что среди китайских подростков этим свойством обладают довольно многие.

Возможно, что поиски воды, нефти или других полезных ископаемых с помощью вибрации ивового прута или подвески, находящейся в руках радиоэстезиста, связаны с открытым Сун Хун-чаном "седьмым чувством". Иногда радиоэстезист (например, Давид Бэгли), сосредотачиваясь над географической картой, хорошо представляет не только ландшафт местности, но и то, что находится в недрах земли. (НРС № 25 701)

Чтобы убедиться в том, что плоды на дереве съедобны, нужно попробовать хотя бы один из них. Примерно таким принципом руководствовался я, когда, решив проверить сообщения хотя бы об одном из газетных персонажей, отправился в городок Натли с целью разыскать Дороти Аллисон. Эта женщина примерно моих лет подтвердила, что все, написанное о ней в газетах, соответствует истине. Знают ее и в городском отделении полиции, а молва о ней настолько распространена среди жителей Натли, что разыскать ее удалось, даже не зная адреса.

На вопрос, что ее сейчас больше всего беспокоит в смысле

нераскрытых преступлений, она ответила: "Убийца детей в Атланге. Я его представляю как негра со светлой кожей, в форме летчика, из Дикси". Теперь, когда идет суд над Вильямсом, можно представить, насколько это ясновидение было верным (убийца негриганских детей в то время служил в авиации, а его семья жила в Дикси Хилл).

И все-таки рассказы друзей, которым я безусловно верю, впечатляют меня больше, чем статьи о незнакомых людях.

С профессором Николаем Всеволодовичем Первушиным мы познакомились еще в 1974 году. На следующий год я получил работу в Монреале, где жили Первушины, и у меня с ним завязалась дружба, которая продолжается и поныне. Всегда он поражал меня своей сдержанностью, умением владеть собой. Даже когда скончалась его обожаемая супруга, он мужественно преодолевал отчаяние. Он уехал из СССР в двадцатых годах. В Советском Союзе оставался его отец, видный невропатолог, часто печатавший в журнале "Невропатология" свои научные статьи. По этим-то статьям Николай Всеволодович и узнавал, что отец его жив и с ним все в порядке. Но вот 21 декабря 1954 года Н.В. увидел во сне своего отца, лежащим на столе мертвым. Он был так этим потрясен, что разрыдался и проснулся весь в слезах. Этот сон настолько его поразило, что он описал его в дневнике. Через несколько месяцев, взяв очередной номер журнала "Невропатология", он на первой же странице увидел в траурной рамке фотографию своего отца. В некрологе говорилось, что Всеволод Прокопьевич Первушин скончался 21 декабря 1954 года.

"НЕТ НИЧЕГО УДИВИТЕЛЬНОГО"

Объяснить эти явления с точки зрения материалистической науки очень трудно. Да она и не очень пытается. На сегодняшний день парапсихологи больше заняты сбором и систематизацией фактов.

Говоря о картах профессора Зенера, я был далек от упрека в том, что он дал пищу для мистификаций. Его цель заключалась в том, чтобы опыты по парапсихологии могли статистически обрабатываться и, таким образом, соответствовали требованиям научного эксперимента.

Как любая дама, Наука чувствительна к модам, и любой ее рыцарь обязан ей угождать. А к тому времени статистика вошла в моду. Горе было аспиранту, который не приведет в диссертации статистической обработки полученных результатов (даже если их достоверность очевидна).

Итак, Зенер предложил карты с пятью различными рисунками. При случайном совпадении реципиент должен угадать 20% из задуманных карт. Если процент выше, и он статистически достоверен — значит, есть эффект угадывания. Мне кажется, что любое сбывшееся словесное или письменное предсказание можно разложить на единицы информации (слова, буквы), и их обработка будет не менее достоверна.

Например, 5-го января 1981 года, выступая по радио, ясновидящая Тамара Рэнд сказала, что ” к концу марта молодой блондин ранит президента Рейгена в грудь, что это будет ”одинокий” террорист по имени что-то вроде Джек Хамли и что он сделает несколько выстрелов”

Что это — совпадение? Или в наше время, когда террор чуть ли не превратился в моду и покушения на видных деятелей стали обыденным явлением, предсказать сам факт покушения не представляет труда? Допустим. Но такие детали, как ”молодой блондин”, ”несколько пуль в грудь”, ”одинокий террорист”, очень сходное по звучанию имя террориста — все это вполне могло оказаться случайным совпадением, если бы было ”надергано” из разных предсказаний. Но взятые вместе, эти детали достоверны при самом строгом статистическом анализе.

А вот эксперимент, который проводился в СССР и в котором я косвенно (в качестве члена Московского жюри) принимал участие. Основные действующие лица — реципиент К.Н.Николаев находится в Новосибирске и индуктор Каминский — в Москве. Каждому члену Московского жюри было предложено принести к началу опыта из дома любой предмет, желательно, не совсем обычный. Об этом предмете знает только принесший его хозяин. Бросается жребий, и Каминский открывает одну из коробок. В ней оказывается гантель. Он сосредотачивает свое внимание на этом предмете. В это же самое время Николаев (также в окружении жюри) сидит в Новосибирске. На него направлена телекамера, рядом стоит магнитофон. Сразу после окончания эксперимента видео- и звукозаписывающие пленки опечатывались и отсылались в Москву.

И вот через несколько дней мы (члены жюри) можем видеть и слышать:

Николаев: — Что-то круглое, тяжелое (обводит руками пространство, примерно равное шару гантели). Рядом такое же круглое, тяжелое. Это металл. Между этими шарами пространство занято чем-то продолговатым, тоже металлическим... Это два тяжелых шара, соединенных между собой цилиндром. Судя по весу (как бы взвешивает их руками), они не полые внутри, цельноме-

галлические... Гантель!

Читатель уже догадался, что я описал один из опытов по передаче мыслей на расстояние, которые теперь принято называть телепатией.

Допустим, он из тех, кто пытается всему найти логическое объяснение.

— Ага! — сообразил он, — так и любое предсказание можно объяснить этим же явлением. Преступник задумал покушение. Ясновидящий, он же реципиент, прочел его мысли.

Допустим, ты прав, читатель. Но как тогда объяснить предсказания событий, которые совершились через много десятков, а то и сотен лет. Ведь их участников во время предсказаний еще и не было на свете. Живший в шестнадцатом веке Мишель Нострадамус в то время, когда монархия считалась незыблемой, предсказал не только ее конец, но и год последующих за ее свержением событий. Вот цитата из послания Нострадамуса Генриху II.

Год будет омрачен такими жестокими гонениями на христианскую церковь, каких даже в Африке не наблюдалось. И это произойдет в 1792-ом году. А ведь в этих годах каждый будет усматривать предшествование обновленной эры. После этого романский народ выправится и удалит подозрительную тьму, вернув себе часть прежнего света.

— Ну что ж, — скажет читатель, — в предсказаниях будущего нет ничего удивительного: материя находится в движении, скорость и направление каждого ее компонента поддается изучению. (Остается только учесть вероятности их воздействия друг на друга. На этом основаны и предсказания метеорологов, и экономистов, и футурологов.

Действительно, если человек идет с определенной скоростью по дороге, нетрудно предположить, где он окажется через пять минут. Если же ему навстречу идет знакомый, то есть вероятность, что они остановятся поболтать. Надолго ли? Тут можно учесть степень дружеских отношений, их болтливость, сколько времени встретившиеся не видели друг друга и прочее.

Что же касается передачи мыслей на расстоянии, то читатель, скорее всего, попытается объяснить это следующим образом: из работ академика Павлова и других физиологов мы знаем, что деятельность головного мозга связана с передачей нервных импульсов, которые в принципе не отличаются от электрического тока (и там, и тут идет поток электронов). Мозг — что-то вроде телефонной станции или компьютера. Мы знаем, что вскоре после изобре-

тения телефона изобрели и радио, где электрические импульсы превращаются в радиоволны. Ну, и в описанном случае наблюдалось что-то вроде радиопередачи, хотя на сегодняшний день нам еще неизвестны детали этого феномена.

Ну, а пример с предсказаниями Нострадамуса нетипичен. Это — или случайное совпадение, или мистификация. Нетипичные явления отбрасывают даже статистики, составляя Гауссовскую кривую.

Но так ли легко объяснимы подобные явления?

ПРЕДСКАЗАНИЯ СУДЬБЫ

Наука, как живое существо, проходит несколько стадий развития. Сначала она занимается сбором материала, потом его систематизацией, синтезом, осмысливанием. Создаются теории, затем следует их экспериментальное доказательство. Часто дело завершается анализом того, почему теория не подтвердилась в экспериментах.

Как я уже упомянул, большинство парапсихологов занимается накоплением и систематизацией фактов. Охотно прибавлю в их копилку и случаи из своей жизни.

Когда я находился в заключении, один незнакомый, из только что прибывших на наш лагпункт, казах похвастал, что умеет гадать на сорок одной абрикосовой косточке — кумалаке. Я в то время довольно "прочно" устроился работать счетоводом в бухгалтерии лагпункта, был относительно сыт и просил маму не слать посылок (впрочем, последнюю посылку я получил больше года назад и не ждал их до конца срока). И вдруг этот казах, разбросав косточки на девять кучек и что-то с ними проманипулировав, сказал, что меня ожидает отправка на другой лагпункт и получение посылки. Я знал (мне в этот день шепнул нарядчик), что я нужен здесь по крайней мере еще полгода, да и посылки не ждал. И вдруг минут через десять после гадания тот же нарядчик приходит в барак и выкликает мою фамилию. Я смотрю на него с недоумением, он с таким же недоумением разводит руками. Собрав вещи, я иду к вахте, где ожидают этапа уже человек тридцать. Оказывается, остановка была за мной. Какому-то начальнику пришло в голову, что я как бывший зоотехник могу оказаться полезным на окоте овец. Я положил свой вещмешок на уже загруженную личными вещами подводку и мы под конвоем отправились в путь. Не отошли мы от лагпункта и километра, как нас догнал верховой, остановил колонну и потребовал, чтобы я возвращался на

лагпункт. Я взял с подводы свой вещмешок и поплелся обратно. Но колонна не двигалась с места, а чего-то ждала (о чем говорили между собой охранники, я не слышал). Подойдя к проходной будке, я увидел недавно подъехавшую подводу нашего почтальона. Мне велели расписаться в получении посылки. Я заметил через проволочную изгородь улыбающееся лицо гадавшего мне казаха, хотел передать ему "бакшиш", но охранник заторопил меня, и я побежал к ожидавшимся этапникам.

А вот ситуация весной 1972 года. У меня при обыске изъято много литературы, которую советское законодательство считает криминальной. Людей сажали и сажают на большие сроки, если найдут хотя бы одну из подобных книг, а у меня их изъяли десятки, если не сотни. По "делу Мюге" вызывают свидетелей, производят обыски... Я отказываюсь "смягчить свою вину" раскаянием (сиречь, выдачей лиц, у которых брал литературу). В общем, жду ареста со дня на день.

И вот жившая в этот год на даче у моей тещи родственница одного из зятьев предложила погадать мне на картах. Она очень категорично заявила, что тюрьма мне не уготовлена, но предстоит очень дальняя дорога, разрыв с семьей, совершенно новая жизнь. Кроме того, "пиковому королю" из-за меня будут большие неприятности и он потеряет работу.

... Через неделю после этого я получил вызов в Израиль, а в конце года как участник II мировой войны попал под амнистию. Перед этим у меня сменили следователя и, по слухам, его выгнали с работы. Каково мое личное участие в его неудачах, я не знаю, но не исключено, что в этом сыграло роль и то, что он слишком затянул мое дело, попавшись на удочку с фальшивой справкой (см. главу "Фальшивая справка" в книге "Вне игры").

Однажды один заключенный предложил мне погадать по линиям ладони. Он довольно правильно рассказал о прошлой жизни, обрисовал характер, предсказал научную карьеру, резкий поворот на жизненном пути лет в пятьдесят и кульминацию творческой деятельности незадолго до смерти.

А вот эпизод из недавно вышедшей книги моего родственника и друга П.Г. Григоренко "В подполье можно встретить только крыс...". В общежитие трех молодых комсомольцев, не верящих ни в Бога, ни в черта, ни, тем более, в какие бы то ни было гадания, приходит цыганка. Одному предсказывает по руке смерть "под забором", другому — карьере летчика, но скорую смерть, третьему (Григоренко): "Долго здесь не будешь. Пойдешь учиться. Но кем хочешь стать — не станешь. Будешь военным. Служба будет ус-

пешная, товарищи завидовать будут. Потом придут страшные времена и войны. Не убьют. Переживешь. Жить будешь долго. Но старость... О-о!” — и она скорчила страдальческую гримасу”. Судьба первых двух комсомольцев свершилась очень скоро в полном соответствии с предсказанием. О третьем пока говорить рано, он жив. Это фигура настолько известная, что описывать его судьбу нет смысла. Что же касается страдальческой гримасы... С одной стороны, многие честолюбцы могли бы позавидовать такой старости. Его принимали главы великих государств, портреты не сходили со страниц газет, да и сейчас появляются. Но не зря он, видимо, стремился вернуться домой после того, как его лишили гражданства!

В 1975 году я оказался в Канаде, где мне рассказали, что есть здесь одна франкоканадка, много лет увлекающаяся астрологией, причем не в коммерческих целях, а творчески. Особенно охотно она составляет гороскопы людям, судьба которых не укладывается в стандартные рамки, так как ей самой интересно проверить свое гадание.

Я просил передать ей день, время и место моего рождения (ей это только и было нужно). Через месяц последовал ответ: “Уточните, не мог ли он (то есть, я) ошибиться на пять минут? Может быть, его мама не сразу посмотрела на часы — без десяти минут четыре он родиться не мог, иначе бы не дожил и до десяти лет”. Я написал маме, просил ее вспомнить, она ответила, что я родился без четверти четыре утра, но когда ей поднесли меня уже обмытого, с обрезанной пуповиной, она посмотрела на часы — было без десяти четыре. Это время ей и запомнилось.

Еще через месяц-полтора после внесения поправки я получил гороскоп, где прошлое было указано довольно точно: участие в войне, ранение и потеря зрения в левом глазу в двадцать лет, тюрьма в двадцать пять; научная карьера, основанная на хорошо развитой интуиции (не заработанная усидчивым трудом); угроза тюрьмы в возрасте около пятидесяти лет, разрыв с семьей, эмиграция... Что же касается будущих предсказаний, я о них говорить воздержусь. Поживем — увидим.

Все эти эпизоды не подходят ни под одну из теорий парапсихологов. С большой натяжкой можно предположить, что разбросанные косточки кумолаки, карты или линии на ладони помогают гадающему обострить интуицию и увидеть то, что обычно скрыто от взора. Или допустить, что в природе все настолько взаимосвязано, что косточки, карты, звезды и люди влияют друг на друга так, что от места нахождения звезды или неодушевленного предмета зависит судьба человека.

Может быть и еще объяснение, сводящееся к народной пословице: "Без Божьей воли и волосок с головы не упадет". Тогда и судьба человека, и расположение игральной карты на столе подчиняются Единой воле и могут быть взаимно связаны. Но, как мы увидим в дальнейшем, как раз большинство религий отвергает такое объяснение.

О "БИОЛОГИЧЕСКОМ ПОЛЕ"

Однажды я встретился в доме моих друзей с бывшим заведующим отделением одной из московских больниц Семеном Гельфандом. Еще в Москве он почувствовал в своих руках какую-то целебную силу и при лечении больных больше полагался на нее, чем на достижения современной медицины. Здесь же, в эмиграции, он превратил свойство своих рук в основной способ существования. И не он один. Вот объявления в русской газете: "ЕГУДА ИСК — человек с "электрическими руками", "ОЛЬГА ВЕКСЛЕР — лечение биополем".

Знаю я и еще нескольких человек, которые диагностируют и лечат различные заболевания с помощью "наложения рук".

Но вернемся к Гельфанду. В то время я подумывал о том, чтобы оформить свою, связанную с войной, инвалидность, и охотно рассказывал бывшим и практикующим врачам о своих недомогающих с тем, чтобы получить от них информацию, как эти недомогающие выгоднее представить перед экспертами. Но Семен меня явно не понял и все время норовил перевести разговор на то, как от них избавиться. Я вполне резонно заметил, что, если это не удалось сделать за тридцать с лишним лет, прошедших после окончания войны, то где уж теперь... Но он предложил мне проделать опыт. Положив передо мной книгу, велел читать текст, потом приложил свою ладонь к моему затылку, и я почувствовал в нем легкое покалывание. Проводя рукой на расстоянии около сантиметра от кожи (я чувствовал это по шевелению волос), он говорил: "Сейчас Вы видите лучше, теперь хуже, а теперь закройте зрячий глаз и читайте слепым." К своему удивлению, я обнаружил, что могу различать крупные, правда, буквы глазом, который у меня считается слепым. Тут уж нельзя было отнести опыт к гипнозу!

Потом он, проводя рукой над теменем, предлагал прочесть тот или иной абзац и пересказать содержание. Иногда текст запоминался почти дословно, иногда я не мог вспомнить даже того, о чем в нем говорилось. Никаких словесных внушений при этом не было.

В другой раз мне довелось "почувствовать руки" Ольги Векслер, которая лечила и, кажется, небезуспешно, моих друзей. У меня иногда бывает какая-то непонятная, но острая боль то в ноге, то в руке, причем, если она вдруг возникнет, то довольно долго (несколько дней) не прекращается. Такая боль появилась, когда мы были у этих друзей. Ольга встала от меня на расстоянии двух-трех метров и начала вытянутыми вперед руками делать какие-то движения, точно облучая с кончиков пальцев все мое тело. Боль, действительно, прошла и больше не возобновлялась (по крайней мере, в тот и последующие дни).

После этих сеансов я более серьезно стал относиться к словам своих бостонских друзей, которые вылечили меня от радикулита китайским массажем. На мой вопрос, почему они не облегчат свой труд с помощью электромассажных приборов, Вера Мостовая сказала:

— Дело не только в раздражении тех или иных точек на теле, но и в пране, исходящей из моих рук.

Сейчас много пишут о живущей в СССР Джуне Давиташвили. Ее способность лечить "наложением рук" исследовалась специалистами Академии медицинских наук СССР. Медики определяют ее как "излучение биоэнергии, которое каким-то образом проникает в тело больного и воздействует на клетки". В зарубежной печати сообщалось, что в числе ее пациентов был и глава Советского государства Л.Брежнев.

Вот что Давиташвили говорит о себе сама:

— Искусство лечить людей сохранялось в моей семье и переходило из поколения в поколение. Мой прадед, который умер в 1957 году в возрасте 139 лет, тоже лечил людей. И прабабушка умела лечить. Я была еще ребенком, когда соседи начали приходить в наш дом в Тбилиси и просить, чтобы я помогла им.

Я вела ладонью вдоль их тела, когда доходила до больного места, чувствовала что-то вроде укола и задерживала в этой точке ладонь, не прикасаясь к больному. Ему становилось легче.

А вот выписка из документа, выданного Егуде Иску Калифорнийским университетом в Лос-Анжелосе, где его исследовали:

"В Вашем теле имеются излишки электрической энергии, которая переходит в тело больного через кончики Ваших пальцев. Максимальное излучение исходит из Вашей правой руки. Интенсивность излучения падает по мере того, как энергия переходит в тело пациента..."

Когда я спросил Егуду Иску, как он сам определяет способность лечить людей своими руками, он на ломаном русском языке

стал объяснять: "Все клетки человеческого организма имеют какую-то энергию, которая регулирует их состояние. Но иногда эта энергия теряется. Тогда функции клеток нарушаются и приходит болезнь. Я своими руками восполняю потери этой энергии, и организм выздоравливает". На вопрос, каким методом его исследовали в Лос-Анжелесе, он ответил коротко: "Кирлиан-фото".

Я сообразил, что он имел в виду метод, о котором я уже упоминал — метод супругов Кирлиан. Кстати, этим же методом в СССР исследовали и Джуну Давиташвили. Метод заключается в следующем: если на кассету с заряженной цветной фотопленкой положить палец и пропустить через него определенной силы, частоты и напряжения ток, то на фотопленке запечатлеется вокруг пальца ореол. Причем его цвет и величина будут разными в зависимости от психического состояния человека.

Но самое интересное в том, что, как показали дальнейшие опыты, если положить на кассету лист растения, быстро отрезать от него какую-то часть, а через оставшуюся пропустить ток, то ореол появится вокруг всего листа, а не только вокруг оставленной его части.

В этом опыте западные исследователи увидели своего рода "материализацию духов", то есть, физическое доказательство существования ауры. Десятки лабораторий начали повторять и совершенствовать опыты Кирлиана. Пехек, Килер и Фауст опубликовали статью, где доказали, что "эффект Кирлиана" — всего-навсего результат влаги: в опытах с пальцами это — пот, состав которого, следовательно, и электропроводность, зависит от нервного и физического состояния испытуемого, а аура от листа вызвана влагой, оставшейся от отрезанной части.

Однако в своих опытах, стирая влагу с кассет или обезвоживая лист после обрезания, авторы этой статьи легко могли разрушить и такую трудноуловимую, следовательно, и нестойкую, субстанцию, как аура. Не будем спешить с выводами и сделаем небольшое отступление.

Вы наверняка обращали внимание, что богов и святых принято изображать с нимбом вокруг головы, эдаким светящимся ореолом. Обычай этот произошел в связи с тем, что в религиозной литературе (и не только христианской) имеется много сведений о том, что свидетели видели тех, кто впоследствии был обожествлен или причислен к лику святых в моменты наибольшей экзальтации с такими светящимися ореолами.

Согласно многим мировоззрениям и, прежде всего, индийским, тела человека, животных и растений окружены особой аурой — нематериальной оболочкой. Как и любая философская

система, эта может быть и правильной, и ошибочной. До тех пор, пока она не будет доказана или опровергнута экспериментально, ее можно рассматривать лишь как веру, а вера не нуждается в доказательствах.

Так же, как одни люди способны видеть звезды 7-ой величины, а другие — нет, одни могут ощущать цвет пальцами (например, Роза Кулешова, о которой много писали в СССР), а другие (дальтоники) не могут различать цвета и глазами, возможно, есть люди, способные видеть и ауру? Многие люди, увлекающиеся индийской философией, уверяют, что да — они могут. Но где гарантия, что это им не кажется, или что они, попросту говоря, не обманывают?

В средние века в Европе был создан своеобразный закрытый орден "Розенкрейцер". Основной его задачей являлось изучение тех явлений, которые теперь получили название парапсихологии. В качестве инструмента они взяли опыт, приобретенный на Востоке. В результате специальных тренировок члены этого общества научались видеть ауру и по ее состоянию определять внутреннее состояние человека. В настоящее время это общество использует и новейшие методы исследований, разработанные современной наукой.

Вот эксперимент: испытуемого показывают тому, кто утверждает, что видит вокруг тела, и прежде всего, головы и рук (неприкрытые части) ауру. По словам видящего, аура, допустим, красноватого цвета, расходится неравномерными лучами средней длины. В это же время делают снимок ауры пальцев испытуемого по методу Кирлиана. На фотобумаге виден красноватый ореол с лучами среднего размера. Но вот испытуемого чем-то разозлили. Наблюдающий говорит, что видит ауру фиолетовую, бóльшую по размеру. И тут же получают фиолетовые ореолы вокруг пальцев. Наконец, испытуемый в экстазе, он хочет в чем-то убедить окружающих, он явно вдохновлен. Наблюдающий "ауровидец" говорит, что видит над его головой золотистый нимб, а фотография тут же фиксирует желтовато-золотистые ореолы вокруг его пальцев.

Оставим пока в стороне обсуждение наличия или отсутствия, а, тем более, самой природы ауры. Описанные эксперименты могут убедить нас лишь в том, что человеческое тело излучает какую-то энергию, частота колебаний которой может меняться в зависимости от его психического состояния; что эта энергия может восприниматься некоторыми людьми визуально и одновременно фиксироваться с помощью физических методов. В случае Егуды Иска,

Цзунуны Давиташвили эта энергия выделяется более интенсивно, чем обычно, и именно эти люди могут оказывать воздействие на организм больного. До какой же степени может дойти это воздействие?

БЕЗНОЖЕВАЯ ХИРУРГИЯ

В середине этого столетия в Европе заговорили о том, что филиппинские знахари могут делать операции, не применяя не только ножа или скальпеля, но и вообще каких-либо предметов. Просто знахарь пальцами "раздвигает" ткани больного, вынимает из раны "нечто", являющееся причиной болезни, и, после небольших манипуляций теми же пальцами рана исчезает, а больной выздоравливает.

Разумеется, реакция европейцев была однозначна — это гипноз. Больной верит, что знахарь его вылечит, а наблюдающим этот процесс, кажется, что они видят рану, кровь и все то, что им внушает знахарь.

Но вот в Европу привезли фильм, где подобная операция была запечатлена на киноленту. О том, что можно гипнотизировать технику, никто говорить не решался. Фильм этот, кстати, побывал и в СССР. Однажды его должны были показать на заседании "Общества испытателей природы" в стенах Московского университета. Правда, по каким-то техническим причинам пленку не привезли, но выступали те почтенные советские ученые, кому повезло увидеть этот фильм накануне. Они очень подробно передавали содержание фильма и, разумеется, его комментировали.

Правда, как в СССР, так и на Западе высказывалась мысль, что филиппинские знахари наряду с гипнозом применяют и ловкие фокусы, поднимающие их престиж у наблюдателя. Эти-то фокусы и были зафиксированы кинолентой.

Но вот за последние годы на Филиппинах побывали французские врачи и парапсихологи. Кое-кто из них освоил методы "безножевой операции". В Монреале можно было видеть на экране работу европейского врача в этой области. В отличие от операций, проводимых знахарями, мы видим пациентку, лежащую на операционном столе, покрытую хирургической простыней. Видно оставшееся открытым "операционное поле" в области живота. Вот врач кладет на живот больной руки, из-под пальцев постепенно показывается кровь. Пальцы уходят глубже в тело, и мы видим, что руки врача работают уже в глубокой ране, которая удивительно мало кровоточит, хотя никакие кровоостанавливающие зажимы

не применяются. Наконец, пальцы врача извлекают из раны кусочек ткани. Рана под руками "хирурга" быстро исчезает.

Собранная во время операции кровь и извлеченная ткань подвергались лабораторным исследованиям. И тут произошла вещь не менее таинственная, чем сама операция. Три лаборатории, куда были посланы анализы, дали различные заключения. Относительно крови в одной было установлено, что кровь человеческая, той же группы, что и у больной, другая сочла, что это кровь животного, а третья воздержалась от ответа на этот вопрос. Относительно ткани говорилось, что это соединительная ткань в виде хряща, что это — образование типа каллюса, подобное тому, которое дают клетки, размножающиеся в искусственных условиях. Третья лаборатория предположила, что это была опухоль.

После операции (что бы ни говорили лабораторные анализы) больные очень быстро поправлялись.

Мне довелось довольно близко столкнуться с подобным явлением. Одна моя знакомая еще по Москве, переехавшая потом в Америку, сильно заболела. Врачи нашли у нее рак, запущенный, давший метастазы по всему телу. После больницы она почти не могла двигаться. Видимо, и выписали-то ее только для того, чтобы дать возможность умереть среди близких.

И вот друзья уговорили ее слетать на этот загадочный остров, дескать, все равно какую. Вернулась она, по внешнему виду, совершенно здоровая, загоревшая. А сделали ей там более двадцати операций! Причем делалось все это без всякого наркоза, без боли, и она могла сама себя во время операций фотографировать. Сразу же после удаления очередного метастаза она шла на пляж или, если время было обеденное, в ресторан.

Она подружилась со знахарями (тилерами) и рассказывала о них много интересного. Все тилеры, где бы они не жили, происходят из одной провинции, одной деревушки. По ее мнению, это какая-то мутация, так как при внимательном исследовании все они оказались родственниками. Это, правда, плохо согласуется с фильмом, о котором я говорил, где операцию делал француз. Все они глубоко верующие христиане (католики). Первый случай "операции без ножа" произошел на Филиппинах лет семьдесят-восемьдесят назад. У жителя небольшой деревушки умирала дочка. Как верующий христианин он усиленно над ней молился, читал евангелие. На глаза ему попало изречение Иисуса Христа, что это не Он делает чудеса, а Господь Бог. Он только сильно верит в его могущество. А вера делает чудеса. "Ну, и я сильно верю в Господа", — думал несчастный отец, поглаживая дочку по больному месту.

И тут произошло чудо — ткани распались, отец интуитивно почувствовал, что какая-то ткань дочке мешает, ее надо удалить. Потом все стало на место, девочка выздоровела. Отец стал помогать другим, а потом у него появились ученики и последователи. Собственно говоря, учениками их можно назвать лишь условно, так как интуитивный опыт передать словами очень трудно. Филиппинский шахарь не может объяснить, что, когда и почему он делает. Филиппинцы говорят: "У вас в Америке люди пошли по линии материального развития. У вас появился сказочный, с нашей точки зрения, быт. Вы очень богаты. Мы идем по пути духовного развития. Мы бедны, но и у нас есть что-то, с вашей точки зрения, сказочное. Вы все хотите объяснить, мы — прочувствовать".

Последующая судьба этой женщины не может использоваться в качестве рекламы "безножевой хирургии" — она умерла. Но и сама ее смерть показательна. Несмотря на предупреждения тилеров, что ей необходимо будет очень беречь энергию, она, почувствовав себя здоровой, стала вести очень деятельную жизнь. Года через полтора она почувствовала ухудшение и позвонила своему другу тилеру на Филиппины. Она только успела назвать себя, а он произнес: "О Год!", как связь оборвалась и больше дозвониться не удалось. И она, и присутствовавшие при этом друзья усмотрели в разрыве связи плохую примету. С этого дня она стала "таять на глазах". В последний раз я виделся с этой женщиной за неделю до ее смерти. Умирала она удивительно стойко.

НЕМНОЖКО БИОЛОГИИ

Итак, мы столкнулись с явлением, когда энергия (не будем пытаться уточнять, что это за энергия), выделяемая человеком, может влиять на физиологические процессы других людей. Причем эти процессы могут быть настолько сложными и необычными (например, распад тканей, образование в них отверстий), что сам факт этого явления с трудом укладывается в нашем сознании. И все же попробуем проанализировать это явление.

В качестве отправной точки наших рассуждений будем считать, что все изменения, происходящие в составе материи, вызываются химическими реакциями. Одни реакции идут очень легко. Например, если капнуть на дно стакана несколько капель крепкой соляной кислоты и закрыть стакан блюдцем, смоченным нашатырным спиртом, стакан на глазах у нас наполнится белым дымом: пары кислоты, соединившись с аммиаком, образуют кристаллы хлористого аммония. Однако в природе такие реакции происходят

крайне редко. Те вещества, которые способны легко соединяться, уже соединились. Для большинства реакций нужен или только первоначальный толчок (например, чтобы дрова загорелись, их надо поджечь), или определенные условия — высокое давление, температура и тому подобное. Но иногда реакции идут без физического воздействия. В этих случаях работают катализаторы — вещества, способные ускорять реакцию, а точнее, снижать ее энергетический порог.

В живом организме все процессы регулируются особыми биологическими катализаторами — ферментами. Но что регулирует работу ферментов? Иногда процесс регуляции не слишком сложен. Например, ферменты, осуществляющие синтез крахмала из сахаров, более чувствительны к падению температуры, чем амилаза, разрушающая крахмал до тех же сахаров. Поэтому при охлаждении картофеля распад крахмала идет быстрее, чем его синтез, и подмороженная картошка приобретает сладковатый вкус. Однако в живой ткани как растения, так и животного процесс включения или выключения деятельности различных ферментов в постоянно протекающие биохимические реакции крайне сложен.

Прежде всего, вспомним, что такое фермент. Это белок, содержащий в своем составе так называемую "активную группу" или "активный центр". Как работают эти активные центры, окончательно не разобрались еще и биохимики, а вот о белковом строении ферментов сказать стоит. Белки состоят из отдельных аминокислот, каждая из которых имеет одну или две кислотные или щелочные (аминные) группы. Так как кислотная и щелочная группа имеют противоположные электрические заряды, то каждая аминокислота может быть заряжена или положительно, или отрицательно. Соединяясь в цепочки белков, аминокислоты используют (нейтрализуют) по одному положительному и по одному отрицательному заряду. Но оставшиеся свободными кислотные или аминные группы создают общий суммарный электрический заряд молекулы белка.

Большинство белков-ферментов как бы плавают в протоплазме клеток. Физиологи, которые изучают действие ферментов в живом организме, знают, как легко их активность меняется в зависимости от самых различных воздействий на организм. Это могут быть и гормоны, и витамины, и самые различные химические или физические факторы. Например, известно, что очень простое в химическом отношении вещество — индолилуксусная кислота — будучи введенной в растительную ткань в, казалось бы, незначительной концентрации (несколько капель на ведро воды), влияет

на процессы роста и развития растения и при этом десятки, если не сотни ферментов меняют свою активность. Однако биохимикам, которые пытаются изучать каждый фермент в отдельности, ни разу не удалось установить, чтобы эта самая индолилуксусная кислота повлияла на активность хотя бы одного фермента, выделенного из растения, в пробирке.

Химики изучили множество веществ, способных тормозить или совсем останавливать деятельность того или иного фермента (ингибиторы), или, наоборот, его активировать (активаторы).

Однако в живой ткани ферментативные процессы порой так быстро меняются, что трудно представить, чтобы эти активаторы или ингибиторы в нужный момент появлялись, и еще труднее пообразить, как они ухитряются молниеносно исчезать.

И тут на помощь может прийти гипотеза, которую я уже упоминал в эпилоге книги "Вне игры". Чтобы не досаждал читателю биохимическими терминами и понятиями, я предложу последовать за некоторыми наглядными экспериментами.

Возьмем живой срез моркови и опустим его в раствор какого-нибудь фермента, например, амилазы. Активность фермента в растворе учтена заранее, активность амилазы в самом срезе — тоже. Когда срез из раствора будет вынут, окажется, что часть амилазы пропала. Этот и подобные ему опыты проделал в 30-е годы А.Л.Курсанов, ставший впоследствии академиком. Ему удалось показать, что часть ферментов способна приклеиваться (адсорбироваться) на клеточных оболочках и других твердых структурах живой клетки. Если же клетку убить, все прилепившиеся к ней ферменты останутся. В адсорбированном состоянии ферменты теряют свою активность. Однако адсорбция и элюция (освобождение) ферментов — процесс весьма подвижный, и никаких закономерностей Курсанову установить не удалось. Не объяснил он и механизм адсорбции, а в дальнейшем и совсем отказался от этих работ. Ну, а если сам автор признает свои работы ошибочными, то последователям сам Бог велел за ним больше не следовать. Так и заглохло это направление в физиологии на долгие годы.

Сопоставив наблюдения электрофизиологов растений, показавших, что при воздействии гормона в точке роста образуется разность потенциалов, которая, распространяясь по растению, быстро затухает; что клеточные структуры имеют постоянно меняющиеся статические заряды и, наконец, что каждый фермент имеет свой определенный заряд, я высказал гипотезу: быстрая смена активности ферментов связана с их адсорбцией и элюцией от клеточных структур в связи с изменением статических зарядов

на их поверхности. Грубо это можно представить так. Допустим, какой-то участок клеточной оболочки заряжен положительно. Какой-то находящийся поблизости фермент имеет суммарный отрицательный заряд и прилипает к этому участку. Если заряд структуры изменится и станет отрицательным, фермент с таким же зарядом от него оттолкнется.

Однако все гораздо сложнее. В живой клетке имеется множество молекул с разноименными зарядами и, тем не менее, они не обязательно соединяются между собой. Более того, в цепочке белковой молекулы имеются и свободные, и положительные аминные, и отрицательные кислотные группы. Иногда они соединяются между собой, и белковая нить как бы сворачивается в клубок (белок коагулирует). Но это происходит далеко не всегда. Логично предположить, что протоплазма живой клетки пронизана каким-то биологическим полем, наподобие магнитного или электрического. Это-то поле и меняется под воздействием статических зарядов клеточных мембран. С другой стороны, любое изменение этого поля влияет на статические заряды и, в конечном счете, на адсорбцию-элюцию ферментов. Поле одной клетки, разумеется, влияет на соседние, и деятельность ферментативного аппарата органа и всего организма взаимосвязана. Есть сведения о том, что один организм может влиять на соседний, о чем мы еще будем говорить в дальнейшем.

Казалось бы, вопрос ясен, и мы пришли к выводу, что человек с избыточной энергией, исходящей с его пальцев, влияет на биологическое поле пациента, регулируя деятельность его ферментов. Но вот загвоздка. Известно много случаев, когда лечение проводилось на значительном расстоянии индуктора от реципиента. И совсем не укладываются в эту гипотезу случаи, когда в избавлении от недуга помогала усиленная молитва. И не только молитва самого больного (как это случилось с Эдит Мери Бекер, о которой речь впереди), но и молитва другого человека. Тут, конечно, читатель попытается объяснить все самовнушением. Но вот рассказ врача: у ее мужа (тоже врача) перед самым отпуском появилась неприятная болезнь, грозившая испортить весь отдых. Прогноз не предвещал скорого исцеления. И вот уже в автомобиле по дороге на Кейп Код жена усиленно молится святому Экспеди, причем муж о ее молитве не подозревает. Не проходит и часа, как язва зарубцовывается, потом исчезает совсем, и купанию в море больше ничего не мешает. Известно множество случаев, когда усиленная молитва или просто очень сконцентрированное желание одного человека излечивало другого на значительном друг от друга расстоя-

нии. Об этом повествуют жизнеописания многих святых, а в настоящее время в Монреале происходит канонизация недавно умершего брата Андрея, память об исцелениях которого с помощью молитвы еще свежа у жителей провинции Квебек.

”ДУРНОЙ ГЛАЗ” И ”ИСЦЕЛЯЮЩАЯ” МОЛИТВА

Если силой воли или с помощью биологического поля можно лечить людей, то возникает и противоположный вопрос — можно ли так же усилием воли вызвать болезнь или даже смерть другого человека? Испокон веков в народе бытуют выражения вроде ”дурного глаза”, а вера в злых колдунов существовала практически у всех народов.

Если ознакомиться с процессами ”ведьм”, творимыми средневековой инквизицией, то добрая половина обвиняемых признавалась в том, что они вызывали ”порчу скота”, напускали болезни, а то и в колдовском умерщвлении односельчан. Разумеется, под пыткой нетрудно и оговорить себя. Для этого не обязательно окунаться в историю средних веков, достаточно вспомнить процессы вредителей, троцкистов и иностранных шпионов в более близкое нам время, хотя бы только в Советском Союзе.

Поэтому вопрос следует поставить так: может ли сосредоточенная воля, мысленное внушение повлиять на организм другого человека, если при этом не применяются приемы обычного гипноза? Другими словами, если гипнотизер не только не погружает объект гипноза в сон, не применяет к нему словесных внушений, но и находится от него на значительном расстоянии. Отрицать такую возможность так же трудно, как и гипноз вообще.

Еще в XVI веке знаменитый в то время врач Парацельс собрал большой материал по внушению на расстоянии. ”Люди, обладающие такой силой, — писал этот знаменитый швейцарский врач. — могут убивать усилием воли. Мощь их воображения такова, что против нее бессильна любая защита, любая броня. Магическая сила человеческой мысли убивает дух жизни”.

Разумеется, внушение на расстоянии требует от внушающего гораздо большей концентрации воли, чем при гипнозе, сопровождаемом словесным внушением. Мне удавалось словесным внушением вызывать у испытуемого ожог третьей степени, а потом, тоже словесным внушением, его ликвидировать. Однако на расстоянии двух комнат с помощью только мысленного внушения у того же человека удалось вызвать только легкое покраснение кожи. Но я, во первых, не считаю себя ”сильным” гипнотизером и занимался

этим делом в качестве развлечения; во-вторых, я не проходил той специальной подготовки, не тренировал свою психику в определенном направлении, в котором ее тренируют будущие колдуны у примитивных народов или люди, для которых оккультизм и мистика являются главным интересом в жизни. Но тут есть загвоздка: личность, посвятившая себя оккультизму, изолируется от "светского" мира и не очень охотно делится своим опытом с "непосвященными". Те же, кто ставит своей целью поразить "непосвященное общество", часто не пренебрегают различными мистификациями. Но в любом правиле бывают исключения. Одним из таких исключений в конце прошлого века была Анна Кингфорд.

Эта студентка медицинского факультета Парижского университета увлекалась также мистикой. Она была не только убежденной вегетарианкой, но, веря в переселение душ от человека к животным и обратно, не выносила, когда кто-нибудь мучил животных, даже исходя из самых "высоких", то есть, научных целей. В то время ее современники профессора Клод Бернард, Поль Берт и Луи Пастер ставили опыты на животных. Анна Кингфорд поставила перед собой задачу: уничтожить этих "чудовищ" силой своей воли. Ее современник Майтланд, написавший впоследствии об этом книгу, исследовал записи в дневнике Анны и, сопоставляя их с течением болезней (документально зафиксированных) этих профессоров, приходит к выводу, что Бернард и Берт заболели и умерли в результате мысленного внушения Анны. Что же касается Пастера, то он оправился от странных, не распознанных врачами симптомов, полностью совпадающих с теми, которые унесли в могилу и Бернарда, и Берта. Но это случилось после того, как Анна записала в дневнике, что ее силы иссякли.

И все-таки современному европейцу как-то трудно признать реальность того, что его могут убить силой воли или используя магические обряды. А вот примитивные народы уверены в том, что люди, обладающие мистическими силами, могут вызвать не только тяжелое заболевание, но и смерть. В газетах сообщалось об одном юном австралийском аборигене. Во время каникул — мальчик учился в церковной школе для белых и выказывал блестящие интеллектуальные способности — он поехал в родную деревню, и там местный шаман "навел" на него "порчу". Рассказывая впоследствии о своих ощущениях, мальчик вспоминал, как "невидимая змея" обвилась вокруг его ног. Постепенно поднимаясь вверх, она достигла груди, у него перехватило дыхание и он на время потерял сознание. Так это было или нет, сказать трудно. Однако, когда мальчик вернулся после каникул, его постепенно

стал охватывать паралич. Мышцы желудка были стиснуты судорогой. Он почти не мог есть, а вскоре начал испытывать и трудности с дыханием. Ребенка поместили в больницу, где вскоре пришлось его подключить к аппарату "искусственное легкое", ибо сам он дышать уже был не в состоянии. Словом, мальчик умирал. И тут одному из докторов пришла в голову мысль пригласить известного ему католического священника, который обладал опытом изгнания "злых духов". После сеансов, продолжавшихся неделю, аппарат "искусственное легкое" был отключен, а еще через неделю мальчик покинул больницу совершенно здоровым.

Подобное содружество врачей и заклинателей имеет немало аналогов. В Англии широко известен священник англиканской церкви Нейл Смит, викарий церкви Святого Спасителя в Гемпстеле, на севере страны. К нему за консультацией часто обращаются психиатры. Когда-то давно он сам был одержим злым духом и успешно справился с ним с помощью одного из коллег-священников. С тех пор Нейл Смит тысячи раз занимался лечением одержимых, и во многих случаях его поединки с таинственными силами она заканчивались в пользу Добра.. Сам викарий, рассказывая о своей практике изгнания дьявола, уверяет, что не раз видел привидения и даже с ними разговаривал. Снисходительно улыбнемся простодушию о.Смита. Вроде бы, человек образованный, а вот тебе, верит в привидения!

Но ведь Нейл Смит христианин, значит, верит в священное писание и священные предания. А раз так, то он должен верить и в то, что Иисус Христос после воскресения, с одной стороны, мог проходить сквозь стены, а с другой, давал Фоме ощупать свои раны. Допуская возможность последнего, нет никаких оснований отбрасывать возможность первого. И в первом, и во втором случае была (или не была) какая-то субстанция, не подчиняющаяся законам материи, но поддающаяся сенсорным восприятиям. Упрекать священника в том, что он верит в привидения, так же нелепо, как в том, что он верит в Бога.

Объективности ради должен заметить, что разговоры о привидениях и прочих нечистях еще не являются доказательством существования оных. В качестве примера расскажу историю из своего детства. Перед войной мы жили в деревянном домике, занимая комнату в коммунальной квартире. Уборная была во дворе и, в зимнее время особенно, многие соседи пользовались ночными горшками. Соседка, дверь которой была напротив нашей, справедливо решила, что нет смысла держать горшок в комнате, а так как в целях экономии электричества свет по ночам в коридоре не за-

жигался, то она тут им и пользовалась. Примерно в одно и то же время, около часа ночи, я просыпался от характерного звука, легко проникавшего в нашу комнату через плохо пригнанную фанерную дверь.

И вот однажды я с помощью крючка из алюминиевой проволоки прикрепил к ее горшку веревочку, второй конец которой пропустил через нижнюю дверную щель к себе в комнату. Услышав ночью журчанье, я потянул за веревочку, а потом сильно дернул так, чтобы она с разогнувшимся крючком оказалась у меня в комнате... На душераздирающий крик выскочили все соседи. Когда я вышел в коридор, все население квартиры в ночном белье уже было в сборе. Соседка уверяла, что видела черта, не замечая, что стоит босиком в луже, дед Сосков (тот самый, что умер в предсказанный день в бане), подтягивая спадающие кальсоны, вспоминал все известные ему истории, связанные с домовыми и лешими... По поселку и его округе до самой войны ходили рассказы с неопровержимыми доказательствами существования нечистой силы.

Я привел этот эпизод для того, чтобы показать различие между тем случаем, когда человеку может со страху что-то показаться, и когда он действительно видит "призрак". Но видит ли он на самом деле или, как и в первом случае, это является плодом больного воображения?

Эксперимент доктора Шацмана с женщиной по имени Руфь, описание которого мы даем в приложении №4, показал, что у человека, видящего "привидение", функционируют именно зрительные центры головного мозга (равно как и слуховые, когда он слышит то, чего не могут слышать окружающие), а не лобные и теменные участки мозга, где происходят ассоциации. Следовательно, Руфь слышала и видела "привидения", а не воображала, что слышит и видит их.

О ГИПНОЗЕ

В предыдущих главах я несколько раз противопоставлял влияние биополя самовнушению или гипнозу. Такое противопоставление в наше время стало традиционным, поскольку эффект гипноза нашел вполне материалистическое объяснение. Но так ли оно исчерпывающе? Приведу еще один эпизод из своей юности.

Однажды знакомая москвичка спросила меня, не могу ли я загипнотизировать ее соседку по квартире, чтобы она с утра до вечера не брэнчала на пианино. Мы зашли к соседке. Это оказалась студентка Московской Консерватории, занимавшаяся в классе профессора Юдиной.

Лена Зальцман (так звали мою знакомую) представила меня как гипнотизера, специализирующегося на помощи изучающим музыку. В музыке я профан, подобного опыта раньше у меня не было, но отступить было поздно, и я согласился попробовать. Соседка сказала, что ей задали вчера очень трудную пьесу Шумана, к разучиванию которой она еще и не приступала. Погрузив ее в гипнотический сон, я внушил ей, что она слушает эту пьесу в исполнении Юдиной. Когда я по выражению ее лица понял, что она действительно слышит музыку, я предложил:

— А теперь вообразите, что Вы сидите за роялем и вслед за Юдиной надавливаете на эти же самые клавиши с тем же ритмом.

Загипнотизированная студентка стала во сне слегка шевелить пальцами, явно повторяя ритм слышимой ею мелодии. Когда она кончила шевеление (видимо, сыграв пьесу), я сказал:

— А теперь сядьте за пианино и вслед за Юдиной (она Вам сыграет еще раз) играйте. Хорошо запомните мелодию и все движения Ваших пальцев!

Она заиграла, а я в это время говорил:

— А теперь постепенно открывайте глаза. Вы просыпаетесь, но продолжаете играть, продолжаете слышать эту музыку. Когда Вы окончательно проснетесь, эта игра останется у Вас навсегда в памяти, Вы сможете играть эту вещь когда угодно, точно так же хорошо, как играете сейчас. (Действительно ли она играла хорошо, я не имел представления, так как мне "на ухо наступил слон"). А теперь, проснувшись окончательно, Вы ее сыграете снова с начала и до конца.

Когда, сыграв эту пьесу уже в состоянии бодрствования, пианистка обернулась ко мне, лицо ее выражало удивление. Но еще больше ей пришлось удивиться на следующий день, когда Юдина, прослушав урок, с недоумением сказала:

— Вы играли превосходно. Но как Вы сумели перенять манеру исполнения этой вещи, которая свойственна только мне? Ведь я при Вас ее никогда не исполняла?

Разумеется, этот эпизод меня удивил, я его часто в качестве анекдота рассказывал знакомым, но мне и в голову не приходило, что судьба в виде этой студентки подкинула мне возможность провести интереснейшее исследование. Не исключена возможность, что, благодаря внушению ей игры разных музыкантов, мы с ней смогли бы пролить свет на описанные ранее удивительные явления. Ведь этот случай не был уникален. Играть в манере представившегося воображению великого композитора или исполнителя можно и без помощи гипнотизера. В свое время много писалось о твор-

честве Розмари Браун, которая, представляя перед собой уже умерших великих композиторов, сочиняла музыку в свойственной только им манере.

Такой же феномен известен и в области ваяния. Скандал, связанный с Доссена, долго не сходил со страниц газет. В послевоенное время многие музеи мира стали скупать античные скульптуры, которые оказались не только ловкой подделкой, но и следствием перевоплощения Доссена в античного ваятеля.

После этого сеанса гипноза я чувствовал себя совершенно разбитым. Как-то раз мы разговорились о гипнозе с одним психиатром, занимавшимся психотерапией и широко применявшим гипноз. На мой вопрос, как он может систематически гипнотизировать, не выдыхаясь окончательно, он ответил:

— Так я говорю, не напрягаясь. Я, как артист, заучил нужные слова и механически их повторяю. Ведь гипноз основан на Павловском учении об условных рефлексах, а для образования этих рефлексов вовсе не нужны эмоции. — Потом добавил, — Физиологи Павловской школы, а других в СССР практически нет, под гипнозом понимают заторможенность мозговых процессов, которая вызывается отключением органов чувств: зрение фиксируется во время гипноза на каком-то предмете, слух тормозится монотонным счетом и словами внушающего, осязание — проведением пассивных. Однако, в отличие от обычного сна, в сознании загипнотизированного остается "сторожевой центр", настроенный на голос гипнотизера. Загипнотизированный на него реагирует подобно тому, как спящая мать на плач своего ребенка. Через этот центр гипнотизер и передает свои команды, в том числе, и команду вспомнить нечто уже забытое.

Я решил последовать его примеру. Мне удавалось погрузить человека в сон, вызвать каталепсию (человек становится негибким, его можно затылком и пятками положить на две спинки стула), отучить курить. Но обострить интуицию — вызвать способность к ясновидению, возбудить творческий процесс — без напряжения каких-то своих интуитивных или духовных "центров" не удавалось.

Словесное внушение можно передать и с помощью радио (гипнопедия), магнитофона и другой техники, что, казалось бы, подтверждает сказанное этим психиатром. Однако в эту теорию не укладывается такой эксперимент. Уже в Канаде я загипнотизировал одну девушку, плохо говорящую по-русски. Затем попросил присутствующих писать мне в записках пожелания, что бы они хотели, чтобы я внушил гипнотизируемой. Например: встать, сесть,

положить правую руку на голову, вытянуть вперед левую руку и тому подобное. Мы находились на значительном расстоянии друг от друга, я внушал только мысленно, без слов, и она послушно выполняла внушения. Так же удастся заставить под гипнозом описывать не видимые испытуемым картины, а то и описать события, происходящие в сотнях километров от него. О таких своих опытах я уже упоминал в автобиографических набросках.

А недавно, путешествуя по Израилю, наша туристическая группа оказалась в городе Беер-Шива. Путешествие подходило к концу, все устали и запланированный после ужина осмотр города особого энтузиазма не вызвал. Я предложил устроить сеанс гипноза и телепатии. Очень легко поддалась гипнозу гид нашей группы Лариса Герштейн. Она оказалась не только обаятельной личностью (что отметили все за время путешествия), но и хорошей ясновидящей. Когда после импровизированной лекции-концерта (или как еще назвать показ опытов по парапсихологии) группа разошлась по номерам отеля, один из ее членов заявил, что у него украли из тумбочки бумажник. Встал вопрос, вызывать ли полицию. Это было бы, разумеется, неприятно для хозяев отеля. Я снова предложил Ларисе погрузиться в транс и спросил ее о судьбе бумажника. Она уверенно сказала, что бумажник не украден и завтра найдется. Под впечатлением только что проведенного сеанса ей поверили и заявлять о пропаже не стали. Утром бумажник нашелся на полу автобуса.

Итак, теория Павлова не может объяснить все явления, связанные с гипнозом.

И. П. ПАВЛОВ

В тоталитарных странах любят создавать авторитеты. Если из рабочей среды можно просто, ткнув наугад пальцем, выбрать Сталинова или Марию Демченко, то в науке желательно выбрать личность, всемирно известную. Выбор властей пал на И.П.Павлова, лауреата Нобелевской премии, присужденной ему за работы по пищеварению. Вторую половину своей научной жизни он посвятил изучению условных рефлексов. Его-то и сделали знаменем материалистической физиологии. Разумеется, он высказывался по самым различным вопросам, в том числе, и о некоторых психических расстройствах, и о гипнозе. Чаще всего это были абстрактные рассуждения о том, нельзя ли увязать рассматриваемый вопрос с теорией условных рефлексов. Но его мнение считалось безапелляцион-

ным, и ссылка на Павлова была довольно веской гарантией, что научная статья увидит свет. Доходило до курьезов. В годы, когда психоанализ находился под строжайшим запретом, печатались работы, где теория Фрейда выдавалась за теорию Павлова.

Для многих исследователей истории науки И.П.Павлов является загадкой. Его теория условных рефлексов представляется абсолютно материалистической трактовкой мышления. И тем не менее, Павлов был глубоко религиозный человек. Существует мнение, что в его сознании представление о Боге как бы раздваивалось. С одной стороны, Бог — творец Вселенной, с другой — Бог — судья моральных поступков. Первого Павлов начисто отвергал, а во второго верил: ходил в церковь, исповедывался, причащался, замаливал свои грехи. Но попробуем взглянуть на творчество Павлова с другой стороны. Действительно, в его высказываниях об условных рефлексах идеализмом и не пахнет.

Изучение условных рефлексов у разных типов животных, начиная с червей, у которых вообще нет головного мозга, до высокоразвитых млекопитающих, показало, что, хотя у последних рефлекторная деятельность развита гораздо сильнее, но в принципе она имеет одинаковую основу. Чем больше нервных клеток, тем она сложнее, а так как в сером веществе мозга этих клеток больше всего, то существо с головным мозгом способно "запомнить" больше ситуаций и выдать больше (говоря языком кибернетики) единиц информации. Доказательством того, что головной мозг подчиняется только физическим законам, служит создание компьютеров.

Но так ли механистичен был Павлов? Он не мог не знать о работах автора слова "интуиция" Бергсона и, судя по высказываниям некоторых его современников, относился к ним с большим почтением. А Бергсон как раз считал, что мысль и душевные функции не связаны с материальной структурой человеческого тела, так как это является свойством души. Мозг, по его мнению, не что иное, как нечто вроде телефонной станции: его роль сводится к выдаче сообщения или к выяснению его. Вот эту мысль Бергсона блестяще доказал в своих экспериментах Павлов. Душа как нематериальная субстанция не нуждается в каком-либо материальномместилище. А ведь совсем незадолго до этого анатомы пытались найти в теле человека место обитания души. Разумеется, Павлов не говорил об этом прямо, а руководствовался принципом: "Умный и сам догадается". К сожалению, этот принцип действует далеко не всегда. Даже такой блестящий хирург и анатом как профессор Войно-Ясенецкий, он же архиепископ Лука, в книге "Дух, душа и

тело” высказывает предположение, что вместилищем души является сердце, поскольку ”нервная система, и в особенности, мозг, не аппарат чистого представления и познания, а лишь инструменты, предназначенные к действию”.

Теперь-то мы сможем узнать, меняются ли душевные качества у людей, перенесших операцию пересадки сердца!

Еще в студенческие годы, когда слухи о моем увлечении гипнозом дошли до заведующего кафедрой физиологии Тимирязевской академии профессора К.Р.Викторова, тот познакомил меня с учеником Павлова П.К.Анохиным, в то время очень интересовавшимся различными ” таинственными проявлениями психики”. Каково же было мое удивление, когда я узнал, что интерес к этим вопросам Анохин перенял у своего учителя, и что Павлов верил в передачу мыслей на расстоянии и даже в предсказания будущего! От него-то я впервые услышал и о Бергсоне, и об интуиции — слове, которое в то время считалось чуть ли не крамольным.

Итак, подведем итог сказанному в предыдущих главах. Один человек с помощью концентрации в себе какой-то биологической энергии может влиять на организм и физиологическое состояние другого человека. Объяснить это исключительно гипнозом или самовнушением пациента, в том смысле, как понимают сущность гипноза материалисты, трудно. Во-первых, потому, что в некоторых случаях пациент не знает, что над ним ”колдуют”, и внушение тут не при чем, во-вторых, само материалистическое объяснение гипноза не может считаться исчерпывающим, так как в него не укладываются многие факты. Однако, начиная с примитивных народов и кончая представителями высокоразвитых цивилизаций, существует убеждение в том, что кроме материального тела есть еще какая-то нематериальная субстанция — по одним верованиям это — душа, по другим — астральное тело. Это убеждение основано на интуитивном опыте отдельных лиц, передаваемом устно из поколения в поколение у примитивных народов и содержащимся в священных писаниях у более развитых. Для верующего человека священное писание или предание не поддается сомнению. Однако скептик вправе задать вопрос: а где гарантия, что интуитивный опыт отражает реальную действительность? Ведь для доказательства истины необходимо или поставить эксперимент, или собрать и обработать полученные независимо друг от друга данные. Вот если бы можно было экспериментально доказать правильность ситуации...

ОЗАРЕНИЯ В НАУКЕ

Как и в предыдущих главах, прежде, чем обобщать имеющийся материал, я поделюсь своим личным опытом. Так же, как далеко не все сны у меня сбывались наяву, так и далеко не каждая, даже носившая печать вдохновения догадка в науке ощущалась мной как какое-то откровение. Обычные сны быстро забываются и не оставляют ощущения реально пережитого события. "Вещие" не выходят из головы долгое время и не дают покоя, пока не сбудутся. Так же и "откровения" в науке — они незабываемы и создают непередаваемое ощущение приобщения к какой-то тайне. Я опишу два таких ощущения.

В жизни каждого человека есть наиболее памятные даты, а то и моменты. Для меня один из таких моментов наступил 4-го февраля 1949 года примерно в два часа дня по Московскому декретному времени, когда я, стоя за кафедрой, делал доклад на Всесоюзной студенческой конференции сельскохозяйственных, зооветеринарных, лесотехнических и лесохозяйственных ВУЗов страны. Заявленный мною доклад "О поедаемости некоторых растений в горах Алтая" был на уровне средней (если не ниже средней) студенческой научной работы. Сотрудники кафедры луговодства Тимирязевской академии пытались как-то меня поднатаскать перед первым публичным выступлением. Они не слишком на меня надеялись и, сидя в аудитории, явно волновались. Но это волнение перешло у них в испуг, когда я, отложив в сторону проконсультированные заранее конспекты, начал говорить совсем не о том, о чем мы условились. Я должен был зачитать список и показать гербарий собранных на Алтае растений, описать их кормовые достоинства, урожайность зеленой массы. Сообщить (предположительно) о том, какие растения наиболее полезны для животноводства и в каком направлении следует совершенствоваться (если они когда-нибудь будут совершенствоваться) пастбища. В конце доклада я мог сказать о том, что белая чемерица на Алтае, по моим наблюдениям, не ядовита и может также использоваться на корм скоту.

Но когда я взошел на трибуну и услышал жиденские поощрительные аплодисменты, то подумал, как, должно быть, неинтересно будет слушать собравшимся мое сообщение. И тут я сначала почувствовал волнение, на секунду это волнение сменилось чуть ли не паникой, но вдруг меня "прорвало". Я стал неожиданно для самого себя излагать совершенно новую (по крайней мере, для меня) теорию образования алкалоидов, дал довольно логичное объяснение,

почему алкалоиды не образуются именно в Горно-Алтайской чемерице, какие перспективы сулит ее использование в животноводстве Алтая... И вот я вижу, как на лицах моих луговодов испуг сменяется удивлением, а удивление переходит в восхищение. Впрочем, восхищаюсь собой и я сам. Язык продолжает говорить, а в сознании проскальзывает удивление: неужели это я говорю? Неужели это я все сам придумал?

Наверное, подобное чувство, только противоположное, испытывает разошедшийся психопат, начавший материть своего начальника: умом понимает, что эта тирада ему дорого обойдется, что он говорит лишнее, но остановиться уже не в силах. И если в этом случае уместна поговорка: "Язык мой — враг мой", то в происшедшем со мной он оказался другом.

Но вот я кончил, облизнул "своим другом" пересохшие губы и буквально был оглушен громом аплодисментов. На другой день я узнал, что получил на этой конференции первую премию.

С этого момента я почувствовал, что как-то приобщился к науке. И не потому, что меня окрылили аплодисменты (их мне удавалось срывать, и играя на сцене), а потому, что я ощутил в себе какой-то огонек научного откровения. Ведь я не ЗНАЛ, о чем буду говорить, но судя по реакции зала, говорил правильно. А по моим тогдашним представлениям, подобное откровение и должно было считаться признаком ученого. В противном случае его можно считать лишь ремесленником от науки.

Второй случай такой. Я в то время работал над темой "Взаимоотношения паразитических нематод с растением-хозяином". То, что одни растения более, а другие менее устойчивы к заражению их паразитами, было известно давно. А вот причины устойчивости выяснены не были. Да и не только к нематодам. Трудно было найти такую область в биологии, где бы велись столь ожесточенные споры, как иммунитет растений к различным заболеваниям. И это не удивительно: когда появляется убедительная теория, все ее принимают и споры прекращаются. А тут каждый исследователь пытался объяснить иммунитет по-своему, но опираясь на сравнительно хорошо разработанную теорию иммунитета у человека и животных, которая была в свое время отмечена двумя Нобелевскими премиями.

Но беда в том, что эти теории основывались на функции крови (фагоцитоз, преципитация) или на роли нервной и гуморальной систем (теория стрессов). А ведь у растений нет ни той, ни другой системы.

Изучив целый ряд ответных реакций растения на заражение

их нематодами и обнаружив различие этих реакций у устойчивых и восприимчивых растений, я не мог вывести из своих и литературных данных стоящих внимания закономерностей.

Однажды после разговора с научным консультантом, когда он посоветовал: "Публикуйте фактический материал, а обсуждать пусть его будут другие...", я пришел домой, лег на диван и, кажется, задремал. И вдруг я почувствовал — именно почувствовал, а не увидел — себя внутри растительной клетки. С удивительной ясностью ощутил все, что в ней происходит — и процессы клеточного окисления, и взаимоотношения продуктов выделения нематод с молекулами растительной клетки, и то, как клетка реагирует на чужеродные ей вещества. Когда я очнулся от этого видения, мне стало совершенно ясно, что происходит в клетке в ответ на внедрение нематоды, но далеко не ясно, как это все изложить на бумаге, а главное, как доказать, что это соответствует действительности.

И тут мне вспомнился рассказ физиолога растений профессора К.Т.Сухорукова. Он не то в 1936, не то в 1937 году был на съезде физиологов растений в Англии. Там выступил один индус с докладом о фотосинтезе. "То представление, которое мы имеем, говорил он, — ошибочно. Мы считаем, что растение улавливает из воздуха углекислый газ, разлагает его на углерод и кислород, кислород освобождается, а углерод, соединяясь с водой, образует углеводы (отсюда и название). Тем не менее, водород освобождается от воды и соединяется с углекислым газом". Он рисовал формулы реакций, говорил об энергетическом значении водорода воды, но на вопрос, как он это выяснил, каким методом, ответил: "Я ложился под дерево, сосредотачивал внимание на кончике носа и концентрировал свою прану. В результате моя душа сроднилась с душой дерева и дерево открыло мне свою тайну". Нетрудно представить, какова была реакция собравшихся ученых европейцев! Ведь на международном съезде присутствовали не только эмоционально выдержанные англичане.

Но вот прошло около двадцати лет, был разработан метод исследования с помощью "меченых" атомов; и с помощью этого метода было доказано, что фотосинтез осуществляется именно так, как говорил когда-то осмеянный индус.

Не знаю, в каких образах увидел (или почувствовал) этот индус химические реакции, но, видимо, ему так же, как и мне было трудно изложить их понятным для европейца языком.

Чтобы не оказаться в положении этого индуса, я решил

”доказать” увиденное наглядными экспериментами. Через несколько дней это видение как бы ”переварилось” в моем сознании и было представлено в виде гипотезы.

Токсическое вещество — в данном случае, выделения нематоды, ее пищеварительные ферменты — теряет свою токсичность при окислении. Окислителями являются те вещества, которые легко принимают и отдают свободный электрон, то есть, лабильные для окисления и восстановления. Но такие вещества должны все время окисляться и восстанавливаться в процессе клеточного дыхания. Значит, они играют определенную роль в дыхании клетки. Выделения нематод нарушают дыхательный процесс, выхватывая из него какое-то звено, и нарушают цепь передачи энергии от окисляющего вещества до запасания энергии в АТФ. В результате происходит перестройка дыхательного аппарата клетки, часть энергии пропадает в виде тепла (что мне удалось установить с помощью термопар). Но растение имеет запасные, ”аварийные” дыхательные системы, на которые и переключается дыхание пораженных клеток. Все это требует времени и энергетических издержек. Поэтому вред, причиняемый нематодами растению, гораздо больший, чем от насекомых, которые просто откусывают части растений.

Теперь я мог планировать опыты, как шустрый школьник, подгоняющий решение задачи под известный ему ответ. Ведь проверить эту гипотезу можно было или вводя в растения вещества, способные окислять выделения нематод (тогда их воздействие на дыхательные процессы уменьшится или вовсе исчезнет), или, учитывая, что нематоды адаптировались к определенным дыхательным процессам растения — как мы уже говорили, восстановление фермента нематоды необходимо и для питания паразита, — изменить эти процессы. Тогда выделения нематод окажутся в непривычных для них условиях и не вызовут перестройку окислительных процессов растения. Поставленные опыты не только подтвердили эту гипотезу, но и позволили лечить пораженное нематодами растение.

О том, как реагировали на мою работу коллеги, можно судить по выступлению вице-президента Молдавской Академии Наук академика А.А.Спасского на заседании Ученого Совета, на котором проходила защита моей докторской диссертации. Чтобы меня не заподозрили в пародировании языка маститого ученого, привожу факсимиле из стенограммы заседания Ученого Совета.

Председатель.

Я, не как председатель ученого совета, а как специалист-гельминтолог обратил внимание на обстоятельство, что Сергей Георгиевич открывая новое направление, новую страницу в нашей науке, испытывает, естественно, трудности пионера и революционера, поскольку он по-новому ставит вопрос.

До сих пор боролись с гельминтами, тем более с фитогельминтами, карантинами, чтобы не проникали нематоды на новые плантации.

Я наблюдаю за научной деятельностью Сергея Георгиевича, по крайней мере, 17-18 лет. И наблюдал такую картину: вначале его идея не воспринималась или люди воспринимали нервозно. Другие возмущаются, ставят 1000 опытов и не получают результатов, а тут поставил 2-3 опыта на такой то процесс и есть ответ и ответ получается четкий.

Дело в том, что он потратил много времени на анализ и обобщение, сопоставление литературных данных - физиологических, гельминтологических и биохимических. Построена определенная концепция; и дедуктивным методом, он ставил тот или иной опыт на конкретном звене очень сложной цепи взаимодействия нематод с растением и, как правило, выводы проверял равными путями: физиологическими, химическими, иногда чисто агротехническими и получал ожидаемый ответ и по желанию. Хотите, чтобы у вас нематоды развивались в большом количестве, хотите, чтобы не развивались? Будет материал.

Беря в руки эти пробирки и не смотрю на этикетки, а смотрю на корни. Есть галлы - значит контроль, нет галлов - опыт. Я себя проверял и почти всегда совпадает.

Если бы академик Спасский узнал, что при планировании экспериментов я руководствуюсь не анализом и обобщением литературных данных (их практически и не было, разве что те, которые следовало критиковать), и даже не дедуктивным методом, а опираюсь на некое "прозрение", он как ярый материалист решил бы, что его дурачат.

И тем не менее, аналогичным путем было сделано много открытий. Я не говорю о религиозных откровениях, для которых иной путь познания и невозможен, а именно об открытиях, обогативших современную науку.

До сих пор армяне используют алфавит, который был создан монахом Месропом в 401 году при следующих обстоятельствах: потеряв надежду найти подходящий алфавит для армянского языка с его специфическими звуками, он впал сначала в отчаяние, которое сменилось религиозным экстазом. И тут ему привиделась рука, рисующая на стене очертания букв, и услышался голос, произносящий их названия.

Существуют разные мнения о том, как Д. Менделеев открыл периодическую систему элементов. Известно, что он в это время работал над составлением учебного пособия по химии для студентов и сомневался, в каком порядке лучше изложить материал. Дальше мнения расходятся. По одной из версий, которая была напечатана в учебниках химии, Менделеев открыл периодическую систему во сне. Ему приснилась уже готовая таблица, которую он по памяти записал после пробуждения. Существует и другая версия, что он, написав известные ему данные об элементах, раскладывал их в виде пасьянса. Однако в пользу первой версии говорит то обстоятельство, что таблица, которая открывает теперь любой учебник химии, не была должным образом оценена современниками. Менделеев не удостоился ни Нобелевской премии, ни звания академика. Да и сам он, кажется, больше гордился сделанными своими руками чемоданами (даже музей их существует), чем таблицей. Ведь впечатлила она умы после открытия предсказанных в ней элементов, а особую ценность приобрела после того, как была установлена связь места в ней химического элемента со структурой строения атома. А это случилось после смерти автора таблицы. А вот как описывает математик Пуанкаре одно из своих величайших открытий:

"Прибыв в Кутанс, мы сели в омнибус для какой-то прогулки; в момент, когда я встал на подножку, мне пришла в голову идея безо всяких, казалось бы, предшествовавших раздумий с моей стороны, — идея

о том, что преобразования, которые я использовал, чтобы определить автоморфные функции, были тождественны преобразованиям неевклидовой геометрии. Из-за отсутствия времени я ничего не проверил и, едва сев в омнибус, продолжал начатый разговор, но я уже был вполне уверен в правильности сделанного открытия. По возвращении в Кан я на свежую голову и лишь для очистки совести проверил найденный результат”.

Моцарт, описывая свой творческий процесс, указывает, что иногда музыкальное произведение возникало у него в сознании целиком и сразу, после чего он последовательно излагал его в нотах.

До сих пор загадкой для исследователей является творчество Исаака Ньютона. Морган о нем говорил: ”Его догадки были всегда так правильны, будто он знал больше, чем умел доказать”.

”Он менее обычен, более экстраординарен, чем представление о нем, сложившееся в девятнадцатом веке...”

Начиная с восемнадцатого века Ньютона стали трактовать как первого великого ученого Новой эры, рационалиста, как того, кто научил нас мыслить рас­судочно. Я не вижу его в таком освещении... Ньютон не был первым представителем эры разума, он был последним представителем халдейской магии, последним великим умом, который видел внешний и внутренний мир теми же глазами, как и те, кто начал за­кладывать наши интеллектуальные ценности десять тысяч лет назад”. (Кейне)

В. Тростников в книге ”Мысли перед рассветом” резюмирует:

Все, кто изучал Ньютона, отмечают, что особенности устройства мира были открыты ему как бы непосредственно, будто он подглядел план творения, и это представляется им необъяснимым и шокирующим. Они с удовольствием нашли бы какое-нибудь ”рациональное ” объяснение феноменальной интуиции Ньютона, но такого объяснения нет,

Во всяком случае, все биографы Ньютона сходятся на том, что ни одно из его открытий не могло быть ни результатом эксперимента, ни сопоставлением в уме имеющихся данных.

Итак, мы видим, что в ряде случаев и в науке, и в искусстве сначала открывается что-то вроде озарения, а потом автор ”доводит его до ума”, то есть излагает понятным для окружающих

(часто и для себя) языком.

Таким образом создается теория, которая подтверждается в дальнейшем поставленными на ее основе экспериментами. Если эти эксперименты подтверждают теорию, то они подтверждают и сам факт озарения, другими словами, реальность интуитивного опыта.

Но "скептик" выше упомянул, что для доказательства существования нематериальной субстанции желательно иметь собранные и обработанные данные, которые были получены независимо друг от друга. Попутно напомним, что для доказательства истины, кроме научных методов, существует историко-юридический, основанный на сопоставлении свидетельских показаний.

"ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ЖИЗНИ"

Так называется книга доктора Муди, психиатра и доктора философии, собравшего более ста пятидесяти интервью у людей, возвращенных к жизни после клинической смерти, которые должны были умереть в результате несчастного случая или тяжелой болезни, а также родственников, присутствовавших в момент их смерти.

Хотя большинство рассказчиков говорило, что передать словами их ощущения очень трудно ("Я была в каком-то четвертом измерении"), все же Муди удалось воссоздать схему, по которой строилось большинство рассказов.

"Человек на грани смерти. Он слышит голос врача, который объявляет, что он мертв. Он начинает слышать неприятный шум, какое-то шипение, и в то же время чувствует, что он бежит по длинному черному туннелю. Внезапно он оказывается вне своего материального тела, как бы над ним и наблюдает реанимационные мероприятия.

После нескольких мгновений смятения, когда странность ситуации мгновенно фиксируется, человек замечает, что его новая форма — это нематериальное тело, которое слышит и видит, но само невидимо и неслышимо. Вскоре появляются другие подобные ему существа. Умершие ранее родные и друзья окружают вновь прибывшего, в то время как возникает теплый и лучистый свет и перед умершим прокручивается фильм его жизни.

В этот момент человек оказывается на границе жизни и смерти. Его желание переступить этот барьер

вытесняется мыслями о незаконченном деле, об оставленных детях. Он возвращается к жизни.

Позднее, с трудом подбирая слова, он пробует рассказать о пережитом им опыте. Но наталкивается на шутки и неверие окружающих. В то же время вся его жизнь изменяется. Как правило, смерть его более не страшит”.

Интересно, что люди, опрошенные доктором Муди, так же, как и врачом-психиатром Элизабет Кублер-Росс, не могли ничего знать друг о друге. Весьма возможно, что они фантазировали или передавали содержание своих галлюцинаций, вызванных морфием. Удивительно, что их фантазии довольно близко совпадали.

Вот некоторые сообщения:

”Врачи пытались меня оживить, но я хотел им помешать, сказать, чтобы меня оставили в покое. Но они меня не слышали и не чувствовали моих усилий, когда я пытался схватить их за руки”.

”Я неслышно поднялась в воздух и, проплывая недалеко от люстры, могла без труда изучать ее, и остановилась точно под потолком. Я видела врачей, пытающихся вернуть меня к жизни. Медсестра сказала: ”Боже, она мертва!” Другая наклонилась над моим телом, чтобы сделать искусственное дыхание. Я до сих пор помню ее затылок и коротко остриженную головку. Потом врачи прибегли к электрошоку, и я увидела свое тело, сжатое со всех сторон, что мне показалось ужасным. ”Зачем они так стараются? — думала я, — я себя прекрасно чувствую...”.

... После полудня, сиделка, почувствовав, что я умираю, бросилась из комнаты, чтобы позвать на помощь. В это время я оказалась вне своего тела. Я могла его отчетливо видеть и заметила, что мое лицо бледно. В то же время я себя чувствовала прекрасно, необычайно спокойно. Я видела врачей, пытающихся оживить меня. Я отчетливо слышала все, что они говорили, и помню шутку, которую отпустил один из них, пытаюсь разрядить атмосферу.

Мне хотелось их успокоить, сказать, что все в порядке. Но мое тело не подавало никаких признаков

жизни: ни дыхания, ни кровяного давления. Была констатирована моя смерть, и я вернулась в свое тело только тремя часами позже. Мозговое повреждение не было зарегистрировано”.

”Я видел себя плоским, как на фотографии или в зеркале. Вдруг я увидел себя полностью, в трех измерениях, на расстоянии двух метров. Мне понадобилось время, чтобы узнать себя”.

”Я ничего не понимал. Я увидел свое собственное тело в кровати. Было грустно видеть его таким жалким”.

”Мое тело было уже серым трупом”. ”Я испытал некое отвращение, я не хотел находиться в одной комнате с трупом, со своим собственным”.

Некоторые интервьюированные говорят, что в их сознании пронеслась, как в кинофильме, вся жизнь.

После публикации статьи Кублер-Росс и книги доктора Муди авторам посыпалось много писем с рассказами об ощущениях во время клинической смерти. Почти все они начинались или заканчивались фразой вроде: ”Я не думал, что другие тоже прошли через это. Теперь я знаю, что не сошел с ума”.

А вот фрагменты из рассказа К.Икскуля, опубликованного задолго до книги Муди в издании Троицко-Сергиевской Лавры в 1916 году.

После того, как Икскуль услышал слово доктора ”Агония”, он ощутил какую-то тяжесть, потом как бы вырвался из этой силы тяжести и почувствовал себя легко. Впрочем, передаю ему слово:

„ Меня удивила эта группа: на том месте, где стояла она, была койка. Что же теперь там привлекало внимание этих людей, на что смотрели они, когда меня уже там не было, когда я стоял посреди комнаты?

Я подвинулся и глянул туда, куда глядели все они:

Там на койке лежал я.

Не помню, чтобы я испытывал что-нибудь похожее на страх при виде своего двойника; меня охватило только недоумение: как же это? Я чувствую себя здесь, между тем и там тоже я.

Я оглянулся на себя, стоящего посреди комнаты. Да, это несомненно был я, такой же, каким я знал себя.

Я захотел осязать себя, взять правую руку за левую; моя рука прошла насквозь; попробовал охва-

тить себя за талию — рука снова прошла через корпус, как по пустому пространству.

Пораженный таким странным явлением, я хотел, чтобы мне со стороны помогли разобраться в нем и, сделав несколько шагов, протянул руку, желая дотронуться до плеча доктора, но почувствовал, что иду я как-то странно, не ощущая прикосновения к полу, и рука моя, как ни стараюсь я, все никак не может достигнуть фигуры доктора, всего, может быть какой-нибудь вершок-два остается пространства, а дотронуться до него не могу.

Я сделал усилие твердо встать на пол, но, хотя корпус мой повиновался моим усилиям и опускался вниз, а достигнуть пола, так же, как фигуры доктора!

Далее Иксуль описывает полет, ангелов, бесов, но для меня самое интересное, что после его возвращения из летаргического сна врачи с удивлением подтвердили, что их действия во время его клинической смерти точно совпадали с тем, что видел "покойник".

Еще интересней тот факт, что некоторые "умершие" говорили не только о том, что было в помещении реанимации (это, разумеется, из более поздних рассказов), но и то, кто что сказал или сделал в соседних комнатах, что лежавший на смертном одре, даже если бы был в это время жив, ни увидеть, ни услышать не смог бы. Правда, были люди (и, возможно, их большинство), которые ничего не помнят и не могут рассказать, хотя и находились в состоянии клинической смерти. Но зато те, кто сохранил память о "потустороннем мире", по мнению и Муди, и Кюблер-Росс, совершенно не боятся умереть вторично. Правда, Муди упоминает об очень неприятных ощущениях возвращенного к жизни самоубийцы.

И еще интересная деталь: люди, ранее лишившиеся руки или ноги, во время клинической смерти ощущали себя со всеми конечностями.

Недавно вышла еще одна книга "Воспоминания о смерти. Медицинские исследования" доктора Мишеля Сабома. В ней не только описываются воспоминания умерших, но приводятся и некоторые эксперименты. Например, опрашиваемому часто трудно бывает описать словами свое состояние. Сабом предлагал ему рисунки, сделанные или по рассказам ранее опрошенных, или выполненные художниками-мистиками. Разумеется, каждый раз предлагалось несколько картинок, где специфические детали, увиденные ранее умершим, изображались только на одной. И вновь опрашиваемые указывали именно на эту картинку. Например, "пролетающие через туннель" дружно уверяли, что ощущали его

таким, как он был изображен еще в XV1 веке художником Иеронимом Босхом. Интересно, что впечатление о том, что они выходят из телесной оболочки после клинической смерти, были как у верящих в загробную жизнь, так и у атеистов. Впрочем, все атеисты после случившихся с ними переживаний становились верующими. Но обобщение именно их опыта, с моей точки зрения, наиболее ценно для признания самого факта наличия нематериальной субстанции нашего тела.

ХОСПИС

В связи с упоминанием имени Кюблер-Росс, я расскажу о побойпытной конференции. В ноябре 1980 года я оказался в Монреале, когда там проходил второй международный семинар по уходу за умирающими. Ожидался приезд двухсот пятидесяти гостей из самых различных стран и континентов, однако приехало их втрое больше — семьсот пятьдесят.

Интерес к этой проблеме возбудила швейцарский врач Элизабет Кублер-Росс, написавшая книгу о смерти и умирании. В книге высказывались идеи, как важно для умирающих сознание, что жизнь не прошла зря и что они успели в последние дни что-то доделать, с кем-то помириться, что-то продумать и уяснить...

Реальное воплощение идей Кублер-Росс осуществила англичанка Сесили Сондерс, которая открыла в Лондоне Хоспис. Хоспис — это слово, взятое из древнего английского языка, означает что-то среднее между приютом, богадельней и госпиталем, где, по старой традиции, больше заботились о душе, нежели о теле пациента. В хоспис принимаются лица в такой стадии болезни, когда ясно, что активное лечение их уже безнадежно. Это госпиталь, ультраспециализированный в лечении побочных явлений болезни. Тут активно лечат боль, кашель, нарушения дыхания, деятельности кишечника — все те симптомы, которые доставляют неприятности пациентам.

Одна из философских основ всего персонала заключается в том, что смерть — это естественный конец жизни, что рано или поздно "все там будем", и что человек, выполнивший свой долг, свои желания, закончивший свои земные дела, переходит в следующий, кстати, неизбежный, этап бытия. Этот подход они и стараются передать пациентам хосписа.

К сожалению, чаще всего люди умирают, не находясь в таком благодушном состоянии. И об этом как раз говорилось на семинаре. Причины, чаще всего, бывают следующие.

1) Боль и страх перед болью. По мало понятным причинам

врачи воздерживаются давать умирающим тяжелобольным обезболивающие препараты в достаточных дозах, опасаясь, что пациент привыкнет к наркотику. Это умирающий-то?! Поэтому подобные лекарства дают ему только тогда, когда терпеть боль ему уже не вмоготу. Но сама боль создает еще и страх перед болью. А страх тоже требует успокоения наркотиками.

В Монреале в госпитале Роял Виктория при университете МакГилл, где также открыто отделение для умирающих пациентов, проводились специальные опыты. Прежде всего была разработана шкала для определения степени боли. А потом исследовались различные методы, как эту боль предотвратить. Оказалось, что эффективность болеутоляющих веществ во много раз выше, если больной находится в благоприятных душевных условиях. Отсюда и большая роль гипноза в создании чувства душевного спокойствия, которое и нарушается чаще всего болью. Поэтому всем (или почти всем) пациентам хосписа дают коктейль, состоящий из набора болеутоляющих веществ, веществ, повышающих общий тонус и просветляющих рассудок. И тут оказалось неожиданным, что потребность в этом коктейле у больных не увеличивалась, а падала. Ведь приподнятое настроение и жизненный тонус меньше нуждаются в допингах, чем угнетенное состояние.

2) Вторая причина, усложняющая смерть, заключается в том, что человека угнетает, если он не может выполнять каких-то функций своего тела самостоятельно. И тут большую роль играет обслуживающий персонал. Всем своим видом няни показывают, что в том, что больной пользуется "судном" или "уткой", нет ничего особенного, что тело человека — лишь оболочка, которая может со временем выходить из строя, что главное — его дух, душа и т.п.

И, в-третьих, человеку очень трудно бывает примириться с утратой жизненных привычек — работы, увлечений, семьи. Поэтому очень важно заинтересовать умирающего пациента чем-то для него новым, направить на религиозные размышления, предложить поделиться его жизненным опытом — писать или диктовать мемуары, или создать вокруг него атмосферу любви и спокойствия. Когда умирающий видит вокруг себя членов семьи, с которыми он, конечно, не раз ссорился, но которые сейчас, сидя возле его кровати, не причитают, а просто выражают свою любовь, понимание и сочувствие умирающему, то у него часто появляется на лице выражение блаженства.

Правда, работа с умирающими требует напряжения всех душевных сил как от персонала хосписа, так и от близких умирающему людей. С ними также ведется работа, но об этом я скажу потом.

Вернемся к умирающему. Узнав о неизлечимой болезни, он проходит несколько фаз ее восприятия. Сначала появляется мысль: "А может, это ошибка?". Потом надежда: "Авось, все пройдет". Тут в сознании больного обычно появляется торговля с Богом, с судьбой: "Вот если я выживу, то не буду делать того-то, буду хорошим с тем-то". Наконец, приходит мысль: "Да, я скоро умру. Неважно, сколько времени я еще проживу, важно — как я проживу это время". И тут-то проявляется талант врачей хосписа, чтобы вселить в умирающего веру в то, что последние его дни могут быть очень содержательны.

На вопрос к доктору Сондерс, как ей удастся передавать свою веру окружающим, она с высоты своего очень высокого роста ответила:

— Это не я, это — дух святой.

Ее девиз — "жить до смерти" — подразумевает жить полностью до смерти.

Особо был поднят вопрос о смерти и детях. Нужно ли приучать детей к идее о смерти. Оказывается — да, нужно. Ведь когда малышу говорят про умершую бабушку, что та "уснула", а малыш видит, что бабушка, по крайней мере, из его жизни ушла, он часто начинает бояться засыпать — как бы тоже не уйти из жизни. Опыты показали, что дети гораздо более наблюдательны и сообразительны, чем об этом думают взрослые. Когда-то было принято не посвящать детей в тайну рождения. Однако сказки об аистах, версия "купили на базаре" и прочее ни к чему хорошему не привели, и сейчас детей принято посвящать в тайну деторождения раньше, чем они об этом узнают на улице.

А вот насчет смерти в этом отношении мнения расходятся.

Родители одного мальчика, больного лейкемией, настаивали на том, чтобы ему не говорили о неизбежности его скорой смерти. Врачи обязаны были выполнять волю родителей. И только, когда у ребенка наступила предсмертная агония, причем сознание оставалось совершенно ясным, врач спросил:

— А если б тебе сказали, что ты скоро умрешь, что бы ты хотел сделать?

Мальчик ответил:

— Теперь слишком поздно. Я все равно не успею. — Заплакал и умер...

Доклады прерывались показами диапозитивов, и на это время в зале гасили свет. Когда же свет неожиданно включали, то можно было видеть, как чуть ли не половина присутствующих пытается незаметно (или заметно) вытереть глаза от слез.

Но были и жизнерадостные сцены. На каталке подъехала к микрофону пожилая дама с большим кровоподтеком на шее. Она очень бодро и весело говорила и отвечала на вопросы. Она была увлечена идеей о психологическом состоянии умирающих, очень реалистично излагала их эмоции, делала выводы, в общем, произвела на слушателей благоприятное впечатление и вызвала то, что называется "оживление в зале". Потом выяснилось, это — пациентка хосписа, больна раком, который дал метастазы по всему телу, и единственное отверстие, через которое ее еще можно кормить и вводить ей лекарства, — это канюля, вставленная в шейную вену (отсюда и синяк на шее).

То, что вопросы умирания освещались не только "снаружи" — врачами, но, так сказать, и "изнутри", самими пациентами, открыло много дополнительных деталей, например, помощь музыки в обретении душевного спокойствия. У умирающего восприятие ритма и мелодии гораздо чувствительнее, чем в повседневной жизни. Музыка помогает ему самовыразиться, найти себя. Одни мелодии доставляют больному наслаждение, другие неприятны. И вот по выбору той или иной музыки больным врач может судить о психическом складе и состоянии больного и предлагать ему тот или иной путь деятельности.

Но не только об умирающих шла речь на симпозиуме. Работа и даже общение с умирающим требуют большой психической нагрузки. Прежде всего, у окружающих появляется "синдром выживших", синдром виновности. Оказывается, почти у каждого где-то в душе звучит подленькая струнка: "А хорошо, что умирает он, а не я". Но так как умирает-то близкий, иногда любимый человек, то звук этой струнки больно резонирует по душе в дальнейшем.

Во-вторых, общение с умирающим, постоянное проявление к нему любви, игнорирование его капризов, а иногда и оскорблений, требуют колоссального напряжения душевных сил. Поэтому в хосписах персонал постоянно поддерживает друг друга, проводит между собой что-то вроде сеансов психотерапии. Все чувствуют между собой круговую моральную поддержку и эту же поддержку оказывают семьям умирающих и умерших. Работа в хосписах очень нелегкая и часто люди там долго не задерживаются. Однако в некоторых из них существует удивительная стабильность кадров. Обслуживающий персонал представляет собой единое целое — вроде семьи. И объединяют этих людей Вера, Надежда и Любовь. Вера в то, что они делают нужное дело, надежда на то, что они могут облегчить страдания умирающих и любовь как к каждому умирающему в отдельности, так и к человечеству в целом.

Не случайно в результате естественного отбора в хосписах задерживаются, в основном, верующие в Бога, ~~где~~ любовь провозглашается высшим идеалом.

Данный симпозиум показал еще раз, как в наш век прагматизма и идеализма воскрешаются на научной основе старые забытые традиции. Ведь акт смерти был священным почти во всех существовавших религиях. К нему готовились, его обставляли торжественно. И смерти не боялись.

В наше время, если вы будете проезжать по Америке в ноябре месяце, в канун праздника Хэлловин или после, то увидите такую картину: в окнах стоят черепа, на подъездах висят искусственные скелеты или фигуры, имитирующие повешенных. Что это, как не желание заглушить страх перед смертью шутовским ее восприятием?

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ДУШ

Однажды я попал на лекцию, которую читал в Монреале профессор Жан Луи Виктор из Франции. Он является прямым продолжателем работ группы, организованной в 20-х годах нашего столетия во Франции для научного изучения различных таинственных явлений — телепатии, автоматического письма, ясновидения, медиумов... Группу эту организовали несколько лауреатов Нобелевской премии тех лет во главе с медиком Шарлем Рише.

Вот на экране появляются рисунки, сделанные в трансе архитектором Пьером Малюк. Он бритвой чертит по бумаге. Но если эту бумагу посмотреть на свет, получаются изумительные рисунки, словно скопированные с древних индийских орнаментов. Ни одного лишнего штриха!

Допустим, архитектор мог читать где-нибудь об индийской архитектуре, видеть репродукции орнаментов и потом подсознательно их воспроизвести.

Но вот неграмотный шахтер Огюст Лесаж. В 35 лет он вдруг почувствовал зуд к рисованию, стал слышать голоса, требовавшие, чтобы он сменил кайло шахтера на кисть художника. И на больших полотнах он изображает сцены из древнеегипетской жизни, причем рисует в стиле древних египтян. Однажды он слышит голос, что окажется в собственной могиле в Египте. Какая-то меценатка, познакомившись с рисунками Огюста, уловила их сходство с рисунками древнеегипетского художника Ману, чьими картинами украшена его же могила в Египте. Эта женщина предлагает Огюсту Лесажу посетить с ней могилу Ману. На экране возникают картины Ману и картины Лесажа. Сходство потрясающее.

Следует оговориться, что потрясло меня сходство картин, а не сам факт их написания. К тому времени я уже знал, что подоб-

ные явления не уникальны. Чаще всего их связывают с возможностью переселения душ от ранее умершего человека к родившемуся после его смерти. Мне было известно о существовании работ доктора Йэна Стивенсона, где он описывает ряд удивительных случаев, происшедших преимущественно в Индии и рассказанных детьми.

Но иногда с помощью гипноза можно и взрослого человека заставить вспомнить свою прошлую жизнь. Так, по крайней мере, утверждает доктор Хелен Уомбах в своих книгах "Переживая прошлые жизни" и "Жизнь до жизни" (5). Д-р Йен Стивенсон описывает также опыт, проведенный в 1974 году с филадельфийским врачом Херлодом Джонсоном (6), а Мори Бернстейн написал книгу о своих опытах с Рут Симмонс, которую он с помощью гипноза возвращал к предыдущей жизни (7).

Но вернемся к лекции профессора Виктора. На вопрос лектору, верит ли он в переселение душ, Виктор ответил уклончиво:

— Существует три точки зрения на смерть. Материалистическая, считающая, что организм состоит только из атомов и молекул и после смерти распадается на молекулы и атомы, из которых он состоял;

религиозная — считающая, что Бог дает человеку душу и после смерти забирает ее себе обратно;

наконец, взгляд на то, что души могут перевоплощаться из одной плоти в другую. Кстати, — заметил Виктор, — до IУ века христианство признавало перевоплощение душ. Но император Веспасиан заметил, что люди, верующие в переселение душ, не имеют страха перед смертью, следовательно, ими труднее управлять. В результате, он добился того, что христианство отвергло идею о переселении душ.

Приведя аргументы "за" и "против" каждой из этих точек зрения, профессор Виктор дал понять, что он не является принципиальным противником идеи о "перевоплощении" души. Вопрос только в том, что понимать под "душой".

Приведенные сведения вряд ли переубедят закоренелого скептика, но непредубежденный читатель вслед за мной, скорее всего, решит, что "в этом что-то есть". Слишком уж много людей, дающих и собирающих совершенно бескорыстно информацию, для мистификации; слишком много совпадающих сведений, чтобы это выглядело случайными совпадениями; и если он так решит, тогда вряд ли у него останутся основания не доверять шаманам, которые прямо говорят о своем ощущении во время транса. Более того, вся их тренировка сводится к тому, чтобы научиться "отделять дух от тела". Если им это практически удастся, если "увиденное их духом" находит подтверждение со стороны большого числа

людей, то не является ли это доказательством второго, нематериального бытия?

В конце прошлого столетия Станислав Пшебушевский взял на себя довольно трудоемкую работу. Он проанализировал материалы средневековой инквизиции по обвинениям ведьм. Сопоставляя их показания, Пшебушевский в книге "Дети Сатаны" приходит к выводу, что "ведьмы" действительно ощущали себя в состоянии полета, направляясь на "шабаш". Более того, состав мазей, которыми они натирались, должен был влиять на психику подобно ЛСД или некоторым наркотикам, вызывая галлюцинации. Возможно, тут есть аналогия с корнем "слез луны", который применялся описанным мною шаманом. Можно допустить, что большинство ведьм себя оговорило, не выдержав пыток. Однако, изучая материалы следствий, Пшебушевский не обнаружил со стороны инквизиторов "наводящих" вопросов. В отличие от советского НКВД инквизиция не выполняла плана по вылавливанию и уничтожению определенного числа ведьм или еретиков, поэтому ей не было надобности создавать дутые процессы с заранее разработанным сценарием.

В принципе средневековые ведьмы имели с шаманами очень сходные представления о душе и о возможностях творить то, что и у тех, и у других носило общее понятие — колдовство. И те, и другие считали, что могут предсказывать будущее. Разница заключалась лишь в том, что шаманы верили в языческих богов, ведьмы поклонялись Сатане. Последнее было, скорее всего, негативной реакцией на тоталитаризм средневековой католической церкви, подавлявшей проявления личной индивидуальности.

Отметим для себя такие обстоятельства:

1) Большинство случаев телепатии связано со смертью близкого человека. В этой связи стоит напомнить об опубликованных работах С.А.Сперанского. Он показал, что белые мыши, находясь в общих клетках, сильно "привязываются" друг к другу. Во время убийства одной из мышей даже за пределами здания вивария у ее подруг (именно у тех, с которыми у забитой мыши наблюдалась эмоциональная связь) возникает выраженная реакция со стороны надпочечников (патогенетический механизм стресса) в момент смерти убиваемой.

2) Шаманы или колдуньи уверяют, что во время ясновидения они (то есть, НЕЧТО, связанное с ними и способное видеть или ощущать отдаленные в пространстве события) отделяются от собственного тела.

3) Такое же ощущение испытывали многие лица, оказав-

шиеся в состоянии клинической смерти.

Я спросил Дороти Аллисон, не испытывает ли она во время транса ощущение полета или как бы раздвоения личности, отделения души от тела. Она ответила уклончиво. Часто видения сопровождаются очень неприятным ощущением, но ее больше интересует то, что она увидит, а не копание в себе. И все же она согласилась с тем, что иногда ощущала себя в полете.

ОТКРОВЕНИЯ

Джозеф Кемпбелл выпустил альбом рисунков народов, живших на разных континентах, в разные исторические эпохи, и не имевших между собой никаких этнических и, тем более, культурных связей. Оказалось, что в искусстве каждого народа был определенный цикл восприятия божественного. Разумеется, у разных народов ступени этих циклов не совпадали во времени, но удивительно походили друг на друга. Кемпбелл объясняет это интуитивным восприятием Бога. Причем откровения приходили к представителям различных цивилизаций в определенной последовательности.

Ничто так не насыщено откровениями, как религиозная литература. Отношение к ним может быть разное. Скептики считают, что даже те откровения, которые предсказывали грядущие события, вроде Всемирного потопа или прихода Мессии, не достоверны, так как об их свершениях мы находим сведения в тех же священных писаниях, которые они подвергают сомнению. Религиозные фанатики верят каждому слову писания без какого бы то ни было критического анализа. Один верующий и весьма образованный человек мне сказал: "Если бы в Писании было сказано, что не кит проглотил Иону, а Иона кита, я бы все равно должен был бы верить. Иначе я не был бы верующим".

Однако большинство читателей священных писаний относится к ним более или менее критично. Веря в одни пророчества, они находят явную несуразицу в других.

Но отвлечемся от религиозной литературы и обратимся к обычной. Если мы прочтем в описании циркового номера, что лошадь встала на колени, нас это не удивит. Но в зоотехнической литературе это звучало бы явной нелепостью: у всех животных коленный сустав находится на задней (или нижней) конечности, а у лошади расположен под самым брюхом, и встать на него она никак не может. В поэзии или рассказе мы воспримем выражение "Красное солнце поднялось над горизонтом. Сегодня оно было больше, чем обычно". Но представьте это в дипломной работе студента-

астронома! А как быть, если такое выражение допустил Улумбек, который был одновременно и астрономом, и поэтом?

Священные писания писались, переводились на разные языки и переписывались разными людьми. Одни могли писать протокольным стилем, другие придавать им художественные образы. И вот большой знаток древних языков профессор Свято-Владимирской духовной семинарии Тарази поставил перед собой задачу — сопоставляя стиль изложения книг Ветхого завета, выявить и отделить прямое описание событий от метафор. После такой обработки многие события, которые раньше казались художественным вымыслом, приобрели реальную окраску. Многие пророчества, подвергавшиеся сомнению, стали выглядеть вполне реально. Человеку, развитие которого проходило вне церкви и религии, переключиться на изучение религиозной литературы не так-то просто. Мне, например, пришлось хоть и "бегом", но пробежаться по разным религиозным направлениям, о чем я и расскажу в следующих главах.

ОТНОШЕНИЯ С БОГОМ

Живя в Советском Союзе, я оказался "вне игры" потому, что окружающая среда не соответствовала тому представлению о Родине, которое, вольно или невольно, передавали мне родители. Но вот, оказавшись за границей, я встретился с родственниками и другими представителями "первой волны" эмиграции. Казалось бы, настало время почувствовать себя в своей среде. Но, несмотря на радушный прием, где-то в глубине души и тут я стал ощущать себя "отрезанным ломтем". Пытаясь разобраться в себе, я пришел к выводу, что отличаюсь от этих людей отсутствием религиозности. Ведь от идеалов, которым служило русское дворянство, — Бог, царь и отечество — у них реально осталось только первое.

Я не думаю, что мой агностицизм связан с интенсивной антирелигиозной пропагандой, которой подвергаются все дети Советского Союза с первого класса школы или даже с детских садов. Скорее, наоборот, из чувства протеста я мог бы начать посещать церковь и стать со временем верующим. Пожалуй, основную роль в моем отношении к Богу играла та духовная атмосфера, которая существовала в нашей семье. Крестили меня по инициативе бабушки Лали, маминой мамы, которая и была моей крестной матерью. Однако, дать мне религиозного воспитания она не смогла, да и сама, видимо, охладела к церкви. Скорее всего, охлаждение многих интеллигентных людей к вере на рубеже XX столетия связано с тем, что Русская православная церковь акцентировала внимание на обрядной части за счет духовности. Если в провинции или в де-

ревне можно было предположить, что культурный уровень священнослужителей не поспевал за уровнем прихожан, то этим нельзя объяснить недостатки духовного воспитания в аристократических семьях, включая и царскую семью (см. воспоминания Великого Князя Александра Михайловича). А при Советской власти и вовсе большинство церквей превратилось в подобие зрелищных предприятий. Для нас, молодежи, более впечатляющими казались клубные представления, особенно с участием фокусников. А фокусники в то время занимались "по совместительству" антирелигиозной пропагандой. Начиная с "детских" химических фокусов превращения воды в вино и обратно — вина в воду, создания "нерукотворного лика" Христа на полотенце и кончая довольно сложными профессиональными трюками с вознесением Христа и растворением его в облаке пара, все сопровождалось поучительными замечаниями: "Так создавался миф о чудесах, творимых Христом".

Был и такой случай. Не то в первом, не то во втором классе учительница пустила по классу лист с предложением написать на нем свою фамилию. Это было своеобразное заявление о вступлении в "Союз воинствующих безбожников". Все, кроме меня, его подписали. Я же заявил, что верю в Бога. Это была, пожалуй, моя первая ложь по принципиальному вопросу. Верой я не отличался. Скорее сказалось нежелание поддаться инерции массы или просто желание соригинальничать.

На следующий день все "воинствующие безбожники" принесли свои нательные кресты. В классе сидел представитель Торгсина и деловито сортировал их на три кучки: золото, серебро и "цветметалл". Я же сохранил свой нательный золотой крестик до сегодняшнего дня.

Как я уже говорил, в младенческом возрасте меня окрестили в православную веру, и так как поводов, чтобы выйти из нее, не было, я до сих пор числюсь христианином. Так я и назвался, заполняя анкету в одном из эмигрантских бюрократических учреждений после выезда из СССР. Смутил меня перевод слова "православие" как "ортодокс". Ортодоксами мы в лагерях и тюрьмах называли твердокаменных (или твердолобых) коммунистов, не желающих расстаться с идеалами ушедшей молодости.

Чиновник, заполнявший анкету, сообщил адрес православной церкви, куда я не очень спешил попасть — и без нее новых впечатлений было достаточно. Но тут я вспомнил, что провожавший меня церковный писатель Краснов-Левитин просил передать от него сообщение епископу Иоанну Шаховскому, живущему в Сан-Франциско. Не зная, удастся ли мне побывать в этом городе, я решил

сходить в церковь и попросить тамошнее духовенство передать это сообщение. Служба уже кончилась, мне сказали, что священник с владыкой трапезничают, но они могут меня принять.

За столом ближе ко мне сидел толстый, покрасневшийся от жары и выпитой водки мужчина. Когда я подошел, чтобы поздороваться, он неожиданно сунул мне чуть ли не в нос громадный волосатый кулак. Я слегка отпрянул, но потом, увидев у него на груди панагию, сообразил, что это епископ, что он меня, видимо, благословил и сует мне руку для поцелуя. Сделав вид, что не понял этого жеста, и изложив просьбу знакомого, я удалился.

Второй инцидент с духовенством произошел уже в Америке. Меня познакомили со священником в частном доме. Поскольку это был человек в летах, мне было неудобно называть его по имени и я спросил, как его отчество. Выяснив, что я православный, он менторским тоном заявил, что я должен (или обязан, не помню), называть его отец такой-то. Я сказал, что слово "отец" имеет для меня больше, чем профессиональное, значение (а на священнослужительство я смотрю как на профессию), что далеко не все отчимы заслуживают того, чтобы пасынки называли их отцами. Формально дед и свекор тоже должны называться отцами, но это происходит только в тех случаях, когда возникают действительно родственные взаимоотношения. Нужно сказать, что этот священник, учитывая мою советскую ментальность, проявил тогда гибкость и не стал настаивать ("Если Вам удобнее, называйте меня по отчеству"), а потом оказался очень симпатичным человеком. Стал я иногда посещать и церковь по большим праздникам. Для меня это было малознакомое и довольно торжественное представление, а главное, я чувствовал, что приобщаюсь к русской культуре.

Как-то на исповеди я сказал священнику:

— Все мои грехи покрываются одним, с Вашей точки зрения, наверное, самым страшным — я не уверен в существовании Бога. Если он есть — слава Богу! Если же его нет, а я, тем не менее, существую, значит, Бог не является предметом первой необходимости.

На это священник неожиданно ответил:

— А это и не обязательно. Вы пришли в церковь. Значит, Вас потянуло. Остальное придет само собой. Но не нужно форсировать события. Как это у марксистов? Бытие определяет сознание? Сознание изменится. Но не насилуйте душу. Христианство вообще отвергает насилие, а над собственной душой особенно.

Потом мы с этим священником подружились. Но когда он по телефону представлялся "Говорит отец...", я в тон ему отвечал: "доктор Мюге слушает", давая понять, что воспринимаю "отец"

лишь как титул .Богослужителя, то есть, посредника между мной и чем-то всеобъемлющим, я в нем не чувствовал.

Но вот само учение Христа как-то меня не затрагивало, хотя Новый Завет я прочел еще в России. Я не очень верил официальной антирелигиозной пропаганде, что Христос — фигура мифическая. ; скорее, вслед за Ренаном, я смотрел на него, как на создателя еще одного философского учения, не слишком для меня привлекательного. Христианство основано на любви к ближнему. Но я всегда считал, что такие чувства, как любовь, безразличие, ненависть — нечто, свойственное каждому человеку, причем в неодинаковой для каждого пропорции. Если человек любвеобильный, он и без христианского нравоучения будет делать добро. Человек злой, скупой, мстительный, даже приняв христианство официально, таковым и останется. И если зло еще можно возбудить пропагандой ("Убей немца!"), то с любовью дело обстоит сложнее. Пусть даже христиане призывают не к любви непосредственно, а только к стремлению полюбить ближнего как часть Божьего творения, независимо от их личных качеств, но и это стремление часто оказывается утопическим. Люди друг друга любят, вступают в брак, обзаводятся детьми; казалось бы, стремятся сохранить и увеличить взаимную любовь. А нет, другой раз настолько возненавидят друг друга, что не только разойдутся, но и без ненависти вспомнить друг о друге не могут.

И тем не менее, многие мои знакомые, которым нельзя отказать ни в уме, ни в образованности, горячо верят в Иисуса; это было для меня загадкой, а следовательно, стимулом поближе познакомиться с этим учением.

Прежде всего как фаталиста, мое внимание привлекли пророчества Мессии. Если Христос действительно является мессией, то предсказания сбылись, следовательно, теория подтверждена практикой. Смучило меня выражение "из рода царя Давида". В Евангелии от Матфея, то есть, на самой первой странице Нового Завета, приводится родословная Иисуса Христа от Авраама до Иосифа. "Но при чем же тут Иосиф? — удивился я, — если Мария зачала не от него, а от Духа Святого?". Успокоила меня одна очень молоденькая еврейская девушка, сказав, что на иврите "род" и "дом" пишутся одинаково. "Ну, если из дома Давидова, тогда ладно", — решил я и не стал проверять правильность ее предположения. Но и религиозного трепета попрежнему не ощущал.

Но вот я наткнулся на отчет комиссии по изучению подлинности Туринской плащаницы. Она считается своеобразным саваном, в который было завернуто тело Иисуса после снятия его с креста.

В одной из древнейших молитв говорится: "Петр и Иоанн поспешили вместе ко гробу и увидели на пеленах ясные следы, оставленные тем, кто умер и воскрес".

Из Палестины плащаница попала в Константинополь. Во время четвертого крестового похода она из разгромленной Византии была, видимо, увезена в Европу. С 1518 года плащаница хранится в городе Турине.

В 1898 году фотографу по имени Пиа было разрешено сделать с Плащаницы несколько снимков. Велико же было его изумление, когда, проявив негативы, он обнаружил, что, когда свет и тени, распределенные на Плащанице, поменялись местами в результате фотографического процесса, на ткани проступили черты лица человека примерно 33 лет, с короткой бородкой, усами и волосами до плеч.

В апреле 1902 года исследовавший эти фотографии доктор Деллаге передал результаты своих изысканий Академии Наук Франции. В полном молчании академики внимали словам Деллаге, который обращал их внимание на раны на плечах того, кого с полной уверенностью называл Иисусом Христом. Эти раны явно были натертостями, образовавшимися после того, как человек долго нес какой-то громоздкий и тяжелый предмет. Он говорил о сто коленах, стертых чуть ли не до кости, что свидетельствовало о том, как часто этот человек падал. Об отметинах на его теле и бедрах, отметинах, характер которых не оставлял сомнения в том, что нанесены они были двуххвостым римским бичем. На Плащанице отпечатки гвоздей, которыми были прибиты руки распятого, располагались на запястьях, что явно свидетельствовало об ошибке всех почти средневековых художников, изображавших Христа, прибитого к кресту сквозь ладони. Ошибка была явной еще и потому, что, по расчетам Деллаге, гвозди, пробитые сквозь ладони, не смогли бы удержать тело, и оно неизбежно сорвалось бы с креста.

"С одной стороны, — говорил Деллаге, обращаясь к академикам, — мы имеем ткань, пропитанную алоэ, которое использовали древние евреи при погребении своих покойников. Мы имеем на ней изображение распятого, которого били плетью, который был пронзен копьем в правой стороне груди и на голову которого надет был терновый венок. С другой стороны, у нас есть исторические документы, относящиеся к тому периоду, в который жил Христос, и указывающие на то, что он испытал то же самое обращение..."

По мнению Деллаге, которое вполне разделял потом доктор П. Виньон, изображение на плащанице образовалось благодаря

сильному выделению пота, содержащего аммиак, и взаимодействию его с алоэ, которым была пропитана ткань плащаницы.

Будучи человеком любознательным, я тут же надавил в носовой платок сока алоэ, капнул на него нашатырного спирта и еще добавил капельку крови. Пятно алоэ от нашатырного спирта потемнело, и я спрятал платок в ящик стола. Однако уже через месяц на платке осталось только пятнышко от крови. Разумеется, мой эксперимент еще ни о чем не говорит, возможно, аммиак, входивший в состав пота Христа, был в ином соединении и иной концентрации, чем в нашатырном спирте, может быть, сок алоэ подвергался какой-нибудь обработке. Во всяком случае, отчет о плащанице меня заинтересовал, но не произвел впечатления чуда.

Но вот в 1978 году по телевидению была снова передача о Туринской плащанице. После рассказов и показов, касавшихся самой плащаницы, вдруг продемонстрировали одежду японцев, убитых при атомном взрыве. Очертания тела, а то и лица (были случаи, когда человек закрывал, видимо, от яркого света, лицо), запечатлелись там так же, как и на плащанице. Это меня потрясло. Невольно полезли в голову отрывочные сведения из физики о превращении материи в энергию и обратно. Почему-то стало реальным представить Иисуса Христа и материальным, и нематериальным, чем-то и Божественным, и человеческим.

В общем, повеяло таинственным, а поскольку таинственными явлениями я всегда интересовался, то и тут мне захотелось как-то приобщиться к таинствам христианства русского происхождения.

Хотя я продолжаю оставаться человеком нецерковным, но в определенное время меня (как нерестующегося угря из любого уголка земного шара тянет в Саргассово море) влечет в Лабель желание посетить малюсенькую церквушку преподобного Сергия Радонежского. Вот уже шесть раз подряд я там отмечал день своих именин 18 июля.

ДЖОРДАНВИЛЬ

Почувствовав интерес к религии, я захотел в ней поглубже разобраться, поговорить не с просто исполняющими требу священниками, а с теми, кто их учит, передает религиозные знания. К этому времени я уже знал, что в Америке существует две (а если считать и ту, что принадлежит Московской патриархии) три независимых друг от друга православных церкви. Автокефальная берет свое начало с того времени, когда часть Америки от Аляски до Форта Росс принадлежала России, тогда и начала образовы-

ваться Американская православная церковь. Кроме окормления жившего там русского населения, она занималась и миссионерством, обращая в православие язычников и иноверцев. Для лучшего понимания новообращенных часть службы в этой церкви ведется по-английски (так же, как в свое время греки служили на Руси по-славянски, пока Русь не отделилась от греческой церкви, получив автокефалию). Но для меня церковная служба как-то сливается с русской культурой, и слушать ее не по-русски так же неудобно, как читать в английском переводе Чехова или Толстого. Поэтому я решил поехать в Джорданвилль, место, где расположен монастырь и Духовная семинария Русской зарубежной церкви. Уже подъезжая к Джорданвиллю, я ощутил что-то родное, русское. Над холмом возвышались маковки церквей, пейзаж был удивительно похож на среднюю часть России — поля, рощи. Даже деревянные дома чем-то напоминали русские избы. Среди монастырских зданий и хозяйственных построек сновали монахи в подрясниках, слышалась русская речь с милой ~~архаичной~~ ~~интонацией~~ ~~архаичной~~ ~~интонацией~~ ("не печалься", "брось кручинушку", "отменно").

Я разговорился с монахами. Мои собеседники остались за границей после войны. Приход к религии у них осуществлялся следующим образом. В лагерях для военнопленных, где жизнь человека зависела не столько от его поведения, сколько от случая, многие поверили в судьбу, а потом и в Бога. Русское духовенство в Европе приложило немало усилий, чтобы выволить часть пленных из лагерей и спасти от отправки на родину, где большинство снова попали в лагеря. Такое спасение было столь редким, столь невероятным, что человек воспринимал его как чудо и давал сам себе обет посвятить остаток жизни Богу. Когда был создан в Америке русский монастырь, они постриглись в монахи.

За разговором, который сопровождался работой, — я вызвался помочь монахам кормить коров — время подошло к ужину, и меня провели в трапезную. Еда там была как для монахов и семинаристов, так и для гостей бесплатная, каждый выбирал себе место за столом, где хотел, накладывал по потребности из общих блюд, что хотел. Один из семинаристов во время трапезы читал что-то из Жития Святых, остальные вкушали пищу, которая в связи с Великим постом была постной.

После ужина мне сказали, что я могу ночевать или в монастырской гостинице (по американским понятиям, очень дешевой), или попросить у игумена разрешения ночевать в монашеской келье. Я предпочел первое. Гостиница чем-то напоминала русский заезжий двор, как он мне представляется: кровати с пе-

ринами, в комнатах иконы с горящими лампадками, портреты царской семьи. Ночью разбудил монастырский колокол, и я решил сходить в церковь на ночное бдение. В темном храме на коленях стояли темные фигуры молящихся монахов. Вскоре я устал стоять на коленях и отправился досыпать в гостиницу.

Утром я беседовал с преподавателями семинарии. Особую симпатию у меня вызвал совсем старенький монах, который преподавал догматику, написал много книг и как бы светился добротой и благожелательностью. Он подарил мне несколько своих книг, в которых доказывалась непознаваемость Божьего промысла. Там были и такие фразы: "Никто не в состоянии уразуметь, почему свекла высасывает из почвы сахар, а хрен горечь". Когда я ему на другой день сказал, что большая часть "неуразуметых" примеров уже давно объяснена наукой, а некоторые и вообще неверны, он ответил: "Мы не можем модернизировать учение церкви, так как находимся за пределами России и рискуем потерять при этом русскость. Мы должны до возвращения на родину сохранить веру и знания такими, как мы их вывезли из России".

"Ну, — подумал я, — если на вас смотреть как на музей, это и интересно, и приятно. Но сам становиться музейным экспонатом я не согласен. Пока... Попробую обратиться к автокефальцам.

РЕТРИТ

Не так давно в Монреале возникла еще одна церковь (в смысле храма, а не религиозного направления). Священник этой церкви Иоанн Ткачук окормляет свою паству не только в ритуально-догматическом отношении, но и в интеллектуальном. Не случайно поэтому в новую церковь потянулись люди с высшим образованием, учеными степенями, или, попросту говоря, интеллектуалы, желающие понять философскую сущность православия.

Сначала при церкви возникли богословские семинары, а потом и целый богословский институт. Раз в году, обычно в начале Великого поста, слушатели этого института и другие желающие выезжают на два-три дня на так называемый ретрит в расположенный недалеко от Монреаля монастырь. Перевод слова "ретрит" больше всего соответствует понятию "уединение". Но это не совсем точно отвечает духу самого ретрита. Тут часы молчания, когда каждый уходит в самого себя, чередуются с лекциями на религиозные темы и их обсуждением, и богослужениями.

Поскольку мои друзья в прошлые годы с восторгом отзывались об этих ретритах, я тоже решил посмотреть, что они собой представляют.

Я думал, что монастырь должен быть мрачным средневековым зданием со сводчатыми потолками, маленькими кельями, чем-то напоминающими тюремную камеру. Но ожидания не оправдались. Это было вполне современное здание, а келья ничем не отличалась от обычного номера гостиницы. Удобная кровать, письменный стол, кресло, во всю стену окно с прекрасным видом на заснеженный фруктовый сад и реку Святого Лаврентия. Несмотря на Великий пост, в столовой был большой выбор различных блюд, включая и мясные, о фруктах и говорить не приходится. Еда была включена в стоимость пребывания (говоря советским языком — путевки), и от постящегося зависило, поддаться ли соблазну нарушить пост или воздержаться.

Следует заметить, что по первоначальному христианскому учению пост вовсе не преследует цели есть или не есть мяса, а предлагает избегать телесных соблазнов, отвлекающих внимание от молитвенного настроения.

Итак, в первый вечер началась лекция. Читал ее священник, приехавший из города Баффало. Он посвятил лекцию душе: что такое душа в понимании христианина. Нужно сказать, что большинство богословов вообще избегает этой темы и предпочитает говорить о более осязаемых вещах. Ведь мы не можем дать точного определения этого слова. Еще в прошлом веке анатомы искали и не находили в теле местопребывания души, потом решили, что под душой следует понимать функцию проявления человеческой психики, как страх, сомнение и тому подобное.

Для меня как для биолога и человека нецерковного не было в этой лекции ни одной зацепки, чтобы сказать: "Стоп! Тут Ваше изложение противоречит науке или здравому смыслу."

Лекция была прослушана с огромным интересом, а после вопросов и ответов руководитель семинара довольно крепко похлопал по плечу лектора (как хоккеисты хлопают забившего шайбу коллегу), заметив: "Я хотел убедиться, что у отца Георгия есть не только душа, но и тело".

Следующие лекции были о смерти, о бессмертии души и о развитии способности интуитивного познания. Короче говоря, были уроки медитации, довольно близко соприкасающиеся в методике с учением йогов. Часы молчания использовались для практических занятий по медитации. И, тем не менее, весь ретрит проходил в русле учения православной церкви. Из большого числа существующих на сегодняшний день различных христианских церквей и сект только православие может похвастать тем, что не претерпело изменений в трактовке учения Христа. Даже католическая цер-

ковь, которая также претендует на свою преемственность апостольского учения, прошла через целый ряд реформ. Ушло в историю учение об индульгенциях, а пасторы все реже говорят о чистилище, где происходит "сортировка душ" умерших католиков.

На православном ретрите были и католические, и протестантские священники, иногда затевался диспут, проходивший в деловой и дружеской обстановке.

Уезжая с ретрита, я понял причину восторга моих друзей, побывавших здесь раньше. У меня сложилось впечатление, что то направление, которое начало развиваться в православии, может заинтересовать не только верующих христиан, но и любого мыслящего человека, интересующегося философскими проблемами.

Однако к этой церкви я тоже не примкнул. И не только потому, что большая часть службы там ведется не по-русски. Ее прихожан объединяет глубокая вера, церковь в их жизни значит гораздо больше, чем в моей. И я среди них чувствовал бы себя "белой вороной".

О БУДДИЗМЕ

Буддизм в Северной Америке раньше не был особенно популярен, но сейчас им заинтересовались многие, ранее отошедшие от церкви, но теперь ищущие духовной основы молодые люди. Хотя буддизм является религией, но он не признает существование Бога как творца. Для людей, которые ранее потеряли веру в Бога, но ищут теперь духовного смысла жизни, принять буддизм легче, чем вернуться в отвергнутую ими ранее церковь.

Что же такое буддизм? Об этом я услышал на публичном выступлении буддийского монаха. Это учение (ставшее потом религией) возникло лет за пятьсот до нашей эры в Индии. Индийский принц Готама Шакья (или Сакья) Муни, уйдя из дома, после долгих поисков смысла жизни среди различных монахов и проповедников, сев под деревом, дал сам себе зарок — не вставать, пока он не найдет ответа на мучивший его вопрос. И вдруг он испытал откровение: зло в страдании, а исход — в погашении воли к жизни, ибо эта воля является корнем зла. Начав проповедовать это учение, он вскоре собрал огромное число сторонников. Буддизм стал религией большинства индусов, и при императоре Асоке сделался государственной религией.

Интересно, что "Будда" (что в переводе означает "посвященный") — так стали звать Готаму Сакья Муни — никому не навязывал веру в свое учение. Он говорил: "Приди и убедись" (а не поверуй). Сам себя он считал самым обычным человеком, но в его учении не было и обожествления человека и разума, как это произошло в дальнейшем на Западе.

Буддизм содержит четыре основных принципа.

Первый принцип — жизнь есть страдание. Счастье — это отсутствие страдания, то есть, отрицательное понятие. Кроме того, если считать счастьем удовлетворение желаний, то потом следует пресыщение, страдания же остаются.

Второй принцип заключается в утверждении причинности страдания "дхарма". Она включает в себя не только механическую причинность, но и моральную. И тут буддизм предвосхитил многие положения европейской философии, основанной Юмом и развивавшейся Бертраном Расселом.

Третий принцип заключается в том, что причиной страдания является "дрста", то есть, жажда, стремление. Если погасить в себе эту жажду бытия, огонь желания, то мы устраним причину страданий. Если мы ничего не желаем, ни к чему не стремимся, то мы не можем быть ничем разочарованы. Как говорил сам Будда: "Кто достиг другого берега, тот не нуждается в лодке". Казалось бы, самое простое и законченное решение этой проблемы — покончить жизнь самоубийством. Но так как Будда, как и большинство индусов, верил в перевоплощение душ, то идея состояла в убивании не тела, а эмоций — через погашение желаний.

И, наконец, четвертое положение буддизма — учение о Нирване. Сущность Нирваны заключается в погашении самой воли к жизни, каких-либо желаний, в полном безразличии к жизни или смерти. Если данный человек пресытился жизнью и хочет умереть, то это уже не будет Нирваной, так как вместо желания жизни им будет руководить желание умереть. Нужно не желать ни того, ни другого. Нирвана есть, в сущности, полное небытие.

Из буддийской философии вытекает также и этика сострадания, наставления страждущих.

Когда буддийский монах закончил свою проповедь, началась дискуссия. На буддизм стали нападать, как говорится, и справа, и слева. Христиане критиковали отречение от личного "я", игнорирование Божественного начала и многие чисто богословские понятия. Критики "слева" утверждали, что отречение от желаний, устранение воли к жизни неизменно приводит к деградации человечества в целом, к уничтожению технического прогресса. А при современной плотности населения остановка технического прогресса была бы массовым самоубийством. Индия, где буддизм долгое время был государственной религией, является одной из самых отсталых стран с очень низким уровнем жизни.

Однако буддист не без основания парировал это обвинение, приведя в качестве примера Японию, страну чуть ли не с самым вы-

соким уровнем развития промышленности, где подавляющее большинство населения исповедует буддизм. Более того, рабочий-буддист, меньше заботясь об удовлетворении своих желаний, меньше требует от хозяина, и их профсоюзы меньше раскачивают экономику страны в целом, как это происходит в европейских странах.

Что же касается критики со стороны христиан, то спорить бесполезно, ибо, когда вопрос касается религии, то никакие аргументы не в состоянии переубедить верующего человека.

Для меня как выраженного индивидуалиста, буддизм с его игнорированием собственного "я" вряд ли мог оказаться привлекательным. Ведь в буддизме личность противопоставляется "центру". Чем больше вы вникаете в свое "я", тем больше от центра отходите. Человек уподобляется капле воды, а Вселенная — океану. Всякое самоутверждение, даже разговор о себе, у буддистов идет вразрез с их идеалом. Будь я буддистом, не написал бы эту книгу.

МУСУЛЬМАНЕ

За время моей жизни в Северной Америке я побывал в разных церквях, познакомился с людьми различных вероисповеданий, слышал многих проповедников. Я долго думал над тем, почему у меня при явном тяготении к религии нет уважения к ее ритуалам. Может быть, ритуалы устарели и представляются анахронизмом? Запомнились слова жившего со мной в общежитии студента-татарина: "Бог указал людям, как надо жить, они сначала жили по Его заветам, но потом стали от них отклоняться. Бог послал пророка Муссу (Моисея). Он их подправил, но потом люди опять стали отходить от истины. Он послал пророка Иссу (Иисуса). Тот опять подправил, но не прошло и пятисот лет, как люди опять отошли от истины. Тогда он послал Магомета. Это был последний пророк. Лютер, Никон, Бахаулла — это только толкователи религий. Когда мы говорим "последнее слово техники" или "последнее слово науки", мы испытываем к этим словам уважение. А мусульманство — последнее слово религии!"

Ну что ж, к "последним словам" я отношусь с уважением. Будучи в Риме, собирался даже принять участие в составлении сборника "Последние слова подсудимых", даже предисловие к нему написал о том, как эти слова эволюционировали от желания разжалобить судей до обвинительных речей в адрес самого судопроизводства. Правда, сборник вышел гораздо позже и без моего участия.

Итак, я раздобыл "Коран" на русском языке и углубился в чтение. Должен сказать, что в поэтичности ему не откажешь даже

после перевода, но логики я в нем не усмотрел, хотя признаю, что для многих он может оказаться и привлекательным. Видимо, не случайно большая часть верующих на земном шаре — мусульмане. Ведь мусульманство, пожалуй, больше всего отвечает земным, телесным потребностям человека. Даже запрещение пить алкогольные напитки сформулировано так, что любитель возлияний всегда найдет в Коране лазейки (например, о коньяке там ничего не говорится). Даже загробная жизнь представляется мусульманину больше похожей на земную, чем сады Эдема у иудеев или христиан.

Однако освящение войн, кровной мести, жестоких казней, в сочетании с восточным темпераментом создает те условия, которые мы сейчас можем наблюдать в Иране — стране, где правят религиозные фанатики.

Хотя многие суры Корана и говорят о терпимости к другим религиям ("И мусульмане, и евреи, и христиане, верящие в Господа и Суд Божий, делающие добро, получают награду из рук Его"), но есть и такие, где содержится призыв к обращению иноверцев в ислам. Этим широко пользовались арабы времен Магомета и турки во времена Оттоманской империи, когда они завоевывали, порабощали и насильственно обращали в мусульманство многие народы. Удивительно то, что ислам особенно сильно распространился именно в те времена, когда мусульманский мир потерял свое военное и политическое значение. Видимо, ислам привлекал к себе сторонников не столько мечом, сколько убеждением.

КРИСЧЕНС САЙНС

"Крисченс сайнс" в переводе означает "Христианская наука". У этой организации есть и церкви, и институты, и газеты, и музеи. В то время, как многие церкви в наш век прагматизма теряют своих прихожан, церкви "Крисченс сайнс", видимо, не страдают от недостатка посетителей. Во всяком случае, от недостатка пожертвований. Это бросается в глаза, когда вы встречаетесь с самым современным их оборудованием. Вы, например, пришли к ним, сняли пальто, повесили его на вешалку и взяли с этой же вешалки жетон. При выходе на другом этаже вы опускаете этот жетон в трубку, и словно из-под земли, в течение секунды перед вами выскакивает вешалка с вашим пальто. Оказывается — компьютер.

Но что же это за наука-религия? Лет сто назад одна женщина, Эдит Мери Бекер, была безнадежно больна. Врачи от нее отказались, и она, готовясь отойти в мир иной, стала перечитывать Библию. Первые же строчки ее удивили. Если Бог, сотворив свет, землю, животных, человека, каждый раз говорил: "Это хорошо",

то откуда взялись на земле горести, болезни и всякие беды? ”А не потому ли, — подумала больная, — что мы хороший мир воспринимаем как плохой? Не отсюда ли все беды? Ведь иллюзорный страх может напугать ребенка в темной комнате так же сильно, как и реальная опасность. А ошибочная телеграмма о смерти близкого человека так же сильно огорчает, как и его реальная смерть.”

Цепью последовательных рассуждений она пришла к выводу, что все случаи исцеления людей святыми, о которых она только что прочла, вызваны концентрацией веры в то, что мир хорош. И тут она нашла пути, как заставить себя и других поверить в эту истину. Говоря языком современных психологов, она открыла новый способ самовнушения, своего рода аутопсихотерапию. Как бы то ни было, но, поверив в свою теорию, она буквально в считанные минуты выздоровела, встала на ноги и начала проповедовать свое учение. Реклама была внушительной, так как контраст между только что парализованной и совершенно здоровой женщиной был поразителен. Но я думаю, что тут сыграло роль еще одно обстоятельство.

Выздоровление Эдит Мери Бекер совпало с сильным вздором медицинкой помощи как в США, так и в Канаде. Врачи в это время объединились в корпорации, страхования на случай болезни еще не существовало, а люди болели, как и прежде. И возможность лечиться самому совершенно бесплатно вдохновила многих. Вера в то время была еще сильна, пример выздоровевших убеждал еще не совсем уверенных в новом методе. Популярность Крисчен сайнс росла с каждым днем. Сейчас в Штатах это чуть ли не самая богатая организация, ее газета ”Крисчен сайнс монитор” считается одной из лучших. В Бостоне недавно открыт научный центр, оборудованный по последнему слову науки и техники. А в Канаде? Говорят, что популярность Крисчен сайнс за последние годы здесь стала падать. Не потому ли, что лет семь тому назад в Канаде была введена система бесплатной медицинской помощи?

КАТОЛИЧЕСКИЙ СВЯЩЕННИК

Чуть ли не со школьной скамьи я усвоил, что расцвет капитализма, следовательно, технический прогресс, был связан с идеями гуманизма, которые возникли в результате протестантизма. Поскольку основным антагонистом протестантизма было католичество, то оно представлялось мне чем-то регрессивным, связанным с инквизицией, крестовыми походами, индульгенциями. Да еще приписываемый Лойоле афоризм: ”Цель оправдывает средства”...

Однажды у меня сломался автомобиль, и я оказался на дороге между Монреалем и озером Лабель, где у меня есть маленький домик. Стоя с поднятым большим пальцем, я уже стал терять надежду на то, что меня подберет какая-нибудь "добрая душа". В это время возле меня остановился большой автомобиль, в котором сидел человек в одежде католического священника. Он любезно распахнул передо мной правую дверь и пригласил садиться. Обычно между хозяином автомобиля и пассажиром завязывается разговор. Деньги в подобных случаях с пассажира в Америке брать не принято, и он чувствует себя гостем. Ну, а гостю, естественно, полагается поддерживать "светский" разговор. Как и следовало ожидать, мой хозяин оказался священником, настоятелем местной церкви, к тому же иезуитом.

На его вопрос о моей профессии я ответил коротко — биолог. Он спросил, как моя фамилия, я назвал. И тут он меня ошарашил вопросом: "Так Вы работаете в университете МакГилл?". Я удивился: "А откуда Вы знаете?". — "Так этот университет недавно выпустил Вашу книжку о физиологии питания нематод".

Книжка эта была издана по-английски очень маленьким тиражом, и то, что она попала в руки сельскому французскому священнику, было почти неправдоподобно. Видимо, лицо мое выражало такое недоумение, что мой спутник тут же пояснил:

— А я, между прочим, преподаю биологию в иезуитском колледже, и кое-что пописываю на эту тему.

Дальше разговор переключился на биологию, и должен признаться, во многих случаях я чувствовал себя профаном, особенно, когда речь заходила о работах, выполненных в Квебеке.

Узнав, что я до сих пор не удосужился побывать на опытной станции под Сан Жовитом, в форелевом хозяйстве и биологическом музее этого района, любезный священник предложил мне тут же все показать. К музею мы подъехали после пяти часов, и он был уже закрыт. Это был трехэтажный красивый дом, расположенный возле пруда, за ним своеобразный зоопарк-заповедник. В огороженных металлической сеткой участках леса резвились медвежата со своей мамашей, пятнистые олени прыгали, бобры трудились над устройством плотин, а многочисленные птицы чувствовали себя вполне дома.

Пока я все это разглядывал, мой попутчик отлучился и вернулся со связкой ключей от музея. Показав мне экспозиции, он сказал: "А теперь я Вас, коллега, проведу туда, куда посетителей не пускают — в лаборатории."

На третьем этаже размещались биохимические, гистологи-

ческие и другие лаборатории. Со знанием дела кюре рассказывал о тех темах, которые разрабатываются в этом музее-лаборатории. Я спросил: "А какую роль Вы выполняете в этом музее? Вы его сотрудник?" — "Нет, — ответил он, — просто работники этого музея — прихожане моей церкви, а я обязан интересоваться жизнью моих прихожан. Ну, и мое биологическое образование помогает, конечно, понять их интересы"

Узнал я от кюре и о том, что орден иезуитов объявил большую денежную награду тому, кто документально докажет, что афоризм "Цель оправдывает средства" принадлежит действительно Лойоле или хотя бы кому-нибудь из иезуитов...До сих пор эта премия не выплачена...

Потом мы заехали на лесную противопожарную станцию. И тут священника встретили "как своего". Он попросил доставить меня туда, куда я направлялся. Ответственный по станции выразил сожаление, что дежурный вертолет летит сейчас в другом направлении, и посадил меня на пожарную автомашину, которая довезла меня почти до дома. Видимо, просьба кюре звучала для него приказом начальства.

Как я впоследствии узнал, столь высокий авторитет католических священников основан не только и не столько на религиозном чувстве их прихожан, сколько на уважении к тому вкладу, который они внесли в развитие жизни и культуры Канады. Ими были открыты больницы, школы, приюты для сирот и стариков. Католическим монахом написан наиболее полный труд по растительности Канады, создан Ботанический сад в Монреале, а миссионеры в поисках еще не обращенных в христианство индейцев и эскимосов немало сделали для изучения географии этой страны.

После завоевания в 1760 году Французской Канады англичанами, французское население долгие годы предпочитало селиться в маленьких сельских городках-поселках, вести пасторальный образ жизни в стороне от нарастающей индустриализации, и сельские священники были, практически, их единственными руководителями и наставниками.

Интерес к католицизму заставил меня поближе познакомиться с двумя диссидентами, принявшими католицизм, но особой дружбы у нас не получилось. Можно подумать, что идея о непогрешимости Папы (что является одной из основных идей католицизма) распространилась у этих знакомых на их собственные политические взгляды. Во всяком случае, оба они отличались безапелляционностью своих суждений.

В СИНАГОГЕ

Я побывал во многих храмах различных вероисповеданий, но как-то не удосуживался до последнего времени посетить еврейскую синагогу. Недавно я решил восполнить этот пробел и приурочил свой визит ко дню, когда верующие евреи отмечают получение Моисеем от Бога десяти заповедей, регламентирующих основы морального поведения. Эти заповеди признаются и почитаются всеми религиями, исходящими от иудаизма — христианами, мусульманами и, разумеется, всеми теми, кто "отпочковался" от этих двух религий позже.

В синагоге вы не найдете пышных богослужений. Здесь основную роль играет беседа раввина или рабби. Раввин не является посредником между Богом и человеком. Он, скорее, напоминает восточного гуру — учителя. Его популярность во многом зависит от того, как он сумеет сказать даже самую обыденную вещь. Например, раввин поздравляет молодоженов, вступающих в брак: "На ваших пальцах теперь красуются кольца. Вы думаете, что они золотые? Нет, они с примесью других металлов. Чистое золото очень мягкое. Оно быстро изотрется, сломается. Так и ваша супружеская жизнь. Вы думаете, она будет из одних радостей? Нет, она будет и из горестей, неприятностей. Но эти горести будут укреплять ваше супружество подобно незолотым примесям в ваших кольцах!"

И вот ко дню получения Моисеем заповедей раввин напомнил библейское содержание последующих событий и остановился на сооружении "Ковчега Завета". Это наиболее ценное у евреев сооружение из драгоценных металлов, в котором хранятся и в торжественных случаях выносятся из храма записанные на скрижалях заповеди.

Когда решено было соорудить этот ковчег, Моисей обратился к народу с просьбой пожертвовать на это дело свои драгоценности. Многие откликнулись, и из разных мест Иудеи потекли приношения. Но как только мастера, непосредственно занятые сооружением, сказали, что материала достаточно, Моисей велел больше не принимать приношений. Это вызвало бурю недовольства. Люди несли свою лепту с чистой душой, на благое дело, а у них эту лепту не приняли... Раввин спросил: "Почему?" — и после паузы ответил: "Ковчег должен был быть переносной, а, следовательно, ограничен в весе, — и назидательно подняв палец, добавил, — делая добро, мы всегда должны помнить, а на чьи плечи это добро потом ляжет."

И, видимо, по традиции, от общих библейских тем перешел к повседневной жизни:

— Евреев часто обвиняют в том, что они в большинстве своем или непосредственно участвовали, или косвенно поддерживали революцию в России. Справедливы ли эти упреки? Сказать, что большинство евреев хотело обогатиться на этой революции, будет неверно. Люди, заразившись идеями светлого будущего для всего человечества, следовали самым возвышенным побуждениям. Но они забыли о тех плечах, на которые ляжет это "добро". А легло оно тяжким бременем на плечи многих, в том числе, и самих евреев. Не случайно среди присутствующих столько эмигрантов из СССР.

Раввин усмотрел в этом не только грех безответственности, но вспомнил и то, что почти в одно и то же время евреями было создано две концепции. Герцль, Жаботинский и другие предложили идею создания еврейского государства; Парвус и Троцкий призывали евреев к участию в Мировой революции. Идея первых не противоречила Талмуду и Торе, вторых — была явно греховной, даже если отбросить марксистский атеизм.

Идея хасидов о том, что Бог неспроста сделал всех людей отличающимися друг от друга и что подавление индивидуальности богопротивно, мне показалась весьма по душе. Впрочем, подобный взгляд существует в любой из знакомых мне религий. Но большей частью он трудно различим под грузом большого количества созданных в процессе развития религий догматов.

НЕКОТОРЫЕ ОБОБЩЕНИЯ

Мой экскурс по разным религиям был, разумеется, весьма поверхностным (на изучение богословия люди тратят, порой целую жизнь), и все же я беру на себя смелость сделать из него некоторые обобщения.

Все религии признают наличие Высшего Начала, которое представляется как Создатель всего и вся (правда, у буддистов о Создателе прямо не говорится). Во всех религиозных учениях Он вне пространства и времени — Изначальный и Бесконечный, Всезнающий и Всеведущий, Человеколюбец и Много терпеливец. Он непознаваем до конца. Однако о Нем многое известно, поскольку Бог может вступать в контакт с человеком. Это — откровения, переданные через пророков или святых, с одной стороны, и услышанный голос молящихся — с другой. На основе откровений строится соответствующая религиозная концепция. Все религиозные концепции признают существование у всего живого (одушевленных предметов) души или "духа".

Дух, по определению Войно-Ясенецкого, объединяет в себе и душу, которая имеет несколько значений. "Нет ни души" (в смысле — ни одного человека); "хлеб их — для души их" (в смысле жизни); "Душа моя жаждет" (я хочу). В Священных писаниях, когда речь идет о смерти, чаще употребляется слово "дух". "И возвратится прах в землю, чем он был, и дух возвратится к Богу, который дал его" (Еккл. 12.7).

Из слов молитвы: "И жизнь вечную и бесконечную просим" можно заключить, что православие признает бессмертие души, но не считает это само собой разумеющимся. Согласно большинству восточных религий, душа способна перевоплощаться в иные тела (человека или животных).

Одни религии считают, что душа является как бы частицей самого Бога, другие — Его творением. "И создал Господь Бог из праха земного человека и вдунул в лицо его дыхание жизни, и стал человек душою землею". Видимо, богословы по-разному трактуют слово "вдунул" — поделился ли своим духом или создал нечто новое..

Но так или иначе, согласно всем верованиям душа бессмертна, может отделяться от тела, и именно она является как бы посредником между человеком и Высшим началом. Она может ощущать как материальные предметы, так и мир нематериальный. Именно о душевном спокойствии после смерти (в нематериальном мире) и заботятся все религии. Все они считают, что вечное блаженство (или инкарнация у восточных религий) связана с правильным поведением и правильным восприятием Божества при жизни на земле. Вот тут-то разные верования могут сильно расходиться во взглядах. Иногда эти расхождения настолько обостряются, что за ними теряется основной принцип — любовь к ближнему — и разгораются религиозные войны или преследование инакомыслящих.

Однако нас интересуют не расхождения, а то, как религия (в самом общем ее понимании) отвечает на те вопросы, которые мы задали в начале книги, в главе о шаманах. Поскольку душа является нематериальной субстанцией, способна отделяться от материального тела и именно ей свойственно ощущение реальности, то на первый вопрос (о ясновидении) религия отвечает положительно. В описании жизни святых часто можно встретить подобные явления.

Бог Всемогущ, Всеведущ. Между душой человека и Божеством имеется какая-то связь (говоря современным языком — коммуникация). Следовательно, религия не отрицает лечение одного человека другим, как с помощью усиленной молитвы, так и нало-

жением рук человеком, наделенным особыми свойствами. Об этом также говорят многочисленные "жития святых". Для себя отметим, что некоторых святых видели с нимбами, как бы светящимися, и именно о них больше всего рассказов, связанных с "чудесными исцелениями".

Наконец, относительно предсказаний судьбы религия, на сегодняшний день, отвечает уклончиво. С одной стороны, все происходит по воле Божьей, а Бог всеведущ. С другой, человек наделен волей, свободой выбора своего поведения. Значит, он и "кузнец своего счастья". Поэтому многие верующие люди отмахиваются от всевозможных гаданий, как от пережитка язычества и магии.

Хотя многие святые заранее говорили о своей кончине, епископ Малахия предсказал многие события, связанные с католической церковью, а папа Римский Иоанн XXIII 13 мая 1960 года при кардиналах вскрыл конверт с предсказаниями, сделанными за 63 года до этого в португальском городке Фатиме, все же церковь к гаданиям относится прохладно.

При довольно беглом чтении книг Ветхого и Нового Завета, Корана, а также работ по буддизму, я ни разу не встретил прямого указания на то, что судьба непредсказуема.. Проповеди, направленные против колдунов, ведьм и "чернокнижников" можно встретить в более поздних писаниях. Я сильно подозреваю, что все религии в этом вопросе меняли свое отношение к неизменности судьбы. И вот по каким соображениям.

Все религии отмечают те или иные праздники согласно тому или иному календарю. Все календари составлялись астрологами соответственно положению небесных светил. Значит, на первых этапах развития религий была явная связь между ними и астрологией.

Астрологи считали, что все в мире взаимосвязано. — движение звезд, судьбы людей, развитие общества. Звезды являлись своего рода метками, сопряженными с земными событиями. Человек мог делать выбор, но его деятельность могла быть удачной или неудачной в зависимости от общего предначертания судьбы. Раз в год большинство светил занимает первоначальное положение. Если сегодня Большая Медведица в полночь расположена слева от Полярной Звезды, то через шесть месяцев она в это же время окажется справа, и лишь через год будет на том же месте. (Когда я в лагере работал ночным чабаном, то на этом принципе соорудил себе звездные часы).

Если совершилось какое-то радостное событие, то ему соответствовало определенное соотношение звезд, и именно это соотношение ("звездный час") повторялось каждый год. Отсюда и появи-

лась традиция сопереживать свой "звездный час", которая перешла буквально во все религии. Со временем эта точка зрения стала забываться и осталась только в качестве ритуала. Церковь готовится к празднованию, придает обрядности большое значение, но ее мало теперь интересует сопоставление время праздника со временем, наблюдаемым во Вселенной, то есть, с расположением небесных светил. Я уже упоминал, что отмечаю день своих именин 18 июля в Лабеле. Собственно говоря, почему 18-го — мне не понятно. Обретение мощей состоялось по старому, Юлианскому календарю, 5-го июля, что тогда и соответствовало 15-му по новому Грегорианскому, которым мы сейчас пользуемся. Но спорить не приходится: там, в Лабеле, плотность духовенства на душу населения почти такая же, как в Ватикане (многие священнослужители там имеют дачи и проводят лето). А им виднее! На мое замечание о том, что день именин не соответствует астрономическому времени и не адекватен моменту совершения события, мне отвечали, что у церкви полно других забот, а расположение звезд ее не интересует.

С тех пор, как церковь становится объединяющим центром определенной группы людей, она не может оставаться равнодушной к их повседневной жизни. Первоначальная идея о том, что вечное состояние души будет зависеть от поведения человека на земле, расширяется до представления о том, что плохие поступки могут откликнуться и в повседневной жизни: "Бог наказал" и наоборот: "Бог наградил за добродетель". Такой взгляд явно противоречит неизбежности запланированных судьбой событий. Но так ли незыблемы нормы морального поведения?

ЭВОЛЮЦИЯ МОРАЛЬНЫХ НОРМ

И религия, и магия, а также суеверия выходят за рамки материальных законов бытия, то есть, предполагают высшее духовное начало и стремятся к общению с ним. Религия заботится больше о вечном блаженстве души, а магия пытается использовать высшее духовное начало, духовные силы для телесных потребностей. В этом отношении магия сходится с наукой, вернее, с прикладными науками и техникой. Но, пожалуй, самое большое различие заключается в том, что религия охватывает мораль. Она провозглашает линию морального поведения человека и через церковь (мечеть, синагогу, различные храмы и секты) следит за их выполнением. Второе отличие, пожалуй, принципиальнее первого, так как и в религии можно наблюдать, по крайней мере, со стороны, следы магических ритуалов (поставить свечку "за здравие", молебен "о

победе нашего воинства”)). Недавно, оказавшись в роли крестного отца, я должен был трижды плюнуть через левое плечо, чтобы отогнать дьявола, а бабушка рассказывала, как в день святых Кирилла и Мефодия саратовские крестьяне под водительством духовенства выходили в поле вымалывать у Господа Бога дождь, а потом поливали друг друга водой.

Итак, религия, заботясь о загробной жизни своих подопечных, утверждает, что благополучие на том свете тесно связано с праведным поведением на этом в соответствии с ее представлением о назначении человека. Отсюда и учение о карме у индусов, верящих в то, что душа, в зависимости от поведения ее владельца, может переселиться в более или менее развитое существо, и любовь к ближнему, проповедуемая христианством.

Представления о моральных добродетелях в разные эпохи менялись, но всегда они соответствовали нуждам человеческого общества в целом. Интересен рассказ одного муллы, который я слышал в заключении.

У кочевых народов рождение девочки считалось несчастьем: корми ее, выращивай а потом выйдет замуж, перейдет в другой стан и поминай как звали. Иное дело сын — наследник верблюдов и овец — это оплот старости. В голодные годы мать, родив девочку, боясь гнева своего мужа, просто ее убивала. Кстати, и сейчас у некоторых мусульманских народов сохранился обычай: за мальчика мать получает подарок, а за девочку отец бьет ее (правда, символически) камчой.

К четвертому столетию численность кочевых народов стала значительно уменьшаться, но вот явился Магомет и, среди прочих откровений, высказал и такое: девочку надо продавать жениху. Но так как средства на покупку невесты были не у каждого мужчины, а их рождается примерно столько, сколько и женщин, то наиболее состоятельным было разрешено иметь нескольких жен. Теперь у родителей появился материальный ”стимул” и для выращивания дочерей.

”Моральный кодекс” евреев создавался в период, когда евреи освободились из египетского плена и строилось новое государство. Кроме основных заповедей (Моисея), еврейская религия богата различными предписаниями и запретами. Например, совокупление супружеских пар предписывается осуществлять в двухнедельный период между менструациями, когда наиболее вероятно зачатие. Запрещение употреблять в пищу свинину, по-видимому, связано с распространением глистного заболевания трихинеллеза. Во всяком случае, в мумиях гельминтологи обнаружили большое количество трихинелл, а ведь евреи вышли из Египта.

Религиозные запреты не всегда объясняют причины, почему нельзя или должно что-либо делать, и тем самым напоминают магическое табу. И те, и другие, как правило, не выполнялись законодателями. Если "табу" запрещало членам племени входить в ритуальную рощу или пещеру, то оно не распространялось на жреца, мага или вождя племени (что часто объединялось в одном лице).

Заповеди "не убий", "не укради", то есть, не присваивай чужого, не созданного тобой, не относилась к царям и сильным мира сего. А уж гарем царя Соломона явно не соответствовал ни седьмой, ни десятой заповеди. И тем не менее, моральные устои, сдерживая стремления и интересы отдельных личностей, были бесспорно полезны обществу в целом. Хотя моральные законы помогают властителям держать подданных в повиновении и связывают свободу каждой отдельной личности, люди к ним привыкают и неодобрительно смотрят на тех, кто их нарушает. Впрочем, до определенного предела. Сильная личность, которая была в состоянии вырваться из мира условностей, вызывала уважение, а то и восхищение. В средние века это был рыцарь, разграбивший или перебивший своих соседей, в современном обществе — ловкий делец. В Америке была еще недавно очень популярна поговорка: "Если ты украдешь булку, тебя посадят в тюрьму, украдешь железную дорогу — выберут в Сенат". Именно выберут, а не назначат, то есть, сограждане окажут уважение и доверие. Разумеется, во втором случае слово "украл" применяется иносказательно — железную дорогу в карман не спрячешь, видимо, имеется в виду, что делец приобрел ее, отбросив существовавшие моральные нормы и найдя лазейки в юридических законах.

Интересно проследить, как меняется отношение общества к моральным нормам поведения в историческом аспекте.

У некоторых славянских племен почиталась богиня Любви и Земледелия Бляда. Жрицы этой богини пользовались большим уважением и вступить с одной из них в интимные отношения для мужчины было весьма почетно. Но вот после принятия православия языческие боги были ниспровергнуты и поруганы. Брак стал моногамным, а жрицы и последовательницы Бляды, пытавшиеся отстаивать женскую независимость хотя бы в интимных отношениях, стали вызывать презрение не только у мужчин, но и у женщин. Во всяком случае, если бы я, вспомнив эту историю, в отмечавшийся в Советском Союзе Международный женский день 8-го марта, поднял тост "за блядей как первых суфражисток", то был бы подвергнут обструкции участниками официального банкета.

В народном лексиконе без особой симпатии упоминается и другой бог древних славян — бог охоты Чур ("чур не меня", "чураться"), которому раньше поклонялись.

Изменение отношения общества к некоторым моральным устоям происходит и в наши дни. В средние века народ был нетерпим к гомосексуалам. Вспомнив прежние обычаи, в Иране и сейчас уличенных в педерастии подвергают смертной казни. А вот в европейских странах и в Америке гомосексуалы устраивают демонстрации, у некоторых женщин можно на груди увидеть значок "Я – лесбиянка". Нашумевший французский фильм из жизни гомосексуалов "Золотая клетка" не содержал со стороны постановщиков намеков на нетерпимость к этому пристрастию. Интересно отношение к этой проблеме психиатров. Еще недавно врачи пытались внушить своим подопечным, что они занимаются порочным и нетерпимым делом, что им следует с этим покончить. Теперь врач говорит примерно следующее: "Все Ваши переживания и нервные расстройства связаны не с самим фактом гомосексуализма, а с отношением общества к этому факту. Вы мучаетесь тем, что Ваши инстинкты противоречат общественному мнению. Так плюньте на общественное мнение!". После таких бесед моральное состояние и самочувствие пациента быстро успокаивается, что, собственно, и требуется от врача-психиатра.

Сейчас, когда явно ощущается предсказанная Мальтусом катастрофа, связанная с перенаселением планеты, и когда современный гуманизм восстает против войн, борется с детской и взрослой смертностью, то наиболее гуманным способом сдержать перенаселение планеты является снижение деторождаемости. И кто знает, может быть, когда-нибудь в будущем гомосексуализм будет возведен в ранг добродетели.

Но вернемся к моральным устоям религии. Христианство прежде всего проповедует любовь к ближнему ("Возлюби ближнего своего, как самого себя"). Споры нет, общество, основанное на взаимной любви, было бы прекрасным.

ЗАКОНОПОСЛУШАНИЕ И МОРАЛЬ

Присуща ли любовь к ближнему каждой личности? Был проделан такой эксперимент: группе испытуемых было сказано, что они являются ассистентами опыта над другими испытуемыми, причем каждый считал, что в опыте участвует только он один. И вот ему говорят: "В соседней комнате на электрическом стуле сидит доброволец, на котором изучается степень сообразительности. Ему задаются задачи; за каждую ошибку (красная лампочка на табло) его следует наказывать ударами тока. За правильный ответ (зеленая лампочка) дается поощрение, но это делает другой экспериментатор. Так вот, у Вас десять клавишей, от первого до деся-

того. Каждый последующий клавиш увеличивает силу тока, который будет бить испытуемого. Последние два опасны для его жизни. Вы должны в случае первой ошибки надавить первый клавиш, при повторении ошибки второй и так далее, пока испытуемый не выполнит задание”

Разумеется, никаких испытуемых не было вообще, так как исследовались моральные качества группы ”испытателей”. Им все время зажигали красные сигналы, они увеличивали силу тока. 68% (!) из них надавливали клавиши, соответствовавшие силе тока, опасной для жизни. Психологи, поставившие этот опыт, резюмируют, что человек очень легко склонен снимать с себя чувство ответственности и причинять боль или зло ближнему, если это ”надо” (в данном случае, для науки).

Мы в содружестве с психологами университета Конкордия повторили подобный эксперимент, предварительно опросив испытуемых; рассортировали их по группам ”атеист”, ”агностик” и ”верующий”, причем, заводя с последними провокационные разговоры и даже иногда умышленно (для проверки реакции) оскорбляя их религиозные чувства, по ответной реакции разделили на ”теплохладных” и ”фанатиков”.

Испытуемым было сказано, что в соседней комнате сидит талантливый, но патологически ленивый больной, который без принуждения извне не хочет сосредоточиться. Наша задача — с помощью электроударов вывести его из состояния лени и заставить думать. Двое из испытуемых отказались участвовать в эксперименте, заявив, что не желают причинять боль кому бы то ни было. По иронии судьбы, один из них был атеист, другой — агностик. Остальные согласились.

В ответ на каждое надавливание из соседней комнаты доносились стоны, а то и вскрикивания (надавливая на клавиш, испытуемый включал магнитофон с записью стонов). Двое не остановились перед тем, чтобы надавить десятую кнопку с надписью ”смертельно”. И оба оказались из группы фанатиков! А ведь в быту оба эти человека были очень добры, удивительно честны и непримиримы к малейшей нечестности окружающих, в общем, законопослушны. И вот это самое законопослушание и заставило их надавливать смертельную кнопку; ведь им было сказано увеличивать силу тока после каждой ошибки. И они за участие в опыте получили денежное вознаграждение. Не могли же они (даже в силу гуманности) поступить ”нечестно” по отношению к работодателю (в данном случае, к нам, правда, плата была чисто символическая).

Когда я попал в 1949 году на Лубянку (внутреннюю тюрьму

МВД, теперь КГБ), там еще наряду со следователями-циниками можно было встретить и фанатиков, уверенных в том, что делают благое дело, очищая мир "светлого будущего" от всякой скверны и изобличая ее в антисоветских поступках. По единодушному мнению заключенных, попасть в лапы к такому следователю-фанатику было гораздо хуже, чем иметь дело с циником. Тот и следствие вел халтурно, с ним и договориться можно было: "Это я на себя возьму, черт с вами, а этого — нет".

Но фанатизм — это крайняя степень следования моральным устоям и веры в тот или иной идеал (будь то рай на небе, будь то "рай" на земле). В повседневной жизни каждый из нас то следует моральным канонам, то их нарушает (иначе зачем была бы исповедь, например, у христиан).

Не знаю, воздается ли праведникам на небесах, в это можно только верить (или не верить), а вот на земле люди, пренебрегающие ограничивающими их действия моральными правилами, часто оказываются в более выигрышном положении, чем законопослушники; разумеется, если нарушение моральных законов не переходит границы уголовного законодательства, за которое можно и в тюрьму угодить.

Из вышесказанного у читателя может возникнуть впечатление, что я призываю к игнорированию моральных законов. Но это не так. Даже если бы я сам считал их пустой и ненужной формальностью, то и тогда не решился бы на такой призыв, но об этом потом.

"ФАНАТИКИ ДОНОСА"

Очень характерным в качестве примера парадоксального критерия морали является доносительство на политически неблагонадежных в СССР и других странах коммунизма. Официальные моральные устои заключаются в следующем: страна строит самое справедливое, самое счастливое в мире общество. Следовательно, цель общественная гораздо выше интересов отдельной личности, мешающей этому строительству. Значит, долг каждого члена этого общества выявлять личности, мешающие построению всеобщего счастья. Однако эта мораль идет вразрез с моральным принципом не делать другим зла. А так как любой разоблаченный "непопутчик" коммунизма попадал в далеко не комфортабельные условия, а то и просто физически уничтожался, то против доноса протестовала душа почти каждого доносчика. Были, правда, и фанатики доноса, но подавляющее большинство испытывало моральные муки.

С одним из таких "фанатиков доноса" я близко сошелся в Карлаге. Его можно было бы считать прототипом Запятаева из романа Войновича "Претендент на престол". Во время Антоновского восстания он выполнял роль разведчика и связного между повстанцами и населением, оставшимся в деревнях. Для этого ему приходилось выдавать себя за ярого комсомольца, красного активиста. После подавления восстания он уехал учиться на рабфак и вернулся на Тамбовщину уже ветеринаром с целью выявить и свести счеты с теми, кто способствовал этому подавлению — создавал искусственный голод или сражался на стороне правительства. Вскоре оказалось, что "марать руки их кровью" нет необходимости, так как эту роль охотно берет на себя НКВД. Ему надо только указать на жертву. Вскоре "полетела" вся "верхушка" Тамбовщины, потом те, кто успел разъехаться. Если верить этому ветеринару, то и в деле Тухачевского не последнюю роль сыграла его анонимка. Попался этот стукач, вроде пресловутого воробья, на мякине. Скот кормить было нечем, он, согласно инструкции, велел запаривать солому и мякину, но это не спасало коров от голодной смерти. Ветеринара в качестве "козла отпущения" "загребли", обвинив во вредительстве.

С этим врачом у меня были долгие споры. На мое замечание, что среди его жертв могли быть и люди, не причастные к советским зверствам и не одобряющие их, он парировал:

— А ты, когда был на войне и стрелял в немцев, разве учитывал их настроения. Там, возможно, были антигитлеровцы, пацифисты, попавшие в тотальную мобилизацию, и просто хорошие люди. Но они надели на себя форму врага, дали присягу и вынуждены были выполнять задания командования, то есть, убивать.

— Так то же на фронте...

— А когда авиация бомбит тылы противника?

— Это все общие вопросы. Но вот мой отец. Он был ярким антикоммунистом, скорее всего, погиб где-то в лагере. На него явно кто-то донес. Но ведь доносчиком мог быть и "борец за справедливость" вроде тебя!

— А где и кем он работал?

— Мелким чиновником в экспортхлебе.

— Ага! Значит, он был одним из звеньев той цепи, которая отнимала хлеб у голодающего населения и переправляла за границу. На вырученные деньги закупали оборудование для создания индустрии. Индустрия была необходима для развития военного потенциала, а военный потенциал планировался для захвата всего мира (Мировая революция), то есть, для приведения всего населе-

ния земного шара в такое же скотское состояние, как у нас. Так чем же мне твой отец не враг?

Я не нашелся, что ему возразить...

Интересно, что и следователи где-то в глубине души не симпатизировали доносчикам. После того, как тот становился не очень нужен на воле, на него также заводилось "дело" и он арестовывался. При допросах следователи в этих случаях очень любили приводить фразу из "Детства" Горького: "Донос не оправдание, доносчику первый кнут". Так вот, бывших стукачей я много встречал в местах заключения. Чаще всего они соглашались сотрудничать с органами внутренних дел из страха получить наказание за какой-либо поступок, ставший известным этим органам, или из страха своим отказом попасть в группу "безыдейных" и лишиться определенных привилегий. Во всяком случае (по их рассказам), сам факт становления стукачом вызывал у них моральные муки. Для того, чтобы с душевной легкостью разоблачать "врагов народа", нужно было верить в справедливость своего поступка.

Интересен с этой точки зрения рассказ Л.З.Копелева в романе "Утоли моя печали". Будучи человеком бесспорно честным, но верящим в торжество коммунизма, он не согласился бы просто доносить на товарищей. Но когда дело коснулось разоблачения шпионских тайн Советского государства, он охотно принял участие в выявлении "предателя родины". В то время ему сочувствовал и не верящий в коммунизм А.И.Солженицын, который, как бывший офицер, с антипатией отнесся к человеку, рискнувшему уменьшить военную мощь своего государства, даже если эта мощь создавалась путем шпионажа и прямого воровства. Правда потом, судя по первому варианту романа "В круге первом", он изменил свое отношение к этому.

МОРАЛЬ И "ВНУТРЕННИЙ ГОЛОС"

Разговоры с бывшими стукачами (а большинство из нас сидело по доносу стукачей, и их все ненавидели), натолкнули меня на мысль проанализировать наличие "плохих" и "хороших" качеств в душах окружающих. Разумеется, деление на хорошее и плохое было субъективно, так как поступки я классифицировал сам. Кроме того, в уголовном лагере или пересыльной тюрьме, где содержатся, в основном, "отбросы общества", можно было ожидать большего скопления "плохих" качеств, чем в обыденной жизни. В основном, мои опыты велись в пересыльных тюрьмах, где люди не заняты работой и постоянно просили меня "показать гипноз". Нужно сказать, что уголовники почему-то очень легко

поддаются внушению, а под гипнозом они легко проявляют естественные порывы души. Если гипнотизер внушает человеку во время транса сделать поступок, близкий к его душевной потребности, он это делает очень охотно. По мере уменьшения естественности данного поступка для данной личности заставить ее сделать этот поступок для гипнотизера все труднее. И, наконец, заставить совершить противоестественный для данного человека поступок практически невозможно. Например, давая свернутую в трубку бумагу и внушая, что это — кинжал, я предлагал испытуемому зарезать спящего соседа по нарам. Даже самые отъявленные воры, за исключением профессиональных убийц и бывших парашютистов-десантников, делать это отказывались. Сидящие за изнасилование не проявляли никакого энтузиазма, если им внушалось, что перед ними лежит их мать или сестра, хотя в других случаях проявляли явный интерес.

Большинство мошенников отказывалось действовать в ситуациях, когда им предлагалось, по их понятиям, совершить явную подлость (например, предать товарища по преступлению).

Беседуя потом с этими людьми в нормальном состоянии, я сопоставлял линии их поведения, которые осуществлялись ими в повседневной жизни, с поведением в состоянии гипноза, и обнаружил явное сходство. Это привело меня к выводу, что "моральные нормы" заложены в каждом из нас.

И еще в этих разговорах выявилась любопытная закономерность. Если вор, грабитель или просто жулик шел "на дело" "через не хочу", то это дело или кончалось провалом, или осаждалось неприятным пятном на его совести. Может быть, поэтому уголовный мир очень суеверен. Среди татуировок почти всегда можно встретить "Нет счастья в жизни" — (это чтобы не сглазить); "не забуду мать родную" (чтобы умиловать Бога обещанием выполнять пятую заповедь за счет двух последующих). Но главное, все они считают, что в "делах" надо прислушиваться к тому, что подскажет "внутренний голос".

Самыми аморальными, по моим наблюдениям, были дети состоятельных родителей, шедшие в уголовный мир не по нужде, а "по призванию". Для них не было никаких моральных критериев, и если внушить, что проступок пройдет для них безнаказанно, для проявления их подлости и садизма не было границ. К счастью, такие личности даже среди уголовников попадаются не очень часто. Впрочем, по их утверждению, на совершенные ими подлости их тоже толкал "внутренний голос".

А как часто мы совершаем и хорошие, и плохие поступки

по наитию! Каждый, кто собирал деньги среди своих друзей и знакомых на какое-нибудь "богоугодное" дело, знает, что люди гораздо легче расстаются с более значительной суммой в состоянии душевного порыва, чем соглашаются вносить регулярную подать, руководствуясь только разумом. Зато, совершив плохой или невыгодный для себя поступок, мы говорим потом "бес попутал", "черт меня дернул". Ф.Г.Лорка пишет, что искусство, вдохновленное бесом, — самое лучшее, самое подлинное. Потому что бес сидит внутри человека и не диктует ему извне (как ангелы или музы), а вырывается наружу и дает выход всему внутреннему огню. Испанское выражение "с бесом" так и переводится "с огоньком".*

Короче говоря, наши поступки часто зависят не от здравого смысла и даже не от проявления свободной воли и, тем более, не от боязни нарушить моральные или уголовные законы, а от каких-то не зависящих от нас импульсов. Поскольку из поведения отдельных личностей складывается поведение толпы, государства, народов, то не удивительно, что Л.Фейхтвангер, проанализировав исторические события средневековой Испании, приходит к выводу, что история развивается не благодаря, а вопреки волевым усилиям людей, считающих, что они творят историю.

Если проследить под этим углом зрения любые исторические события, то нетрудно убедиться в том, что воля отдельных личностей не управляет историческими событиями, а лишь приспособляется к ним. Да и сами личности проявляются в конкретных исторических событиях. (Рейген многие годы стремился стать президентом, но Америка созрела до него только теперь, да и то, в значительной мере, благодаря невезучести Картера.)

Все мы обладаем в большей или меньшей степени умом и волей. Но давайте прикинем, как часто мы ими руководствуемся, совершая поступки в повседневной жизни? Попробуйте вспомнить свои действия за последний день, последний час, последние пять минут. Думаю, что подавляющее большинство ваших действий будет совершено или потому, что так захотелось, или новый поступок был неизбежным следствием уже совершенного, например, вы договорились о встрече (в принципе), теперь надо было по телефону уточнить детали, а потом и поехать на нее. А как часто наше поведение зависит от того, как его оценят окружающие! Что скажет "княгиня Марья Алексевна?". Другими словами, мы большую часть жизни плывем по течению, иногда волевыми усилиями пытаемся изменить направление, иногда хотим плыть против, потом устаем. Если уж мы сравнили жизнь с течением, скажем, реки, то попробуем допустить, что что-то направляет и течение этой реки.

* "Синтаксис" № 9 стр.112

”ДУХ ТОЛПЫ” И ”ИНДИВИДУАЛЬНАЯ ЗОНА”

Как же поведение отдельных личностей создает то, что называется ”дух толпы”, ”дух эпохи”? Разумеется, в первую очередь благодаря общению людей между собой или получению общей информации. Но кроме обычной информации, существует и нечто другое.

Чем отличается воинская единица, например, полк, от толпы вооруженных людей в равном полку количестве? Говорят, что полк, потерявший знамя, превращается в толпу и теряет боеспособность. Но вряд ли кусок материи на палке может так уж сильно влиять на психологическое состояние солдат, которое именуют ”духом армии” и, по мнению многих, является одним из ведущих факторов боеспособности. Может быть, полк солдат сплачивает воля идущего впереди командира? Нет, в современных условиях ведения войны солдат, как правило, не видит в бою своего командира, разве что сержант под боком окажется. А если задание заранее объявлено каждому солдату в отдельности, то и команд практически не нужно. Но тем не менее, каждый солдат чувствует себя в составе боевой единицы гораздо увереннее, чем предоставленный самому себе.

Существует такое выражение — ”чувство локтя”. Видимо, не случайно раньше в армиях существовала команда ”сомкнуть ряды”. Это когда из шеренги выпадали убитые и раненые. Очень неуютно было стоять солдату возле пустого места в строю.

А вот демонстрация. Каждый знает, зачем он сюда пришел. Но только встав в строй и двигаясь со всеми, он уже не понимает, а чувствует толпу, сочувствует ей. Вряд ли отдельный демонстрант стал бы кричать на улице: ”Руки прочь от...” или ”Да здравствует...”. А вот в толпе он охотно скандирует иной раз и вовсе бессмысленный лозунг. Не случайно многие диктаторы так любили устраивать демонстрации. Гитлер организовывал факельные шествия, Сталин — первомайские и октябрьские демонстрации, а Иди Амин проводил их чуть ли не каждую неделю.

То, что психология личности меняется в толпе, было известно давно. А вот объясняют это явление и по сей день по-разному. Одни считают, что большинство людей не любит, опасается принимать индивидуальное решение. В толпе такой человек видит пример и срабатывает инстинкт: ”делай как все — не ошибешься”... Другими словами, действует инстинкт подражания.

Отмечено любопытное явление: в толпе у человека меняются некоторые физиологические функции организма. По-другому работают надпочечники, изменяется содержание в крови адреналина, сахара...

Вот эксперимент: если держать отдельные особи черной саранчи в изоляции друг от друга, они позеленеют. Собрать всех вместе — снова примут черную окраску. Если ввести одиноко живущей крысе дозу бутадиена, у нее появится язва желудка, но у крыс, живущих вдвоем или больше, та же доза язвы не вызовет. А малек мурманской селедки в одиночестве не будет питаться и погибнет с голоду. И только если таких мальков окажется в группе около десяти штук, у них через сутки появится аппетит.

И у человека, и у животных есть особая окружающая зона, в которую они очень неохотно кого-либо пускают. Некоторые зоологи считают это инстинктом, связанным с охотничьим угодьем. Но многие факты не укладываются в такую гипотезу. Например, Роберт Ардрей описывает следующий опыт. Исследовалась зона, в которую человек неохотно допускает других людей, у заключенных одной из тюрем. Там находились и агрессивные личности (например, убийцы) и неагрессивные — жулики. Оказалось, что у первых индивидуальная зона намного больше, чем у вторых. Когда экспериментатор подходит к испытуемому, то "агрессор" проявляет признаки беспокойства на большем расстоянии. Но интересно и другое: люди, которые обладают большей зоной, как правило, и лидируют. Именно среди бандитов, убийц, а не мошенников появляются "паханы". Не случайно бывший уголовник Сталин умел подчинять себе людей.

С другой стороны, замечено, что люди, живущие в общежитиях или даже просто по несколько человек в комнате, более нервозны, более нетерпимы друг к другу, чем имеющие отдельную комнату и возможность всегда изолироваться. Вероятно, поэтому в Канаде и Штатах, где с жильем более чем вольготно, народ, в целом, спокойный, доброжелательный. Солдат же, для которых агрессивность важнее доброжелательности, испокон веков держали и держат в казармах.

Но в скоплении развивается не только агрессивность, здесь теряется и индивидуальность, а следовательно, коллективом, живущим скученно, легче управлять. Не случайно пастух органически ненавидит тех коров, которые склонны отбиваться от стада и предпочитают пастись сами по себе. Интересно, что в стаде очень быстро создается иерархия. Каждая особь твердо знает свое место. Всегда есть не только вожаки; но и "козлы отпущения", которых задевают все, кому не лень. А вот вожаки меняют даже свою физиологию. У них по-иному функционируют надпочечники. Если в одном стаде бычок был на нижней ступени, а в другом завоевал верхнюю ступень, его железы начнут функционировать по-иному. И на-

оборот, "скатившись на дно" в другом стаде, он станет совсем иной "личностью".

Обезьяна, бывшая раньше вожаком стаи, но изолированная от сородичей, начинает болеть. В ней происходит какая-то перестройка функций организма. Не те ли же процессы происходят у снятого с работы или уволенного на пенсию большого начальника?

ЕЩЕ О БИОЛОГИЧЕСКОМ ПОЛЕ

Итак, организмы влияют друг на друга. Связано ли это только с нервной системой? Возьмем организм, лишенный нервной системы — растение. Если направить один корешок лука своим концом на другой, то тот начнет изгибаться в противоположную от соседа сторону. Произойдет это в результате того, что клетки второго корешка, ближе расположенные к первому, начнут делиться более интенсивно, и эта сторона больше увеличится в размере.

Открывший это явление ученый Гурвич считал, что растение выделяет особые митогенетические (как он их назвал) лучи.

Удивительно ведут себя и некоторые бактерии, выращенные в искусственной питательной среде. Рост их колоний никогда не совпадает с теоретическими расчетами и почти всегда приходится предполагать, что бактерии влияют друг на друга.

Еще в Москве я принимал косвенное участие (в качестве гипнотизера) в таком эксперименте. Девушка сидела в кресле рядом с растением (геранью), к которому были подведены датчики, регистрирующие образование биотоков. Токи улавливались обычным энцефалографом с записывающим устройством. Девушка погружалась в гипнотический сон, и у нее вызывались приятные или неприятные эмоции. Во время ее эмоционального возбуждения подключенный к растению прибор указывал на образование усиленных биотоков или, как говорят теперь физиологи, разности потенциалов (Р.П.).

Работая уже в Америке, я пытался выяснить, как быстро реагирует растение на внедрение в его корень нематоды. Подобно тому, как животный организм на любое раздражение реагирует нервным импульсом, можно ожидать, что и растительный организм будет отзываться на раздражение изменением биопотенциалов. Для выяснения этого я предпринял специальные исследования. С точек роста стеблей кукурузы с помощью подведенных к ним электродов снимался биопотенциал. Корни растения находились в прозрачных чашечках с агаровым питательным раствором. Чашечка ставилась на столик микроскопа так, чтобы корни можно было

просматривать снизу через дно. В агар помещалась нематода, и я хотел уловить, через какой промежуток времени после внедрения нематоды в корень на верхушке растения появится заметное изменение разности потенциалов. Нужно сказать, что реакция растения на Р.П. осуществляется довольно быстро. Например, растение долго не поливалось. Наконец, вы капнули под корень несколько капель воды. Тургор даже в клетках корней еще не успел измениться, а биопотенциал уже показывает, что все растение пришло в готовность усваивать воду. Поэтому я предполагал, что и в случае с нематодой оно не заставит меня долго ждать и покажет изменение Р.П. Но каково же было мое удивление, когда я обнаружил изменение Р.П. еще до того, как нематода начала проникать в корень! Достаточно ей было приблизиться на определенное расстояние, \therefore как растение начинало реагировать. Разумеется, я предположил, что нематода влияет на корни своими выделениями в агар. Однако добавление в агар, в котором находилось опытное растение, агара из-под нематод никакой реакции у него не вызвало. Значит, нематода влияет на Р.П. своим присутствием!

Еще раз мне пришлось удивиться, когда вспышка Р.П. стала появляться только от моего присутствия. Стоило мне подсесть к опытному растению, у которого электроды были подсоединены заранее, как оно показывало Р.П. На других же сотрудников, которые с этим растением не работали, оно не реагировало.

Поделившись своими наблюдениями с физиологами растений, я узнал, что этот эффект был уже описан Кристофером Бердом в книге "Тайная жизнь растений". Более того, доктор Град из университета МакГилл показал, что растение реагирует и на психическое состояние экспериментатора. Если человек возбужден, находится как бы "под давлением", то растение не только даст вспышку Р.П., но и при длительном присутствии таких людей в помещении, явно отстает в росте. Делались опыты, когда часть растений помещалась в палату буйных психических больных. Они развивались гораздо хуже, чем растения с такими же условиями питания, влаги, температуры и света, но находящиеся в другом помещении.

Было также показано, что растения "любят" (то есть, хорошо под нее развиваются) мелодичную музыку. Во многих теплицах Канады уже используется "музыкальная подкормка" растений.

Все это подтолкнуло меня заняться более детально вопросами влияния растений друг на друга. В первой четверти нашего столетия А.Г.Гурвич, как мы уже говорили, открыл митогенетическое излучение растений, которое стимулирует как рост и разви-

тие низших растений (например, дрожжей), так и клетки высших. Однако до сих пор это излучение не удалось обнаружить физическими приборами, а искусственный ультрафиолет такой же интенсивности, какой мог бы выделяться растением-индуктором, не вызывает аналогичных реакций у реципиента. Не проще ли допустить, что обнаруженный ультрафиолет проявляется лишь как сопутствующий фактор, а митогенетические лучи являются какой-то энергией, присущей только живым организмам. Эта энергия зависит и от магнитного поля (вспомним различие в заражаемости корешков грибами в зависимости от того, как они ориентированы в магнитном поле Земли).

Представим себя в прошлом столетии. Что мы могли знать о радиоволнах? Для обывателя, вроде меня, они и сейчас загадочны. Они невидимы и неосязаемы, проходят через космос, то есть, через безвоздушное пространство, следовательно, нематериальны. В противном случае мы должны будем согласиться, что космос заполнен материей, то есть возродить гипотезу эфира. Обнаруживать их стали после того, как изобрели индукционную катушку, наподобие той, которая эти волны образует. И тем не менее, радиоволны могут трансформироваться в электрическую, магнитную, звуковую и даже световую энергию.

Сейчас есть серьезные доказательства существования особого биологического поля, которое не только пронизывает все клетки организма, но и координирует его действия. Если это так, данная теория хорошо согласуется с той гипотезой морфогенеза, о которой я уже говорил (адсорбция в слабом электрическом поле ферментов и ген-репрессоров).

Но оставим пока в стороне биополе многоклеточного организма и для простоты попробуем присмотреться к простейшим.

Когда-то я общался с очень интересным биологом С.С. Чахотинным. Он был не только замечательным фантазером (что мне очень нравилось), но и отличным экспериментатором, умеющим находить простые и остроумные методы для постановки опытов. Им, в частности, был разработан метод содержания и лечения отдельных инфузорий. Оказалось, что инфузории и даже амебы поддаются дрессировке, хотя никакого подобия нервной системы у них нет.

И вот, пользуясь этим методом, я стал изучать влияние амеб друг на друга в зависимости от их состояния. Если амебу обжечь ультрафиолетовым лучом, она тут же выделяет "сгусток" энергии, влияющий на ее соседей. Те моментально сожмутся в комок. Здесь неуместно вдаваться в подробности экспериментов, поскольку

ку текст и так загроможден научными терминами и рассуждениями. Скажу только, что и изолированные растительные, и животные клетки обладают какой-то непонятной энергией, способной трансформироваться в известные нам виды. В многоклеточных организмах энергия синтезируется в общую для всего организма. При его гибели она бурно выделяется. Если она действительно сохраняется какой-то момент после смерти организма в той конфигурации, которая соответствует отсеченному органу, как это видно на фотографиях, выполненных по методу Кирлиана, то она очень близко подходит к понятию "ауры" или "души". Если же она под эти понятия не подходит, ей следует дать иное название. Но в названиях ли дело?

"ДЕФЕКТИВНЫЕ" ДЕТИ

Говоря о биологическом поле, я вспомнил о проблеме дефективных детей, которая обсуждалась во время моего пребывания в Канаде. Вот уже несколько лет в Канаде ведутся ожесточенные споры между психиатрами и психологами по поводу дефективных детей. Такие дети рождаются и рождались везде и всегда. Иногда их количество по отношению к нормальным детям немного увеличивается — когда родители больше подвержены алкоголизму или пристрастию к наркотикам, иногда падает — в странах, где вводился "сухой закон" или мода на наркотики уменьшалась. В странах с высокоразвитой медициной (и педиатрией, в частности), многие детские дефекты устраняются. Но в этих же странах, где детская смертность резко снижена, дефективные дети не вымирают в младенческом возрасте (обычно их организм менее стоек к различным детским инфекциям и тогда действует своеобразный естественный отбор). Так или иначе, но какое-то количество детей доживает до школьного возраста и встает проблема, как их лучше воспитывать.

Психиатры, которые прежде всего заинтересованы в благополучии своих пациентов, вполне обоснованно считают, что ребенок, выросший в нормальной среде, среди своих братьев и сестер, среди товарищей по школе, развивается лучше, чем в специальном учреждении для умственно отсталых или дефективных детей. Однако психиатров мало интересуют здоровые, не являющиеся их пациентами личности. Они не учитывают того, как может больной ребенок влиять на окружающих. С одной стороны, дети, в среде которых живет дефективный ребенок, привыкают к нему, перестают смотреть на него, как на что-то диковинное. Такие дети

более гуманны, они не будут дразнить или третировать своего дефективного товарища; будут, может быть, стараться ему помочь.

Но, с другой стороны, здоровые дети могут усваивать что-то и от дефективного. Было замечено, что те дети, в среде которых он находится, развиваются хуже, чем те, в среде которых по уровню развития все примерно одинаковы. Да и сама гуманность детей, общающихся с дефективным ребенком, проявляется далеко не всегда. Были случаи, когда такие дети становились "козлами отпущения", а это, в свою очередь, возбуждало в них агрессивные склонности.

Мне вспоминается известный судебный процесс, на котором в качестве защитника горбатого мальчика, убившего нескольких своих мучителей, выступал знаменитый адвокат Плевако. Он вместо защитительной речи стал монотонно повторять: "Господа присяжные заседатели, господа присяжные заседатели....": и так повторял минут десять, пока господа присяжные заседатели не начали нервничать, а потом и злиться. И тогда Плевако сказал:

— Я вам не говорил ничего обидного, просто повторял минут десять то, чем вы являетесь, и вы обозлились. А моему подзащитному всю жизнь повторяли: "Горбатый! Горбатый!" Так неужели он не мог выйти из себя?

Но вернемся к канадской дискуссии. Веские аргументы были и на стороне психиатров и психологов, считавших, что дефективных детей следует воспитывать со здоровыми, и со стороны психологов и педагогов, настаивавших на их изоляции для пользы здоровых детей. Так бы этот спор ни к чему и не привел, если бы не вмешались парапсихологи.

Мы уже говорили о том, что организмы излучают какую-то энергию, способную влиять на окружающие их живые организмы. Любой человек создает вокруг себя определенное поле. Вы наверняка замечали, что есть люди, в присутствии которых чувствуешь себя очень спокойно, раскованно. И наоборот, в присутствии других Вы взвинчиваетесь, хотя разговор мог и не касаться волнующих Вас тем. Иногда окружающие взвинчиваются от одного присутствия человека, про которого говорят, что он живет "под напряжением".

Оказалось, что большинство дефективных детей излучает поле, неприятно действующее на окружающих, и не только на людей. Профессор Град (как мы упоминали) доказал, что растения реагируют на психически больных. Реагируют они и на присутствие дефективного ребенка, особенно, если тот возбужден. А возбуждаются такие дети чаще обычных.

Исследование большого количества дефективных детей показало, что далеко не все из них излучают отрицательно влияющее на окружающих поле. Некоторые его не излучают совсем, а другие только в ответ на раздражение, вызванное окружающими. Эти дети, если они оказываются в среде, где к ним относятся терпимо, ведут себя тоже вполне терпимо. Возможно, именно на таких детях и были проведены упомянутые вначале опыты. Но, попав в среду, встречающую их враждебно, они тут же сами становятся враждебными этой среде и действуют на нее возбуждающе.

Сейчас разрабатываются специальные тесты совместимости или несовместимости детей с различными отклонениями от нормы. А как обстоит дело у взрослых? Когда готовят экипаж космического корабля или полярной зимовки, психологи пристально изучают характеры кандидатов на их совместимость. Ведь во время полета поссорившиеся люди не могут разойтись в разные стороны, и жизнь их будет отравлена.

А в обычных условиях все решается само собой. Как часто можно слышать объяснение уходящего с работы: "Не сработался с коллективом" или "с начальником". Нужно ли говорить, что людям с отклонениями от нормы труднее сработаться. Но именно такие люди чаще всего являются своеобразной "закваской", могущей вызвать брожение общества. Ибо их поступки чаще, чем у других, выходят за рамки принятых обществом условностей. Как это может произойти, попробуем разобраться в следующей главе.

ЭВОЛЮЦИЯ В ПРИРОДЕ И ОБЩЕСТВЕ

Моя кандидатская диссертация была посвящена эволюции паразитизма нематод. На их примере удалось показать не только, как происходило развитие пищеварительной системы, но и как происходит захват новой среды обитания, другими словами, как паразит приспособливается к существованию в новом, ранее устойчивом к нему, растении.

В то время правительство поощряло работы, в которых доказывалось, что окружающая среда вызывает появление у особей новых признаков, передающихся по наследству их потомству. Такая концепция была необходима коммунистической идеологии для научного оправдания стараний создать "нового человека", "человека коммунистического завтра". По поводу того, как создавался этот "Хомо советикус" съезвил В.Буковский: "Сталин принялся рубить головы родителям, и потомство стало рождаться безголовым".

Мы решили выяснить, как приспосабливаются организмы к новой среде, с помощью нематод, паразитирующих в растениях. Когда селекционеры создают новый, устойчивый к этим паразитам сорт растения, он существует очень недолго. Появляется новая агрессивная раса нематод, которая приспосабливается к паразитированию в устойчивых растениях. Генетический и статистический анализ показал, что такое быстрое образование агрессивной расы паразитов не может быть результатом случайных мутаций. Значит, прав Ламарк, говоривший о благоприобретенных признаках, а с ним Лысенко и другие советские биологи, призванные подтвердить коммунистическую доктрину?

Этот вопрос мне и удалось разрешить на примере нематод, опираясь на теорию академика И.И.Шмальгаузена.

Разумеется, диссертация носила не философско-политический оттенок, а сводилась к узкому сельскохозяйственному вопросу — как происходит физиологическая адаптация нематод к питанию. Другими словами, изучались пути образования паразитических рас фитонематод.

Удалось показать, что в изменившейся среде (устойчивом растении) происходят ненаследуемые изменения, подобно тому, как у идущего в гору альпиниста меняется состав крови, тренируются мышцы и тому подобное. Эти изменения носят название эргонтических или рабочих корреляций. Эргонтические корреляции влияют на процессы образования органов, то есть, на процессы морфогенеза, а морфогенез, в свою очередь, контролирует накопившиеся за многие предыдущие поколения мутации. Большинство мутаций для организма вредно, и они не проявляются в виде признаков. Как показал И.И.Шмальгаузен, их проявление подавляется упомянутыми эргонтическими и морфогенетическими корреляциями. Но это происходит в стабилизированных условиях. В новых, изменившихся, примером которых является вновь выведенное устойчивое растение, происходят изменения в эргонтических корреляциях, что, в свою очередь, снимает контроль с морфогенеза, и накопившиеся за многие поколения мутации проявляются в виде признаков. Проявляется сильная изменчивость, а значит, и большое количество "уродов". Кое-кто из этих "уродов" оказывается более приспособленным к новой среде, выживает в ней и оставляет жизнеспособное потомство. Образуется новая агрессивная раса.

Так и в человеческом обществе. Находятся нестандартные, слишком умные или слишком энергичные деятели в научной или общественной сфере; начинают что-то выдумывать. Общество их

интуитивно не любит и всячески тормозит такую деятельность. Но она в конце концов может прорваться, пусть даже в следующих поколениях подобных деятелей. Происходит техническая или социальная революция. Весь уклад общества меняется. Старые привычки должны отмирать. Нормальный человек старого общества в новом выглядит "уродом". Мне рассказывали об одном бывшем академике, мобилизованном в годы революции на физическую работу. Он все делал не так, как нужно. Бригадир из солдат, давая ему очередной подзатыльник, приговаривал: "Здесь тебе не Академия Наук, здесь думать нужно!". Зато те "уроды", люди, не приспособленные к жизни в старом, стабилизированном обществе, в новом оказывались более адаптированы к среде. Не поэтому ли после революций в начальники выходит всякая сволочь, когда контроль общества над ней значительно уменьшается. Но в новых условиях могут особенно ярко проявиться и скрытые ранее таланты отдельных личностей.

Попробуем представить, как судьбы отдельных личностей влияют на судьбы общества. Согласно теории эволюции, развитие всего живого осуществляется благодаря изменчивости отдельных особей (дети никогда как две капли воды не похожи на родителей) и отбору наиболее приспособленных к данной среде. В подавляющем большинстве случаев "интересы" отдельных особей идут вразрез с интересами вида, причем менее приспособленные особи не обязательно должны погибнуть.

Вот ведется наблюдение на Лабрадорских островах за моржовым стадом. Один самец обслуживает "гарем" в несколько сот самок. Остальные самцы находятся на почтительном расстоянии. Представьте, что будет, если владелец "гарема" просто проголодается и нырнет в море за очередной рыбой. Вряд ли другие самцы упустят удобный случай, а самки сохранят верность своему супругу в этот момент. И морж-горемыка (так, по-моему удачнее всего назвать владельца гарема) не питается во время всего брачного сезона — два-два с половиной месяца! Он ни на минуту не покидает свой гарем и питается исключительно подкожным жиром. Каким же он должен быть удачливым рыбаком, чтобы "наесть" столько жира. Эта удачливость как раз и передается по наследству, так как все дети в его гареме будут его, а не от соседей. И так, сотни самцов не только лишаются, во имя одного, сексуального удовольствия, но и становятся слепой ветвью филогении.

Уж коли мы начали ссылаться на учение Дарвина, следует оговорить и то, что оно сейчас встречает довольно серьезную критику со стороны религиозно настроенных ученых.

Эволюционная теория имеет два уязвимых звена. Во-первых, в палеонтологическом материале отсутствуют промежуточные формы (хотя, может быть, они еще будут когда-нибудь обнаружены); во-вторых, более серьезное возражение: если в процессе развития Вселенной и в жизни, в частности, происходит постоянное усложнение, развитие высшего порядка из низшего (как утверждают эволюционисты), то как быть со вторым законом термодинамики, согласно которому доступная энергия всегда имеет склонность уменьшаться, грубо говоря, происходит увеличение беспорядка.

Мне кажется, что спорщики отошли от той проблемы, которую решал Дарвин, и сильно ее расширили.

Фактически спор идет об эволюции вообще, о происхождении жизни на Земле. Дарвин не случайно назвал свой основной труд "Происхождение видов", а не родов, классов. Когда дело дошло до происхождения человека, то рассматривая его как биологический вид, Дарвин оговаривался, что гипотеза его может быть окончательно доказана после того, как палеонтологи обнаружат недостающие промежуточные звенья между обезьяноподобным предком и человеком. Пока его надежды не оправдались.

Но Дарвина сделали знаменем эволюционной теории вообще, которая в разные эпохи развития науки с большим или меньшим успехом конкурировала с креационной. Креационисты считают, что Вселенная, следовательно, и Земля, и все, на ней существующее, было сотворено в действующем виде с самого начала.

Мы не можем доказать справедливость ни первой, ни второй теории, так как не можем воспроизвести начала развития Вселенной в эксперименте. Можно только верить как в первичность материи, так и в Божественное начало (то ли меня Господь сподобил сесть за эти записки, то ли я не могу не подражать пишущей братии в силу того, что человек произошел от обезьяны).

Но это все вопросы не столько научного, сколько философского характера. В повседневной жизни мы сталкиваемся с изменчивостью, естественным отбором и приспособляемостью отдельных особей, которые в совокупности представляют собой популяцию, разновидность, в редких случаях, вид. И тут законы, вскрытые Дарвиным, действуют, практически, безотказно.

Итак, мы остановились на том, что согласно теории эволюции процветание общества происходит за счет гибели или угасания отдельных индивидуумов. Рассмотрим теперь эту проблему с религиозной точки зрения. Бог создал все живое, в том числе, и человека, смертным. Время жизни, хотя и ограничено у разных видов (бабочка-однодневка живет не более суток, секвойя до тысячи

лет), но у отдельных особей не установлено. Одни гибнут, не успев родиться, другие умирают в течение ограниченного им срока. Следовательно, Создателю по каким-то соображениям (а религия признает разумность Созидающего начала) было угодно, чтобы все живое, в том числе, и человек, в положенные ему сроки умирало. В этом смысле волю Создателя, то есть убийство, могут выполнять самые различные факторы. Это может быть бактерия, вызвавшая смертельную болезнь, саранча, лишившая человека посева, а, следовательно, и пищи, и, наконец, сам человек. В этом случае воин, палач или бандит выполняют ту же функцию, что и бактерии чумы, и раковая опухоль.

Так же, как смерть нежелательна для данной личности, так же и грех лишившего жизни другого человека лежит на душе убийцы. Но это в индивидуальном плане; что же касается "планов общественных", то мы можем придти к парадоксальным выводам.

Фактическое отклонение католической церкви от христианских принципов (инквизиция, крестовые походы, в том числе, и на христианскую же Византию, стяжательство с помощью продажи индульгенций) привели к реформаторству, реформаторство породило гуманизм, а гуманизм способствовал техническому прогрессу.

Истребление евреев в Гитлеровской Германии вызвало возмущение в общественном мнении, а это сыграло не последнюю роль в создании государства Израиль. Кто знает, может быть, именно в двадцатом веке, когда религиозные чувства начали сильно притухать, возможно, и евреи, которые в диаспоре ощущали себя нацией благодаря религии предков, стали бы быстро ассимилироваться и перестали бы существовать как нация. Трудно сказать, чем кончится кровавая свистопляска в странах победившего коммунизма. Нострадамус, о котором мы говорили, предсказывал, что это приведет к религиозному подъему.

Мы говорили о самом большом преступлении против личности — лишении ее жизни. Не исключено, что и более мелкие посягательства на ее интересы в общественном плане могут иметь какой-то историко-социальный смысл. Но тогда представления о моральных нормах поведения могут оказаться в совершенно непривычных для нашего восприятия ракурсах. И если уж Создатель наградил нас индивидуальными качествами, в том числе, и внутренним ощущением моральных норм, то, как бы нас не сдерживали писанные и неписанные законы, мы будем проявлять свою индивидуальность согласно "воле Божьей" или врожденным инстинктам и наклонностям.

”СЛЫШАТЬ СЕБЯ” НАДО УМЕТЬ

Итак, с точки зрения биолога можно сказать, что живой организм обладает неким ”биологическим полем”. Именно оно регулирует основные жизненные процессы организма. Организм при смерти это поле теряет. Он перестает что-либо ощущать, реагировать на среду. Поле объединяет организмы в группы, обуславливая их взаимное влияние друг на друга. Развитие группы организмов подчиняется особым закономерностям и мало зависит от волеизъявления отдельной особи или личности. Если бы удалось доказать, что это поле способно отделяться от организма, выходить за рамки пространства и времени, то мы могли бы смело ответить на вопросы, связанные с представлениями шаманов о душе, которые, как мы уже видели, не идут в противоречия с догматами религий. Но как только мы поставим проблему в такой плоскости, в нашем материалистическом сознании моментально возникает блок: этого не может быть. Это противоречило бы законам физики!

А что по этому поводу скажут физики? Последние столетия физики шли в авангарде материалистической науки, поэтому они первые наткнулись на стену, о которую начали разбиваться, казалось бы, незыблемые представления о материи. Оказалось, что существует онтологический слой Бытия и была установлена его нерасчлененность, другими словами, непостижимость.

Не будучи физиком, я не рискну вдаваться в описание этих открытий — их можно прочесть у более сведущих авторов. Достаточно лишь указать, что уже теперь физика перестает быть помехой в нашем представлении о материи как одухотворенной реальности.

Еще недавно физики претендовали на разрешение философских проблем. Теперь они предпочитают заниматься более практическими делами. Многого можно вычислить, даже сделать, но трудно понять. Последуем и мы их примеру и посмотрим — какую пользу можно извлечь из сказанного в этой книге.

Независимо от степени ума, силы, работоспособности, одни действия приводят нас к желаемому результату, другие пропадают зря. Давайте на минуту представим, что интуитивный опыт многих народов был верен и судьба все-таки существует. Да, мы можем делать выбор для своего поведения. Но будет ли он соответствовать предначертанию судьбы, будет ли выбор удачным? Люди с хорошо развитой интуицией ощущают судьбу, у других в арсенале имеется целый набор ”добрых” и ”дурных” примет, третьи обращаются за советами к различным гадалкам и ”провидцам”. Они уверяют, что это способствует удачам. Я же предпочитаю прислушиваться к своему ”внутреннему голосу”. Но для этого еще надо научиться слышать.

”ПОПРОБУЙТЕ САМИ”

Меня на публичных лекциях часто спрашивают, всякий ли может научиться угадывать мысли, гипнотизировать, внушать реципиентам образы или приказания. Я обычно отвечаю: ”А Вы попробуйте”. Разумеется, постигнуть то, что дается йогам или шаманам в результате многолетних тренировок и лишений сразу не удастся. Вряд ли Вы обнаружите у себя и такие уникальные способности, которыми обладал Краузе или Аллисон. Они потому и прославились, что такие способности встречаются чрезвычайно редко. Но для того, чтобы играть на скрипке, вовсе не обязательно быть Паганини. Достаточно иметь хоть какой-то музыкальный слух. Так вот, обнаружить в себе такой ”слух”, только ”парапсихологический”, можно с помощью простых опытов.

Попросите двух знакомых задумать, чтобы Вы взяли какой-нибудь предмет. Потом пусть они встанут по обе стороны от Вас, одну руку положат Вам на плечо, а другой возьмут за запястье, и думают об условленном предмете. Вы почувствуете, что они Вас просто ведут к этому предмету. Потом ограничьтесь одним ”сопровождающим”, потом, только держась за его руку (или он держит Ваше запястье). Тут Вы можете уже удивить окружающих своей способностью ”угадывать”, но это еще не будет телепатией. Чтобы понять сущность этого явления, взгляните на группу ”болельщиков” хоккея, сидящих перед телевизором. Они как бы повторяют движения хоккеистов. Физиологи называют непроизвольное, адекватное сознанию движение мышц идиомоторикой.

Но вот Вы попробовали угадать что-то, не держась за индуктора. Если Вам это удалось несколько раз подряд, продолжайте опыты. Если нет, займитесь чем-нибудь другим, например, игрой на скрипке (если есть слух).

Допустим, у Вас получается угадывание предмета без сопровождающего. Теперь сделайте такой опыт: встаньте спиной к товарищу, расслабьтесь и попросите, чтобы он сначала на Вас не смотрел. Потом, заметив время, пристально стал бы смотреть Вам в затылок. В течение первых же секунд Вы должны почувствовать, что Ваше тело как бы наклоняется назад. Если это будет получаться четко, начинайте развивать в себе телепатические способности.

Существует множество школ, сект и клубов, где Вам за деньги, а то и без денег предложат постигнуть науку йогов или теософов. Везде от Вас потребуются много времени и напряжения сил. Иногда придется менять свои привычки, рацион питания.

Однако, подобно тому, как специалист, закончивший институт, использует в повседневной работе не более десятой доли полу-

ченных им там знаний, так и ученик подобных школ будет, на мой взгляд, большую часть времени тратить зря. Мой личный опыт довольно ленивого человека показывает, что развить в себе соответствующие способности можно и гораздо более простым и быстрым путем. Но об этом я надеюсь рассказать в следующей книжке.

Попробуйте еще держать свою руку ладонью в сторону другого человека, желательно противоположного пола, на расстоянии 1-1,5 сантиметров ладонь от ладони. Если Вы терпеливы, то через некоторое время почувствуете, что от ладони Вашего партнера исходит тепло. Причем тепло это будет ощущаться не таким, как если бы Вы держали ладонь возле печки или батареи парового отопления. Это какие-то своеобразные лучи. А если Вы будете такое тепло чувствовать очень быстро и интенсивно, значит, и в Вас зарыт талант целителя.

Еще проще развить в себе способность гипнотизера. Техника гипноза описана во многих книгах и пособиях. Но тут нужно придерживаться основного правила: гипнотизер должен верить в то, что он внушает. Малейшая фальшь в его голосе будет уловлена гипнотизируемым, и все старания пойдут насмарку. И еще — надо чувствовать состояние гипнотизируемого. Если Вы будете говорить, что "Ваши веки стали тяжелыми, Вы уже не в состоянии открыть глаза", а на самом деле этот момент не наступил, человек захочет попробовать открыть глаза, откроет, и весь Ваш труд окажется напрасным. Начинать внушение сначала будет намного труднее, так как Вера в Ваши способности будет подорвана. Следует учитывать и обстановку, к которой привык гипнотизируемый Вами. Однажды в Канаде я проделал такой опыт: загипнотизировал несколько человек из старой эмиграции и недавно приехавших из СССР. Потом внушал им: "Вы сидите на вокзале, в зал входит майор милиции и командует вам: "Встать!!!". Все вновь прибывшие разом вскочили, а старые эмигранты и ухом не повели. На Западе люди не привыкли к окрикам.

Некоторые парапсихологи рекомендуют для ускорения развития ясновидения применять различные химические препараты. Я этого не советую, так как в этом случае есть большой риск повредить свою нервную систему. В этой связи я расскажу

О "ЦЕНТРЕ ДУХОВНОГО НАСЛАЖДЕНИЯ".

Вы пошли в театр, спектакль Вам понравился и Вы получили удовольствие. Люди очень эмоциональные готовы потратить последние деньги, чтобы пойти на концерт. Они готовы пожертвовать ужином, завтраком и обедом, чтобы насладиться музыкой. Но как

измерить степень их наслаждения? Думаю, это можно сделать, подсчитав, чем человек пожертвовал ради духовного наслаждения. И тогда на первом месте окажутся различные монахи-пустынники, бросившие все мирские блага ради общения с Богом. Это общение у разных народов и представителей разных религий достигается различными методами. Христиане медитируют, творя "Иисусову молитву", буддисты – погружаясь в Нирвану, йоги – сосредотачивая "прану" в "теменном глазу". И те, кому в конечном счете удается слиться (как они считают) с Божеством, говорят о невыразимом наслаждении.

Сейчас в Америке, как и в других странах, появились различные школы и секты, которые, обобщив опыт медитации, дают советы и наставления, как получить подобное наслаждение кратчайшим путем, не уходя из реальной и повседневной жизни. Судя по тому, что число их членов растет, многие получают от подобных медитаций удовлетворение.

Но является ли духовное наслаждение присущим только человеку?

Христиане, равно как и иудеи, и мусульмане, считают, что это так. Ибо Бог, сотворив Адама, "вдунул в него душу", а о душе животных в Ветхом Завете ничего не сказано. Восточные религии (индуизм, буддизм) считают, что душой обладает все живое. Наконец, материалисты совсем не признают существование души и сводят все к физиологическим процессам.

У крысы вырабатывались условные рефлексy: нажав клавиш определенного цвета, она получала лакомство. А потом ей в мозг вживлялся электрод, в ту точку, которую физиологи называли "центром наслаждения". Если через этот электрод начнет проходить ток, то крыса будет получать удовольствие. И действительно, когда крысе показали, с помощью какого клавиша она может пустить себе в "центр наслаждения" ток, то крыса "забыла" о тех клавишах, которые давали ей лакомство. Она вообще как бы забыла о пище и лишь изредка надавливала клавиш, дающий ей воду для питья. Она худела, но, как наркоман (а может, как монах-отшельник), не могла оторваться от клавиша, дававшего импульсы в ее "центр наслаждения".

В другом университете в Соединенных Штатах стали проводить опыты по восстановлению зрения у слепых. Если ввести в головной мозг, в ту часть его, которая называется зрительным центром, электроды и пустить по ним ток, человек увидит свет. А если электродов несколько, то и фигуру, соответствующую расположению электродов: круг, крест, квадрат. При наличии 48 электродов человек может видеть изображение с четкостью, соответ-

ствующей узкоплечному кино. Цель исследования сводится к тому, чтобы, создав миниатюрную телекамеру, помещающуюся в глазное яблоко, и микрокомпьютер, вернуть с помощью их и вживленных в мозг электродов, зрение слепому.

Но в процессе этих работ была разработана методика раздражения различных точек головного мозга без трепанации черепа и без вживления в них на всю жизнь электродов (как это делали на крысах). И вот среди членов парапсихологического общества Монреаля нашлись охотники попробовать на себе, что значит раздражить "центр наслаждения". А так как среди охотников были и те, кто длительное время занимался медитацией и кому удавалось почувствовать то наслаждение, которое у них наступало при "общении с Божеством", то появилась возможность сравнить эти два ощущения, грубо говоря, чисто физиологическое и чисто духовное.

Вот что говорят люди, погружавшиеся в Нирвану: "Вижу яркий нераздражающий свет, приятное тепло, удивительную легкость тела и мысли. Нет, это нельзя передать словами, это верх блаженства. Я чувствую, что передо мной нет никаких преград. Я свободен. Я чувствую соединение с богом!". "Я все могу, но ничего не хочу. Это верх всех моих желаний!". "Это что-то невообразимое, непредставимое. Я все знаю, все понимаю, все люблю, я — часть всего, и все — часть меня".

И вот точно (или почти точно) такие же высказывания можно было услышать от тех людей, кому раздражали "центр наслаждения". А если мы вспомним высказывания Радхакришна, Фомы Аквината, Серафима Саровского и Иоганаты, короче говоря, всех тех, кому посчастливилось побывать в подобном состоянии в разные эпохи, с разной верой и разными методами, то увидим в этих высказываниях удивительное сходство.

Но если общение с Богом считается вершиной интуитивной деятельности человека и если интуитивная деятельность может стимулироваться чисто физическим способом, то нельзя ли стимулировать (то есть, найти в мозгу соответствующую точку) и менее высокую интуитивную деятельность? Ведь большинство великих открытий в науке было совершено благодаря интуитивному прозрению того или иного ученого. Даже в тех случаях, когда прозрению предшествовало накопление фактов, требовалось наитие, чтобы эти факты сопоставить в нужном порядке и сделать на их основе принципиально новый вывод. А, может быть, и такой интуицией можно управлять с помощью тока или других физических воздействий?

И еще из приведенных опытов напрашивается еретический вопрос. Если ощущения высшего блаженства общения с Богом

можно получить тем же способом, что и наслаждение у крысы, то такая ли уж глубокая пропасть между духовным миром человека и животных?

Если существует поговорка "Чужая душа — потемки", то не означает ли это, что для постижения чужой души нужен соответствующий настрой души собственной. Люди, любящие животных и много с ними общающиеся, уверяют, что животным свойственны все душевные переживания, которые присущи человеку, вплоть до угрызений совести. И, может быть, прав Михаил Зощенко, который, переводя книгу Ларни "четвертый позвонок", вставил туда такую фразу:

"Точка зрения, что человек является "венцом творения" субъективна, так как ее придумали сами люди".

Читателю аналогия, которую я провожу между экстазом святого и человеком, принявшим ЛСД или другой наркотик, способный вызвать галлюцинацию, и даже крысой, у которой раздражают "центр удовольствия", может показаться кощунственной. Ведь ЛСД и наркотиками имитируют также тяжелые психические заболевания.

Как это ни парадоксально, но и святых, и великих ученых в быту часто считали "не от мира сего". Видимо, интуитивная деятельность не сопряжена с "разумным" в бытовом понимании этого слова поведением. Возможно, что "выключая" с помощью наркотика или тока умственный контроль над интуицией, мы как бы освобождаем ее деятельность. Не случайно шаманы, перед тем, как войти в транс, широко применяли вещества, влияющие на их психику. И все же, как я уже говорил, более безопасно и эффективно натренировать свое подсознание простыми и не требующими больших затрат труда и времени приемами. Об этом я надеюсь рассказать в следующей книжке.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ – СЕКРЕТ ОПТИМИЗМА

Недавно я получил книгу с такой надписью: "Дорогому родственнику, доброму и заботливому другу Сереже Мюге за постоянную бескорыстную помощь и оптимизм, которые ты несешь в дом наш. Петро, Зинаида, Олег, Андрей Григоренки".

Если с прилагательными легко можно спорить, то конец фразы, скорее всего, соответствует истине. Друзья и знакомые меня считают оптимистом. Я, как правило, доволен жизнью, хотя с общепринятой точки зрения не могу считаться преуспевающим. После того, как было написано послесловие к первой части книги, в моей жизни произошли изменения. Я стал получать что-то вроде пенсии, живу в "старческом" доме на отшибе, иногда ощущаю одиночество, так как его жильцы отличаются от меня и языком, и возрастом.

До "жизни такой" я дошел умышленно. Формально пенсию мне дали из-за слабого зрения, поскольку трудно видеть нематод под микроскопом. Американский закон гласит, что инвалидом может считаться человек, который "не может выполнять любую работу с учетом специальности". Ну, а по-мнению чиновников, специальность биолога заключается в том, чтобы смотреть в микроскоп.

Стимулом обращения за пенсией послужило следующее.

Работая в американских и канадских университетах, я столкнулся с большой целенаправленностью каждого исследования. Даже, казалось бы, независимый руководитель темы гораздо больше "привязан" к плану работы, чем его коллега в СССР. Заказчик разрабатываемой им темы платит, как мне казалось на первых порах, астрономическую сумму денег, но за это требует точного выполнения конкретной работы. На фантазирование, удовлетворение научно-исследовательского любопытства у исполнителя не остается ни времени, ни сил. Первые годы коллеги смотрели на меня как на гостя и не слишком пытались загонять в прокрустово ложе университетских планов. Так продолжалось около пяти лет, но всему приходит конец. Я и формально, и морально должен был становиться настоящим американцем. Пора было сделать, хотя бы для самого себя, вывод – чего же я хочу.

Мне не свойственно стремление американцев к большим заработкам и размах, с которым они тратят заработанные деньги. На вопрос, зачем им две или три лишние комнаты, которыми все равно не пользуются, зачем большой автомобиль, если большую часть времени он возит одного человека, мне всегда отвечали, что нужно думать о будущем. Комнаты могут понадобиться, если

появится жена (если есть жена, то еще дети, или внуки, зятя). Большой автомобиль безопаснее, если придется с кем-то столкнуться, да и пригодиться могут лишние места в нем... Но главное — иметь свой "кадр" — место и окружение, соответствующее месту в занимаемой иерархии.

Ну, а мне как фаталисту заботиться о будущем кажется бессмысленным. И на сегодняшний день необходимы крыша над головой, не слишком хитро приготовленная еда и возможность делать то, что хочется, а не то, что должен. Следовательно, нужна независимость. Все это я теперь имею.

Правда, иногда становится одиноко, тоскливо. Не с кем поболтать, поделиться мыслями. Одни из моих старых друзей стали "американцами" и им просто не хватает времени на отвлеченные разговоры. Другие, которым это не удалось, разочаровались в Америке и живут прошлой жизнью, предпочитая говорить о прежнем.

— Ну что ж, — подумал я, — трудно найти собеседника, попробую поискать читателя, — и сел за написание этой книги.

Один из друзей посоветовал:

— Поделись опытом, как ты ухитришься оставаться оптимистом и казаться жизнерадостным, если мир катится в пропасть, того и гляди разразится война, большинство друзей по СССР между собой перессорились, сам ты замуровался в старческом доме и живешь на минимальную пенсию.

Я, конечно, мог бы ответить менторским тоном:

— Следуй суре Корана: "Если хочешь быть счастливым — будь им!", подавляй, как буддист, желания, думай о загробной жизни, отрещась от суеты мирской, как христианский стоик, не пытайся повлиять на политику, ибо все произойдет помимо нашей воли (тогда и с друзьями не поссорись на политической почве).

Но я этого не говорил, да и сам не слишком верю в то, что из винегрета разных религиозно-философских воззрений можно создать для себя душевный покой и удовлетворенность.

Осознать себя счастливым, когда что-то болит (душа или тело) не так-то легко. Захотеть подавлять свои желания — это значит прибавить к ним еще одно (желание подавлять желания) и пока не наступит нирвана (и наступит ли?), будет еще больше неудовлетворенность. Думать о загробной жизни стоит, если стремиться к загробному блаженству, творя на земле праведные дела. Но на каких весах будут взвешиваться добродетели и грехи, если и эти понятия не так уж стабильны?

А в политические дискуссии я не вмешиваюсь не столько потому, что мое мнение все равно бы не повлияло на ход истории

(как раз из таких споров создается общественное мнение, а оно может повлиять на ход исторических событий), сколько по моральным соображениям. Ведь политические споры ведутся в силу того, что каждый имеет свое мнение, как должно развиваться общество, другими словами, как должны вести себя его граждане. Но если граждане ведут себя не так, как надо, то их следует убедить (а еще проще, заставить) делать не то, что они делают в данный момент, а то, что считает нужным политический спорщик. Но где гарантия, что он прав, что именно его "программа" сможет хоть кого-то осчастливить? или хотя бы не принесет новых бед?

Я вовсе не хочу себя ограничивать. Вопрос в том, насколько желаемое необходимо.

Мне необходимо дышать, пить, есть, сохранять температуру тела — значит, нужны жилье и одежда, к удовлетворению этих потребностей стремится любой живой организм. Если я в эту категорию буду заносить и другие желания, то сам перед собой создам непреодолимый психологический барьер.

Например, мне тоскливо, и я сам себе говорю: "Мне необходим друг (а еще лучше, подруга) с которым будет уютно, легко, интересно". "Необходимо" равносильно выражению "Я без этого жить не могу". Но для того, чтобы найти друга, мало только моего желания. Значит, если друг не откликнется, то я должен умереть? Умереть — не умру, но страдать буду.

Так не проще ли сформулировать желание так: "Было бы неплохо, если бы меня посетил друг (подруга). Я угостил бы его вкусной едой (как бывший химик, я неплохо "химичу" и у плиты), создал бы уютную обстановку, поделился своими мыслями". Но друг не явился... Ну что ж, я зажигаю свечи, сервирую стол, наливаю в бокал чайную ложку коньяка или вина — ведь мне не нужно уходить от самого себя в состояние опьянения, настроение и так отличное — и сажусь ужинать.

Конечно, готовить для одного человека менее рентабельно, но я готовлю сразу несколько порций, разливаю или раскладываю по коробочкам и замораживаю то, что не съел за раз. И пища разнообразится, и реже надо готовить одно и то же блюдо, и если гости придут, найдется чем угостить без лишних хлопот.

А потом я сажусь за письменный стол и беседую сам с собой — пишу статьи, скрипты для радио и вот — эту самую книгу.

Чаще всего люди, готовясь к приходу гостей, делают то, что в повседневной жизни считают излишним. Когда-то и я поступал так же, и мне самому хотелось ездить в гости, а если долго не было приглашений, я был недоволен. Теперь же мне все реже и реже хо-

чется выезжать из дома. Я создал уют у себя и для самого себя. Вот и сегодня, во второй день нового года, решил не ехать на званный обед (двух вечеров, проведенных вне дома, оказалось достаточно, чтобы развеяться), а сел писать это послесловие и блаженствовать, лежа на диване с интересной книгой.

Или мне пришла в голову гипотеза. Для того, чтобы ее подтвердить, следует провести ряд экспериментов. Если бы я сформулировал, что эксперименты необходимы для подтверждения, она так бы и осталась неподтвержденной, а я ощущал бы чувство неудовлетворенности. Но если я подумаю, что было бы неплохо ее доказать (но как?), то мысли начинают крутиться вокруг вопроса "как" и искать простейший недорогой способ постановки эксперимента. Я уже приводил пример с маятником Фуко — если идея верна, ее можно доказать очень простым опытом. И вот поиски простого ответа на сложный вопрос стимулируют энергию творчества, а в случае удачного решения приносят громадное моральное удовлетворение.

Привычка планировать эксперименты и с финансовой стороны помогает мне и в быту. Я прикинул, сколько нужно денег для удовлетворения действительно необходимых желаний. Получилось меньше, чем я получаю. Остаток пенсии и то, что удастся заработать сверх нее, я могу тратить на удовольствия. Я люблю путешествовать. Мне не надо планировать отпуск, и я могу ездить, когда какая-нибудь организация объявляет дешевую экскурсию. В прошлом году я побывал в Израиле, Египте, Канаде, Лондоне...

Чаще всего нам портят настроение другие. Кто-то сказал или сделал что-то неприятное. Кто-то обошелся слишком фамильярно и невежливо. Не чужды такие обиды и мне. Иногда вспыхивает злость. Но когда первые эмоции улягутся, я начинаю анализировать поведение не обидчика, а свое — что я сделал не так, что вызвало его реакцию? Когда лошадь сбросит всадника, то он (если не хочет и впредь ходить в синяках) должен или забросить конный спорт, или научиться ездить; другими словами, найти свою ошибку: рано или поздно натянул повод, расслабил шенкеля, своевременно не уловил намерение лошади... От людей совсем не уйдешь, поэтому возможен только второй вариант — анализ собственного поведения. Начав анализировать ссору, идя назад по времени, мозг вместо того, чтобы переживать обиду, включается в творческий процесс. Вы словно "в часы досуга" решаете психологическую задачу. Обида и злость уступают место осознанию своей ошибки. Вы можете досадовать на свое неверное поведение, но тут же эта досада проходит, так как вы знаете, что подобной ситуации больше

не будет. Второй раз на той же кочке не споткнетесь. Ну, а если очень сами на себя злитесь, попросите у себя же прощения и пообещайте больше так не поступать. Примирение наступит очень скоро, и вы снова приобретете душевное спокойствие.

Впрочем, как и в случае с лошадью, можно найти свою ошибку в том, что вовремя не огрел ее плетью, так и в случае с людьми, что где-то проявил "слабину". Можно даже потом наверстать упущенное, но это будет уже не проявлением гнева, а тактический прием, который не отразится на вашем настроении.

Я не слишком забочусь о своем будущем, ибо верю в судьбу, и мне не нужно никаких накоплений. Я не боюсь смерти — у меня нет оснований не доверять опрошенным Муди и КублерРосс. По этой же причине я не слишком расстраиваюсь из-за смерти близких (уверен, что там им будет не хуже, чем было здесь); и не только по этой. Чаще мы оплакиваем не столько покойника, сколько близких, включая самого себя, потерявшего в нем опору. Если две карты стоят только потому, что опираются друг на друга, получается карточный домик — символ неустойчивости. Если же одна карта может находиться в вертикальном положении, значит, она имеет прочный фундамент. Я предпочитаю быть одиночной картой.

И все же ни независимость, ни сведение к минимуму желаний (а, следовательно, и риска огорчиться, если они не исполнятся) не делают человека счастливым.

Как видел читатель, в ряде случаев мне поразительно везло. Друзья разводили руками, а секрет был прост: прислушиваясь к внутреннему голосу, я одновременно пытался услышать и шопот судьбы, понять, что она мне уготовила.

И если моя воля к исполнению задуманного совпадала с предначертаниями Судьбы, удавалось почти невероятное.

Секрет везучести, а следовательно, и оптимизма, по-моему, заключается в том, чтобы заранее увидеть и отличить благожелательную улыбку Фортуны от ее предупреждающей гримасы.

ПРИЛОЖЕНИЯ

из газетных статей

1. (НГ)

Тайна Жерара Кросье заключается ни более, ни менее, как в том, что он может читать мысли, предсказывать будущее, и знать все, или почти все, о событиях, происшедших за сотни километров от него. В институте парапсихологии Утрехта хранится обширное досье на Жерара Кросье. В картотеке — сотни страниц с описаниями уголовных дел, раскрытию которых в той или иной степени помог Кросье.

В городе Воорбург пропал мальчик. Ответ на сей раз последовал с быстротой, на которую, вероятно, способен лишь современный компьютер. Ясновидящая на клочке бумаги нарисовала участок канала с полуразвалившейся избушкой на одной его стороне и узким мостиком, ведущим на другой берег, где была старая мельница. «У избушки, — сказал Кросье, — вы найдете белый ящик с мусором. Мальчика бросили в канал именно здесь. Но не ищите тело до утра вторника. В этот день оно всплывет само». Полиция, найдя место, указанное Кросье (в том числе и белый ящик с мусором), тем не менее, вновь обшарила дно канала. Ничего найти не удалось. А в 7 часов 45 минут во вторник тело маленького Вимпи Сли медленно всплыло из глубины канала.

2. (НГ)

Айрин Ходжес, продемонстрировала свои способности при раскрытии преступления в 1964 году.

Тогда восемнадцатилетняя девушка, жившая в одном из пригородов Чикаго, пошла вечером прогуляться и не вернулась домой. Полиция исчерпала все средства, разыскивая исчезнувшую девушку, прежде, чем попробовала обратиться к мисс

Ходжес. «Та, которую вы ищете, мёртва. Вы найдете ее с проломанным черепом под деревом возле дома, в котором она жила», — был ответ Ходжес. Но самое удивительное случилось потом. Она медленно и отчетливо произнесла по буквам имя убийцы и продиктовала его адрес.

3. (НРС)

Ночь на 3 декабря 1967 года была на исходе, и рассвет начинал гасить звезды, когда домохозяйке из городка Натли в Нью Джерси Дороти Аллисон пригрезилось, что она видит труп маленького мальчика, лежащего в канализационной трубе, один конец которой выходит в полувывсохший пруд. Мальчик был одет в зеленую зимнюю куртку с капюшоном и в башмаках не на ту ногу. Несколькими месяцами раньше Аллисон говорила полиции, что видела стену серого цвета, дом с золотым тиснением и цифру восемь.

7 февраля 1968 года пятилетний Майкл Курсикс, исчезнувший двумя часами позже Доротиного декабрьского видения, был найден мертвым в канализационной трубе в Клифтоне, штат Нью Джерси. На мальчике была зеленая зимняя куртка с капюшоном, а когда полицейские сняли с него резиновые ботинки, то увидели, что ботинки были надеты не на ту ногу. Поблизости возвышались серый бетонный дом, фабрика, на передней двери которой была сделана надпись золотом, и начальная школа под номером восемь.

4. Опыты Шацмана с Руфь. (НГ)

Женщина по имени Руфь, не страдавшая никакими психическими расстройствами, утверждала, что часто ощущает присутствие людей, которых на самом деле рядом нет. Для нее они выглядят совершенно живыми, реальными личностями. Эти люди ведут между собой беседы, она слышит звук их голосов. Они отбрасывают тени и могут загоразивать собой предметы. Др Шацман вместе с другим психиатром и нейрохирургом, доктором Фенвиком, использовали особый метод визуальных и слуховых раздражителей. Если нормальный человек смотрит на телевизионное изображение шахматной доски, на которой черные и белые поля ежесекундно меняются местами, то на этот раздражитель реагирует затылочная часть головного мозга. Щелчки, которые испытуемый слышит в наушниках, транслируются также в определенный участок коры головного мозга. Записав эти сигналы на электроэнцефалограмму, мы получим картину «ответов» головного мозга на визуальные и слуховые раздражители. Глядя на следы, которые датчики провели на бумажной ленте электроэнцефалограммы, мы как бы слышим звуки большого города, находясь на расстоянии нескольких километров от него. При этом мы можем говорить лишь об общем уровне, так сказать, деловой активности этого города, поскольку расстояние слишком велико для того, чтобы получить представление о характере деятельности отдельных его жителей. Вообразим теперь, что в городе есть большой стадион, и попросим сидящих там несколько тысяч зрителей одновременно кричать что есть сил, как только они увидят вспышку света. Сделав это, мы су-

меем выделить рев толпы из общего фона городского шума. Это сравнение помогает понять, каким образом удастся на электроэнцефалограмме выделить реакцию мозга на конкретный, повторяющийся через равные промежутки времени раздражитель.

Поскольку, по утверждению Руфь она могла вызывать появление видений перед своим мысленным взором по желанию, Шацман и Фенвик попросили ее расположить видимую «фигуру» перед телевизионным изображением уже известной нам шахматной доски. Ученые хотели получить ответ на вопрос, помешает ли фигура «привидения» мозгу Руфь принимать изображение полей шахматной доски, ежесекундно меняющих свой цвет?

Усевшись перед телевизором, Руфь вызвала изображение своей восьмилетней дочери. Дочь, как сообщил Руфь, сидела у нее на коленях, и ее голубка загоразживала экран. Это было поразительно, однако от факта никак не денешься: «визуальный ответ» испытуемой на электроэнцефалограмме отсутствовал! Во время другого испытания Руфь сообщила, что на этот раз голова дочери закрыта экран не полностью. И это обстоятельство немедленно подтвердила электроэнцефалограмма.

Затем Шацман и Фенвик проверили реакцию мозга Руфи на слуховые раздражители. Реакция носила вполне нормальный характер. Затем один из исследователей попросил Руфь вообразить, что ее дочь уменьшает силу щелчков до того уровня, когда она перестает их слышать. Можно себе представить ощущения ученых, когда они, проверив электроэнцефалограмму, не обнаружили на ней «слухового ответа» мозга Руфи.

5. (НГ)

Д-р Хелен Уомбах, ставшая знаменитостью благодаря своим двум книгам «Переживая прошлые жизни» и «Жизнь до жизни», провела более тысячи опытов с самыми различными людьми. Ничего нового или особенно сложного в технике ее опытов не было. Хелен погружала пациента в гипнотический транс и вела его назад во времени, а потом задавала вопросы: «Что вы видите?» «Где вы?», «Как вас зовут?», «Как вы одеты?» и т.д. Ей отвечали египетский писец и средневековый рыцарь, французский крестьянин и азиатская жрица, английская горничная викторианских времен и вавилонский торговец...

Все, что говорилось пациентами во время сеансов, доктор Уомбах и ее ассистентка Элинор тщательно записывали и потом сверяли с историческими трудами и документами. Только в восьми случаях из 1 088 в записях были обнаружены явные неточности. Описания одежды, домашней обстановки и утвари, пищи, религиозных обрядов, денег самых разных стран и эпох оказывались правильными до мельчайших деталей. Например, от одной из пациенток, студентки по имени Шерли Клепп, было получено абсолютно достоверное описание спортивной игры 15 века в государстве Майя (в Центральной Америке) и даже установки обруча, через который по ходу игры бросали мяч.

6. Доктор Иэн Стивенсон описывает опыт, проведенный в 1974 году филаделфийским врачом Хэрлодом Джонсоном. Пациенткой была его жена Лидия, согласившаяся помочь мужу в работе — пусть даже пассивно. Д-р Джонсон погрузил Лидию в глубокий гипнотический транс и повел ее назад во времени. Неожиданно

она вздрогнула, закричала и сжала руками голову. Джонсон немедленно прекратил сеанс. Но на второй и третий раз повторилась та же самая история. После пробуждения Лидия говорила, что видит тонущий баркас и волны, чувствует, как погружается в воду, а потом — удар по голове... и все исчезает. Наконец, более опытному гипнотизеру удалось «рывком» провести ее еще на 10 лет назад. Ко всеобщему удивлению, Лидия заговорила. Она произносила отрывочные слова, частично на английском, частично на неизвестном никому из присутствующих языке. Но это был не ее голос — низкий, хриплый и... явно мужской! На вопрос, как ее зовут, она ответила: «Йенсен Якоби». Язык, на котором говорила Лидия, оказался шведским (в нормальном состоянии она не знала по-шведски ни слова). На следующий сеанс был приглашен переводчик. Миссис Джонсон, все тем же «не своим» голосом, рассказывала о повседневной жизни в приморской шведской деревне почти 300 лет назад, описывала домашнюю утварь, инструменты, одежду, корабли... При самом тщательном анализе в собранном во время опытов материале не оказалось ни одной неточности. Е.Юнг

7. (НГ)

29 ноября 1952 года Мори Бернстейн загипнотизировал Рут Симмонс. «Мы пойдем назад, сквозь пространство и время, — сказал он ей, когда дыхание молодой женщины стало ровным. — когда я обращусь к вам в следующий раз, вы будете семилетней девочкой и расскажете мне о своей жизни». Рут послушно рассказывала Бернстейну о своих школьных годах, о куклах, в которые она играла, о своих одноклассницах.

Повинуясь Бернштейну, она скользила памятью все дальше и дальше в прошлое. Вот Рут уже два года. Ее любимые игры... ее куклы... ее маленькая собака Бастер... Ей год. Он наклоняется над ней: «Назад, назад, идите назад до тех пор, пока вы не обнаружите себя в каком-то другом времени, другом месте, другом измерении, и когда я спрошу вас обо всем, что вы видите, вы расскажете мне».

Прошло несколько мгновений, показавшиеся всем, кто был в комнате (присутствовало трое: сам Бернштейн, Мири и доктор Рейн) бесконечно долгими. Наконец, губы Рут шевельнулись и прозвучал незнакомый, носивший признаки какого-то акцента детский голос: «Соскребла краску с кровати». «Почему ты сделала это?» — быстро наклонившись к Рут, спросил Бернштейн. Тем же голосом Рут ответила, что за провинность ее наказали и уложили в постель раньше времени и она в отместку соскребла краску со своей только что покрашенной кровати. «Как же зовут тебя, детка?» И Рут Симмонс отвечает: «Меня зовут Бриди Мерфи».

Под этим именем, по словам Рут, она жила в ирландском городе Корке вместе отцом Дунканом и матерью Катилиной. Ее отец был адвокатом. Также у нее был брат, тоже Дункан, и они жили все вместе в белом деревянном доме. Год был 1806, и ей только что исполнилось восемь лет. Ее волосы были ярко рыжими, столь отличными от почти черных, которые потом достались Рут.

Медленно и осторожно «вел» Бернштейн Бриди-Рут Мерфи-Симмонс по ее жизни в 19 столетии. По ее словам, она вышла замуж за адвоката Джона Маккарти и счастливо жила с ним, хотя детей у них не было. «Мне не следовало тогда спускаться по этой

лестнице», — вдруг произнесла Бриди. «Почему?» — спросил Бернштейн. «Потому что я поскользнулась и упала. Потом я проболела две недели, и мне становилось все хуже, пока, пока...» «Говорите же, говорите, — настаивал Бернштейн, — что случилось через две недели?» «Через две недели — медленно произнесла Бриди Мерфи, — я умерла».

Бернштейн выключил магнитофон. Трое мужчин долго сидели в молчании. Наконец, гипнотизер разбудил Рут. Она, разумеется, не помнила ничего из того, что происходило во время сеанса. Он прокрутил пленку. Она молча слушала. Потом сказала: «Я хочу знать все, что произошло со мной... с ней».

Междуноябрем 1952 и сентябрем 1953 года Бернштейн провел с Рут еще шесть подобных сеансов. Она сообщила сотни деталей о своей жизни. Однажды она обмолвилась, что в девичестве любила танцевать ирландскую джигу. Бернштейн велел ей, после того, как он ее разбудил, протанцевать джигу перед ним. И Рут Симмонс, не имевшая до той поры ни малейшего представления о том, как танцуют джигу, исполнила танец с экспрессией истой ирландки.

Представитель издательства Хатчинсона посоветовал ему написать книгу. Но прежде, по мнению издателя, следовало попытаться добыть хоть какие-то доказательства реальности существования Бриди Мерфи. Было установлено, в частности, что в Корке действительно практиковал в начале прошлого века адвокат по имени Джон Маккарти, однако фамилию его жены установить не удалось. По рассказам Бриди-Рут они с мужем после Корка жили в Белфасте, и она покупала продукты в лавке Фарра и Карригана. Белфастская библиотека подтвердила, что магазин этот действительно существовал в то время.

Шанти Деви, единственный ребенок в семье, родилась в 1926 году в Дели. Девочка как девочка... или нет — не совсем. Глаза Шанти смотрели не по-детски глубоко и серьезно, даже, пожалуй, грустно. Она казалась замкнутой, необщительной; говорить она начала поздно — года в три.

Заметив, что Шанти то и дело лепечет что-то о "своем муже" или "своих детях", родители вначале только посмеивались: пусть себе фантазирует. Шанти, однако, постоянно возвращалась к этой теме, и в конце концов мать спросила, о каком муже и каких детях она говорит? Спокойно и уверенно, без тени колебания, малышка объяснила, что раньше ее звали Луджи, она жила с мужем и двумя сыновьями в городе Муттра (примерно за сто миль от Дели), а в 1924 году, в возрасте 21 года, умерла во время родов. Видя, что Шанти воспринимает все это совершенно всерьез и упорно стоит на своем, родители — теперь им было уже не до смеха — повели дочку к своему родственнику-врачу. В ответ на все расспросы девочка повторяла то же самое.

В Индии вера в переселение душ чрезвычайно распространена, и врачу пришло в голову, что, может быть, рассказы Шанти имеют под собой реальную основу. Особенно он был поражен ее подробным верным описанием физиологических ощущений женщины во время беременности и родов. Откуда у четырехлетней девочки такие знания?

Прежде всего, конечно, надо было выяснить, существовала ли Луджи на самом деле. Девочку попросили назвать имя "своего" мужа, чтобы можно было его разыскать и обратиться к нему. Тут, однако, возникла заминка. По индусскому поверью,

жена ни в коем случае не должна проносить имя своего мужа вслух, иначе ему угрожает преждевременная смерть. Несмотря на все уговоры, Шанти отказывалась нарушить запрет и сказать, как звали ее мужа в прошлой жизни. И только позже, научившись грамоте, написала на листе бумаги: "Кедар Нат Чауби".

Человек с таким именем в Муттре действительно был, и доктор, так заинтересовавшийся Шанти, написал ему письмо, вкратце изложив суть дела.

Получив письмо, Кедар Нат Чауби не на шутку встревожился. Все, что рассказывала девочка, в точности соответствовало обстоятельствам жизни и смерти его покойной жены Луджи. Кедар Нат заподозрил что-то неладное и, опасаясь шантажа и вымогательства, решил выяснить, что же все-таки происходит. Он написал своему брату Лал Нату, жившему в Дели, просить его повидаться с семьей Деви и во всем разобраться. Лал Нат отправился "на разведку".

Ему открыла девочка лет пяти-шести. Едва увидев гостя, она (разумеется, это была Шанти) ахнула и закричала: "Мама! Мама! К нам пришел Лал, брат моего мужа!"

Лал Нат был уверен, что никогда прежде не встречал девочку. Чтобы испытать ее, он начал задавать вопросы, связанные с семьей Чауби. Шанти на все ответила правильно и, в свою очередь, засыпала растерявшегося гостя градом вопросов: как дела у Кедар Ната, как мальчики?..

Лал известил обо всем брата, и в конце концов совершенно ошеломленный Кедар Нат решил, что сам поедет в Дели и встретится с Шанти. Он взял с собой старшего сына.

Стоит ли говорить, что Шанти узнала их обоих?.. Она расплакалась от волнения и почтительно склонила голову перед Кедар Натом, как это

делала покойная Луджи.

К. Н. Чауби, как всякий ортодоксальный индус, верил в перевоплощение — как в абстрактную идею. Поверить же, что душа его жены Луджи действительно воплотилась в этой девочке...

И, однако, Шанти знала вещи, которых, казалось бы, никак не могла знать. Интимные подробности из жизни Кедар Ната и Луджи, мелкие семейные происшествия... родинки и отметины на теле Кедар Ната... все, вплоть до его любимых блюд, которые по настоянию дочери приготовила г-жа Деви.

История Шанти попала в газеты, и местный университет назначил комиссию, чтобы серьезно расследовать необычный случай. Девочку, к тому времени уже восьмилетнюю, решено было отвезти в Муттру. Семью Чауби заранее предупредили об ее приезде.

С Шанти были родители и люди из комиссии. Когда поезд остановился у станции, девочка еще из окна заметила и узнала родных Кедар Ната и Луджи, пришедших ее встречать; она прекрасно помнила всех по именам. Более того, она заговорила с ними на местном диалекте, сильно отличающемся от делийского.

Дорогу к дому Кедар Ната показывала Шанти. Она в самом деле знала дорогу... Подъехали. Она попросила остановить машину и сказала: "Вот дом, где я жила. Только тогда он был другого цвета". Кедар Нат подтвердил: вскоре после смерти Луджи дом перекрасили.

По просьбе Шанти ее проводили в храм бога Шивы поблизости от дома. При виде храма девочка не могла сдержать слез; она сказала, что незадолго до смерти отложила деньги для пожертвований в святилище и спрятала их в тайнике в одной из комнат дома. Ее спросили, сможет ли она сейчас найти этот тайник. Девочка ответила утвердительно.

Тайник — отверстие в стене за и плотно прилегавшей доской — было именно там, где показала Шанти, и к ее удивлению, оказался пустым. Девочка, однако, продолжала уверять, что не ошиблась. Тогда вступился Кедар Нат и объяснил, что несколько лет назад случайно обнаружил тайник и взял деньги. Он готов был поклясться, что никому не рассказывал об этом.

Даже самые дотошные из членов комиссии не нашли, к чему придраться.

Шанти Деви провела еще некоторое время в Муттре. Но вскоре стала очевидной двусмысленность ее положения. Мальчики, которых она воспринимала как сыновей, были старше ее. Кедар Нат, которого она обожала, относился к ней со страхом и даже некоторой долей неприязни. Все это причиняло чувствительной девочке немало страданий. Супруги Деви тоже были обеспокоены, боясь, как бы родственникам Луджи не вздумалось предъявить права на их дочку, и они постарались как можно скорее вернуть Шанти домой.

В 1956 году об этом случае вспомнил какой-то индийский журнал, удивительная история еще раз, с перерывом в четверть века, попала на страницы прессы. Корреспонденту журнала удалось разыскать Шанти, ставшую к тому времени красивой тридцатилетней женщиной. Она встретила его вполне дружелюбно, но отказалась говорить о своих воспоминаниях. Все, что произошло с нею в детстве, стало для Шанти недетских страданий, и ей не хотелось возвращаться к этому.

xxx

Около пятидесяти подобных случаев собрано в книгах знаменитого американского ученого-психиатра Др. Йзна Стивенсона, посвятившего своим исследованиям долгие годы.

Вот наиболее интересные примеры.

...Трехлетний Гопал Гупта однажды наотрез отказался мыть посуду, заявив, что он — из касты браминов (семья Гупта принадлежала к более низкой касте) и привык, чтобы ему прислуживали. Он пришел в такое бешенство, что разбил несколько чашек. Успокоившись, мальчик объяснил, что прежде был брамином из семьи Шарма, владельцем компании "Сукх Шанчарак", торговавшей лекарствами, жил в городе Муттра (места действия те же, что и в случае с Шанти Деви — Дели и Муттра); его застрелил во время ссоры младший брат, пьяница и дебошир. Отец Гопала, С. П. Гупта, не придавал рассказу сына никакого значения и лишь впоследствии, случайно оказавшись в Муттре, вспомнил об этом и решил проверить.

Компания "Сукх Шанчарак", действительно, существовала и торговала лекарствами. Директор, выслушав рассказ г-на Гупта, сразу же догадался, что речь идет о бывшем владельце фирмы, Шактипале Шарма, погибшем весной 1948 года. Он известил об этом семейство Шарма. Вскоре вдова Шактипала Субхарда и его сестра Чандра приехали в Дели. Гопал — в то время ему было уже семь лет — радостно встретил Чандру, но с Субхардой был подчеркнута холоден и не захотел ее признать. Когда гости ушли, мальчик сказал отцу, что Субхарда в самом деле была "его" женой, но он сердится на нее; незадолго до своей гибели, будучи в очень трудном положении, он попросил у нее денег, но она отказалась помочь, и они поссорились. Все это позже подтвердила семья Шактипала.

По приглашению Чандры Шарма Гопал и его отец приехали на свадьбу ее сына в Муттру. За столом, во время свадебного обеда, мальчик вдруг начал делать отцу какие-то знаки, кивком указывая на одного из гостей. Наконец он объяснил, понизив голос:

"Это и есть мой брат, который меня застрелил. Он отрастил бороду, но все равно его узнал".

А чуть позже Чандра подтвердила, что человек с бородой, Бьеджернапа Шарма, и есть убийца Шактипала — и бороду он, в самом деле, отрастил уже после гибели старшего брата...

Мальчик сумел показать дорогу к дому, где жил Шактипал, и комнату бывшую его спальней. Увидев на комодке фотографию Шактипала, он схватил ее и заявил: "Это я". На другой фотографии он узнал, среди группы людей, отца Шактипала. Он показал место, где произошло убийство и даже, где именно стоял Бьеджернапа в момент выстрела.

Надо добавить, что Шактипал Шарма и Гопал Гупта имели много общего в чертах характера, манерах, вкусах, пристрастиях...

Необычный дар памяти не принес Гопалу, как и Шанти Деви, ничего кроме горя. Слишком убогой и жалкой, по сравнению с роскошной жизнью богатого молодого брамина, была жизнь в доме нынешних родителей.

После возвращения в Дели Гопал больше не хотел встречаться ни с кем из семьи Шарма.

xxx

...Эдуардо Кабрера родился в 1903 году в Гаване. Когда ему было четыре года, родители записали с его слов следующее:

"Раньше я жил в доме № 69 на улице Кампанарио. Моего папу звали Пьерро Секо, а маму — Ампаро. У меня было два брата, Мерседес и Хуан. Последний раз я ушел из этого дома 28 февраля 1903 года, и в тот день моя мама плакала. Мне было тогда тринадцать лет. Я часто покупал лекарства в аптеке возле нашего дома, хозяином которой был американец. И тогда меня звали не Эдуардо, а Паучо".

Родители были уверены, что мальчик никогда не бывал на улице Кампанарио. Они согласились пойти с ним туда. Эдуардо сразу узнал дом, о котором говорил; но жили в нем совсем другие люди -- жили, однако, только с осени 1903 года. От соседей родители Эдуардо узнали, что прежде дом № 69 занимала семья Секо; главу семьи звали Антонио, его жену -- Ампаро; у них было три сына, Мерседес, Хуан и Панчо; Панчо умер в феврале 1903 года, и вскоре после этого Секо уехали из Гаваны.

Аптеку, о которой говорил Эдуардо, удалось найти без труда. •

В рассказе мальчика была лишь одна неточность -- отца Панчо Секо звали не Пьерро, а Антонио.

xxx

...Джагдиш Чандра, трехлетний мальчик из индийского города Барелли, рассказал о своей прошлой жизни в семье брамина в Бенаресе. Тогда его имя было Джай Гопал, имя его отца -- Бабу Панди; у него был старший брат, Джай Мангал, но он умер в детстве (как и сам Джай Гопал). Джагдиш подробно описал внешность, образ жизни, привычки своих прежних родителей (например, и отец и мать носили золотые кольца и украшения; Чачи была рябая и при посторонних закрывала лицо шалью; Бабу курил опиум и по вечерам любил отдыхать в саду; иногда в дом приходила петь и танцевать проститутка Бхагвати; Чачи сама пекла хлеб, и т. д.). Отец мальчика (нынешний) записал все это и отправил в газету, прося откликнуться тех, кто может помочь прояснить дело. Вскоре он получил множество писем от людей, хорошо знавших семью Панди.

В рассказе Джагдиша не было ни одной детали, которая бы не подтвердилась.

xxx

Исследованиям в этой области посвящены толстые тома.

По известным нам случаям можно проследить некоторые характерные черты. Почти всегда прошлая жизнь, воспоминаемая ребенком, обрывалась при трагических обстоятельствах -- в результате несчастного случая в родах или в раннем возрасте. Как правило, с предполагаемой прошлой жизнью бывают связаны многие привычки и склонности детей (особенно врожденные страхи).

По мнению д-ра Йэна Стивенсона: на сегодняшний день у нас еще слишком мало информации, чтобы делать серьезные научные выводы. Сказать, что перевоплощение полностью доказано, было бы преждевременно. И все же...

В прошлом веке немецкий философ Шопенгауэр как-то заметил: "Если бы азиат спросил меня, что такое Европа, я вынужден был бы ответить, что это -- часть света, где люди живут во власти нелепого заблуждения, будто мы живем на Земле всего один раз". Может быть, времена меняются? Уже сейчас, как показывают опросы, около 20% жителей Европы Америки верят в перевоплощение. Кто знает, какие открытия впереди?

Кто знает? Не приходит ли современная наука, еще недавно отметающая любые представления о бессмертии души как нелепое суеверие, тому, что тысячи лет назад знали в восточные мудрецы?

"Ибо Дух не рождается и не умирает, не имеет ни начала, ни конца... Человек сбрасывает изношенную одежду и одевает новую; так и Дух, обитающий в теле, сбрасывает изношенное тело и берет себе новое... Таков этот Дух, Сущность всего сущего, вечная и неизменная во все века..."

ЕКАТЕРИНА ЮН

F1 29,50

Автор с семьей перед выездом из СССР.